
Джон Бирман

Праведник. История о Рауле Валленберге, пропавшем герое Холокоста

OCR by Ustas; spellcheck by Ron Skay; add spellcheck by Marina_Ch <http://www.pocketlib.ru>
«Праведник. История о Рауле Валленберге, пропавшем герое Холокоста. Приложение: Рауль Валленберг. Отчет шведско-российской рабочей группы.»: Текст, Рудомино; Москва; 2001
ISBN 5-7516-0280-3

Аннотация

Это издание – первое в России, посвященное жизни и судьбе Рауля Валленберга, шведского дипломата, спасшего от нацистов десятки тысяч венгерских евреев. В книгу вошли документальный очерк английского журналиста Джона Бирмана «Праведник» и опубликованный в 2000 г. Отчет шведско-российской рабочей группы, созданной в начале 90-х гг. для выяснения того, что случилось с Раулем Валленбергом после его ареста и отправки в СССР в январе 1945 г.

Джон Бирман

Праведник История о Рауле Валленберге, пропавшем герое Холокоста

*Джонатану, чтобы он знал лучшее в этом мире –
и не забывал про худшее*

Дорогие читатели!

Книга, которую вы держите в руках, посвящена судьбе Рауля Валленберга, одного из Праведников народов мира. Так называют людей, с риском для собственной жизни спасавших евреев от истребления нацистами в годы Второй мировой войны. Шведскому дипломату Раулю Валленбергу удалось спасти от отправки в концлагеря и неминуемой гибели десятки тысяч евреев.

В мире, охваченном хаосом и безумием, Рауль Валленберг являл собой пример подлинного сострадания. Им руководило глубокое уважение к жизни и достоинству человека. Он дарил надежду людям и своим

примером вдохновлял коллег-дипломатов. Несмотря на нечеловеческие трудности, он надеялся выжить и строил планы на будущее – планы, которым не суждено было сбыться...

Героические дела Рауля Валленберга говорят нам со всей очевидностью: действовать можно и даже необходимо в любых условиях. На собственном опыте Валленберг доказал, что у каждого человека есть возможность достойно встретить вызов судьбы.

Рауль Валленберг продолжает восхищать людей. Об этом свидетельствует тот неутраченный интерес, который люди всех стран, в том числе и России, проявляют к его судьбе...

Недавно закончила свою работу совместная российско-шведская группа по делу Рауля Валленберга. Несмотря на все усилия, ей не удалось прийти к однозначным выводам об обстоятельствах гибели Рауля Валленберга. Поэтому поиски окончательной истины будут продолжаться.

Эта книга – первое издание о судьбе Рауля Валленберга на русском языке. В его подготовке принимали участие Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса) и Посольство Швеции в России. Это не первый пример плодотворного сотрудничества Посольства и Института. Вот уже год как мы совместно проводим на территории России семинары в рамках шведского правительственного проекта «Живая история». Вместе мы стремимся распространять знания о событиях Второй мировой войны, о Холокосте, считая это одним из условий воспитания толерантности и уважения к основным демократическим ценностям. Можно сказать, что появление этой книги – еще один пример нашего сотрудничества в деле сохранения исторической памяти.

Прочитав эту книгу, вы сможете узнать о героической судьбе человека великого мужества, подлинного героя и праведника наших дней – Рауля Валленберга. Я искренне надеюсь, что его судьба не оставит вас равнодушными.

**Свен ХИРДМАН,
Чрезвычайный и Полномочный Посол Швеции в РФ**

ОТ АВТОРА

Пятидесятая годовщина окончания Второй мировой войны и десятая – «холодной» (с которой покончил Михаил Горбачев, когда пришел к власти) – это, наверное, самый удобный момент для переиздания книги о Рауле Валленберге, истинном герое первой войны и жертве второй.

Для непосвященных – а их ныне, наверное, осталось немного – напомним, что Валленберг был псевдодипломатом, добровольно согласившимся отправиться летом 1944 года из безопасной нейтральной Швеции в находившуюся под властью нацистов Венгрию для выполнения задачи, которая сейчас может показаться невыполнимой. Храбрость, целеустремленность, хитрость и ловкость, проявленные Валленбергом в этой стране, спасли от нацистских газовых камер не менее 20 000 (а по некоторым оценкам до 100 000) евреев. Но затем Валленберг был взят в плен наступавшей Красной Армией и пропал в сталинском ГУЛАГе, как оказалось впоследствии, навсегда.

Оскар Шиндлер и Рауль Валленберг – эти люди относятся к тем немногим, кого верующие израильтяне называют неевреями-праведниками. Противостоя варварству нацизма, они спасли от лагерей смерти немало число обреченных на гибель и тем самым еще раз показали, что даже одиночки, действующие решительно, способны совершить многое.

Трудно представить себе людей менее похожих друг на друга, чем Шиндлер и Валленберг: шведа – тихого и спокойного идеалиста и судетского немца – яркого и жизнелюбивого бонвивана. Тем не менее их объединяло одно – лежавшая в основе их натуры порядочность.

Именно она не позволила им стоять в стороне, наблюдая, как нацисты беспрепятственно творили чудовищный геноцид. Примечательно, что имена Валленберга и Шиндлера стали широко известны на Западе только много лет спустя после окончания Второй мировой войны. Шиндлера прославил получивший премию Букера роман Томаса Кинелли «Ковчег Шиндлера» (1983)¹ и снятый по нему памятный фильм Стивена Спилберга «Список Шиндлера» (1993).

В случае с Валленбергом сходную, хотя, может быть, и не столь заметную роль сыграла моя книга «Праведник» и телевизионный документальный фильм, снятый мной на Би-би-си. В 1979-1980 годах, когда я искал необходимые для книги материалы и снимал фильм, имя Валленберга еще оставалось, по крайней мере для широкой публики, за пределами его родины практически неизвестным. Я и сам ничего о Валленберге не знал, пока, работая летом 1979 года корреспондентом Би-би-си в Израиле, не наткнулся на заинтриговавшую меня заметку о нем в газете «Джерузалем пост».

Показ фильма в 1980 году в нескольких англоязычных странах и публикация книги в Великобритании и США в следующем году немало способствовали тому, что подвиг Валленберга во время Холокоста и его исчезновение в советской системе тюрем стали известными всему миру.

Демонстрация документального фильма о Валленберге в Конгрессе США, состоявшаяся весной 1981 года, как я думаю, в немалой мере способствовала присвоению ему подавляющим большинством голосов палаты представителей и сената звания почетного гражданина Соединенных Штатов Америки – таким образом, Валленберг стал вторым после сэра Уинстона Черчилля иностранцем, который был удостоен подобной чести. Подписание новоизбранным президентом Рональдом Рейганом на церемонии в Белом доме принятой Конгрессом резолюции преследовало не только символическую цель. Люди, продвигавшие этот билль, надеялись, что решение Конгресса будет способствовать более энергичным усилиям дипломатии США, направленным на то, чтобы заставить Кремль раскрыть истинную судьбу Валленберга. Они не только хотели знать, как, когда и почему он погиб в советском плену, но и попробовать выяснить, не жив ли он еще, и в таком случае обеспечить его освобождение.

Многочисленные свидетельства заставляли многих, включая меня, верить в возможность того, что даже через тридцать пять лет после ареста Валленберг все еще мог оставаться в живых и что даже в атмосфере интенсивной «холодной войны» начала 1980-х его, пусть даже пребывавшего в самом бедственном состоянии, все еще можно было спасти. В этом случае он мог бы провести на свободе среди друзей и родственников хотя бы последние годы жизни.

Сейчас, спустя еще пятнадцать лет, эта вера почти утрачена. В конце концов, даже если бы Валленберг выжил, ему было бы теперь восемьдесят три года, а ведь средняя продолжительность жизни мужчины на Западе на десять лет меньше, причем в условиях намного более благоприятных. Кроме того, крушение советского коммунизма, освобождение узников из лагерей и признание русскими преступлений намного более страшных, чем неправомерное заключение одного, пусть даже самого благородного, человека, также не дало никакого ключа к его местонахождению.

И тем не менее горстка доживших до настоящего времени родственников Валленберга, его старые друзья, коллеги и молодые почитатели не только верят, но и громко заявляют о своей убежденности в том, что он выжил и до сих пор живет, возможно под навязанным ему чужим именем, где-нибудь на огромных пространствах посткоммунистической России. Мне кажется, что, даже не разделяя подобную веру, ее следует уважать. И непрекращающиеся усилия немногих неутомимых и истинно верящих в это людей, желающих, наперекор всему, выяснить, что же случилось с этим замечательным человеком в советском плену, заслуживают, как мне представляется, всяческой поддержки и поощрения. Ибо до сих пор, как это ни печально, не найдено ни одного убедительно документированного доказательства, подтверждающего официальную российскую версию о том, что Валленберг, как это ни прискорбно, умер в тюрьме в мрачные сталинские времена. В то же время накопленный за долгие годы обширный массив косвенных доказательств свидетельствует, что Валленберг, возможно, еще оставался жив где-то в ГУЛАГе до конца 1970-х годов или даже позже.

¹ Собственно, это даже не роман, а документальное повествование. (Здесь и далее, если особо не оговорено, примечания автора книги.)

По причинам, которые до сих пор остаются неясными, все документы, касающиеся дела Валленберга, уничтожены, а всё, что обнаруживается в разрозненных, скудных и нередко плохо организованных архивах Кремля, открытых для исследователей с началом процесса либерализации, – это разбросанные по ним чудовищные намеки и двусмысленного характера сведения.

Возможно, где-нибудь в пыльном углу архива исследователя до сих пор дожидается документ, окончательно раскрывающий, когда, где, по чьему приказу и как Рауль Валленберг, спаситель столь многих, встретил свою собственную смерть. Пока же судьба этого человека остается одной из наиболее горьких и тревожных тайн «холодной войны», в то время как свершения его во времена Холокоста – примером одного из самых бескорыстных и гуманных подвигов в истории человечества.

Пафос, Кипр.

Июнь 1995 г.

БЛАГОДАРНОСТИ

При написании книги я во многом руководствовался результатами поисков, проделанных сразу после войны в Стокгольме литератором австрийского происхождения Рудольфом Филиппом и в Будапеште – историком Холокоста в Венгрии Енё Леваи.

В моих личных поисках мне особенно много помогла сводная сестра Валленберга Нина Лагергрэн, предоставившая в мое распоряжение семейные архивы. К ним она добавила многочасовые беседы, а также немало полезных советов и указаний, с какими людьми мне стоило бы установить контакт. В Стокгольме мне также щедро помогли среди многих других: Пер Ангер, бывший посол Швеции в Канаде, Карл-Фредрик Пальмшерн, бывший служащий шведского суда, и Эрик Шёквист из ежедневной газеты «Экспрессен», все они – авторы книг, так или иначе затрагивающих тему Валленберга.

В Израиле мне активно помогал уроженец Будапешта журналист Нафтали Краус, он щедро тратил на меня свое бесценное время, дал много полезных советов и поделился некоторыми материалами собственных исследований. Не меньшую благодарность я приношу историку Холокоста при мемориале Яд Вашем д-ру Ливии Роткирхен, чьи публикации – в частности, «Дневника» Евы Хейман – и исследовательские материалы были мной в значительной степени использованы. Я также хочу поблагодарить Ласло Самоши из Хайфы за доступ к его личным архивам и неопубликованным мемуарам и Хокана Вилкенса, советника шведского посольства в Тель-Авиве в конце 1970-х годов.

Без преувеличения можно сказать, что я пользовался помощью и содействием людей и организаций трех континентов. Большую часть из них я постарался упомянуть в книге, но благодарен всем. Особенно я обязан Британской радиовещательной корпорации (Би-би-си), разрешившей мне использовать материалы, собранные для съемок моего телевизионного документального фильма «Пропаший герой», Всемирной федерации венгерских евреев в Нью-Йорке – за разрешение цитировать их публикации, а также Ларсу Г. Бергу из шведского посольства в Бразилии, позволившему цитировать его мемуары в той их части, которая относится к Будапешту военного времени. Приношу также благодарность Комитету Рауля Валленберга в Соединенных Штатах и его председателю Рейчел Аспель-Остеррайкер.

И наконец, я должен отдать должное супружеской паре, с которой мне увидеться не довелось, – а именно матери и отчиму Валленберга, Май и Фредрику фон Дарделям. Они умерли один за другим в течение двух дней в феврале 1979 года, еще до того, как я начал свои разыскания и вообще узнал что-либо о Рауле Валленберге. Их непоколебимая верность друг другу и памяти сына все долгие и горькие годы, последовавшие за его исчезновением, ярко освещает темноту, во многом до сих пор скрывающую от нас дело Валленберга.

Часть первая Холокост

ПРОЛОГ

В начале марта 1944 года оберштурмбанфюрер Адольф Эйхман наблюдал за ходом строительства пансионата для офицеров гестапо на площадке милях в пятидесяти от Берлина. Строила пансионат группа евреев, привлеченная для работы из «образцового» концентрационного лагеря в Терезиенштадте, и Эйхман, ничего в строительстве и в архитектуре не понимавший, откровенно скучал. Ему оставалось лишь наблюдать за рабочей силой, следя, чтобы еврейские инженеры и рабочие выполняли свою работу с надлежащим рвением. Одним словом, делать эсэсовцу здесь было решительно нечего.

Эйхман был не в духе. Он вступил в СС и взбирался по служебной лестнице, дойдя до звания подполковника, возглавляющего Отдел IV – В4 в Главном управлении имперской безопасности (РСХА)¹, более известном как гестапо и СД, не для такой работы. В равной степени не была она профильной и для его отдела, отвечавшего за «дела евреев и их перемещение» – эвфемизм, скрывавший за собой выявление, депортацию и уничтожение евреев в оккупированной Европе, а также в странах-сателлитах и странах-союзниках. Эта работа, однако, была уже, по существу, выполнена, что лишало жизнь определенной искорки, превращая ее в унылую повседневность. Адольф Эйхман уже очистил от выявленных евреев Германию и Австрию, Францию, Бельгию, Голландию и другие занятые Германией страны, а также такие страны-союзницы и страны-сателлиты, как Румыния и Болгария, сделав свое дело быстро и эффективно. К большому своему сожалению, он не мог продолжать работу в находившихся сейчас под властью нацистов районах с наиболее высокой плотностью еврейского населения – в Польше и оккупированных областях Советского Союза. А это означало, что никакой стоящей работы для него не оставалось.

Правда, в сфере нацистского влияния находилась еще одна страна, сохранившая свое еврейское население. В Венгрии, из-за нерешительности ее регента Миклоша Хорти, жило еще, пребывая в относительной безопасности, более 750 000 евреев. Не питая к ним особой любви, регент никак не мог – это ведь были «свои евреи» – заставить себя пойти на гитлеровское «окончательное решение», тем более теперь, когда становилось ясно, что Германия и ее союзники неминуемо войну проиграют.

Секретные инструкции, доставленные Эйхману в описываемый день его непосредственным начальником группенфюрером СС Генрихом Мюллером, должны были переменить всё. Подписанные рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером, они содержали приказ немедленно оставить строительство и приготовиться вместе с группой специального назначения к отбытию в Венгрию по первому же сигналу. Эту страну нужно взять силой, чтобы обеспечить полное повиновение, колебания Хорти становились слишком опасными. При этом делом первостепенной важности становилось подчинение Хорти требованиям доктрины «окончательного решения» еврейского вопроса. Эйхману и его команде надлежало организовать концентрацию и депортацию венгерских евреев в максимально сжатые сроки.

Эйхман был воодушевлен. Это было «большое дело», способное еще раз подтвердить его репутацию гения организаторской работы и, возможно, обеспечить ему долгожданное продвижение по службе до чина полковника и, помимо прочего, награждение орденом. Кроме того, ему предоставлялся случай затмить достижение коллеги по службе, оберштурмбанфюрера СС Ганса Хоффле, организовавшего депортацию в гитлеровские лагеря смерти пятисот тысяч варшавских евреев.

В житейском плане новое назначение позволит ему повидаться с женой Верой и тремя маленькими сыновьями, Клаусом, Хорстом и Дитером: перед отбытием в Венгрию он должен побывать в концлагере гестапо в Маутхаузене, расположенном не так далеко от его дома в Линце. Хотя отношения Эйхмана с Верой не отличались сердечностью – в основном из-за его неумейной страсти волочиться за женщинами, – он любил повозиться со своими двумя старшими мальчиками. Эйхман также с нетерпением ожидал встречи с сотрудниками своего отдела, ныне разбросанными по всем уголкам Европы: они съезжались в Маутхаузен для получения указаний о предстоящей операции в Венгрии.

¹ Аббревиатура от немецкого Reichssicherheitshauptamt (RSHA). (Примеч. ред.)

Весной 1944 года Рауль Густав Валленберг также испытывал чувство неудовлетворенности жизнью. В тридцать один год он потерял свой путь. Одаренный потомок богатого и влиятельного семейства, человек, воспитанный в уверенности, что у него есть поддержка и личные качества для совершения значительных дел, он тем не менее пока что растрачивал силы и талант на импорт куриных грудок и маринованных огурцов и экспорт копченого лосося и тресковой икры – и это в то время, когда великие державы Европы и Америки, сойдясь в смертельной схватке, решали судьбы Европы на несколько поколений вперед.

Весна наступила для Валленберга в нейтральном Стокгольме значительно позже, чем для Эйхмана, который находился в это время на пятьсот миль южнее, в районе Берлина; с опозданием пришло Валленбергу и направление в Будапешт. Вальпургиева ночь 30 апреля считается в Швеции, по традиции, началом весны и окончанием семи холодных и темных месяцев, хотя практически кажущаяся в этой стране бесконечной зима в это время еще продолжается. Но в 1944 году тепло пришло в Стокгольм словно по расписанию, и Валленберг с друзьями – очаровательным кружком привилегированной молодежи – безмятежно отметили ее наступление в этот вечер.

На следующий день Валленберг и его друг Магнус фон Платен обедали на открытом воздухе с двумя хорошенькими девушками в стокгольмском парке Юргорден.

Яннет фон Хейденстам, в это время девушка Валленберга – позже она станет знаменитостью на шведском телевидении, – вспоминает непринужденную атмосферу того дня: духовой оркестр в парке, игравший венские вальсы, фланировавших по дорожкам студентов в белых фуражках, благоухание распустившихся на лужайках белых и голубых анемонов. «День был таким радостным, все казалось замечательным – или, может, мне так только теперь кажется, – мы просто купались в атмосфере юности и веселья, и страх за будущее нас совсем не тревожил.

Мы чудесно пообедали, а потом лежали в траве среди цветов, болтали и смеялись. Я не помню, о чем мы тогда говорили. В памяти осталось только чувство блаженства и освобождения от зимы и, конечно, радости от взаимного общения в такой приятной компании».

Еще Яннет фон Хейденстам хорошо помнит последний день того волшебного мая, когда она впервые получила предложение Руки и сердца. Предложение ей сделал Рауль Валленберг. Он пригласил ее в Дротнингхольм, дворец и парк в окрестностях Стокгольма с превосходным театром, очень похожий на миниатюрный Версаль. «Мы гуляли, потом посидели у озера за кофе среди маленьких белых столиков; неожиданно Рауль взял меня за руку и сказал: «Мне бы очень хотелось, чтобы вы вышли за меня замуж».

Я была смущена. И не знала, что ему ответить. Я не отказала ему наотрез, но сказала что-то насчет того, что еще молода. Мне было тогда восемнадцать, а ему – тридцать один год, я еще не понимала, чего хочу от жизни; помимо всего прочего, мне хотелось стать актрисой или кем-нибудь вроде этого, и о замужестве я просто не думала. Мне он очень нравился, и его предложение невероятно мне льстило, но оно меня не ошеломило – иначе я растерялась бы и сказала «да». Больше он к этому не возвращался. Некоторое время спустя он позвонил мне и сообщил, что отправляется в Будапешт с каким-то поручением от правительства. Он не говорил, что это было за поручение, хотя, насколько помню, заметил, что оно может оказаться опасным. Вскоре после этого он уехал, и я его больше не видела».

Через несколько дней после сделанного Яннет предложения Валленбергу представился шанс, которого он, возможно, ждал, – перед ним открывалась перспектива заняться делом немного более осмысленным и достойным, чем импорт и экспорт деликатесов. Не заинтересует ли его назначение в Будапешт, где он мог бы организовать в тамошней шведской дипломатической миссии гуманитарный отдел и руководить им? Считалось, что лучше всего такую работу мог бы вести человек, к дипломатическому сословию не принадлежащий, хотя для выполнения задания он наделялся полным дипломатическим статусом.

Цель формируемого отдела – распространение защиты шведской короны на возможно большее число венгерских евреев; им ныне угрожала опасность стать жертвами нацистского варварства, уже поглотившего их единоверцев по всей оккупированной Европе.

Решение нейтральной Швеции выступить, пусть и запоздало, на защиту европейских

евреев означало резкую перемену в ее внешней политике, и не менее неожиданным стал выбор ее властей, решивших поручить эту работу человеку, так мало подходящему для ее выполнения. Но с того момента, как ему предложили эту работу и он согласился (оговорив свое согласие определенными условиями), Валленберг полностью отдался новому делу, и все его помыслы о женитьбе были оставлены.

Человек встретил дело своей жизни, и оно подходило ему больше, чем чиновные бонзы из шведского Министерства иностранных дел могли себе вообразить.

ГЛАВА 1

12 марта 1944 года все эсэсовские офицеры из эйхмановского Отдела IV – В4 собрались в Маутхаузене. Времени на раскачку нет, объявил им Эйхман. Через семь дней начинается операция «Маргарет», цель которой – немецкая оккупация Венгрии. Операция должна пройти быстро и желательно бескровно. Команда Эйхмана вступит в Венгрию вместе с армией и займется своей работой незамедлительно. Эйхман обрисовал подчиненным примерную программу их деятельности. Венгрия будет очищаться от евреев область за областью в направлении с востока на запад, Будапештом займутся на последнем этапе, а всю операцию завершат в рекордное время. «Теперь мы примемся за Венгрию. По размаху эта операция превзойдет все предыдущие». Вместе с тем Эйхман предупреждал: «Мне хотелось бы покончить со всеми влиятельными евреями сразу. В то же время мы должны избежать вмешательства в политическую жизнь Венгрии и ее экономику: вермахт заинтересован в стабильности этих институтов». 18 марта Дитер Вислицени и Герман Крумеи, первые заместители Эйхмана, во главе колонны из 30 автомобилей покинули Маутхаузен, чтобы присоединиться к германским силам вторжения. Эйхман оставался на месте; 19 марта он отпраздновал дома свое 38-летие и затем во главе колонны из 120 автомобилей отправился в путь. Его подразделение участвовало в торжественном параде немецких войск в Будапеште.

После парада Эйхман отправился в реквизированный СС пятизвездочный отель «Мажестик». Несмотря на профессионализм и чувство долга, Эйхман любил комфорт. Помимо тяжелой работы, в Будапеште его ожидали роскошная в стиле Габсбургов обстановка отеля «Мажестик» и изысканная кухня. У Эйхмана в этом городе будут и свои лошади и собаки. И еще вино и женщины – лучшие, какие только могла предложить Европа. Путь, который привел Адольфа Эйхмана в Будапешт, начался с его вступления в австрийскую национал-социалистическую партию 1 апреля 1932 года, в возрасте двадцати шести лет. В следующем году он бросит свою работу торгового агента в венской компании по производству вакуумных масел и вступит в ряды австрийской организации СС. Шанс на карьере он получил сразу же, как только Гитлер насильственным путем присоединил в начале 1938 года к Третьему рейху свою австрийскую родину. Эйхман обратил на себя внимание д-ра Ганса Глобке, одного из авторов Нюрнбергских законов, с принятием которых нацисты придали форму правовых актов наиболее откровенным положениям своей партийной программы; одно место в последней, в частности, читается следующим образом: «Только член Расы может быть германским подданным. Только лицо германской крови, независимо от вероисповедания, может быть членом Расы. Следовательно, членом Расы ни один еврей быть не может». В 1938 году Нюрнбергские законы должны были вступить в силу в Австрии, и, чтобы ускорить этот процесс, в Вене была учреждена «Центральная контора еврейской эмиграции». Эйхман, ставший в результате тщательного изучения предмета «экспертом» по еврейским вопросам, был назначен руководителем этого бюро. Через несколько месяцев он был повышен в звании до гауптштурмфюрера СС, или капитана. Получив новое звание, Эйхман рьяно взялся за избавление Австрии от еврейского населения. На этом этапе нацисты придерживались в своей расовой политике концепции принудительной эмиграции – позже в других странах она сменилась стратегией полного уничтожения. Австрийские евреи были к тому времени уже в достаточной степени деморализованы действиями властей. Расквартировав свою контору в реквизированном фамильном особняке Ротшильдов на улице Принца Евгения, Эйхман предложил евреям выход из положения. Прежде всего он взялся за обработку руководителей еврейской общины. Прибегая к комбинации грубых угроз и сладких обещаний, сдобренных к

тому же приводящей в замешательство демонстрацией познаний в иудаизме и еврейской культуре, он смог заручиться их участием в хитроумной эмиграционной программе. В основных чертах эта программа сводилась к следующему. Состоятельные евреи лишались имущества, но им оставляли достаточную его долю, чтобы оплатить выезд. Евреи сами должны были обеспечивать себя и свои семьи визами – настоящими или поддельными. Эйхман брался «помочь» им в вопросе приобретения иностранной валюты, без которой эмигрантов за границей не приняли бы. Он организовывал через Рейхсбанк обмен марок на иностранную валюту – по непомерно высокому курсу. Необходимыми суммами располагали, естественно, только состоятельные еврейские граждане, но огромная, полученная от обмена прибыль использовалась для покупки валюты, предназначенной их более бедным сородичам. Таким образом, изобретательный Эйхман использовал богатых евреев, заставляя их финансировать эмиграцию бедных, в то время как рейх избавлялся и от тех и от других, не потратив ни пфеннига.

Кроме того, Эйхман приказал руководителям еврейской общины создать эмиграционный фонд, способствующий выезду бедных евреев, и послать за границу служащих фонда для специального сбора средств. Посланцы вернулись с 10 миллионами американских долларов, очень значительной по тем временам суммой, и в скором времени Австрию «в добровольном порядке» покинуло почти 100 000 евреев. Это произвело должное впечатление, и глава СС Рейнхард Гейдрих лично приезжал в Вену, чтобы поздравить Эйхмана. Для изучения его методов приезжали и другие важные берлинские чиновники, и покидали они Вену под таким же глубоким впечатлением. В результате *modus operandi*¹ Эйхмана стал повсеместно образцом для подражания. Никогда прежде его звезда не сияла так ярко, как в эти дни в Вене. Затем, после того как в марте 1939 года нацисты захватили Чехословакию, Эйхман перенес свою деятельность в Прагу. Комбинация устрашения и организованной эмиграции и тут имела не меньший успех, после чего ему доверили общее руководство подобным бюро в столице, где достижения Эйхмана, однако, оказались намного скромнее: здесь, в рассаднике нацизма, он, по-видимому, встретился с более жестокой конкуренцией со стороны чиновников, да и руководители еврейской общины, как кажется, проявляли в Берлине гораздо меньшую склонность к сотрудничеству², чем их коллеги в Праге и Вене.

С началом Второй мировой войны и вторжением Гитлера в Польшу программа принудительной эмиграции была сразу же приостановлена. Отныне участью евреев должно было стать их физическое уничтожение, что, однако, рвения Эйхмана ничуть не убавило. Захватив Польшу, нацисты «приобрели» в конечном итоге еще три с половиной миллиона евреев, ликвидацию которых, как полагал Эйхман, поручат ему. Когда немецкие военные части занялись массовыми убийствами и провели на местах несколько нескоординированных между собой зверских акций уничтожения, Эйхман и Гейдрих посчитали такой подход чрезмерно упрощенным и неэффективным. Следовало разработать более рациональные и радикальные методы. Но пора «окончательного решения» еврейского вопроса еще не наступила. Прежде следовало заняться другим. Опьяненное успехами руководство нацистов объявило районы Польши, примыкающие к границе рейха, неотъемлемой частью Германии. Соответственно, было решено заменить местное население: этнические немцы Польши перемешались в пограничные районы, в то время как жившие там евреи вместе с большинством местных поляков и цыганами переселялись на восток. Руководить операцией было поручено Эйхману, и скоро сотни тысяч поляков, евреев и цыган согнали со своих мест и насильственно направили в восточную часть страны, в то время как фольксдойчей в значительно более комфортной обстановке перевозили из Центральной Польши и прибалтийских стран на освобожденные для них Эйхманом хутора и фермы.

Евреи были, таким образом, согнаны в гетто в Центральной Польше ожидать своей участи, но против всевластия СС на подведомственной ему территории, как ни странно, выступил генерал-губернатор Ганс Франк (Польша отныне называлась генерал-губернаторством). Не питая ни к полякам, ни к евреям никаких теплых чувств, к

¹ Способ действий (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

² «Ты, старый мешок дерьма, – кричал Эйхман одному из руководителей еврейской общины, когда от злости маска спокойствия и корректности слетела с его лица, – ты, видно, давно не сидел в концлагере!»

Гиммлеру и к Гейдриху Франк относился с презрением и неприязнью и не потерпел бы положения, при котором в его владениях хозяйничали их подчиненные. Борьба с ними заняла у Франка немало времени, но он был достаточно настойчив и близок к Гитлеру, чтобы держать Гейдриха и Эйхмана на почтительном расстоянии, а потом и вовсе от них отделаться. В результате Эйхман лишился шанса отправить в лагеря смерти три с половиной миллиона польских евреев как раз в тот момент, когда газовые камеры и крематории были построены и готовы были принять их. Это задание выполнили другие.

Но Эйхман свою долю еще получит. Немцы быстро подмяли под себя большую часть Европы, после чего, с учетом населения стран-союзниц, их власть распространилась еще на три с половиной миллиона евреев. Эйхман был уверен: в назначенное время он и его Отдел IV – В4 сумеют должным образом распорядиться их судьбой.

Тем временем нацисты вторглись на территорию Советского Союза, а по пятам за наступающим вермахтом следовало последнее изобретение войны – специальные подразделения, айнзацгруппы. Численностью каждая до батальона, они должны были уничтожать невооруженных гражданских лиц – евреев и «советских комиссаров», выявленных на занятой территории. «Восточные евреи – оплот коммунизма. Поэтому, как того желает фюрер, они должны быть уничтожены» – такой приказ получили командиры айнзацгрупп.

Эйхман в их число не входил. Его таланты лежали в области планирования, организации и управления. Вполне возможно, что и особого удовольствия от убийства он вовсе не получал. Тем не менее он ездил инспектировать айнзацгруппы, занимавшиеся своей кровавой работой: обычно они расстреливали раздетых мужчин, женщин и детей, расставленных сотнями на краю вырытых для захоронения рвов. В привычку, однако, подобные визиты у Эйхмана не вошли; он считал массовые расстрелы делом грязным и хлопотным. Много лет спустя во время следствия в Иерусалиме с притворным, а возможно, даже искренним неудовольствием он вспоминал: «Я до сих пор не могу забыть одну женщину с ребенком на руках. Ее расстреляли, а вслед за ней и ребенка. Его мозги забрызгали всё вокруг, в том числе и мой кожаный плащ».

У метода массовых расстрелов было немало недостатков. Воспитанные в нацистской вере и закаленные войной, солдаты, чтобы продолжать свою страшную работу, вынуждены были пить все больше и больше; при этом некоторые, как сообщалось, сходили с ума или поворачивали свое оружие против офицеров. «Обратите внимание на глаза этих людей, – говорил генерал СС Эрих фон Бах-Зелевски присутствовавшему во время акции рейхсфюреру СС Гиммлеру. – Видите, как они смотрят? Нервы этих людей загублены на всю жизнь». Как метод уничтожения расстрелы были малоэффективны, неаккуратны и в целом слишком публичны. Следовало найти более «элегантные» средства, и тут об Эйхмане вспомнили снова. Его отправили в Польшу, в Люблин, где производились эксперименты с газом. Евреев заталкивали в герметично закрывавшийся автобус, выхлопная система которого выбрасывала отработанные газы внутрь. Автобус проезжал некоторое расстояние, пока не заполнялся выхлопными газами, затем останавливался у ямы. Когда двери открывались, трупы и умирающих сбрасывали вниз. Метод эффективный, но все-таки недостаточно массовый. Рудольф Гесс, комендант Освенцима, также занимался поисками средств массового убийства, и Гиммлер приказал Эйхману установить связь с его старым другом. Эйхман упомянул в разговоре с Гессом о бойне на колесах, действие которой ему довелось наблюдать в Польше, и они сошлись во мнении, что такие машины в работе с огромными толпами людей будут, вероятнее всего, неэффективными. Прежде чем отправиться обратно в Берлин, Эйхман пообещал, что он попробует найти подходящий газ. В конце ноября 1941 года такой газ пусть и не Эйхманом, но был найден. Действовал он почти мгновенно. Циклон Б успешно прошел испытания на русских пленных. Помимо быстродействия, он мог удобно храниться в жестяных банках в виде твердых таблеток, которые переходили в газообразное состояние при соприкосновении с воздухом. Циклон Б скоро стал производиться в больших количествах. Примерно в то же время, когда шло изучение свойств Циклона Б, глава СС Гейдрих созвал Эйхмана и других руководителей СС и гестапо, а также некоторых старших чиновников различных ведомств на сверхсекретное совещание в курортном пригороде Берлина Ванзее. На встрече в штаб-квартире германского Интерпола 20 января 1942 года Гейдрих сообщил им, что Гитлер дал сигнал к осуществлению программы «окончательного решения» еврейского вопроса.

Ответственность за выполнение акций массового уничтожения, независимо от географических границ, возложена на него, Гейдриха. С несколько преждевременным оптимизмом председательствующий оценил общее число евреев, которые подпадут под действие программы, в 11 миллионов человек, включая еврейское население Британии и нейтральных стран – Ирландии, Швеции, Швейцарии, Испании и Турции, не говоря уже о евреях, проживающих на неоккупированных пока территориях Советского Союза. Выполнение программы на территории Европы должно было производиться в направлении с востока на запад, и в осуществлении ее ключевая роль отводилась Эйхману, подотчетному в работе только самому Гейдриху. Судьба, таким образом, возносила Эйхмана на очередной пик его карьеры, и, несомненно, он переживал в это время один из моментов великого воодушевления, которое посещало его всякий раз, когда испытанию подвергался его незаурядный организаторский талант.

В живом и заинтересованном обсуждении средств и методов «окончательного решения» Эйхман сыграл заметную роль. Участников совещания особенно интересовала участь людей с частичным содержанием еврейской крови, или *Mischlinge*¹. Какое процентное содержание еврейской крови квалифицировало соответствующее лицо как предназначенное для уничтожения? Эксперты предлагали различные критерии и точные средства расчета... Эйхман, однако, назвав все расчеты глупостью, выступил сторонником жесткой линии: он заявил, что со всеми *Mischlinge* следует поступать как с чистокровными евреями. Слухи о том, что у самого Гейдриха одна из его бабушек была еврейкой, по-видимому, до Эйхмана еще не дошли. Но в любом случае рассмотрение вопроса было отложено. Участники совещания разошлись после аперитива и ужина в благостном настроении. Гейдрих, шеф гестапо Мюллер и Эйхман задержались для доверительной беседы у камелька, во время которой Гейдрих подтвердил, что за все организационные, технические и материальные аспекты проведения в жизнь «окончательного решения» будет отвечать Эйхман. Вскоре после совещания начались широкомасштабные акции по депортации и заключению евреев в концлагеря: они проводились под руководством Эйхмана по всей Европе, кроме одной-единственной страны, Польши, с численностью еврейского населения, равной суммарному количеству евреев во всех остальных европейских странах. Несмотря на все заверения Гейдриха Эйхману, генерал-губернатор Франк твердо вознамерился на свою территорию последнего с его подручными не пускать. Убийство Гейдриха в Праге в июне 1942 года закрепило победу Франка в его личной войне с СС и окончательно исключило Эйхмана из числа функционеров, занимающихся решением участи польских евреев.

Эйхман проглотил обиду насколько мог; он испытывал сожаление по поводу смерти Гейдриха («Никогда не знал более хладнокровного пса», – с восхищением говорил он), но все же, несомненно, чувствовал некоторое удовлетворение: теперь, после кончины босса, за работу по «окончательному решению» он отвечал непосредственно перед Гиммлером. Ныне Эйхман смахивал на главу гигантского панъевропейского туристического агентства, работавшего с бесплатными путевками в один конец. Из своей конторы в штаб-квартире гестапо на берлинской улице Курфюрстендамм он наблюдал за деятельностью членов своей команды во всех частях континента. Время от времени он срывался с места и совершал молниеносные инспекторские поездки в некоторые столицы, и, где бы он в это время ни появлялся, работа по сосредоточению евреев в лагерях и депортации шла быстрее.

Тем не менее, несмотря на все служебное рвение Эйхмана и его несомненную эффективность, общее число депортированных, начиная с совещания в Ванзее и кончая мартом 1944 года, не превысило трех четвертей миллиона – то есть поставленные совещанием цели оставались далекими. И хотя эта цифра внушает ужас, она составляет лишь часть общего итога, которым позже Эйхман хвастался перед знакомым: «Я смеюсь прыгну в свою могилу – на моей совести смерть пяти миллионов евреев, и это приносит мне чрезвычайное удовлетворение». Жертвы Эйхмана исчисляются следующими цифрами:

Бельгия – 25 000. «Скудные результаты», – говорил Эйхман своему доверенному лицу после войны. Население Бельгии оказало заметное сопротивление репрессиям, что позволило многим евреям избежать нацистских сетей; кроме того, немецкие военные власти в этой стране

¹ Полукровок (нем.). (Примеч. пер.)

отнесли к регистрации евреев весьма небрежно.

Болгария – 12 000. Еще одно разочарование для Эйхмана. Ненадежная союзница, страна с сильными либеральными традициями, Болгария упорно сопротивлялась депортации евреев со своей территории.

Чехословакия – 120 000. Нацисты полностью, особенно после жестоких репрессий, последовавших за убийством Гейдриха в Праге, контролировали население этой страны.

Франция – 65 000. Из нацистских сетей ускользнуло почти 200 000 евреев. Их выживанию способствовали: отказ главы правительства в Виши маршала Анри Петена подписать указ о депортации; отказ властей в итальянской зоне оккупации от участия в «окончательном решении»; активная деятельность французского Сопротивления и растущее неприятие нацистских методов даже со стороны французских антисемитов.

Великий рейх: Германия – 180 000, Австрия – 60 000. У себя на родине Эйхман не встретил сколь-либо значительного сопротивления депортации остатков двух еврейских общин.

Греция – 60 000. Большинство евреев этой страны проживало в портовом городе Салоники, где компактная еврейская община существовала на протяжении почти 2500 лет. Таким образом, выявить и депортировать их не представило труда.

Нидерланды – 120 000. Германия контролировала Голландию почти тотально; были вывезены и уничтожены практически все голландские евреи.

Италия – 10 000. Главная союзница Германии, Италия во всем, что касалось политики в отношении евреев, сотрудничать с ней отказывалась. Страна не позволила депортировать евреев не только с итальянской территории, но также из оккупированных ей районов Франции, Югославии и Греции. Преследование евреев началось только после оккупации Германией Северной Италии, которая последовала за высадкой союзников на Апеннинском полуострове и падением Муссолини.

Польша. В немецкой зоне Польши два больших гетто, в Литцманштадте (немецкое название Лодзи во время Второй мировой войны) и в Белостоке, находились вне юрисдикции Ганса Франка, эйхмановского *haine*¹. Но и здесь Эйхмана ожидало разочарование. Ему удалось депортировать из Белостока в Освенцим не более 10 000 евреев – депортациям препятствовали протесты местных властей, утверждавших, что евреи им нужны для военных работ. В Литцманштадте Эйхман столкнулся с еще более ожесточенным сопротивлением местных чиновников, извлекавших из рабского труда жителей гетто огромную выгоду. В конце концов, он договорился с ними о «постепенном сокращении» численности обитателей гетто.

Румыния – 75 000. Из большой еврейской общины на территории Румынии приблизительно половина, 400 000, пережила войну. Несмотря на прежние варварские действия, даже отличавшийся ярким антисемитизмом режим маршала Иона Антонеску, союзника Гитлера, отказался от участия в «окончательном решении». Тем не менее, десятки тысяч румынских евреев были депортированы за границу и расстреляны.

Скандинавия: Дания – 425; Норвегия – 700. Еврейские общины этих стран были относительно немногочисленны, и нееврейское население помогало соотечественникам бежать в нейтральную Швецию.

Югославия – 10 000. По «техническим причинам» большинство евреев Сербии и Хорватии (две самые большие зоны расчлененной Югославии) были расстреляны или отравлены газом на месте, а не депортированы. Тем не менее, тысячам евреев удалось бежать в зону, находившуюся под властью Тито, где они присоединились к партизанам, и еще тысячи нашли прибежище в Италии, стране-союзнице Гитлера.

Эйхман не только не выполнил установленных планов, он чувствовал, что не отвечает собственным представлениям о компетентности. Во время одной из пьяных вечеринок он говорил своему другу Гессу, что обязан убить любого еврея, какого только мог заполучить в свои руки. «За любое, даже малейшее сомнение когда-нибудь придется заплатить дорого».

У многих высокопоставленных нацистов были среди евреев свои «любимчики»: им помогали бежать за границу или обеспечивали лучшее, чем с другими, обращение. Кроме того, некоторые нацисты охотно брали взятки и без всякого стеснения торговались с евреями, обещая

¹ Ненавистника (фр.). (Примеч. Роп.)

им за деньги свободу. Эйхман на подобное никогда не шел. Он был убежден, что исключений быть не должно, и никакие причины: политические, сентиментальные или корыстные – на решения о депортации влиять не могут. Как вспоминал Генрих Карл Грубер, немецкий протестантский священник, выступавший на процессе Эйхмана в Иерусалиме, всякий раз, когда он просил Эйхмана за какого-нибудь человека, ответ того неизменно был отрицательным. «Он был холоден, как кусок льда или мрамора, – говорил Грубер. – Ничто не трогало его сердца». Или, может быть, ничто не могло поколебать его здравый смысл? Однажды один из помощников Эйхмана стал настаивать, чтобы для еврея по имени Авраам Вейс было сделано исключение. Вейс изобрел способ электрического освещения, неразличимого с высоты: использование его во время ночных бомбежек сулило большую выгоду. Наверное, столь изощренный ум можно было использовать и для других ценных для рейха изобретений? Вейс был полезен чисто с военной точки зрения. Эйхман, однако, решил по-своему: «Поскольку изобретение уже передано в Патентное бюро рейха, этот человек нас более не интересует». Во власти Эйхмана находились сотни тысяч человек, но его всевидящее око не упускало ни одного. Услышав, например, что некий французский еврей по имени Макс Голуб должен получить в ближайшее время паспорт одной из южноамериканских стран, он приказал захватить Голуба в индивидуальном порядке и отправить его в Освенцим с первым же железнодорожным составом.

И все-таки ничто так ярко не иллюстрирует тщательного внимания Эйхмана к мелочам и его решимости не упускать ни единого человека, как случай с Дженни Коцци, уроженкой Латвии и вдовой старшего офицера итальянской армии, еврейкой, которую задержали во время одной из облав, проведенных нацистами, когда они захватили Латвию. В Риме товарищи покойного мужа г-жи Коцци потребовали от итальянского Министерства иностранных дел, чтобы оно добилось ее освобождения. МИД Италии вручил соответствующее представление МИДу Германии, а оттуда, в свою очередь, запрос передали в штаб-квартиру Эйхмана. Итальянцы натолкнулись на резкий отказ. Тогда они сделали еще одну попытку – спасти вдову известного офицера, к тому же гражданку Италии, было для них делом чести. Но Эйхман отказал снова. Он счел запрос, как он выразился в ответе своему Министерству иностранных дел, «неоправданным» и просил министерство, чтобы оно убедило итальянского посла оставить попытки защитить «еврейку Коцци». Тем не менее, итальянцы продолжали настаивать, и вскоре штаб-квартира фашистской партии в Риме направила письмо с просьбой об освобождении синьоры Коцци руководству нацистской партии в Берлине. Но Эйхман опять ответил отказом, и вдова итальянского офицера навсегда сгинула в рижском концентрационном лагере. Как однажды объяснил Эйхман своим коллегам: «Любое исключение создает прецедент, препятствующий делу очищения от евреев».

Что лежало в основе столь целеустремленного и безжалостного преследования любого, даже самого последнего еврея: личная ненависть к еврейскому народу, фанатическая приверженность нацистской идеологии, патологическая верность служебному долгу или все три фактора сразу – сказать трудно. Скрываясь потом, через несколько лет, в Аргентине от правосудия, Эйхман говорил пронацистски настроенному нидерландскому журналисту Вилему Сассену: «Лично мне евреи не сделали ничего дурного... Мы не преследовали противника в индивидуальном порядке. Это было политическое решение, на которое я стопроцентно работал». Конечно, эти слова, как и заявление о том, что на его совести 5 миллионов евреев, могли быть сказаны просто ради эффекта.

Что, однако, несомненно – это необычайная добросовестность, с которой относился Эйхман к своей «работе». По-видимому, невыполнение возглавляемым им отделом намеченного плана почти во всех странах Европы должно было порождать у него ощущение неудачи. Мы, однако, не знаем, насколько строго оценило начальство его усилия. Примечательно, что Эйхман так и не получил звания выше оберштурмбанфюрера (подполковника), которое ему присвоили в октябре 1941 года, и не был награжден ни одним знаком отличия вплоть до самого конца 1944 года, когда Гиммлер не без некоторого раздражения отметил его «достижения». Хотя, с другой стороны, когда на повестку дня вышло действительно «большое дело» – уничтожение всего еврейского населения Венгрии, его поручили именно Эйхману, откуда следует, что Гиммлер по-прежнему доверял ему.

Как бы то ни было, Эйхман, по-видимому, чувствовал необходимость доказать себе

самому и вышестоящему начальству свою компетентность, хотя это и не объясняет полностью того воистину маниакального рвения, с которым он приступил к решению поставленной задачи – уничтожению восьмисот тысяч венгерских евреев. Позже эти его старания будут названы Уинстоном Черчиллем «возможно, самым большим и ужасным преступлением за всю историю человечества, совершенным при помощи науки и технических средств номинально цивилизованными людьми от имени великого государства и одной из ведущих наций Европы»¹.

И все-таки даже на пике того, что Эйхман мог считать своим наивысшим достижением, он проиграл – и поражением своим он обязан, среди многого прочего, усилиям противодействующего ему «нееврея-праведника» – Рауля Валленберга.

ГЛАВА 2

Отец Рауля Валленберга умер за три месяца до рождения сына и через восемь месяцев после женитьбы на красивой и энергичной Май Висинг. Ребенок был зачат до появления первых признаков раковой болезни, развивавшейся с молниеносной скоростью, – Рауль Густав Валленберг умер, испытывая сильные боли, спустя неделю после двадцатилетия жены. В это время ему было немногим более двадцати трех лет. Подобно многим другим мужчинам из разветвленного клана Валленбергов, он служил офицером в шведском военно-морском флоте. Среди Валленбергов были – и сейчас есть – банкиры, дипломаты, епископы; это имя остается одним из самых уважаемых в Швеции. Май Висинг Валленберг, дочь первого в Швеции профессора неврологии Пера Висинга, была раздавлена горем, ее поддерживала только мысль о вынашиваемом ребенке. Через несколько дней после смерти мужа в мае 1912 года, она написала его родителям, Густаву Валленбергу, служившему тогда шведским послом в Японии, и его жене: «Какая ужасная пустота и чувство потери! Они становятся все больше и больше. Кончится ли это когда-нибудь? Мне давно следовало бы понять, что такое великое счастье, какое было даровано мне, бесконечно долго длиться не может. Теперь я буду жить счастливыми воспоминаниями, которые он мне дал. Ах, мама, что-то будет с нашим малышом? Да наградит его Господь здоровьем...» 5 августа 1912 года профессор Висинг писал послу Валленбергу: «Наша дорогая Май разрешилась вчера утром мальчиком, как она того и желала. Она хочет назвать его Раулем Густавом, дорогим ей именем. Май вполне здорова, хотя в последние месяцы очень уставала и временами пребывала в глубочайшем отчаянии».

Через пять дней госпожа Висинг (мать Май) писала послу и его жене: «Сегодня прекрасный теплый день, и Май лежит в своей постели рядом со мной на веранде, а Рауль спит возле в своей колыбели. Май не на радуется своему сынишке, но временами печаль и чувство потери одолевают ее. Утешить ее очень трудно, но ее собственное прекрасное самообладание и опасение как-нибудь навредить малышу помогают ей преодолевать такие моменты».

28 августа Май сама обращается к родителям мужа: «Не могу сказать, какое счастье для меня мой сыночек, эта живая память о моем счастливом супружестве». Через три с небольшим месяца Май снова пишет в Токио, чтобы сообщить печальную весть о внезапной кончине ее отца, умершего от пневмонии за неделю до этого: «Прежде у меня не было сил писать. Удар был слишком тяжел, и все силы уходили на то, чтобы держать себя в руках и не навредить ребенку».

Как написала через очень долгое время, спустя целую человеческую жизнь, сводная сестра Валленберга Нина Лагергрэн: «Неожиданно в доме, когда-то очень счастливом, остались две вдовы и младенец». Две понесшие утрату женщины всю свою нежность перенесли на наполовину осиротевшего ребенка, который, как рассказывала Нина Лагергрэн, давал и получал в это время так много любви, что из него вырос необычайно щедрый, любящий и полный сострадания к другим человек». Через шесть лет после смерти мужа Май Валленберг снова вышла замуж. Ее второй муж, Фредрик фон Дардель, был столь же углублен в себя, сколь открытой была она. Спокойный, увлеченный книгами молодой служащий Министерства здравоохранения со временем стал директором самой большой клиники в Швеции –

¹ Несмотря на столь громкое обвинение нацизма, Черчилль и другие лидеры антигитлеровской коалиции, ссылаясь на стратегические причины, отвергали неоднократные призывы евреев разбомбить железнодорожные линии, ведущие в Освенцим, – как и сам лагерь тоже. Самый лучший способ спасти евреев, утверждали они, это закончить войну как можно скорее.

Каролинского института. У супругов родилось двое детей: Ги (он впоследствии стал одним из ведущих шведских физиков-ядерщиков) и Нина. «Мы никогда не относились к Раулю, как к сводному брату, – говорила Нина, – и он всецело был с нами, а мы с ним, и мой отец любил его не меньше, чем меня или Ги». Тем не менее, Рауль все же был Валленбергом, и его дед по отцовской линии, посол Густав Валленберг, настоял на том, чтобы воспитание и образование внука поручили ему. Дед хотел воспитать мальчика в просвещенном, космополитическом духе. После того как Рауль закончил школу и прошел обязательную девятимесячную военную подготовку, Густав послал юношу на год во Францию, чтобы тот изучил французский язык. К тому времени Рауль уже неплохо знал английский, немецкий и русский.

Затем Рауля отправили в Соединенные Штаты изучать архитектуру. Густав Валленберг хотел, чтобы Рауль, в духе семейных традиций, занялся банковским делом, но юноше всегда нравились строительство и архитектура. Будучи еще подростком, он вечно слонялся по крупным строительным площадкам Стокгольма и охотно заводил разговоры с встречавшимися ему там архитекторами, строителями и инженерами. Дед согласился с тем, чтобы Рауль сначала обучался архитектуре, но взял с него слово, что позже он испробует свои силы в коммерции и банковском деле.

В 1931 году Валленберг отправился в Анн-Арбор учиться на архитектора в Мичиганском университете. Он был блестящим студентом и курс, рассчитанный на четыре с половиной года, закончил за три с половиной, получив при этом медаль, которой награждали только одного студента из потока в 1100 учащихся. Через тридцать пять лет д-р Жан-Поль Слюссер, преподававший в Анн-Арборе, вспоминал: «За все мои тридцать четыре года преподавания черчения и рисования он был одним из самых талантливых и прилежных моих студентов». Однокашник по университету Сол Кинг вспоминает о Рауле как об очень одаренном и в то же время скромном человеке, наделенном неординарным талантом находить простые решения для сложных задач. Ни его поведение, ни манера одеваться не давали ни малейшего повода подозревать в нем человека, занимающего высокое положение в обществе, или члена одного из самых влиятельных семейств Швеции».

Экзаменационные сочинения Рауля по английскому языку свидетельствуют: оставаясь идеалистом, Валленберг отнюдь не был мечтательным чудачком. По поводу идеи создания Европейского союза он, в частности, писал: «Людей, надеющихся построить союз на основе идеализированной концепции человека, неизбежно постигнет разочарование». В работе на тему «Широта взглядов» он замечает: «Широта взглядов, якобы присущая нашему поколению, – это пустой миф. Человек может проявлять ее в каком-то одном вопросе и здесь, как правило, принадлежать к меньшинству. Вместе с тем, в других вещах этот же человек может быть крайне реакционным». В летние каникулы 1933 года Валленберг работал в шведском павильоне на Чикагской всемирной выставке, зарабатывая по три доллара в день. На обратном пути в Анн-Арбор, который он совершал на попутных машинах, его подвозил «джентльмен в роскошном автомобиле, – как писал потом Рауль своей матери. – Мы ехали со скоростью примерно 70 миль в час, когда внезапно увидели перед собой поезд, пересекавший шоссе ярдах в ста пятидесяти от нас». Водитель резко затормозил, машину занесло, и она получила тяжелые повреждения, однако оба, и водитель и Валленберг, остались целы и невредимы. После того как его благодетель, взятый на буксир грузовиком, уехал, Валленберг, нагруженный двумя чемоданами, остался голосовать на дороге. Прошло немало времени, прежде чем его подобрал автомобиль с сидевшей в нем четверкой мужчин.

«Их вид не внушал доверия, – писал Валленберг матери, – но к этому времени я уже стал отчаиваться и решил сесть в машину. Они спросили у меня, есть ли у меня деньги и сколько я смогу заплатить им за всю дорогу до Анн-Арбора. Я сказал, что денег у меня нет». Через некоторое время автомобиль свернул с автострады и заехал по проселочной дороге в лес. «Они приказали мне выйти из машины. У одного был револьвер, и мне пришлось повиноваться. Они потребовали денег, и я отдал им все, что у меня было». Грабители столкнули Валленберга в канаву, а за ним бросили его чемоданы. Он уже ожидал на прощание пули. Но обошлось без нее. Выбравшись из канавы, Валленберг пошел по железнодорожному пути и через некоторое время ему удалось остановить пригородный поезд. «Этот случай не отвратит меня от способа путешествовать на попутных машинах, – писал он матери. – Просто надо брать в дорогу

поменьше денег и вести себя осторожнее».

Следующим летом Валленберг вместе со своим товарищем по колледжу съездил в Мексику на старом, побитом «форде». Там они провели несколько недель у тети и дяди Валленберга, живших на окраине Мехико. Двоюродная сестра Рауля Биргит Валленберг, которой тогда было восемь лет, так вспоминала о его визите: «Мама обожала его, он был ее любимчиком, и я тоже его обожала. Он был такой удивительный, играл со мной и пытался научить меня играть в шахматы. Рауль был очень не похож на остальных взрослых, и меня, одинокого и единственного ребенка в семье, воспринимал всерьез. Я помню, как удавался ему номер с подражанием голосам животных. Он отлично с этим справлялся и умел изображать, наверное, животных двадцать пять или тридцать. И еще он умел разговаривать с иностранным акцентом, и мы смеялись над этим до колик. С Раулем всегда было весело».

Вернувшись из Анн-Арбора в Стокгольм с дипломом, Валленберг принял участие в открытом конкурсе проектов строительства плавательного бассейна и площадки для игр в парке одного из дворцов Стокгольма. Свои проекты представили десятки известных архитекторов. Проект Валленберга занял второе место. Но он уже обещал своему любящему, хотя и деспотичному деду заняться коммерцией, и Густав заставил его сдержат слово.

Следующей остановкой Рауля на жизненном пути стал Кейптаун в Южной Африке, где он шесть месяцев проработал в фирме, принадлежавшей двум знакомым его деда. Занимаясь продажей строительных материалов, леса и химикалиев, он объездил всю страну. Когда он покидал Кейптаун, владельцы фирмы написали ему самые лестные рекомендации. Альберт Флорен считал его «великолепным организатором. Его умение вести переговоры принесло фирме немалую пользу. Кроме того, обладая, как кажется, беспредельной энергией и жизненной силой, он наделен богатым воображением, четким умом, способностью оригинально мыслить». Партнер Флорена, Карл Фрикберг, писал о Валленберге в не менее лестных тонах, особо отмечая «его необычайную энергию, а также замечательную способность быстро входить в курс дела, которым он хотел бы заняться».

В 1936 году Густав Валленберг занимал пост шведского посла в Стамбуле. Там он подружился с Эрвином Фройндом, еврейским банкиром из Палестины, которая тогда управлялась Великобританией. Густав побеседовал с Фройндом относительно будущего Рауля, и тот предложил, чтобы юноша поработал в Хайфе в тамошнем отделении принадлежащего Фройнду «Голландского банка». Таким образом, Рауль переехал из Кейптауна в Палестину, завернув по дороге в Стамбул, где посетил деда.

Ему уже было почти двадцать четыре года, и доброжелательные попытки деда направлять его судьбу стали его слегка раздражать. В письме из Хайфы от 6 июня 1936 года он дипломатично пытается довести до деда свою точку зрения. Ему надоело работать неоплачиваемым стажером, хотелось заняться делом, за которое платили бы настоящие деньги. Несмотря на блестящие рекомендации, он считает свое пребывание в Кейптауне «пустой тратой времени». «Рекомендации чего-то стоят только тогда, когда их авторы сторают от желания платить тебе», – писал он.

Рауль признавался, что считал планы деда относительно своего будущего слишком жесткими и что он очень рад его желанию проявлять в этом вопросе большую гибкость, о чем дед заявлял в своем последнем письме. «В таком случае я готов прислушиваться к вашим советам и следовать им в большей степени, чем раньше», – писал он. Затем осторожно, почтительно приближаясь к основному вопросу, Рауль продолжает: «Наверное, я не рожден быть банкиром... Архитектура – это другое дело. В университете я доказал, что моя склонность к этой профессии целиком оправдана... Банкир должен быть по своей натуре кем-то вроде судьи, в его характере должны преобладать сдержанность, хладнокровие и расчетливость. Фройнд и Якоб¹ – принадлежат как раз к этому типу, в то время как я совершенно на них не похож. Мне кажется, в моей натуре – скорее действовать, чем сидеть за конторкой и вежливо отказывать посетителям».

Чтобы подсластить пилюлю, Рауль добавляет: «Я никогда не забуду любовь и заботу, которыми вы меня окружаете... Если бы я был достойным внуком, я бы благодарил вас и, не

¹ Якоб Валленберг был двоюродным братом отца Рауля и директором принадлежавшего семье «Эншилда банка».

задумываясь, следовал всем вашим указаниям... Но я не раскаиваюсь в том, что открыто высказал свое мнение и предложения, – от замалчивания истинных чувств ничего хорошего быть не может».

Позже в том же месяце дед Густав отвечал: «Твое разочарование в связи с отсутствием настоящей работы неоправданно; все, что ты делал до сих пор, только обогащало твой опыт. Я не думаю, что наш план провалился, всё, что ты испытал, несомненно, тебе пригодится». Рауль не должен, по его мнению, считать свои предложения бесполезными. «Из скромности ты считаешь, что не заслуживаешь похвалы, тем не менее прошу тебя ценить ее по достоинству».

В августе 1936 года в письме к другу Густав писал о внуке: «Прежде всего я хотел сделать из него мужчину, хотел дать ему возможность повидать мир и через общение с иностранцами приобрести то, чего так не хватает нам, шведам, – широту мышления». Густава, по-видимому, удовлетворило то, чего он достиг. «Рауль стал мужчиной, – писал он. – Он увидел мир и познакомился с самыми разными людьми».

Среди людей, с которыми встречался Рауль – и эта встреча, по-видимому, ему хорошо запомнилась, – было несколько молодых евреев, бежавших из гитлеровской Германии в Палестину. Он познакомился с ними в «кошерном» пансионе в Хайфе, где снимал комнату. Рауль впервые столкнулся с последствиями нацистских преследований, и эта встреча, по-видимому, глубоко задела его – не только из-за общегуманистических убеждений, но также, возможно, и из-за осознания, что в его жилах тоже текла еврейская кровь.

Пра-пра-прадед Рауля по материнской линии, еврей по имени Бенедикс, переехал в Швецию в конце восемнадцатого столетия и был, как кажется, одним из первых евреев, поселившихся в этой стране. Бенедикс перешел в лютеранство, женился на христианке, быстро разбогател и через год стал ювелиром при дворе короля Густава IV Адольфа. Впоследствии он был финансовым советником призванного шведами на трон короля Карла XIV Юхана, в прошлом – наполеоновского маршала Бернадота. Сын Бенедикса стал одним из пионеров шведской сталелитейной промышленности. У других его потомков обнаруживался художественный талант, семья считалась для того времени высоко культурной – один из ее членов, певец, учился у Листа.

Рауль знал, что он на одну шестнадцатую еврей, и гордился этим. Профессор Ингемар Хедениус¹ вспоминает разговор, произошедший между ним и Раулем в 1930 году, когда оба они попали в армейский госпиталь во время прохождения военной службы: «Мы вели долгие душевные беседы. Он был полон идей и планов на будущее. Хотя я был значительно старше – в Швеции можно самому выбирать время прохождения военной службы, – он произвел на меня сильное впечатление. Он гордился своей еврейской наследственностью и, как я помню, даже преувеличивал ее. Кажется, он сказал тогда: «Человека, подобного мне, наполовину Валленберга и наполовину еврея, сломить нельзя». Валленберг показался профессору Хедениусу «чрезвычайно симпатичным молодым человеком – одновременно оригинальным и благоразумным. Он казался смелым, сильным и энергичным. И хотя он был весьма высокого мнения о своих способностях, это не проявлялось в хвастовстве или других неприятных для окружающих чертах».

Свою еврейскую наследственность по линии матери Рауль стал осознавать намного раньше, чем его сводные брат и сестра. Нина Лагергрэн сообщала, что детьми они даже не знали о том, что у них были предки евреи, но «не потому, что мама это от нас скрывала, просто наши еврейские предки были такими далекими и еврейские традиции в семье оказались утрачены. Проблема эта всплыла на поверхность только в середине тридцатых годов, когда одна из двоюродных сестер матери вышла замуж в Германии за немца дворянского происхождения. В то время я была лишь ребенком, но все-таки помню, что тогда в нашей семье много говорили о том, как нацисты проверяли ее родословную»².

Осенью 1936 года, незадолго до возвращения Валленберга из Хайфы, его дед слег. Болезнь положила конец его замыслам заинтересовать влиятельных знакомых планом создания

¹ Записано в 1980 г.; профессор Хедениус (1908-1982) – один из наиболее известных современных шведских философов.

² Арийское происхождение этой двоюродной сестры, по-видимому, было подтверждено, потому что немецкие власти брак разрешили.

международного банка, в котором Рауль мог бы занять достойное положение. В начале 1937 года Густав Валленберг умер, и теперь Рауль, свободный от тирании любящего старика, сам мог решать: что ему делать дальше. Путь в архитектуру, его первую любовь, был для него закрыт. Американский диплом архитектора не давал права работать в Швеции – чтобы заняться любимым делом, ему пришлось бы пройти процесс подтверждения своей квалификации, а в двадцать пять лет, как он считал, садиться на студенческую скамью было поздно. Кроме того, мировая депрессия сказалась и на экономике Швеции: в стране мало строили. Двоюродные дяди Якоб и Маркус Валленберги, несомненно сознававшие, что коммерция отнюдь не его конек, также не спешили предлагать ему должность ни в семейном банке, ни в связанных с ним предприятиях. Май фон Дардель стала беспокоиться: несмотря на многочисленные способности и хорошие связи, ее сын рисковал остаться без дела.

Через некоторое время Валленберг заключил сделку с одним немецким евреем, беженцем из Германии, запатентовавшим новый тип застежки-«молнии». Однако это предприятие оказалось малоудачным. Тогда Рауль обратился к своему двоюродному дяде Якобу, имевшему участок земли в пригороде Стокгольма, который тот предполагал отдать под застройку. Якоб предложил Раулю разработать соответствующий проект. Но в 1939 году началась война, и, хотя Швеция в ней сохраняла нейтралитет, всякое строительство практически прекратилось.

Наконец, благодаря деловым связям родственников, Рауля удалось познакомиться с другим еврейским беженцем, Кальманом Лауером, директором преуспевавшей экспортно-импортной фирмы, занимавшейся продовольственными товарами. Лауеру требовался надежный служащий-нееврей, который мог бы свободно ездить по Европе, включая оккупированные нацистами страны. Рауль с его знанием языков, энергией, инициативой, умением договариваться и привлекательной внешностью казался для такой работы идеальной фигурой. Через восемь месяцев после поступления на работу к Лауеру Рауль стал его младшим партнером и одним из директоров их «Центрально-европейской торговой компании»; кроме того, у него завязались с Лауером теплые личные отношения.

Страны, которые Валленберг посещал по делам фирмы, включали оккупированную Францию, Германию, где Рауль очень быстро обучился вскоре пригодившемуся ему обхождению с нацистской бюрократией, и Венгрию, союзницу Германии. Родители жены Лауера жили в Будапеште, и, всякий раз отправляясь туда, Валленберг по просьбе партнера навещал их. Несмотря на антисемитские законы, ограничивавшие гражданские права евреев, Венгрия еще оставалась тогда относительно безопасным островком во враждебном море преследований, затопившем почти весь континент, и в нее даже бежали евреи из других стран, находившихся под влиянием нацистов. Конечно, венгерские евреи чувствовали оправданное беспокойство за свое будущее и были напуганы, но их жизни пока непосредственная опасность не угрожала. Скоро, однако, положение изменилось к худшему.

В интервалах между деловыми поездками по Европе Валленберг вел удобную и приятную холостяцкую жизнь. Его квартира находилась в модном стокгольмском районе Ларкстад, и он общался с множеством друзей и знакомых своего круга. Густав фон Платен (впоследствии ставший редактором ежедневной газеты «Свенска дагбладет») так вспоминает те дни: «Он был очень гостеприимным хозяином, имевшим сказочный винный погреб. Особенно хороши были унаследованные от деда запасы замечательного кларета, частично передержанного и потому подлежавшего немедленному употреблению. Некоторые бутылки были просто фантастическими».

Фон Платен вспоминает, что Валленберг «не относился к гусарскому типу, он был, скорее, мечтателем»; так же отзывались о нем другие, кто его тогда знал. Нина Лагергрэн подтверждает это: «Я бы сказала, что он определенно не принадлежал к типу мужчин с квадратной челюстью и на героя не походил. Ему не нравились соревновательные или командные виды спорта, хотя он всегда старался поддерживать хорошую физическую форму. Армейская дисциплина его тоже не привлекала, хотя в гражданской гвардии (шведской армии резервистов) его считали образцовым офицером. Рауль был склонен к иронии и самоиронии, за которыми обычно скрывал свои истинные чувства».

Придерживаясь общегуманистических и либеральных воззрений, Валленберг, как и большинство молодых людей его круга, к числу радикалов не относился. У него не возникало

желания свергать существующий в Швеции общественный строй, хотя в чем-то улучшить его он бы не возражал. Мальчиком он пел в церковном хоре, но истово верующим никогда не был. «В формальном смысле, – свидетельствовала Нина, – он не исповедовал никакой религии, хотя в более широком, я бы сказала, он был глубоко верующий человек».

Совершенно очевидно, что Валленбергу его работа не нравилась, хотя выполнял он свои обязанности безупречно. Помимо всего прочего, его ужасали порядки в оккупированной нацистами Европе (хотя самое худшее к тому времени еще не открылось) и мучило сознание, что как гражданин нейтрального государства он ничего с этим поделать не мог. Правда, он участвовал в работе организации, занимавшейся вопросами занятости беженцев из Дании, Норвегии и Финляндии, которые находили тогда убежище в Швеции.

Некоторые из наиболее проницательных друзей и знакомых Валленберга замечали его недовольство и разочарование. Один из них, экономист по профессии, Бертиль аф Клеркер считал, что «иногда Рауль находился в депрессии. Складывалось впечатление, что ему хотелось сделать свою жизнь более осмысленной». Временами Валленберг открывался той или иной девушке, которые мотыльками влетали в его жизнь и с такой же легкостью вылетали.

Вивека Линдфурш, позже ставшая актрисой театра и кино и даже добившаяся некоторого международного признания, вспоминает один вечер, когда после танцев он пригласил ее в свой кабинет. «Он заговорил о евреях, о Германии, об ужасах, которые, наверное, там видел. Я очень хорошо помню, как он стоял в старомодном и элегантном кабинете и как страстно об этом говорил. Я была тогда очень молода, и он меня напугал – как горячностью своей речи, так и ее предметом. Помню, я тогда подумала: «Он говорит мне обо всех этих вещах, чтобы я прониклась к нему симпатией и оказалась в его объятиях». Ужасно, но именно так я тогда и думала. Я, в общем, не поверила ничему из того, о чем он рассказывал, – может, потому, что не хотела верить. Это очень по-шведски – если ситуация становится мучительно напряженной, мы выталкиваем ее из своего сознания. Когда я его вспоминаю, у меня иногда возникает видение: мы с ним танцуем, и я признаюсь ему, какой глупой была в тот вечер».

ГЛАВА 3

Один вечер той мрачной военной зимы 1942 года Рауль Валленберг провел в обществе своей сводной сестры Нины на частном кинопросмотре, устроенном британским посольством в Стокгольме. Показывали фильм «Первоцвет Смит», новую экранизацию классического романа баронессы Орци «Алый Первоцвет». Звезда британского экрана Лесли Ховард ¹ играл в картине роль с виду избалованного и рассеянного университетского профессора, которому тем не менее удавалось перехитрить нацистов и освободить из их когтей десятки жертв.

Валленберг, по-видимому, мысленно хорошо представлял себя в роли спокойного, дымящего трубкой профессора Смита, которого играл Ховард, – кстати, Рауль и внешне походил на него. «По дороге домой он сказал мне, что мог бы заняться чем-нибудь в этом роде», – вспоминала потом Нина Лагергрэн. Как ни удивительно, но обстоятельства скоро сложились так, что шанс сыграть подобную роль Валленберг получил.

Эта возможность представилась ему весной 1944 года, после того, как лидеры антигитлеровской коалиции не могли более игнорировать сообщений о том, что на самом деле означало гитлеровское «окончательное решение» и какая судьба ожидала 750 000 венгерских евреев, если не будет предпринято ничего, что бы нацистов остановило. Первые достоверные сведения о происходящем в Освенциме, самом большом лагере смерти, поступили на Запад от двух евреев, которым удалось оттуда бежать. В ближайшие вслед за этим недели на регента Венгрии Хорти обрушился град многочисленных призывов и предостережений: они исходили, среди многих других, от папы Пия XII, от короля Швеции Карла Густава V, от президента США Франклина Д. Рузвельта, госсекретаря США Корделла Хэлла и президента Международного Красного Креста Карла Буркхардта. Призывы были обращены к аристократическому чувству чести Хорти и его морали христианина, в то время как предостережения угрожали возмездием, которое постигнет его немедленно или после войны, если он позволит нацистам применить их

¹ Ховард, считавшийся поклонниками воплощением англичанина, был, по странному совпадению обстоятельств, венгерским евреем – урожденным Ласло Стайнером.

«окончательное решение» к венгерским евреям или же будет ему потворствовать.

Ранее в том же году президент Рузвельт несколько запоздало, но все же учредил президентским указом Управление по делам военных беженцев (УВБ), имеющее своей целью спасение евреев и других потенциальных жертв нацистских преследований. После частичной оккупации Венгрии нацистами 19 марта 1944 года Венгрия стала приоритетным полем деятельности управления. Доклад УВБ, опубликованный после войны, показывает, как его служащие подходили к своей задаче. «Исходя из предположения, что присутствие иностранцев в официальном или неофициальном качестве будет оказывать на власти страны сдерживающее воздействие, в конце марта 1944 года управление обратилось в Международный Красный Крест (МКК) с предложением учредить в Венгрии полномочное представительство этой организации, которое защищало бы интересы преследуемых групп населения».

Как далее сообщается в докладе, МКК отверг это предложение «как несовместимое с традиционными функциями организации». Самое большее, на что Международный Красный Крест согласился, – это передавать УВБ резюме сообщений, получаемых от Венгерского Красного Креста.

24 марта УВБ направило копию заявления президента Рузвельта папскому легату в Вашингтоне с просьбой о вмешательстве в сложившуюся ситуацию Его Святейшества. В результате папскому нунцию в Будапеште было предписано заявить Хорти энергичный протест, вслед за чем последовало и личное обращение папы к Хорти. После этого УВБ перенесло свое внимание на нейтральные государства Европы.

В телеграмме от Корделла Хэлла из Вашингтона Хершелю В. Джонсону, послу США в Стокгольме, содержалось следующее указание:

«Прошу довести до сведения правительства Швеции, что, согласно непрерывно поступающим к нам и, по-видимому, достоверным сведениям, в Венгрии началось систематическое и массовое уничтожение евреев. Жизнь 800 000 человек сейчас зависит от политики сдерживания, которую можно обеспечить, разместив в Венгрии максимально возможное число иностранных наблюдателей. С этой целью, руководствуясь побуждениями элементарной гуманности, прошу убедить соответствующие инстанции предпринять немедленные действия по максимальному увеличению численности шведского дипломатического и консульского представительства в Венгрии и как можно более широкому распределению его по всей стране. Мы надеемся также на то, что все эти дипломатические и консульские представительства будут использовать имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы призвать частных и официальных лиц воздерживаться в дальнейшем от актов варварства. Прошу сообщить Государственному департаменту, в какой степени правительство Швеции намерено сотрудничать с нами в этом вопросе».

Просьбы об увеличении штата дипломатического и консульского представительства в Венгрии получили также Швейцария, Испания, Португалия и Турция, но от всех стран, кроме Швеции, американцы получили сухой отказ. Аргументы в основном сводились к тому, что правительство США ранее (не известив об этом УВБ) уже просило эти страны не признавать новый марионеточный режим в Будапеште. Как же можно теперь ожидать расширения в Венгрии их представительства!

Шведы оказались сговорчивее по ряду причин. Они ощущали вину за то, что на раннем этапе войны, в момент, когда нацисты проходили победным маршем по всей Европе, разрешили германским вооруженным силам транзитный проезд по своей территории в Норвегию и Финляндию. Сейчас, когда стало ясно, что Германия войну проиграет, шведы больше не боялись перечить ей. Они также сознавали, что им следует поддерживать свой былой высокий авторитет в гуманитарных вопросах. К весне 1944 года они знали достаточно о зверствах нацистов – в частности, направленных против евреев, – чтобы заявить об этом во всеулышание. Впрочем, и особого мужества для этого от них теперь вовсе не требовалось.

Представитель УВБ в Стокгольме Ивер К. Ольсен встретился с собравшимся *ad hoc*¹ комитетом влиятельных шведских евреев, чтобы выслушать их советы относительно того, как наилучшим образом оказать помощь их собратьям в Венгрии.

¹ По такому случаю (лат.). (Примеч. пер.)

Участие в работе комитета принимали: представитель Всемирного еврейского конгресса в Стокгольме Норберт Мазур, главный раввин Швеции д-р Маркус Эренпрейс и партнер Валленберга Кальман Лауер, которого пригласили как эксперта по Венгрии. Комитет принял подробный план действий, подготовленный Мазуром, подразумевавший привлечение подходящего человека, нееврея, который мог бы отправиться в Будапешт и возглавить там миссию спасения. Очевидно, что в стране, находящейся в состоянии войны с США, такое лицо действовать от имени Соединенных Штатов или какой-либо американской организации, естественно, не могло, поэтому оно должно было пользоваться покровительством шведского правительства. Посланец должен быть наделен дипломатическим иммунитетом и располагать большими денежными средствами – для начала достаточно было полмиллиона шведских крон, – кроме того, он должен быть наделен правом выдавать шведские паспорта, чтобы обеспечить перемещение в Швецию максимально возможного числа венгерских евреев.

Ольсену идея понравилась, хотя существуют свидетельства, что его энтузиазм – особенно в последней части проекта – разделяли далеко не все члены собравшегося комитета. В письме исполнительному директору УВБ Джону В. Пелю в Вашингтон Ольсен писал после совещания: «Только для вашего сведения. Вне всяких сомнений, шведские евреи не хотят прибытия в Швецию еще большего числа евреев. Они очень здесь хорошо устроены, у них нет проблем с антисемитизмом, и их весьма беспокоит то, что дальнейший приток евреев может стать для них не только бременем, но и создаст в стране «еврейский вопрос». Соответственно, они очень заинтересованы в решении проблемы спасения евреев, но лишь постольку, поскольку это не повлечет переезда их в Швецию»¹.

Выбор кандидатуры для миссии в Будапешт сначала пал на Фольке Бернадота², родственника короля и президента Шведского Красного Креста. Шведское правительство с таким назначением согласилось, но по причинам, так и оставшимся неизвестными – возможно, из-за немецкого вето, – правительство Венгрии принять Бернадота не захотело. Поиски возобновились, и на этот раз Лауер назвал имя своего младшего партнера по бизнесу Валленберга. Раввин Эренпрейс отнесся к нему скептически. Он считал Валленберга легковесной фигурой, человеком слишком молодым и неопытным. Лауер настаивал: его младший партнер был как раз тем, кто нужен. Он не только сообразителен, энергичен, смел и способен к состраданию, но и носит известную фамилию.

Прежде чем принять решение, Ольсен решил узнать о Валленберге побольше. 9 июня Лауер организовал их встречу; она началась в семь вечера и за разговорами продлилась до пяти следующего утра. К этому времени Ольсен принял решение: он нашел нужного человека.

Следовало также получить одобрение кандидатуры со стороны посла Джонсона. Он и Валленберг встретились через несколько дней: впечатление Джонсона оказалось не менее благоприятным. Затем вопрос о назначении передали шведскому правительству. В принципе, отправить специального представителя в Будапешт и снабдить его дипломатическим прикрытием шведские власти уже согласились и возражений против назначения Валленберга не имели. 13 июня его пригласили на встречу в МИД. Тем не менее, быстро уладить дело не удалось.

Несмотря на давние дипломатические традиции своей семьи, к бюрократии Валленберг относился со здоровым скепсисом и традиционным дипломатическим процедурам доверял мало. В любом случае бумажной волокитой и протоколом он решил себе руки не связывать. Чиновники из МИДа, которым он дал понять свое отношение к дипломатическим формальностям, были шокированы: 130 лет, в течение которых Швеция проводила политику нейтралитета, воспитали в их среде особо осторожный и протокольно-формальный подход к делам. И хотя Валленбергу не терпелось начать работу, он чувствовал, что, не располагая особыми полномочиями, выполнить достойно ее не сможет. Поэтому он выставил со своей стороны девять условий, обсуждение которых продолжались между ним и МИДОм

¹ Это может показаться жесткой оценкой, подтвержденной, однако, в феврале 1980 г. Паулем Франклем, влиятельным шведским евреем, который сказал мне, что «комплекс «Мейфлауэр» был в то время среди его шведских единоверцев довольно распространенным.

² По жестокой иронии судьбы Фольке Бернадот был убит в 1948 г. еврейскими боевиками в Иерусалиме, где он выполнял обязанности посредника ООН.

четырнадцать дней.

Условия сводились к следующему:

- (1) он будет пользоваться теми методами, которые сочтет уместными, в том числе подкупом;
- (2) при необходимости личных консультаций с МИДом он оставляет за собой право вернуться в Стокгольм, обходя длительную процедуру получения на то формального разрешения;
- (3) если финансовые ресурсы, находящиеся в его распоряжении, окажутся недостаточными, в Швеции будет развернута пропагандистская кампания по сбору необходимых средств;
- (4) он должен обладать адекватным дипломатическим статусом первого секретаря дипломатической миссии с жалованьем в 2000 крон в месяц;
- (5) он оставляет за собой право вступать в Будапеште в контакты с любыми лицами, включая заклятых врагов существующего режима;
- (6) он должен иметь право обращаться непосредственно к премьер-министру или любому другому члену венгерского правительства, не испрашивая на то разрешения шведского посла, своего непосредственного начальника;
- (7) он будет обладать правом посылать донесения в Стокгольм дипкурьером, не прибегая к обычным каналам;
- (8) он сможет официально добиваться приема у регента Хорти с просьбами о заступничестве за евреев;
- (9) он будет уполномочен предоставлять убежище в помещениях миссии лицам, имеющим выданные им шведские паспорта.

Требования Валленберга настолько расходились с общепринятой дипломатической практикой, что дело рассматривалось по восходящей многими должностными лицами вплоть до премьер-министра, который консультировался по этому поводу с королем. Затем по той же служебной лестнице, но уже в обратном порядке, дело спустили вниз и Валленбергу сообщили, что его условия будут приняты. К концу июня он был на должность назначен. На этот раз шведы решили, что в случае отказа в визе они ответят венграм отказом принять их нового поверенного в делах. Но никаких трудностей не возникло.

Поддерживая официальную версию, будто назначение Валленберга было исключительно шведским делом, к которому ни он, ни Ольсен никакого отношения не имели, Джонсон сообщал о нем в Государственный департамент США: «Мы с Ольсеном считаем, что Управлению по делам военных беженцев следует рассмотреть средства и методы осуществления данного мероприятия, предпринятого правительством Швеции, особенно в части его финансовой поддержки».

В телеграмме, направленной в Государственный департамент через несколько дней, Джонсон сообщал: «Мы подчеркиваем, что шведское Министерство иностранных дел, сделав настоящее назначение, считает, что оно тем самым в полной мере сотрудничает с американским правительством, предоставляя со своей стороны все возможные средства для осуществления американской программы. Маловероятно, однако, что оно снабдит новоназначенного атташе сколь-либо конкретной программой действий, дав ему вместо этого только самые общие указания, недостаточно специфические для своевременного и эффективного контроля ситуации по мере развития ее в Венгрии.

Сам новоназначенный атташе, Рауль Валленберг, считает, что в действительности он выполняет гуманитарную миссию от лица Управления по делам военных беженцев. Соответственно, он хотел бы получить более подробные директивы относительно действий, которые уполномочен выполнить, и гарантий их финансовой поддержки, необходимой для эффективного использования возможностей, которые он будет иметь на месте».

Джонсон добавляет, что Валленберг произвел на него и на Ольсена весьма благоприятное впечатление, и он настоятельно рекомендует, чтобы «соответствующие директивы были направлены ему как можно скорее».

В ответе, датированном 7 июля (к этому времени Валленберг уже выехал в Будапешт), государственный секретарь Хэлл очертил в некоторых подробностях «общий подход», которого следовало придерживаться Валленбергу.

«Поскольку деньги и соображения о послевоенном будущем могут являться достаточной мотивацией действий, осложняющих и замедляющих проведение репрессивных мер, а также в равной мере могут способствовать побегу и укрытию преследуемых, следует рассчитать количественную и качественную квоту подобных стимулов, которая бы обеспечивала их эффективное применение».

Иными словами, подкуп. Валленберг об этом уже подумал. Хэлл продолжает:

«В оправданных случаях считаем возможными помещение денег на банковские счета в нейтральных странах с их востребованием после войны или же выдачу денег наличными в местной валюте в настоящее время... Связанные же с финансовыми договоренностями существенного характера или с соображениями относительно перспектив послевоенного будущего конкретные предложения должны поступать в управление для их финансового одобрения, которое потребует гарантий эффективности и надежности... Для обеспечения менее существенных расчетов в распоряжение Ольсена будет предоставлен фонд в 50 000 долларов, который, в добавление к уже у него имеющемуся, может быть использован по его собственному усмотрению».

Далее в телеграмме Хэлл предлагает решать проблему на различных уровнях – высшем и среднем уровнях должностных лиц, неофициальном, в центральных и местных учреждениях, – при этом он перечисляет организации и лица, которые могли бы быть Валленбергу полезны. Валленбергу также рекомендовалось взять с собой экземпляр текста заявления Рузвельта с предостережением относительно продолжения преследований евреев, а также тексты аналогичного заявления американского Комитета палаты представителей по иностранным делам и буллы с громогласным осуждением действий нацистов нью-йоркским католическим кардиналом Спеллманом.

«Он может, – сообщает Хэлл, – в удобных для этого случаях знакомить с ними отдельных должностных лиц, убеждая последних, как человек, только что приехавший с неподвластной Германии территории, в безоговорочной решимости американских властей сделать все возможное, чтобы разделяющие вину за преследования были наказаны. В то же время, в случае оказания помощи, он вправе обещать им большее снисхождение, чем то, которое они до сих пор заслуживали».

В сообщении Хэлла особо оговаривается, что Валленберг «не в праве ни действовать от лица управления, ни ссылаться на него в своих действиях». В то же время он может свободно сообщаться в Стокгольме с Ольсеном, «предлагая ему конкретные меры, которые могли бы облегчить участь евреев в Венгрии».

Наконец, уладив все оставшиеся мелкие проблемы и получив личное одобрение своего назначения со стороны короля Густава, Валленберг приготовился к отбытию в Будапешт. Предварительно он провел два дня в МИДе, где просмотрел все последние полученные из шведской миссии сообщения. От прочитанного кровь стыла в жилах – действовать следовало немедленно. Как позже заявил Валленберг Лауеру: «Я могу оставаться в Швеции не дольше чем до начала июля. Каждый день стоит жизни многим. Мне нужно быть готовым к отъезду как можно скорее».

Сообщения, поступавшие в эти дни из Будапешта, обобщаются в телеграмме от 1 июля, направленной послом Джонсоном секретарю Хэллу:

«Только что полученная из Будапешта информация, касающаяся обращения с евреями, настолько ужасна, что в нее невозможно поверить и для описания ее нет подходящих слов. Из общего числа венгерских евреев осталось менее 400 000, в большинстве своем из Будапешта. Другие, численностью более 600 000 ¹ (и это заниженная оценка), к настоящему времени либо увезены в Германию с неизвестным местом назначения, либо убиты. По отдельным сведениям, сейчас происходит массовое убийство евреев немцами, их перевозят за границу Венгрии в Польшу в какое-то место, где расположено учреждение, в котором для убийства людей

¹ Оценка оказалась завышенной.

используется газ».

Это очевидное указание на Освенцим. В телеграмме Джонсона описываются подробности – слишком хорошо ныне всем известные, но тогда новые и ужасающие до невероятности – того, как производилось массовое удушение.

Джонсон также сообщает о предстоящей миссии Валленберга:

«Несмотря на трудности, евреи Венгрии собрали сумму, эквивалентную 2 миллионам шведских крон. Деньги переданы в шведскую миссию в Будапеште. Валленберга... очень хвалил Боман ¹, сообщающий, что, если бы наше Управление по делам военных беженцев разработало для него какую-нибудь директиву, которую МИД Швеции охотно беретса ему переправить, это послужило бы большим подспорьем в его работе.

В искренности намерений Валленберга нет никаких сомнений – я лично с ним разговаривал. Валленберг сообщил мне, что он хотел бы помогать людям делом и спасти жизни, он не собирается ехать в Будапешт ради того, чтобы посылать оттуда МИДу бесчисленные репортажи. Он, кстати, и сам наполовину еврей» ².

6 июля 1944 года Валленберг отправился в Будапешт самолетом через Берлин. В берлинском аэропорту Темпельхоф его встретила Нина, ставшая к тому времени женой Гуннара Лагергрена, шведского дипломата, представлявшего в шведской миссии в германской столице интересы третьих стран ³. Нина вспоминает, что Рауль вез одежду и другие личные вещи в рюкзаке и был одет в длинный кожаный плащ и шляпу «в стиле Энтони Идена».

«Пока мы ехали ко мне домой, я рассказала ему, что посол заказал для него железнодорожный билет на послезавтрашний день. Рауль очень рассердился, говоря, что не должен терять времени и намерен уехать завтра же первым поездом.

По дороге он сообщил мне о своем задании и сказал, что у него в рюкзаке лежит список проживающих в Будапеште видных еврейских деятелей, социал-демократов и других оппозиционеров, с которыми он должен установить контакт. Я еще представления не имела, насколько опасным может оказаться его новое назначение, что и доказали последующие события. Я думала, он будет выполнять свою работу согласно обычным дипломатическим правилам, хотя, хорошо зная его, должна была бы в том усомниться. Но тогда я носила своего первого ребенка и ходила уже на седьмом месяце, так что ни на чем ином сосредоточиться не могла».

Валленберг и Нина приехали во временное жилище Лагергренов – дом у ворот замка на Ванзее, озере близ Потсдама, как раз с наступлением темноты. Рауль, Нина и Гуннар Лагергрэн проговорили далеко за полночь. По-настоящему в эту ночь им спать не пришлось. Едва они улеглись, как прилетели английские бомбардировщики. Бомбежки теперь происходили каждую ночь, и вся троица отправилась в близлежащее убежище.

На следующее утро, так и не выспавшись, Валленберг отправился на вокзал и уехал в Будапешт на первом же поезде. Вагон был переполнен возвращавшимися из отпуска немецкими военнослужащими, и, поскольку плацкарты у новоназначенного дипломата не было, большую часть пути он проехал, сидя на рюкзаке в проходе. В кармане у него лежал небольшой револьвер. «Я ношу его не для того, чтобы им пользоваться, – говорил он позже коллегам по миссии, – а больше для храбрости».

ГЛАВА 4

Пассажирский поезд, доставивший Рауля Валленберга в Будапешт 9 июля 1944-го, возможно, встретился в пути с составом из двадцати девяти закрытых товарных вагонов, перевозившим в Освенцим последнюю партию евреев из венгерской провинции. Отправив его накануне, Эйхман с помощниками закончили то, что они гордо называли «депортацией, превосходящей своим размахом все предыдущие». В депеше, посланной в Берлин, Эдмунд Везенмайер, германский проконсул в Будапеште, сообщал с характерной германской точностью

¹ Эрик Боман был первым заместителем министра иностранных дел Швеции.

² Валленберг преувеличивал долю еврейской крови в своих жилах.

³ Впоследствии он стал гофмаршалом, главным приставом шведского Королевского суда.

о вывезенных за границу Венгрии за период с 14 мая по 8 июля 148 железнодорожными рейсами 437 402 еврейских мужчинах, женщинах и детях. Теперь, если исключить из этого числа несколько тысяч евреев-мужчин, направленных в трудовые батальоны венгерской армии, в стране оставалось только 230 000 напуганных до смерти, запертых в столице евреев.

Воодушевленный успехом в провинции – ставшим возможным отчасти благодаря рвению местных партнеров, – Эйхман подготовил следующий дерзкий план ошеломительной и молниеносной депортации всего еврейского населения Будапешта, которую он планировал провести в течение 24-х часов во второй половине июля. Операция наверняка произведет на Мюллера и Гиммлера такое внушительное впечатление, что сможет обеспечить ему продвижение по службе и, возможно, доставит похвалу самого Гитлера. «Технические детали займут еще всего несколько дней», – сообщал он в направляемом в столицу докладе. Если бы эта акция Эйхмана удалась, она лишила бы миссию Валленберга всякого смысла. К тому времени, когда он сориентировался бы на месте, в городе евреев уже не осталось бы.

Однако регент Венгрии Хорти – получивший к тому времени множество протестов, побитый мировой прессой и весьма впечатленный успехами наступающей Красной Армии – набрался наконец храбрости и, следуя верному инстинкту самосохранения, приказал премьер-министру Дёме Стояи в дальнейшем депортации прекратить. Узнав о «предательстве», Эйхман впал в ярость. «За всю мою долгую службу, – гневался он, – такого со мной еще не случалось... И я с этим не смирюсь».

Хотя некоторое время мириться с новым порядком пришлось... Хорти предусмотрительно отозвал обратно в провинцию все 1600 привлеченных в столицу для предстоящей облавы жандармов; без них Эйхман, из-за недостатка военной силы, справиться почти с четвертью миллиона депортируемых не мог.

Через Везенмайера он обратился в Берлин за помощью. Ответ – несомненно, из-за произошедшего 20 июля покушения на Гитлера – задерживался. Когда же, наконец, он пришел – а исходил он от самого рейхсфюрера СС Гиммлера, – то поверг Эйхмана в глубочайшую депрессию: нацисты согласились приостановить депортации. К этому времени Гиммлер затеял собственную игру, целью которой было договориться с англосаксами, наступавшими на Германию с Запада, прежде чем она будет опустошена большевиками, надвигавшимися с Востока. Гиммлер считал себя деятелем, который вполне мог вести переговоры о сепаратном мире с западными союзниками; прекращение давления на евреев могло стать, по его мнению, одним из способов улучшения его репутации в их глазах.

Разъяренному Эйхману не оставалось иного, как утешать себя достигнутыми свершениями и дожидаться изменения обстановки, которое позволило бы ему закончить работу.

Начал он ее всего через несколько часов после прибытия своей команды в Будапешт 19 марта того же года. На следующее утро Эйхман поручил своим помощникам Герману Крумеи, Дитеру Вислицени и Отто Хунше установить контакт с лидерами венгерских евреев. Пятнадцати напуганным представителям еврейской общины Крумеи объявил, что с этого момента «все дела венгерского еврейства передаются в компетенцию СС». Евреям запрещается покидать Будапешт или менять без разрешения место жительства. Немедленно организуется Центральный еврейский совет из восьми человек, он будет получать распоряжения от гестапо, для чего в конторе совета должно быть организовано круглосуточное дежурство на телефоне. Для предотвращения паники среди еврейского населения еврейская пресса должна публиковать статьи, призывающие к спокойствию. Раввины призваны успокаивать свою паству. Гиммлер приказал Эйхману внимательно отслеживать настроения среди еврейского населения, выявляя малейшие признаки сопротивления, чреватые еще одним восстанием типа варшавского: не следовало доводить евреев до актов отчаяния.

Крумеи успокаивал. Евреям нечего опасаться, заявлял он. Конечно, в отношении их будут введены ограничения экономического характера, однако они не будут более жесткими, чем требуют того крайности войны. Религиозная, общественная и культурная еврейская жизнь будет продолжаться, как прежде. СС будет охранять их покой. Получив другие подобные же заверения, еврейские старейшины ушли с встречи чуть менее встревоженными, чем пришли на нее.

Как только Центральный еврейский совет, согласно отданному приказу, был создан,

Эйхман лично обратился к нему. Его часовая речь состояла из курьезной смеси угроз, льстивых обещаний и, как обычно, обескураживающей демонстрации познаний в области еврейской культуры.

Евреям следует оповещать его, если кто-нибудь попытается тронуть их, заявлял Эйхман, он немедленно накажет виновных, даже если ими окажутся немецкие солдаты. Пожелавшие заниматься грабежом и присвоением еврейского имущества также будут им жестоко наказаны. Но пусть евреи не пробуют вводить его в заблуждение. Они об этом лишь пожалеют. Он занимается еврейскими делами вот уже десять лет, и никто еще из евреев его обмануть не смог. Он, кстати, лучше, чем они, знает иврит. Главная цель, которую он преследует, – это расширение производства на военных заводах. Для них-то и нужна еврейская рабочая сила. В настоящий момент требуются четыреста добровольцев. Если они не явятся сами, он наберет их с применением силы. Но и в том, и в другом случае с ними будут обходиться гуманно, и они будут получать заработную плату, как все другие рабочие. Начиная с этого момента все евреи должны в обязательном порядке носить на одежде желтую звезду. Хотя, заявлял Эйхман, это правило, как и прочие другие, о которых он вскоре объявит, вводится не навечно, а только до той поры, пока война не окончится. Сразу же после победы евреи поймут, что немцы – это все тот же доброжелательный народ, среди которого они жили прежде.

Сколько бы ни был скромным оптимизм, внушенный старейшинам речами Эйхмана, последовавшие события разбили его вдребезги. В течение всего нескольких дней были обнародованы приказы, запрещающие евреям покидать дома и предписывающие им сдавать местным властям все имеющиеся у них телефоны, радиоприемники и автомобили. Отбирались даже детские велосипеды. Счета евреям в банках немедленно замораживались, а продовольственные пайки значительно урезались. Евреев увольняли с государственной службы и в отношении их вводился запрет на профессии. Все магазины, конторы и фабрики передавались под арийское управление. Евреи были растеряны и деморализованы. Затем начались облавы в провинции. Евреев сгоняли в местные гетто и временные, наспех сооруженные концлагеря, служившие последней остановкой перед отправлением на заводы или в лагерь смерти в Польше и в Германии. Облавы в провинции проводились систематически, в одном районе за другим, венгерскими жандармами. Люди Эйхмана играли при них роль советников и наблюдателей. Жестокость, проявляемая жандармами, поражала даже эсэсовцев. По случайной или же умышленной иронии облавы начались в первый день еврейской Пасхи – в праздник, которым отмечается исход израильтян из египетского рабства.

Ужасы облав и депортаций зафиксированы в большом количестве документов. Но ни один отчет о массовом преследовании венгерских евреев не может сравниться с мучительно-горьким повествованием дневника Евы Хейман, тринадцатилетней девочки из благополучной, состоятельной еврейской семьи, жившей в Вараде, городе, расположенном неподалеку от границы с Румынией.

«31 марта. Сегодня отдали приказ, что все евреи должны носить желтые лоскутные звезды... Когда бабушка про это услышала, она опять стала странно вести себя, и мы вызвали доктора. Он сделал ей укол. Сейчас она спит... Аги (мать Евы) решила позвонить доктору, но сделать этого не могла. Дедушка объяснил ей, что у всех евреев телефоны забрали, и сказал, что он сам пойдет и приведет доктора. До сих пор Аги разговаривала с Будапештом каждый вечер, а теперь... Я даже не смогу поговорить с Анико и с Мариной. У евреев забрали их магазины... Не знаю, если взрослым запрещают работать, кто тогда будет кормить детей?...

1 апреля. Боже, сегодня 1 апреля. Кого бы разыграть? Кто сейчас об этом думает? Дорогой Дневник, скоро я буду у Анико и возьму с собой... свою канарейку в клетке. Боюсь, Манди умрет, если оставить ее дома, все сейчас думают о другом, и я за Манди боюсь. Она такая ласковая птичка! Каждый раз, когда я прохожу мимо клетки, она замечает меня и начинает петь.

7 апреля. Сегодня пришли за моим велосипедом. Я чуть не закатила им сцену... Сейчас, когда все кончилось, мне так стыдно за свое поведение. Я бросилась на землю, схватилась за заднее колесо и стала обзывать полицейских. «Позор! Отбирать

велосипед у девочки! Это грабеж...» Один из полицейских разозлился на меня и закричал: «Еще не хватало этой комедии от какой-то еврейки, у которой забирают велосипед! Детям евреев велосипеды не положены...» А другой полицейский, кажется, меня пожалел. «Как вам не стыдно, коллега, – сказал он. – У вас сердце из камня? Как можно разговаривать так с хорошенькой девочкой?» Он погладил меня по голове и обещал за велосипедом присматривать. А потом дал мне расписку и сказал, чтобы я не плакала: когда война кончится, велосипед отдадут обратно.

20 апреля. Каждый день появляются все новые законы против евреев. Сегодня, например, у нас забрали все домашние приборы: стиральную машину, радиоприемник, телефон, пылесос, тостер и мой фотоаппарат... Аги сказала: хорошо еще, что они забирают вещи, а не людей. Она говорит правду. Я, может, до того, как стать фотокорреспондентом, обзаведусь еще настоящей цейссовской фотокамерой, а вот маму или бабушку заменить действительно некем. Бедный дедушка, он больше не ходит в свою аптеку. И все время так странно и печально смотрит на Аги и ласкает ее, словно прощается. Аги даже сказала ему: «Прекрати! Ты как будто со мной прощаешься. Папочка, у меня и так сердце разрывается». Аги хочет, чтобы ее отец никогда с ней не расставался. И я ее понимаю, потому что сама хочу, чтобы все мы остались живы.

1 мая. Дорогой Дневник, с сегодняшнего дня я живу, как во сне. Мы стали упаковывать вещи. Точно в том количестве, о котором Аги вычитала в объявлении. Я знаю, что это не сон, но не верю, чтобы это было на самом деле. Нам разрешили взять с собой постельное белье, но мы не знаем точно, когда за нами придут, и поэтому белье пока что не упаковываем. Я весь день готовила кофе для дядюшки Белы; бабушка пьет коньяк. Никто не говорит ни слова. Дорогой Дневник, мне страшно, как никогда.

5 мая. Дорогой Дневник, ты теперь больше – не дома, ты – в гетто. Мы три дня ждали, когда придут и нас заберут... Дорогой Дневник, я еще слишком маленькая, чтобы записать все, как было, пока мы ждали, когда нас заберут. Они всё приказывали, а Аги хныкала и говорила, что мы это заслужили, потому что, как животные, терпеливо ждали, когда нас зарежут... Двое полицейских, которые за нами приехали, противными не были; они только забрали у Аги и бабушки их обручальные кольца. Аги вся дрожала и никак не могла снять кольцо с пальца. В конце концов, кольцо сняла бабушка. Потом они проверили наш багаж и сказали, чтобы мы оставили дедушкин чемодан – он ведь из настоящей свиной кожи. Они не позволяют брать с собой ничего из кожи. Говорят: «Сейчас идет война, и кожа нужна солдатам...» Один из полицейских увидел на моей шее маленькую золотую цепочку – подарок на день рождения, я ношу на ней ключик, которым отпираю и закрываю тебя, Дневник. «Разве вы не знаете, – сказал полицейский, – что хранение золотых вещей вам запрещено? Золото теперь не принадлежит евреям, оно теперь всё – народное!» Каждый раз, когда они у нас что-нибудь отбирали, Аги притворялась, что не обращает на это внимания – у нее настоящая мания не показывать вида, будто мы переживаем из-за того, что у нас отбирают, но на этот раз она попросила полицейского, чтобы он позволил мне оставить маленькую золотую цепочку. Аги заплакала и сказала: «Господин инспектор, вы можете спросить у своих коллег, и они вам скажут, я еще ни у кого из них ни о чем не просила. Пожалуйста, позвольте оставить ребенку ее маленькую золотую цепочку. Видите, она носит на ней ключик от своего дневника?» – «Увы, – сказал полицейский, – это невозможно! В гетто вас снова обыщут. Ну а мне, слава Богу, ваша цепочка не нужна, как и все другое. Мне ничего этого не нужно. Но я не хочу неприятностей. Я женатый человек. И моя жена скоро рожает». Я ему цепочку отдала...

Дорогой Дневник, самое ужасное случилось, когда мы проходили через ворота. Там я впервые увидела, как плачет дедушка. Из ворот хорошо видно парк, и парк показался мне красивым, как никогда... Я никогда не забуду, как дедушка стоял в воротах, трясся и плакал. Слезы стояли в глазах и у дядюшки Белы. Только теперь я заметила, какой старенькой стала бабушка... Она прошла через ворота такой походкой, будто была пьяная или ходила во сне...

Когда стемнело, мы легли на матрац. Я прижалась к Марике, и нам вдвоем – верь не верь, дорогой Дневник, – стало так хорошо. Странно, но мы все... мы все были вместе, все на свете, кого мы любили... Мы выбрали маму Марики тетю Клари Кекшемети, она стала у нас в комнате главной. Все должны были ее слушаться. В

темноте она долго что-то всем говорила, и, хотя я уже почти спала, я поняла, что мы должны поддерживать чистоту, это очень важно – поддерживать чистоту, и еще – мы должны заботиться друг о друге...

10 мая. Дорогой Дневник, мы здесь уже пятый день, но, честное слово, кажется, будто прошло пять лет. Я даже не знаю, с чего начать, потому что с тех пор, как писала в последний раз, произошло так много ужасного. Сначала закончили ограду, и теперь никто не может ни войти сюда, ни отсюда выйти... С сегодняшнего дня, дорогой Дневник, мы не просто в гетто, а в лагере-гетто, и на каждом доме они наклеили объявления, где точно сказано, что нам запрещено... В общем-то нам запрещено всё, но самое ужасное, за любое нарушение положено только одно – смерть. Между наказаниями нет разницы: тебя не ставят в угол, не шлепают, не лишают обеда, не заставляют спрягать неправильные глаголы сотни раз, как это делали в школе. Ничего подобного – наказание одинаковое и за самые маленькие и за самые большие провинности. В объявлениях не сказано, что оно касается и детей тоже, но я думаю, что касается...

Каждый раз я думаю: ну вот, это всё, ничего хуже не может быть, а потом обнаруживается, что хуже быть может – еще хуже и хуже. Раньше у нас была еда, но теперь нам нечего есть. Раньше, по крайней мере, мы могли по гетто ходить, а теперь мы не можем даже выйти из дома...

14 мая. Нам запрещено выглядывать в окно – за это тоже могут убить. Но мы все равно все слышим, и мы с Марикой слышали, как звонит по ту сторону ограды в свой колокольчик продавец мороженого. Я люблю мороженое, и мороженое в стаканчиках на улице я люблю даже больше, чем то, что дороже, которое продают в кондитерских. Конечно, я не знаю – я ведь его не вижу, – тот ли это за оградой звонит продавец мороженого, который обычно приходил к нам на улицу, но во всем Вараве всего два продавца мороженого, так что это может быть, в самом деле он. И теперь, наверное, ему грустно оттого, что его покупательницы отгорожены от него и живут по другую сторону...

17 мая. Я ведь уже писала, мой дорогой Дневник, что за любым несчастьем может наступить еще худшее? И ты, конечно, видишь, насколько я оказалась права? На пивоварне Дрегера начались допросы... Жандармы не верят, что у евреев не осталось ничего ценного. Они говорят, что евреи спрятали свои ценности, или зарыли их, или оставили на хранение у арийцев. Мы, например, оставили бабушкины драгоценности на хранение у Юстисов, это верно. Теперь жандармы приходят в гетто и забирают людей, как правило из богатых, и увозят их на пивоварню Дрегера. А там они их бьют, пока те не скажут, где спрятали свои ценности. Я знаю, что бьют их ужасно, – Аги говорит, что из больницы часто доносятся крики. Теперь все в нашем доме боятся, как бы их не увели к Дрегеру.

18 мая. Прошлой ночью, дорогой Дневник... я не могла заснуть и слышала, о чем говорят взрослые... Они говорили, что людей у Дрегера не только бьют, но еще и пытаются – электрическим током. Аги плакала, когда рассказывала об этом, и, если бы рассказывала не она, я бы ничему не поверила и решила, что это всего-навсего ужасная история из какого-нибудь кошмара. Аги говорила, что людей привозят из пивоварни с окровавленными ртами и ушами, у некоторых не хватает зубов, а ступни на ногах у многих такие распухшие, что они не могут ходить. Дорогой Дневник, Аги рассказывала еще о другом, о том, что делают там с женщинами, потому что женщин тоже забирают туда. Это такие ужасные вещи, что лучше о них вообще не писать, да я и не найду слов... Я слышала, что здесь, в гетто, некоторые кончают самоубийством. В здешней аптеке есть яды, и дедушка дает их старикам, которые их у него спрашивают. Дедушка говорит, что ему самому лучше всего было бы принять цианид и дать его бабушке...

22 мая... Сегодня объявили, что (к Дрегеру) заберут главу каждой семьи, и дедушке тоже придется туда отправиться. Оттуда доносятся истошные крики. Весь день электропроигрыватель крутит одну и ту же песню – «Ты только одна на свете». Ее слышно во всем гетто и ночью и днем. Когда пластинка заканчивается, слышны крики... Аги все время утешает меня, она говорит, что русские на фронте продвигаются вперед настолько быстро, что нас не успеют увезти в Польшу. К тому времени, когда мы туда доехали бы, мы как раз попали бы к русским. Аги считает, что нас, скорее, увезут в деревню, где заставят работать в поле. Скоро наступит время

уборки урожая, а всех хозяев забрали в армию. Ах, как мне хочется, чтобы Аги была права...

29 мая. А теперь, дорогой Дневник, теперь конец действительно наступил. Гетто разбили на несколько частей, и нас собираются отсюда куда-то забрать...

30 мая. Тот жандарм, который все время караулит напротив нашего дома и о котором дядюшка Бела говорит, что он к нам дружелюбно настроен, потому что он на нас не кричит и не обращается фамильярно с женщинами, он пришел к нам в сад и сказал, что собирается из жандармерии уходить. Он не может больше у них служить из-за того, что ему довелось увидеть на станции Редипарк, – это, он сказал, не для человеческих глаз. В каждый вагон они затолкали по восемьдесят человек и оставили на всех только по одному ведру воды. Но, что еще ужаснее, они закрыли на всех вагонах задвижки снаружи. В такую ужасную жару мы там обязательно задохнемся... Дорогой Дневник, я не хочу умирать; я хочу жить, даже если позволят жить только мне одной... Я дождусь конца войны в каком-нибудь погребке, или на крыше, или еще в каком-нибудь закутке. Я даже позволила бы тому косому жандарму, который отобрал у нас муку, целовать меня, если только они меня не убьют, если только они оставят меня жить. Я вижу отсюда, как тот самый хороший жандарм впустил через ворота Маришку. Я больше не могу писать. Дорогой Дневник, слезы застилают глаза. Я побегу к Маришке¹.»

Условия в гетто Варада, описанные Евой Хейман, выглядят намного лучше, чем в других городах. Д-р Мартин Фёлди описывает более типичную обстановку в гетто Ужгорода: «Под гетто отвели территорию кирпичного завода. С большим трудом на ней размещалось две тысячи человек, нас же там находилось четырнадцать тысяч. Антисанитария была ужасная. Выгребных ям не было. Уборную устроили на открытом месте. Это выглядело ужасно и оказывало угнетающее и деморализующее воздействие. Немецкий офицер из гестапо сказал мне: «Вы живете здесь, точно свиньи».

Когда Еврейский совет в Будапеште, узнав об условиях в провинциальных гетто, заявил Эйхману протест, он ответил им, что условия не хуже тех, в которых живут немецкие солдаты на маневрах. «Вы опять распространяете пропагандистские истории», – предупредил он. Эйхман и Ласло Эндре, заместитель венгерского министра внутренних дел, совершили по лагерям инспекционную поездку. То, что они там увидели, им понравилось. По возвращении в Будапешт Эндре заявил: «Все в порядке. Гетто в деревне больше похожи на санатории. Евреи наконец-то выбрались на открытый воздух, они лишь поменяли свой образ жизни на более полезный для их здоровья».

К этому времени команда Эйхмана обосновалась и оборудовала для себя постоянную контору в реквизируемом гестаповцами отеле «Мажестик» на Швабском холме, в привилегированном районе Буды, где располагались летние резиденции богатых венгерских граждан. Филиал эсэсовцев в промышленной части города, возглавляемый офицером связи подполковником Ласло Ференци, командовавшим жандармами и сыскным ведомством, находился в тыльном крыле здания ратуши Пешта на восточном берегу Дуная. Не без черного юмора эсэсовцы называли его для прикрытия «Международной компанией по складированию и транспорту», хотя между собой называли просто «Конторой по ликвидации венгерских евреев». Начало депортаций Эйхман отметил небольшим приемом в «Мажестик», на который он пригласил Ференци, Эндре и еще одного заместителя министра внутренних дел Ласло Баки. Пили шампанское, доставленное самолетом из Парижа.

Депортации производились в яростном темпе. Часто за одни сутки в Освенцим отправляли до пяти железнодорожных составов, в каждом из которых находилось до четырех тысяч мужчин, женщин и детей, упакованных, как сардины, по семьдесят, восемьдесят или даже по сотне человек в вагон. В каждый вагон ставили по ведру воды и еще одно ведро для испражнений. Дорога до Освенцима занимала от трех до четырех дней. Когда еврейские

¹ Дневник Евы сохранила та самая Маришка, о которой говорится в последней записи дневника. Венгерка, она прослужила в семье Евы много лет. Впоследствии дневник попал в архивы израильского мемориала Яд Вашем. Ева была отправлена в Освенцим 2 июня 1944 г. Через четыре дня она прибыла в лагерь и оставалась там в живых до 17 октября, когда ее вместе с другими отправил в газовую камеру пресловутый д-р Йозеф Менгеле, после окончания войны сбежавший в Южную Америку.

старейшины заявили протест по поводу невыносимых условий в вагонах, Отто Хунше, один из помощников Эйхмана, огрызнулся: «Прекратите выдумывать ужасы... За один рейс в пути в составах умирает не более пятидесяти – шестидесяти человек». Эндре ответил угрозой: «Евреев постигла судьба, которой они заслуживают. Если члены Еврейского совета будут на своих домыслах настаивать, с ними поступят как с обычными распространителями злостных слухов».

По прибытии в Освенцим некоторых депортированных заставляли посылать родственникам почтовые открытки с видами природы и обратным адресом Вальдзее, несуществующего курорта, расположенного якобы где-то в Австрии. На всех карточках писалось приблизительно одно и то же: «У меня все хорошо. Я здесь работаю». Таким образом намеревались предупредить распространение панических настроений у тех, кого еще только предстояло сюда доставить. Нацисты опасались второго варшавского восстания.

Евреи доставлялись в Освенцим в таких количествах, что, несмотря на недавнюю установку дополнительных газовых камер и крематориев, Гессу пришлось срочно отправиться в Будапешт, чтобы просить Эйхмана о замедлении темпов, с которыми лагерь уничтожения не справлялся. Эйхман неохотно согласился сократить до трех в сутки число отправляемых составов. Русские теснили немецкую армию, и каждая единица подвижного состава была отчаянно нужна для военных целей. Франц Новак ¹, эсэсовский офицер, заведовавший у Эйхмана транспортом, встречался в работе с все большими трудностями. Тогда Эйхман обратился за помощью непосредственно к Гиммлеру, который, в свою очередь, переадресовал его прошение в ставку Гитлера. В ответ была получена директива: армии предписывалось приоритетное снабжение подвижным составом, «только когда она наступает». И поскольку армия отступала, Эйхман свои составы получал без задержки. В результате немцы, теснимые русскими на равнинах Восточной Венгрии, бросали свое тяжелое вооружение. В наиболее отчаянной стадии войны, когда опасность нависла над самим существованием рейха, считалось более важным использовать имеющийся подвижной состав для транспортировки евреев: одних – на военные заводы, где непосильный труд скоро доводил их до смерти, других – непосредственно в газовые камеры.

Когда осознание того, что происходит с евреями в провинции, оформилось окончательно, Еврейский исполнительный комитет в Будапеште выпустил листовку, адресованную «христианскому народу Венгрии, с которым мы рядом, бок о бок, разделяя все его беды и радости, жили в своем отчестве в течение тысячелетия». В листовке подробно описывались ужасы депортации и выражалась вера евреев в «присущее венгерскому народу чувство справедливости». Листовка заканчивалась следующим образом: «Если же мы обращаемся к венгерскому народу тщетно, когда умоляем лишь о сохранении нашей жизни, мы попросим его только об одном – чтобы нас избавили от ужаса и жестокости депортации и положили конец нашим страданиям дома, позволив нам, по крайней мере, покоиться в земле родины».

Совершенно случайно это отчаянное воззвание почти совпало по времени с решением Хорти о прекращении депортаций и с прибытием Валленберга.

В середине 1944 года в Будапеште еще оставались дипломатические представительства Португалии, Испании, Швеции, Швейцарии, Турции и еще одной или двух латиноамериканских стран. Кроме того, в городе находились папский нунций и представители Международного Красного Креста. После частичной оккупации Венгрии в марте и вынужденного назначения главой марионеточного правительства Стояи Швеция и другие государства в знак демонстративного непризнания режима понизили уровень своего представительства с посольств до миссий. Венгерского посла в Стокгольме обязали вернуться на родину, в то время как глава шведской миссии Карл Иван Даниельссон оставался в Будапеште в ранге посла.

Под давлением мирового общественного мнения, озабоченного судьбой венгерских евреев, о которой стало известно из разоблачений, сделанных несколькими бежавшими из Освенцима заключенными, миссии нейтральных стран стали предпринимать отдельные, нескоординированные между собой действия в защиту хотя бы ограниченного числа евреев в столице, поскольку венгерским евреям в провинции они уже помочь не могли. Еще до прибытия Валленберга шведская миссия, например, приступила к выдаче согласованной с венгерским

¹ Если Эйхман в западной прессе заслужил кличку «экспедитора смерти», то Новака называли в ней «начальником станции».

правительством квоты в 650 шведских паспортов евреям, которые могли заявить хоть о каких-то родственных или деловых связях со Швецией. Швейцарцы, представлявшие британские интересы в Венгрии и имевшие в составе своей миссии Палестинское бюро, также обладали правом на выдачу четырехсот эмиграционных удостоверений, предназначенных для выезда в управляемую Британией Палестину. Удостоверения выдавались евреям Палестинским бюро и фамилии их владельцев вписывались в коллективный паспорт, выписываемый на возможную дату предполагаемого их отбытия из страны.

Такого рода документы обладали сомнительной юридической силой и, если бы Эйхману удалось провести свою молниеносную операцию, вряд ли оказались бы действенными, но они положили начало делу, которое быстро и энергично продолжил Валленберг. По прибытии в миссию он был тепло встречен послом Даниельссоном, который до этого был инициатором направленного Хорти протеста со стороны шведского короля Густава. Дипломат старой школы, воспитанный в традициях строгой дипломатической корректности, Даниельссон тем не менее, искренне приветствовал миссию Валленберга, одобряя даже те нетрадиционные методы, которыми, как его известили, его новому коллеге разрешили пользоваться. Не менее дружески отнесся к Валленбергу более молодой дипломат Пер Ангер, знавший его еще в Швеции. Много лет спустя, будучи шведским послом в Канаде, Ангер вспоминал, как встретили Валленберга в миссии: «Сначала он шокировал некоторых из нас, профессиональных дипломатов, но очень скоро мы поняли, что его нетрадиционный подход был в данном случае единственно верным».

Валленберг играл на некоторых особенностях, которые, как он быстро сообразил, могли быть использованы при торге с нацистами. Во-первых, марионеточный режим Хорти – Стоя и отчаянно добивался респектабельности и международного признания. Во-вторых, Швеция представляла интересы Венгрии и Германии в нескольких влиятельных странах мира как раз в то время, когда ход исторических событий повернулся решительно не в пользу нацистов и их союзников. В-третьих, многих высокопоставленных венгерских чиновников не могло не волновать их будущее и перспектива наказания за совершенные преступления, и они весьма отзывчиво реагировали на обещания заступничества в будущем, которое, естественно, увязывалось с их поведением в настоящем. В довершение ко всему, имея нужные средства, Валленберг не останавливался – в тех случаях, когда это могло оказаться действенным, – перед элементарным шантажом или подкупом.

В то же время Валленберг сознавал, какое большое значение придавала германская и венгерская бюрократия чисто внешней стороне любого вопроса, и сразу же после образования своего Отдела С занялся оформлением охранного шведского паспорта, который должен был заменить выдаваемые прежде неказистые удостоверения. Его навыки в дизайне и черчении оказались в данном случае как нельзя более кстати, и паспорта Валленберга выглядели шедеврами. Они печатались на желто-голубом фоне и были снабжены шведской королевской эмблемой из трех корон и многочисленными печатями, штампами и подписями. С точки зрения международного права они, конечно, не имели никакой юридической силы, но внушали к себе почтительное отношение, свидетельствуя перед немцами и венграми, что их держатели не относились к брошенным всеми изгоям, но находились под покровительством одной из ведущих нейтральных держав Европы. Кроме того, паспорта действительно поднимали дух их владельцев. «Они напоминали нам о человеческом достоинстве, во многом утерянном, – ведь в результате преследований и пропаганды нас низводили до уровня бездушных вещей», – вспоминала Эдит Эрнстер, одна из первых получательниц паспорта (после войны она эмигрировала в Швецию). Валленберг писал в своем первом донесении на родину: «Здесь евреи сейчас в отчаянии. Тем или иным способом, но им обязательно следует внушить чувство надежды».

Первоначально чиновники МИДа Венгрии дали Валленбергу разрешение на выдачу только 1500 таких паспортов. Умелой переговорной тактикой, весьма смахивавшей на метод «кнута и пряника», ему, однако, удалось добиться увеличения квоты до 2500, а под конец – до 4500 паспортов. Но и это была лишь формальная сторона вопроса. В действительности же, используя шантаж и подкуп и заставляя с их помощью венгерские власти смотреть на его действия сквозь пальцы, Валленберг выпустил в три раза большее количество паспортов. В последние дни немецкой оккупации, когда положение в городе стало по-настоящему отчаянным

и он не мог более печатать «официальные» паспорта, контора Валленберга стала выдавать упрощенный их вариант – по сути, справку, отпечатанную на ротаторе, за его подписью. В обстановке царившего тогда всеобщего хаоса зачастую срабатывало и такое.

Паспорта, выдаваемые Валленбергом, делали свое дело, и его примеру не замедлили последовать еще несколько миссий нейтральных стран. Швейцарский консул Шарль Лютц, глава отдела, представляющего в Венгрии интересы третьих стран, выпустил сначала сотни, а затем и тысячи охранных паспортов – даже больше, чем выдал Валленберг. Так называемый «Стекланный дом», отдел швейцарской миссии, занимавшийся работой с еврейским населением, ежедневно осаждали сотни евреев, требующих выдачи им *Schutzpasse*¹. То же происходило возле конторы Валленберга, штат которой расширился до 250 служащих-евреев, работавших посменно круглые сутки. В результате умелого ходатайства Валленберга его служащих освободили от обязанности носить желтые звезды и от службы в трудовых батальонах венгерской армии.

Пример Валленберга «заразил» даже маленькие латиноамериканские представительства, за которыми последовало посольство франкистской Испании, выдавшее паспорта горстке еврейских семейств, чьи предки бежали из Испании от преследований инквизиции четыре с половиной века назад, но сохранили испанский язык, а также некоторые из старинных традиций своей давней родины. Совершенно независимо от других, по изначальной инициативе папского легата в Турции кардинала Анджело Ронкалли (впоследствии он станет папой Иоанном XXIII), папский нунциат в Будапеште тоже начал выдавать тысячи сертификатов о крещении с прилагаемыми к ним охранными грамотами. Центр тяжести в политике римско-католической церкви постепенно перемещался от заступничества за обращенных евреев к защите всех лиц еврейского происхождения.

Тем временем Валленберг организовывал больницы, детские ясли и кухни для бедных по всему городу; пользуясь неограниченными средствами, поступавшими в его распоряжение от Америко-еврейского совместного распределительного комитета (ДЖОЙ НТ) и УВБ, он приобретал для них продовольствие, лекарства и одежду. Несколько запоздало его примеру последовал Международный Красный Крест. Валленбергу принадлежала также идея координации усилий по спасению евреев и помощи им путем создания совместного комитета глав дипломатических миссий, возглавить который было предложено папскому нунцию Анджело Ротта. Штат служащих Валленберга к этому времени увеличился до четырехсот человек, работавших посменно круглые сутки. Самому ему удавалось урывать для сна не более четырех часов в день. Валленберг демонстрировал рвение, энергию и административные и организационные способности, которым, будь они направлены на другие цели, мог бы позавидовать даже Эйхман.

Его работа определенно была в Стокгольме замечена. 10 августа представитель УВБ Ивер Ольсен писал Джону Пелю, своему начальнику, в Вашингтон: «По различным косвенным данным у меня складывается впечатление, что шведское Министерство иностранных дел особого энтузиазма по поводу деятельности Валленберга в Будапеште не проявляет: возможно, они считают, что он действует слишком шумно. Конечно, они бы предпочли в данном случае более традиционные для европейской дипломатии методы, которые большой пользы наверняка не принесли бы. Хотя, с другой стороны, многое говорит за то, что работа подобного типа должна выполняться не особенно громогласно. В любом случае я считаю, что Валленберг действует энергично и приносит много пользы, что, по-моему, является единственной истинной мерой в подобном деле».

О положении в венгерской столице Ольсен сообщает, что за день до написания посылаемого донесения он обсуждал его с одним «парнем из Венгрии», от которого узнал, что «евреи настолько напуганы, что теперь они просто сидят по домам, не выходя на улицу. Этот малый считает, что, держись они несколько посмелее, самым лучшим для них было бы сорвать свои желтые звезды *en masse*². Это вызвало бы замешательство у местных властей, что, вкупе с воздушными налетами на окрестности Будапешта, позволило бы евреям бежать в сельскую местность, где они смогли бы укрыться. Этот человек утверждает, что население венгерской

1 Охранных паспортов (нем.). (Примеч. пер.)

2 В массовом порядке (фр.). (Примеч. пер.)

столицы на 80 процентов относится к преследованиям евреев с безразличием и, наблюдая происходящее, только пожимают плечами. Остальные же 20 процентов помогать евреям бояться».

Через четыре дня, только что отобедав с «первым секретарем шведской миссии в Будапеште, который ненадолго сюда приехал»¹, Ольсен снова докладывает Пелю: «Этот человек – неплохой малый и по многим вопросам имеет самостоятельные суждения. Он сказал мне, что Валленберг трудится не покладая рук, делая все возможное...

Он также весьма скептически относится к идее перемещения в Швецию двух с небольшим тысяч евреев, которым уже выданы шведские паспорта. Венгры и немцы согласились выдать им транзитные визы... но позже немцы заявили, что в данном вопросе должно существовать *quid pro quo*², а это означало бы, что оставшиеся евреи трудоспособного возраста *подлежали бы отправлению в немецкие трудовые лагеря*» (курсив Ольсена).

Сотрапезник Ольсена живо обрисовал ему, что означало «отправление в лагеря». «Он сказал также, что не верил некоторым из описываемых зверств, пока не увидел их собственными глазами. Он побывал однажды на кирпичном заводе, куда загнали десять тысяч евреев. В ограниченном пространстве люди стояли там вплотную рядом друг с другом в течение целых пяти суток, включая стариков и малых детей, в условиях полной антисанитарии.

Он видел, как этих людей загоняли потом в вагоны без окон по восемьдесят человек (восемьдесят немцы отсчитывали очень тщательно), после чего двери наглухо забивались. Многие на кирпичном заводе, по его словам, так и умирали там – стоя».

Шведский дипломат, по-видимому, рассказывал Ольсену о том, чему был свидетелем до того, как Хорти приостановил депортации. Далее он рассказал ему о последующих событиях, в частности о фактах, когда «девочек четырнадцати-пятнадцати лет похищали прямо на улицах и увозили в другие города, где им накалывали на руках татуировки «армейская проститутка». Некоторых из них – молодых евреек из добропорядочных семей – видели потом далеко от Будапешта, даже в Гамбурге».

Ольсен продолжает: «Этот человек очень сожалел о полном отсутствии у венгерских евреев храбрости. Они ведь многое могли бы для себя сделать, даже когда знали, что у них остается совсем мало времени до того, как их убьют».

И все-таки, несмотря на творящиеся на улицах Будапешта злодеяния, то было время относительного затишья. Депортации, во всяком случае официально, прекратились, и Хорти препятствовал попыткам немцев возобновить их. Настоящего столкновения между Валленбергом и Эйхманом еще не произошло, и время самых худших испытаний для будапештских евреев еще не наступило.

ГЛАВА 5

Одним из первых, с кем Валленберг установил контакт по прибытии в Будапешт, был д-р Шаму Штерн, несчастный председатель Центрального еврейского совета, учреждения которого потребовал Эйхман – таким образом ему было удобнее манипулировать поведением евреев. После освобождения, престарелый и больной, Штерн все же записал мучительные для него воспоминания о том времени.

Имена Эйхмана и Валленберга упоминаются на их страницах почти постоянно, повторяясь снова и снова. Штерн описывает Эйхмана, как «врожденного, закоренелого преступника, наслаждающегося болью других». В моменты откровения «он сам называл себя ищейкой». Напротив, Валленберга Штерн называет «бескорыстным и полным благородных порывов человеком, наделенным, помимо всего прочего, характерным для истинно великих людей большим трудолюбием. Его пример заставил другие миссии нейтральных стран присоединиться к борьбе».

Штерн начинает свои воспоминания с прибытия Крумеи, Вислицени и Хунше в Центр еврейской общины на улице Шип на следующий же день после операции «Маргарет». Серьезность своих намерений «они подчеркнули, держа в руках изготовленные для стрельбы

¹ По-видимому, имеется в виду Пер Ангер.

² Одно вместо другого (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

автоматы». О попытках Крумеи и Эйхмана успокоить напуганных евреев Штерн пишет: «Они всегда избегали публичности, не любили вызывать страх и панику и предпочитали действовать беззвучно, хладнокровно и в атмосфере глубокой секретности, чтобы их апатичные и сонные жертвы даже не подозревали, что их ожидает».¹

Штерн вспоминает о частых и все более нелепых требованиях, предъявляемых евреям Эйхманом с помощниками, которых всегда сопровождали вооруженные автоматами солдаты СС. «Однажды в праздник... офицер истощенным голосом приказал нам доставить в отель «Ройал» через полтора часа триста матрацев и шестьсот одеял. Когда мы возразили ему, сказав, что выполнить его приказание невозможно, он заорал как безумный: если достаточно десяти минут, чтобы ликвидировать десять тысяч евреев, то девяноста минут должно хватить на выполнение любого его желания...

Требования предъявлялись каждый день и отличались большим разнообразием: от бокалов для шампанского до пишущих машинок и от уличных метел до посудных полотенец и ведер... Однажды от нас потребовали картину Ватто – именно Ватто и никакого другого художника: обставлялась квартира для какого-то высокопоставленного офицера».

В схожих послевоенных мемуарах д-р Эрнэ Петё, другой влиятельный член Еврейского совета, описывает, какое яркое впечатление произвело на него знакомство с Раулем Валленбергом. После их первой встречи, пишет Петё, «я рассказал в семье о приезде молодого Валленберга. Мой сын тогда вспомнил, что, когда он студентом отдыхал одним летом в Тонон-ле-Бэн во Франции, ему довелось встречаться там со шведом по имени Валленберг, дед которого в ту пору служил шведским послом в Стамбуле. Сын достал сохранившийся у него с тех времен групповой снимок, и я обнаружил, что человек, на которого он указывал, как раз и был только что прибывшим к нам представителем шведского короля».

Когда сын Петё и Валленберг встретились чуть позже в конторе у Петё-старшего, они обнялись, как друзья. «Общение между ними возобновилось, – писал старший Петё. – Он часто приходил к нам в гости, и мои отношения с ним стали более близкими... Я вспоминаю о Валленберге с великим восхищением»².

Петё и Валленберг часто обсуждали, как наилучшим образом использовать для помощи венгерским евреям добрую волю шведского короля. Случай предоставился в один из дней второй половины июля 1944 года, когда Валленберг рассказал Петё, что на следующий день в Стокгольм направляется курьер шведской миссии: он мог бы отвезти с собой послание Еврейского совета шведскому королю.

Как вспоминает Петё, «нельзя было терять ни минуты, поэтому я вызвал Кароя Вильгельма (еще одного члена Еврейского совета) в тот же вечер ко мне на квартиру, и мы все вместе написали письмо королю Швеции, в котором поблагодарили его за всё, что он до сих пор для нас сделал, и написали, что требуется, чтобы попытаться спасти двести тысяч евреев, еще оставшихся в живых».

Мы просили его, чтобы он предложил венгерскому правительству и немцам забрать всех евреев в Швецию, – немцам и венграм потребовалось бы для этого лишь предоставить суда, которые могли бы ожидать нас в одном из румынских портов на побережье Черного моря. Были и другие предложения. В отдельной записке, подготовленной моим сыном... обрисовывалось в общих чертах то трудное положение, в котором мы пребывали, опасаясь продолжения депортаций... Мы закончили писать только утром».

Еврейские старейшины и, по-видимому, Валленберг придавали большое значение тому, чтобы документы, подписанные Штерном, Петё и Вильгельмом, дошли до короля Густава. Тем сильнее было их беспокойство, когда через несколько дней стало известно, что курьер с письмами в Стокгольм не прибыл. Когда он находился в пути, а именно 20 июля 1944 года, в резиденции Гитлера взорвалась бомба. Вслед за этим, в ходе проводившейся в течение нескольких дней массовой операции, германские границы были закрыты. Таким образом, курьер застрял где-то на территории рейха. «Прошло еще несколько дней, но о нем не было никаких известий, – писал Петё. – Нервничать стал даже Валленберг». Штерн вспоминает: «Если бы курьера поймали и нашли письма, для нас это кончилось бы плачевно. И мы свободно

¹ По-видимому, методы эсэсовцев некоторое время вводили в заблуждение самого Штерна.

² В 1955 г., когда Петё писал свои мемуары в Бразилии, он считал, что Валленберг умер в 1945 г.

вдохнули лишь после того, как Валленберг сообщил нам о благополучном прибытии курьера на место».

Каким зыбким и опасным оставалось положение будапештских евреев, несмотря на приказ Хорти о приостановлении депортаций, хорошо видно из событий, получивших впоследствии название «дела Киштарчи». 14 июля 1944 года, вызываясь нарушив запрет на проведение депортаций, Эйхман послал отряд СС в лагерь для интернированных в Киштарче, где держали тысячу пятьсот известных и состоятельных евреев. Эсэсовцы легко разоружили венгерских охранников и подавили их сопротивление – оно оказывалось только для видимости, – после чего загнали евреев в вагоны, которые Франк Новак, специалист Эйхмана по транспорту, заблаговременно втайне туда пригнал.

Поезд немедленно отправили к границе, откуда он должен был проследовать в Освенцим. Но известие о случившемся быстро достигло Еврейского совета. У д-ра Петё имелся номер личного телефона сына адмирала Хорти Миклоша, и он сразу же позвонил ему, оповестив, таким образом, регента о действиях Эйхмана. Отреагировав немедленно, Хорти позвонил в Министерство внутренних дел и приказал вернуть поезд в Киштарчу, «в случае необходимости применив силу». Приказ был выполнен, и состав направили обратно почти от самой границы.

Услышав про «наглость» Хорти, Эйхман был вне себя. Тем яростнее он напал на Еврейский совет, который, как он считал, не имел никакого права вмешиваться в его планы. Член совета Фюлёп Фройдигер вспоминал позднее: «Что было типично для немецкой ментальное™, Эйхман, как ни парадоксально, обрушился на меня с упреками и обвинил в доносите́льстве правительству Венгрии. Он, по-видимому, совершенно серьезно считал, что долг Центрального еврейского совета – всеми средствами способствовать депортациям».

Эйхман твердо решил взять реванш за неудачу в Киштарче. «(Он) считал это делом чести СС, неудача разъярила его, – вспоминал Штерн. – Накануне 17 июля все члены Еврейского совета получили приказ явиться в штаб-квартиру СС на Швабском холме ровно в 8 часов утра. Никто из нас ни малейшего представления о причине вызова не имел. Сначала несколько часов нас продержали в приемной, запретив в то же время из нее отлучаться. Телефон был отключен, и мы не могли связаться ни с кем.

Наконец офицер (Хунше) пригласил нас к себе. Заявив, что он замещает Эйхмана, он повел с нами совершенно бессмысленную и, главное, бесконечную беседу о том, как наилучшим образом ликвидировать царящие среди евреев панические настроения. Обсуждение вопроса длилось всю вторую половину дня, и нас отпустили только через 12 часов в 8 вечера».

Пока совет из восьми человек таким образом изолировали, отряд из 150 эсэсовцев во главе с Эйхманом снова совершил набег на лагерь в Киштарче и снова подавил сопротивление венгерских охранников, разоружив их. На этот раз Эйхман предпринял дополнительные меры предосторожности, и все телефонные линии были предварительно перерезаны. Полторы тысячи евреев, уже спасенных до этого по распоряжению Хорти, опять загнали в ожидавший их железнодорожный состав и снова отправили, на этот раз с курьерской скоростью, к границе и далее в Освенцим. На этот раз возможность вмешательства оказалась исключена. «Прежде чем мы могли попытаться сделать хоть что-нибудь, они уже пересекли границу», – писал Штерн.

Воодушевленный удачным ходом, Эйхман снова стал требовать тотальной депортации будапештских евреев. Но Хорти заявил, что он этого не допустит. Эйхман полетел в Берлин за свежими директивами, где ему посоветовали ослабить решимость регента демонстрацией силы. После возвращения Эйхмана в Будапешт эсэсовские подразделения в столице и в ее пригородах получили заметные подкрепления. Скоро численность их достигла 9500 человек. «Будучи уверены в своем превосходстве, – писал Штерн, – эсэсовцы устроили парад и промаршировали в полном вооружении по улицам Будапешта».

Наглядно продемонстрировав прочность своих позиций, Эйхман начал готовить молниеносную депортацию, которую назначил на конец августа. Теперь он имел в своем распоряжении достаточную военную силу, чтобы провести операцию без участия в ней венгров-пособников. А чтобы предотвратить вмешательство со стороны Еврейского совета, Эйхман приказал Штерна, Петё и Вильгельма арестовать.

17 августа семидесятилетнего Штерна, больного воспалением легких, вытащили из постели, посадили в открытый автомобиль и отправили на Швабский холм. Петё, уже

схваченный и сидевший в том же автомобиле, имел при себе компрометирующие его документы, в том числе письмо от Валленберга. «Я выбросил документы из автомобиля, – вспоминал он в послевоенных мемуарах. – Со мной было еще письмо от Валленберга, которое я хотел порвать, прежде чем выбросить. Услышав шуршание бумаги, детектив повернулся и вырвал наполовину разорванное письмо у меня из рук.

Во время допроса я видел, как один из гестаповцев сложил вместе обрывки письма... Следователь гестапо, показавшийся мне слегка пьяным, прочитав его, пришел в бешенство, и меня жестоко избили...» (Содержание письма в мемуарах Петё, к сожалению, не раскрывается.)

Хорти, однако, о действиях Эйхмана сообщили, и он за членов совета вступился. Через двадцать четыре часа – естественно, после жестокой обработки – гестапо их отпустило.

Штерн и Петё входили в число немногих евреев, которым покровительствовал Хорти, и отношение регента – и его сына – к ним точно отражает отношение венгерских правителей к их еврейским подданным. В течение нескольких лет Штерн был одним из особо приближенных советников Хорти, в то время как племянник Петё служил секретарем сына регента. Оба, и Штерн и Петё, регулярно встречались с регентом или с его сыном в Крепости Буды, входя во внутренние покои с черного входа. Как уже упоминалось, Петё знал секретный номер телефона сына регента Миклоша и относился с молодому человеку с симпатией, понимая в то же время, как боялся тот дворцовых шпионов, следящих за его непрекращающимися контактами с представителями еврейской элиты. Время от времени Миклош приказывал обследовать свой кабинет на предмет обнаружения в нем подслушивающих устройств.

Примерно в то же самое время молодого Хорти посещал еще один влиятельный еврей, активист сионистского движения Отто Комой. Дневник, найденный после его гибели (он был убит венгерскими нацистами), содержит выразительное описание отношения регента и его сына к евреям-соотечественникам. «По рождению и воспитанию, я – антисемит, – признавался Комой Хорти-младший. – Но иначе, учитывая отношение к евреям в доме моих родителей, не могло быть. Я, например, никогда бы не смог жениться на еврейке или иметь детей, в жилах которых текла бы еврейская кровь. Для меня это было бы просто невыносимо.

Но потом я занялся экономикой страны¹. И увидел, что происходит у нас в бизнесе... наших высших чиновников экономические интересы Венгрии не интересуют, и они их не защищают. Дай им волю, страна давно обанкротилась бы. Вот зачем нам нужны евреи. Ведь преследуя цели личного обогащения, они также защищают интересы своей страны... Кроме того, как спортсмен я знаю, что наивысших результатов можно достичь только в соревновании. Венграм нужно соревнование, и оно возникает в результате деятельности евреев. Поэтому еврейская эмиграция должна проходить планомерно и в соответствии с интересами нации...»

Некоторые другие венгры, занимавшие в то время значительные посты, также относились к евреям неоднозначно, что особенно касается Ласло Ференци, офицера, осуществлявшего связь между венгерской жандармерией и СС, – «оппортуниста до мозга костей», как называл его Штерн. Как пишет Штерн в воспоминаниях, Ференци вступил с Еврейским советом в заговор, целью которого было сорвать эйхмановский план депортации, назначенной на 26 августа.

«Нам пришлось притворяться, будто мы принимаем за чистую монету его добрые намерения и гуманные чувства, – писал Штерн. – Мы даже льстили ему в лицо, говоря, что он единственный может спасти будапештское еврейство от верной гибели... Он может покрыть себя неуязвимой славой и обретет вечную память, он смоет позорное пятно с имени своего народа».

План (по версии Штерна, составленный им и Ференци) состоял в том, чтобы скрыто сосредоточить в Будапеште силы, превышающие по численности подразделения СС, для чего следовало стянуть из провинции в город части жандармерии, придав им поддержку полиции и надежных армейских частей. Войска переводились в город якобы для содействия депортации, в то время как действительной их целью было ее предотвращение. Ференци настаивал на том, чтобы план получил одобрение самого Хорти, и – по-видимому, не замечая иронию просьбы – попросил Штерна организовать ему встречу с регентом. Узнав подробности плана, Хорти согласился сыграть роль, которая ему отводилась, – он должен был убедить эсэсовцев, что более

¹ Венгерская знать презирала торговлю и гражданские профессии, отсюда превосходство евреев в этих областях жизни.

против депортаций не возражает.

Затем, как позже объяснял Штерн, «когда приготовления будут закончены, за день или два до начала эсэсовской акции, регент должен был проинформировать немцев, что депортации отменяются, и он готов провести свое решение в жизнь, если потребуется, даже военной силой». Штерн считал, что, даже если бы конфликт закончился открытым столкновением с немцами, последние, скорее всего, отступили бы – они бы не пошли на риск открытого и окончательного разрыва с союзником, пусть даже таким ненадежным, в самый критический миг войны. А момент действительно был для Германии критическим: их союзники-румыны находились на грани заключения сепаратного мира с наступающими русскими, Нормандия и Бретань были захвачены англосаксами, Париж мог пасть в любую минуту, и на юг Франции вторглись англо-американские войска.

Миссии нейтральных стран в Будапеште, зная по слухам о готовящейся депортации, также готовились противодействовать ей. Валленберг, как писал о том Штерн, «со всей присущей ему энергией осаждал министерские кабинеты», а 22 августа созданное по его инициативе совещание представителей нейтральных стран под председательством папского нунция монсеньора Анджело Ротта приняло текст общего решительного заявления премьер-министру Стояи. В ноте говорилось, что представители нейтральных стран хорошо осведомлены о приготовлениях к массовой депортации. И хотя ее официальной целью будет несомненно объявлен набор рабочей силы для заводов Германии, «все мы знаем, что это значит», как весьма недипломатично гласил текст меморандума.

Отвечая на дипломатическое давление, уверенный, что он располагает достаточными силами, чтобы нейтрализовать эйхмановские подразделения СС, Хорти запретил депортации. Особо это подчеркивая, Ференци предупредил Эйхмана, что девятнадцать тысяч венгерских солдат, полицейских и жандармов, находившихся в то время в столице, готовы, если необходимо, остановить его силой.

«Эйхман был в ярости, – вспоминает Штерн, – он понял, что его обманули, однако не осмелился прибегнуть к оружию и обратился в Берлин за инструкциями». Ответ, полученный ночью 24 августа непосредственно от Гимmlера, гласил недвусмысленно – никаких депортаций больше не проводить. Через несколько дней Хорти уволил Стояи и назначил на место премьера более умеренного генерала Гезу Латакоша, поручив тому разработать программу из трех пунктов:

- (1) восстановление венгерского суверенитета, насколько это было возможно в условиях частичной немецкой оккупации;
- (2) прекращение преследований евреев и
- (3) проведение мероприятий для заключения перемирия, о котором следовало просить страны-союзницы в надлежащее время.

С падением правительства Стояи и заменой последнего на Латакоша, казалось, что худшие дни для будапештских евреев уже миновали. Но устранение Стояи, за которым должно было последовать изгнание Эйхмана, означало лишь передышку, окончание только одной из нескольких фаз мученичества венгерских евреев. Три члена Еврейского совета: Фюлëп Фройдигер, Шандор Диамант и Дьюла Линк, бежавшие в Румынию в середине августа и тем самым, согласно обвинениям многих, бросившие своих соплеменников на произвол судьбы, – выступили впоследствии с совместным документом, в котором описывается предшествующий их побегу период. Особого осуждения среди венгерских нацистов заслуживают, по их мнению, Петер Хайн, глава венгерского гестапо, «стремившийся, по-видимому, превзойти в жестокости и подлости своего германского коллегу», а также Ласло Эндре и Ласло Баки, работавшие в тесном контакте с Эйхманом «радикалы-антисемиты, убежденные в том, что все вселенское зло происходит исключительно из-за евреев». Об Эндре авторы доклада писали: «Даже друзья считали его патологическим типом, он не признавал для себя никаких законов, полностью отдаваясь страстям».

В документе также описывается, как после завершения операции «Маргарет» все органы

печати и радио Венгрии наводнила антисемитская пропаганда: целью кампании являлось, по-видимому, если не одобрение будущих депортаций, то, во всяком случае, молчаливое потворство им со стороны нееврейского населения. «Неделями по радио не передавали ничего, кроме самой грубой брани в адрес евреев. Казалось, в Венгрии существует только одна проблема – еврейская... Вся антисемитская литература прославлялась как высшее интеллектуальное достижение человечества, и «Протоколы сионских мудрецов»¹ предлагались населению в качестве ежедневной духовной пищи».

Тем временем будапештские евреи «буквально неделями занимались только тем, что заполняли бесчисленные анкеты и декларации и простаивали в очередях перед полицейскими участками и другими государственными учреждениями, получая соответствующие бланки или же сдавая их уже заполненными... Многие стоящие в очередях не знали, смогут ли они вернуться домой, да и остались ли у них их дома? Их могли к тому времени разбомбить или же реквизируют, а оставшихся в них родственников арестовать или депортировать».

Каждая бомбардировка союзников давала повод для распространения «невероятных историй о том, как евреи сигнализировали бомбардировщикам или же снабжали врага информацией, передаваемой им по радио». В одной такой небылице рассказывалось, будто британские и американские летчики сбрасывали на город предназначенные для венгерских детей заминированные куклы. Естественно, и тут не обошлось без козней евреев, ибо подобные куклы были найдены в подвале одного еврейского дома. Каким образом евреи умудрились доставлять кукол летчикам на бомбардировщики, наполнять их взрывчаткой и сбрасывать на город, оставалось невыясненным.

«Евреи чувствовали себя беспомощными и бесправными... На улицах они держались ближе к стенам домов, ожидая в любой момент, что их могут арестовать по ложному обвинению в том, что они носят свои желтые звезды неправильно или даже специально скрывают их. Подобные нападки стали чем-то вроде игры для молодых полицейских. Арестованных забирали в лагерь, из которых заключенные не освобождались и не могли бежать».

Неожиданно в самых различных кварталах города улицы блокировались с противоположных сторон и проводились облавы; всех задержанных таким образом евреев направляли в трудовые лагеря. Поскольку, согласно распоряжениям Эйхмана, Еврейский совет уже организовал набор трудоспособных мужчин-евреев и поставлял властям необходимую рабочую силу, члены совета спрашивали у оберштурмбанфюрера, почему он не пользуется уже организованным способом ее получения. Эйхман без затей отвечал им, что уличные аресты – это «часть общей процедуры». Как указывается в совместном докладе, «нельзя было яснее сказать, что они производились специально для запугивания евреев».

Эйхману определенно удалось мистифицировать авторов доклада своими претензиями на глубокие познания в области еврейской культуры. «Он родился в Палестине, где обосновались его родители, – писали они, – и большую часть своей молодости провел там. Поэтому нет ничего парадоксального в том, что Эйхман, яростно ненавидевший евреев и одержимый идеей их уничтожения, хорошо говорил на иврите и даже гордился этим». Впрочем, подобное легкое верие к заявлениям Эйхмана проявляли немногие. Других влиятельных евреев, встречавшихся с Эйхманом, обмануть оказалось труднее. Им было известно точно, что он родился в Германии, а его познания в иврите ограничивались несколькими литургическими фразами, известными каждому изучающему теологию первокурснику. Что касается знания идиша, то основу этого языка составляет один из средненемецких говоров и он понятен любому немцу.

О двух главных помощниках Эйхмана в совместном документе говорится, что Вислицени любил называть себя бароном, дворянского титула отнюдь не имея, а Крумеи авторы считали «наиболее гуманным из старших офицеров СС».

Хотя в описываемый совместным докладом период будапештских евреев не депортировали, штаб-квартира Еврейского совета постоянно и, как правило, через сочувствующих евреям венгров получала сообщения из провинции о творящихся там жестокостях. В документе рассказывается, как в одном небольшом городке «евреев гнали к

¹ Одиозное сочинение, вероятно сфальсифицированное в царской России в конце XIX в. тайной полицией. В «Протоколах» подразумевается существование всемирного еврейского заговора.

железнодорожному составу кнутом, погоняя не только взрослых, но и всех детей старше годовалого возраста, которых заставляли идти самостоятельно».

В другом городе несколько евреев-мужчин легли на железнодорожные рельсы и отказались от погрузки в ожидавший их поезд. «Их всех пристрелили на месте».

В городе Тата «молодую мать, только что разрешившуюся близнецами... взяли за руки и за ноги и швырнули в кузов грузовика, после чего кинули туда же новорожденных».

В городе Кашша восьмидесятилетнюю мать известного еврейского гражданина взяли с операционного стола после ампутации ноги и кинули в железнодорожный вагон. «Ее сын, присутствовавший при этом, пытался застрелиться. Оружие было выбито у него из рук, так что он снес себе половину лица. Окровавленного и без сознания, его бросили в тот же вагон».

Как раз в это время проходили вызвавшие после войны столь большую дискуссию переговоры между руководством СС и Рудольфом Кастнером, одним из лидеров еврейской общины, который в Центральный еврейский совет не входил. Переговоры начал по приказу Гимmlера явно не желавший их Эйхман, а предметом их явился возможный обмен одного миллиона евреев на десять тысяч грузовиков и другие небоевые военные материалы. Рассматривая тогдашние события с современной точки зрения, становится совершенно ясно: Эйхман без колебаний предпочел бы отправить в газовые камеры всех венгерских евреев, даже если это означало бы утрату шанса получить столь необходимые для рейха ресурсы. Если бы Эйхман действительно хотел соглашения, он мог бы пойти навстречу союзникам, приостановив или, во всяком случае, замедлив темп депортаций. Но Эйхман, напротив, продолжал их даже с более яростной поспешностью, так что с каждым днем мог предложить для торга с Кастнером и его помощником Джоэлем Брэндом все меньше и меньше.

Несмотря на это, Кастнер и еврейские лидеры за границей, знавшие о проведении секретных переговоров и надеявшиеся склонить англичан и американцев к заключению сделки, отчаянно цеплялись за нее, надеясь таким образом спасти значительное число соплеменников. Переговоры тянулись месяц за месяцем.

Гимmlер, по-видимому, действительно хотел заключения сделки и через некоторое время назначил своим представителем на переговорах Курта Бехера, еще одного оберштурмбанфюрера СС, переводя Эйхмана на роль помощника. Но, как отмечали члены Еврейского совета, отношения у Эйхмана с Бехером не складывались. «Бехер выступал против депортаций, он хотел заполучить ресурсы любой ценой и отчетливо понимал, что, не имея для обмена живых евреев, он ничего не получит». Эйхман, напротив, «считал, что продолжение депортаций заставит заграничных евреев идти на все большие уступки, даже если количество евреев в Венгрии будет сокращаться все больше». Как становится ясным, он просто надеялся на то, что скоро для торга евреев вообще не останется и дело будет просто закрыто.

Но Соединенные Штаты и Великобритания отказывались от переговоров с нацистами в принципе. Не пошли бы они и на снабжение их материалами, если таковые могли способствовать усилению немецкой мощи на театре военных действий с русскими. В любом случае, даже если бы линия поведения союзников была более гибкой, переговоры «жизнь за грузовики» были обречены отношением к ним Эйхмана. Единственное, чего Кастнер добился, это выкуп (по 2000 долларов за душу ¹) 1700 состоятельных евреев, включая членов его собственной семьи, которые вскоре перешли в Швейцарию через Бельзен.

Одним известным венгерским евреем, не питавшим никаких иллюзий относительно перспектив переговоров, которые вел с нацистами Кастнер, был Миклош (ныне Мойше) Краус ², представитель Еврейского агентства в Будапеште. Будучи радикалом-сионистом, Краус ставил

¹ В 1956 г. Кастнер был убит в Тель-Авиве неизвестным, который посчитал, что тот предал его доверие, обеспечив горстке богачей выкуп, но оставив остальных на произвол судьбы.

² Станным образом Краус – это единственный среди десятков свидетелей и информаторов, с которыми я консультировался, кто пытался преуменьшить роль Валленберга в спасении будапештских евреев. Летом 1979 г. в Иерусалиме он рассказывал мне, что Валленберга послали в Будапешт главным образом по его (Крауса) совету и что, когда Валленберг прибыл в Венгрию, он стал вести себя настолько «наивно», что ему (Краусу) пришлось показать ему, как в такой ситуации следует действовать. Краус категорически утверждал, что Валленберг никогда лично в спасении людей из пеших колонн не участвовал (см. далее главу 7), что хороших отношений с Пером Ангером у него не было и что он никогда не бывал в Хайфе. Краус считал, что Валленберг превратился в человека-легенду только благодаря тому, что его семья «платила журналистам, чтобы те писали о нем».

своей целью не столько спасение евреев, сколько эмиграцию их в Палестину, находившуюся тогда под управлением Великобритании, где они могли бы стать гражданами будущего еврейского государства. Интересы Великобритании в Венгрии представляла тогда швейцарская миссия, и Краус знал, что она располагает несколькими сотнями иммиграционных удостоверений для евреев, ожидающих своей очереди для выезда в Палестину.

Краус убедил швейцарцев в возможности заключения соглашения, предусматривающего проезд евреев – держателей этих удостоверений по железной дороге до румынского порта на Черном море (Констанца) и затем транспортировку их морем до Стамбула и Палестины. Швейцарцы идею одобрили и в переговоры с венгерскими и немецкими властями вступили. Вся подготовительная административная работа, связанная с предстоящей транспортировкой, была возложена на Крауса, которому швейцарцы предоставили контору и жилое помещение в своей миссии. Немцы и венгры с некоторой осторожностью на переговоры решились: немцы, возможно, считали, что, отпустив из страны пару тысяч евреев, они тем свободнее, не вызывая слишком большого протеста в мире, могли бы продолжить депортации в лагерь смерти оставшихся.

Приблизительно в середине июля 1944 года Хорти объявил о согласии своего правительства с этой схемой в принципе, при условии, конечно, что ее поддержат румынские и турецкие власти. Краусу разрешили начать работу и подготовить к переезду первую партию эмигрантов приблизительно в 2200 человек. Все они должны были отправиться в путь под флагом Красного Креста, имея один общий коллективный швейцарский паспорт, в сопровождении служащих Красного Креста и швейцарской дипломатической миссии. Новости о предстоящем отправлении в Палестину распространились среди евреев Будапешта со скоростью лесного пожара, и тысячи из них осадили располагавшееся на улице Вадас «Палестинское бюро» швейцарской миссии, требуя для себя место в поезде.

И все же отправление в Палестину не состоялось. Усилия Крауса и воодушевленного его идеей швейцарского генерального консула Шарля Лютца были торпедированы бесконечными оттяжками нацистов, которые, помимо других причин, не хотели огорчать своего друга и союзника, палестинского лидера Хадж Амин аль-Хуссейни, главного муфтия Иерусалима, разрешением евреям иммигрантам вступить на Святую землю.

ГЛАВА 6

Новообретенная решимость, которую продемонстрировал Хорти, уволив Стояи вместе с самыми жестокими слугами своего режима Эндре и Баки, в большой мере была вызвана выходом из войны соседней Румынии, а также общими усилиями, предпринимаемыми миссиями нейтральных стран. Побуждаемые к действию неутомимым Валленбергом, они непрестанно бомбардировали правительство Стояи бесчисленными запросами, представлениями и протестами.

По приказу Хорти новое правительство Латакоша вручило главе германской дипломатической миссии Эдмунду Везенмайеру ноту с требованиями вернуть управление делами евреев властям Венгрии и передать им же хранящееся на германских складах конфискованное у евреев имущество. Хорти даже лично вызвал Везенмайера в Крепость Буда и зачитал свои требования, добавив к ним еще одно – об отзыве из Венгрии Эйхмана и его команды. Беспрецедентная демонстрация независимости сателлита застала нацистов в нехарактерный для них момент неуверенности в своих силах. Крах румынских союзников, наступление русских с востока и англичан и американцев с запада, травма, нанесенная верховному командованию рейха антигитлеровским заговором 20 июля, все вместе на время лишило их обычной наглой самоуверенности.

Везенмайер передал требования Хорти в Берлин. Рейхсфюрер СС Гиммлер ответил 25 августа: после потери румынских нефтяных промыслов идти на полный разрыв с Хорти из-за оставшихся в живых венгерских евреев не имело смысла. Подвергать риску ставшую невозместимой добычу нефти в венгерском районе Зала ни в коем случае не следовало.

30 августа немцы заключили с правительством Латакоша новое соглашение. Эйхман и его команда из Венгрии отзывались. Несомненно, это решение стало для Эйхмана самой большой

неудачей и унижением за всю его карьеру. Ошеломленный, он вылетел в Берлин, где напрасно просил о помощи Гимmlера. Затем он обратился в имперскую канцелярию. Там занимались делами намного более серьезными, чем «еврейский вопрос» в Венгрии, и никакого понимания у ближайших соратников Гитлера Эйхман не встретил. Гимmlер, не собиравшийся из-за настырности Эйхмана подвергать опасности процесс своих личных переговоров с западными союзниками, бросил огорченному подчиненному кость – он наградил его Железным крестом второй степени. Это был первый знак отличия, полученный Эйхманом за одиннадцать лет его верной службы в СС.

Большинство членов его команды было отправлено теперь в принудительный отпуск, и сам Эйхман, получив свой Железный крест, поехал переживать обиду к оставшемуся, как и он, без работы своему другу Ласло Эндре в его замок на австрийско-венгерской границе.

Отъезд Эйхмана не означал, что все угрозы безопасности будапештским евреям остались навсегда позади. Хорти и Латакош знали, что, восстановив суверенные права Венгрии над ее гражданами, они зашли так далеко, как только могли зайти, и что отмены ограничений гражданских прав евреев – особенно теперь, когда русские начали наступление на востоке Венгерской равнины, – немцы ни в коем случае не потерпят.

Поэтому соглашение Хорти с Везенмайером предусматривало направление всех трудоспособных евреев, мужчин и женщин, в лагеря, расположенные в сельской местности, где они должны были работать, обеспечивая нужды венгеро-германских войск на фронте.

Детей, стариков и других нетрудоспособных предполагалось разместить в двух отдельных лагерях, а больных отослать в «лечебницы». Евреям Будапешта и их защитникам в миссиях нейтральных стран такой исход представлялся лучшим, чем транспортировка в товарных вагонах в Освенцим, но ненамного. Массовое уничтожение гарантировалось применением других, более медленных, чем удушение газом, методов – переполненностью лагерей, недоеданием, непосильной работой, антисанитарией и грубым обращением охраны. Кроме того, концентрация евреев в лагерях сильно облегчила бы их неожиданную депортацию в том случае, если бы нацистам удалось восстановить свою власть над Венгрией.

Как бы то ни было, но соглашение с Везенмайером имело в своем тексте важную оговорку, согласно которой условия проживания в концентрационных лагерях должны были «соответствовать европейским стандартам» и подлежали проверке организацией Красного Креста. После долгого периода пассивности и бездействия это положение наконец-то позволило Международному Красному Кресту пусть несколько запоздало, но о себе заявить. Увеличение численности делегации МКК в Будапеште в конце концов штаб-квартирой организации в Женеве было одобрено, и она взяла на себя миссию проверки лагерей. Как отмечал впоследствии Шаму Штерн, «мужественно приняв нашу сторону, они... не нашли в течение полутора месяцев ни одного лагеря в Западной Венгрии, который был бы пригоден для «проживания в нем в соответствии с европейскими стандартами». В результате этих проверок, а также вследствие неоднократных протестов стран-союзниц и нейтральных стран венгерское правительство, по-видимому не без облегчения, отказалось от этого плана вовсе.

29 сентября Валленберг сообщал в Стокгольм: «Выполнение соглашения, заключенного между венграми и немцами относительно эвакуации всех евреев из Будапешта в сельскую местность за пределы столицы, полностью венгерскими властями саботировано и не привело пока к выселению из Будапешта ни одного еврея». Тем не менее Валленберг предупреждал: немцы угрожают взять дело в свои руки и с этой целью снова начинают стягивать в венгерскую столицу подразделения СС.

«Неясно, планируют ли они высылку этих евреев за пределы страны или нет, но можно допустить, что они не смогут провести свои планы в жизнь, не прибегнув к насильственным мерам против правительства».

Таким образом, со сдержанным оптимизмом и надеждой, что худшее уже позади, Валленберг начал сворачивать свою деятельность и подумывал о возвращении домой. «В соответствии с решением о постепенном завершении работы отдела, некоторые наемные служащие уже уволены, – докладывал он. – Численность их сейчас приблизительно составляет около сотни. Примерно сорока служащим придется в течение следующих десяти дней вернуть свои охранные паспорта в миссию. Им будет, однако, разрешено оставить при себе выданные

венгерским Министерством внутренних дел карточки. Карточки исключают их из числа лиц, обязанных носить звезду Давида, а также освобождают от трудовой повинности».

Валленберг сообщал также, что на следующий после написания донесения день власти должны были освободить всех держателей шведских охранных паспортов, отбывающих трудовую повинность, и что «общее освобождение интернированных может в значительной степени считаться результатом работы отдела». Довольно прозрачно Валленберг объясняет: «С чиновником, по приказу которого будут освобождены эти люди, пришлось поработать как следует».

В тот же день 29 сентября Валленберг писал Кальману Лауеру: «Я делаю все, что в моих силах, чтобы вернуться домой как можно скорее, но вы должны понять, что такую большую организацию, как наша, распустить не просто. В момент, когда (русская) оккупация станет свершившимся фактом, отдел автоматически свое функционирование прекратит. Но до тех пор его деятельность останется необходимой. Просто остановить ее будет очень трудно. Я попытаюсь вернуться домой за несколько дней до прихода русских».

Положение улучшалось. 12 октября, когда Будапешт полнился слухами о том, что Хорти намерен просить западных союзников о заключении сепаратного мира, Валленберг сообщал в Стокгольм: «Освобождение интернированных закончено. Сейчас в заключении у венгров остаются только евреи, считающиеся уголовными преступниками». Евреев продолжали посылать на возведение оборонительных укреплений на восточных подступах к Будапешту, но, «насколько можно судить, обращение с ними не является бесчеловечным». В то же время «попытка добиться освобождения от трудовой повинности евреев, имеющих на руках шведские охранные паспорта, оказалась довольно успешной».

«Наступление русских, – продолжал Валленберг, – усилило надежды евреев на то, что их несчастья скоро закончатся. Многие самовольно перестали носить звезду Давида. Остаются, однако, некоторые опасения, что в самый последний момент немцы могут устроить погром. Хотя никаких признаков того, что это может произойти, пока что не наблюдается».

В тот же день Валленберг послал личное письмо Иверу Ольсену, очевидно выдержанное в «предканикулярном» настроении:

«Оглядываясь назад, на три месяца, которые я провел здесь, могу лишь сказать, что это был самый интересный период моей жизни, и, как я считаю, небесполезный. Когда я прибыл сюда, положение евреев действительно было ужасным. Ход военных событий и естественная психологическая реакция венгерского народа многое изменили. Мы, служащие шведской миссии, сыграли, вероятно, только роль орудия, преобразующего эти тенденции в конкретные действия различных правительственных учреждений. Я придерживался в работе именно такой линии поведения, хотя, конечно, вынужден был ограничивать свои действия пределами, определявшимися моим положением представителя нейтральной страны.

Всё это время я пытался помочь всем евреям. Но помочь всем можно было, лишь избавив сначала от ношения звезды отдельную группу. Я начал с этой точки, исходя из идеи, что те, кто более не будет обязан носить звезду, помогут своим товарищам. Я также провел большую просветительскую работу среди ключевых фигур, занимавшихся здесь «еврейским вопросом». И я совершенно уверен, что наша работа здесь – а это значит, в конечном итоге, и ваша тоже – способствовала освобождению интернированных евреев. А это означает свободу для многих сотен людей...

М-р Ольсен, поверьте мне, ваши денежные пожертвования в пользу венгерских евреев принесли огромное благо. И я считаю, что у них есть все основания благодарить вас за идею проведения и поддержку шведской акции в помощь евреям, которую вы осуществили столь великодушным образом».

Если бы миссия Валленберга тогда же на этом окончилась, как, по-видимому, он полагал в то время, он вернулся бы домой с удовлетворением и с чувством хорошо выполненного долга. Ход событий, однако, заставил оценить все достигнутое как несравнимо малое по сравнению с

тем, что еще потребовалось совершить.

Хорти послал в Москву специального эмиссара, который должен был сообщить русским о его решении заключить сепаратный мир. Кажется невероятным, но Хорти считал, что он сможет заключить мир втайне от немцев. Предупрежденные о посланной им в Москву миссии своими шпионами из Крепости Буды, нацисты сразу же в обстановке строгой секретности приступили к подготовке контр-операции «Панцерфауст», которая могла бы предотвратить бегство Венгрии из лагеря стран Оси. Не предприняв самых элементарных мер предосторожности (типа стягивания значительных военных сил для защиты столицы), Хорти приказал 15 октября зачитать по радио обращение, в котором народу Венгрии сообщалось, что война для него окончилась.

Ласло Самоши, находчивый молодой еврейский активист, живший тогда в Будапеште и передвигавшийся по городу с фальшивым удостоверением личности, вспоминает то памятное воскресное утро, когда прозвучало обращение Хорти. «Это был миг, которого мы, евреи, ждали так долго, многие месяцы, ежеминутно опасаясь угрожавшей нам депортации, – писал он в своих мемуарах много лет спустя. – Наше избавление, наша свобода казались нам в первую минуту невероятными. Мы им просто не верили. Неужели мы могли свободно выйти на улицу? Могли сорвать и выбросить желтые звезды? Мы могли даже пойти искать наших родственников и знакомых! Экстаз, охвативший нас, живших в доме с желтой звездой, был неописуем».

И все-таки Самоши отправился в то утро в город в свою собственную разведку: у него оставались сомнения, он подозревал, что избавление не наступило. «Я видел хорошо снаряженные немецкие подразделения на мотоциклах, выезжающие из города, и не заметил ни одного венгерского солдата, даже у предместий, охранявшихся ранее совместными венгерскими и немецкими патрулями».

Когда евреи дома, в котором он жил, выслушав радиосообщение, сняли с фасада большую желтую звезду, Самоши вышел, чтобы еще раз оглядеться вокруг. «Не заметив никаких признаков того, что венгерская армия занимает город, т.е. не обнаружив ничего, что бы подтверждало радиосообщение, я не просто встревожился – мое сердце наполнилось страхом. Объявление зачитали еще несколько раз, но потом стали передавать предупреждения о воздушном налете, в промежутках между которыми играла все та же немецкая музыка и звучала все та же немецкая речь.

Неожиданно по радио заговорил новый голос, монотонно перечислявший имена главарей движения «Скрещенные стрелы»¹. Становилось ясно: власть в городе и в стране переходила в руки своры вооруженной немцами черни. Немецкие части вновь устремились в город. Сделав всего несколько выстрелов, они овладели радиостанцией, после чего было объявлено о создании правительства нилашистов². Всем нашим надеждам пришел конец».

ГЛАВА 7

На этот раз нацисты решили застраховаться от неожиданностей и первым делом нейтрализовали Хорти. Пугч начался с захвата сына регента, которого увезли в Германию. Похищение организовал полковник войск СС Отто Скорцени³. Хорти-младшего выманили из дворца якобы на встречу с представителями югославских партизан Тито, но едва он под охраной трех сержантов венгерской армии из дворца выехал, как его автомобиль тут же попал в засаду, охрана была уничтожена, а его самого, раненого, затащили в другую машину. Когда регент услышал, что нацисты захватили его сына в заложники, он сразу же сдался им, оставил родину нилашистам и позволил увезти себя в Германию, став, по существу, пленником.

На этот раз немцы сделали премьер-министром и одновременно главой государства главаря нилашистской партии Ференца Салаши, объявив его «вождем нации». На следующий же день в столицу с триумфом вернулся Эйхман. «Вы видите, я опять здесь, – сказал он небольшой группе еврейских старейшин, немедленно вызванных в его штаб-квартиру. – У нас по-прежнему длинные руки». В течение вынужденных каникул Эйхман придумал простой и

¹ Так называлась венгерская фашистская партия, наиболее экстремистская среди всех правых группировок.

² Нилашисты – члены партии «Скрещенные стрелы», по-венгерски «nailas». (Примеч. пер.)

³ Скорцени известен, главным образом, дерзким похищением Муссолини из рук союзников в 1943 г.

жестокий способ возобновления депортаций евреев, не требующий долгих переговоров с армейским командованием по поводу каждого вагона и локомотива. «Будапештские евреи будут депортированы... но на этот раз в пешем порядке, – объявил он своему штабу. – Транспорт нужен нам для других целей. А сейчас давайте бодро и по-деловому начнем работу!»

«В первую же ночь после путча, – сообщал Валленберг в МИД Швеции, – произошли многочисленные погромы и аресты, и было убито от ста до двухсот человек. Нилашисты сразу же насильно выселили жильцов нескольких еврейских домов... Пропало несколько сотен». Валленберг докладывал, что путч оказался для его отдела «катастрофическим». «Все сотрудники, как и автомашина... исчезли, и, кроме того, пропали ключи от некоторых закрытых комнат, шкафов и прочего. В течение всего первого дня вашему скромному слуге, пытавшемуся навести в делах хоть какой-то порядок, пришлось, оседлав дамский велосипед, ездить по кишасим бандитами улицам. На следующий день мы перевозили людей, размещая их по домам, где они могли бы чувствовать себя в безопасности...» За исключением десяти человек, Валленберг нашел и освободил всех своих сотрудников. После того как донесение Валленберга поступило в Стокгольм, посол Джонсон передал по телеграфу в Государственный департамент его содержание, добавив: «По-видимому, Валленберг выполняет свое задание, отдаваясь ему полностью, и, учитывая огромные трудности, которые ему приходится преодолевать, справляется с ним замечательно. Ольсен считает, что официальное признание УВБ достижений Валленберга, переданное ему по каналам МИДа, сослужило бы в данном случае неплохую службу. Шведское правительство продолжает заявлять протесты по поводу обращения венгерских властей с евреями».

Исполняющий обязанности государственного секретаря Эдвард Стеттиниус телеграфировал в ответ сообщение, в котором говорилось об «искреннем одобрении правительством США гуманитарной деятельности шведского правительства, а также о должной оценке, которую получили в американском правительстве храбрость и изобретательность м-ра Валленберга, проявляемые им в порученном деле».

18 октября нилашистский министр иностранных дел Габор Вайна выступил по радио с декларацией политики его правительства по отношению к евреям: «Наше решение, пусть его и считают жестоким, заслужено поведением евреев в прошлом и в настоящем». О евреях, пользующихся защитой церкви и иностранных государств, в декларации говорилось следующее: «Я не признаю истинности обращения евреев в римско-католическую или лютеранскую веру, – заявлял Вайна. – Я не признаю никакие документы, предоставляющие им защиту любого рода, или иностранные паспорта, которые евреи венгерского подданства получают от иностранных лиц или организаций... Пусть ни одно лицо еврейской расы не думает, что при помощи иноземцев оно может обойти законные меры, предпринимаемые в отношении его венгерским правительством».

Валленберг не стал дожидаться совещания с представителями иностранных миссий. Положение требовало не нот протеста, а незамедлительных действий. И он решил действовать через ново назначенного министра иностранных дел Венгрии барона Габора Кеменя. Последний не представлял себе своего появления в публичных местах или даже на приемах в честь иностранных послов иначе, чем в сапогах для верховой езды и с пистолетом за поясом. Слова о гуманном отношении к людям любой национальности для такого человека не значили ничего. Тем не менее оставалось еще три фактора, которые в переговорах с ним Валленберг мог использовать: первый – это желание нового режима, по-видимому не менее сильное, чем у предшественника, добиться международного признания; второй – личное соперничество Кеменя с Вайной и третий – жена Кеменя. Валленберг уже встречался с баронессой на одном из многих вечеров или дипломатических приемов, которые посещал с целью приобретения влиятельных и полезных знакомств. В лице красивой и живой Элизабет Кемень он нашел исключительно ценного союзника. Происходившая из аристократической австрийской семьи и получившая образование в Тироле, спорной области между Австрией и Италией, она приехала в Будапешт в 1942 году в качестве невесты известного франта барона Кеменя. Теперь она была беременна их первым ребенком.

На заранее договоренной встрече, состоявшейся у их общей знакомой в Пеште, Валленберг кратко и вежливо изложил ей суть дела. Миссии нейтральных стран серьезно

обеспокоены тем, что новое правительство не признает выданные ими паспорта, которые служат охранными грамотами их владельцам. Ее муж хочет международного признания своего правительства, но никогда не получит его, если режим Салаша будет отказываться от обязательств, взятых на себя его предшественниками. Баронесса должна это понять. Ей также стоит взвесить вероятную судьбу лидеров нилашистов: Красная Армия практически – у ворот венгерской столицы. Когда город падет, их всех повесят как военных преступников... конечно, за возможным исключением тех, кто мог бы заступничество заслужить. Баронесса наверняка хотела бы, чтобы барон сделал всё ради спасения своей жизни¹.

С чисто ведомственной точки зрения, продолжал приводить свои доводы Валленберг, вопросы, касающиеся иностранных паспортов, относятся к компетенции Министерства иностранных дел, а не внутренних, и Вайна, таким образом, ими заниматься не должен. Валленберг уверен, баронесса приложит все силы, чтобы помочь мужу и их будущему ребенку: она заставит барона отменить декрет министра внутренних дел.

Уже ранее обеспокоенная тем, что ей доводилось слышать об обращении с евреями, да и сама наблюдавшая ряд неприятных сцен, Элизабет Кемень твердо обещала Валленбергу поговорить с мужем. Вскоре барон Кемень поднял вопрос о паспортах перед «вождем нации». Тот, однако, никакого энтузиазма в отношении просьбы Кеменя не проявил. От евреев, по его мнению, требовалось избавиться. Салаша уже заверял немцев, что на этот раз отступничества не будет. Кемень возражение ловко парировал. Он тоже хочет решить проблему как можно быстрее, но ему кажется, что, если бы новое правительство немного уступило сейчас, оно быстрее достигло бы двух других главных целей: подтвердив законность выданных уже документов, оно снискало бы расположение к себе со стороны шведов, швейцарцев и прочих нейтралов, после чего могло бы потребовать от них, чтобы они забрали к себе из Венгрии всех людей, владеющих их паспортами, в оговоренные за ранее сроки, оставив венграм на их собственное усмотрение, что делать и как поступить с оставшимися в стране евреями.

Таким образом, разрешив самое большее шестнадцати тысячам евреев бежать в нейтральные страны и Палестину – и это при условии, что нейтралы сами обеспечили бы их транспортом и соответствующей организацией транзита, – правительство получило бы возможность без помех и протестов избавиться от вдесятеро большего количества евреев. Изложенное таким образом, предложение Салаша понравилось; оно, по мнению «вождя нации», могло бы стать приемлемым и для немцев.

После того как баронесса сообщила Валленбергу, что данное ей поручение успешно выполнено, она получила еще одну просьбу. Уведомления дипломатического корпуса о переменах в проводимой политике недостаточно. Министр должен объявить о них во всеуслышание, как это сделал Габор Вайна, – по радио, чтобы у местных властей, отделений партии нилашистов и общественности в целом не оставалось никаких сомнений относительно законности выданных паспортов. Далее, в объявлении должно быть подчеркнуто, что вторжение в охраняемые дома и насилие в отношении их жильцов являются совершенно недопустимыми. Аргументы Валленберга оказались достаточно сильными и на этот раз, баронесса обещала обратиться к мужу с еще одной просьбой.

Сначала Кемень ей воспротивился. Унижение и так уже раздраженного соперника было ему не нужно. Но баронесса настаивала; Вайна выставил мужа в неприглядном свете, и муж должен ответить ему той же монетой или потерять лицо. «Ваш друг Валленберг доставляет мне немало хлопот, – пожаловался Кемень. – Ему все мало. Поддерживать с ним знакомство – это что-то вроде китайской пытки водой». Но баронесса настаивала и даже угрожала, как вспоминала она через много лет, уйти от мужа. По-прежнему влюбленный в жену, Кемень не мог отказать, и на следующий день отправился на радио с наставлением от жены: не сделав объявления, из радиостудии не возвращаться.

Согласно слухам, ходившим по Будапешту после войны, настоящей причиной, заставившей баронессу Кемень сотрудничать с Валленбергом, было ее частично еврейское происхождение. Она это отрицает: «Во мне нет еврейской крови, – говорила она посетителю, наведавшемуся к ней в ее квартиру в богатом пригороде Мюнхена в 1980 году. – Я родилась в

¹ Вскоре после войны барон Кемень был действительно арестован союзниками в Северной Италии и передан венграм. Его судил «народный суд», и он был казнен.

старинной католической семье. Нет, беспокойство за евреев возникло у меня однажды, когда, выглянув в окно, я увидела группу стариков, плетущихся по улице под вооруженной охраной. Они едва шли, и среди них были, по-видимому, беспризорные дети. Я окликнула конвойных: «Кто эти люди и куда вы ведете их?» Они ответили: «Это евреи, мы ведем их на работу». Я знала, что конвойные лгут. Истощенные старики не могли работать. Наверное, их ввели на бойню, и я почувствовала, что должна была что-нибудь для них сделать. И тут как раз я встретила Валленберга; неудивительно, что мы быстро друг друга поняли. Мы были союзниками, отстаивающими гуманность».

Другой слух, ходивший по послевоенному Будапешту, сводился к тому, что они были любовниками. «Какая чепуха! – объяснила баронесса. – В то время я была беременна, и, хотя Валленберг был обаятельным молодым человеком, он и наполовину не был так красив, как мой муж».

1 ноября Кемень вызвал Валленберга и швейцарского консула Лютца в МИД Венгрии. Подтвердив законность официально выданных 4500 шведских и 7000 швейцарских паспортов (он знал, что их было намного больше, но не стал заострять на этом внимание), Кемень заявил, что венгерское правительство вправе теперь потребовать от заинтересованных стран репатриации своих «соотечественников» в максимально короткие сроки, самое позднее до конца месяца. Если евреи с иностранными паспортами к тому времени Венгрии не покинут, с ними будут обращаться так же, как со всеми остальными. Кемень высказал надежду, что ко времени их выезда Швеция и Швейцария официально заявят о своем признании правительства Салаша. Соответствующие приготовления к отправлению и обеспечению транспортными средствами упомянутых людей, несомненно, шведами и швейцарцами будут предприняты? Он сам лично обратится к немцам с просьбой об обеспечении транзита.

Валленберг и Лютц, сразу же осознавшие подводные камни требования Кеменя, ответили, что они должны проконсультироваться со своими правительствами. Они понимали, что, как только евреи с выданными охранными паспортами уедут, их собственное пребывание в Венгрии сразу же потеряет смысл, поскольку отпадет сама предпосылка их деятельности в защиту тысяч других людей с уже выданными сверх квоты паспортами. Кроме того, Валленберг в любом случае намеревался и далее делать всё от него зависящее для спасения тысяч незащищенных паспортами евреев. И еще, даже если бы им удалось обеспечить транспортом перемещение людей через Германию в Швецию, какие могли быть гарантии, что в пути с выезжавшими не произойдут какие-нибудь «несчастные случаи»? Значит, единственным выходом оставалось принять предложение Кеменя в принципе, максимально оттягивая его реализацию. Кемень обозначил время до конца месяца: русские наступали на фронте такими быстрыми темпами, что этого могло оказаться достаточным. Действительно, уже в ноябре первые советские подразделения вклинились в оборону города на юго-восточных его окраинах.

В то время как происходил этот торг, на улицах Будапешта воцарился невиданный до тех пор террор: банды нилашистов, состоявшие подчас из одних подростков, беспорядочно бродили по городу, занимаясь грабежом, побоями и убийствами без всякого противодействия со стороны полиции. При этом нилашисты не разбирали, имели ли евреи заграничные охранные паспорта или же их не имели. Пыткам и издевательствам подвергались все. И все-таки, какими бы ужасными ни были эти бесчинства, они творились беспорядочно и нескоординировано. 20 октября 1944 года Эйхман принялся за дело более систематически, начав массовые облавы на евреев мужского пола в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет, якобы для обеспечения венгерской армии рабочей силой. Из домов, помеченных желтой звездой, выволакивались больные, увечные, хромые и инвалиды. На все сборы и заготовку продуктов на 3 суток давался один час времени. В немногих случаях для людей с иностранными паспортами – особенно для тех, кто имел внушительные «паспорта Валленберга», – делались исключения. Некоторым удавалось откупиться при помощи взяток. Собранных мужчин, общая численность которых доходила примерно до пятидесяти тысяч, отвели на ипподром и стадион, разбили на роты и отправили на различные участки на окраинах Будапешта, где они должны были копать траншеи и возводить земляные укрепления на путях возможного наступления русских. От непосильного труда, холода и жестокого обращения люди гибли сотнями.

После того как участь мужской части еврейского населения Будапешта была решена,

наступила очередь подростков и женщин. Несмотря на все усилия Валленберга и других членов дипломатического корпуса, 8 ноября началось осуществление обещанной Эйхманом программы депортации евреев в пешем порядке – первые «марши смерти» протяженностью в 120 миль от Будапешта до австрийской границы при Хедешхаломе. Они происходили в условиях настолько ужасных, что против них протестовали даже закоренелые нацисты. Как раз во время этих маршей, продолжавшихся почти до конца ноября, имя Валленберга стало для отчаявшихся легендой.

Мириам Херцог, благообразная пожилая женщина, ныне живущая в пригороде Тель-Авива, хорошо помнит, что творилось во время одного такого марша и как Валленберг спас ее и еще сотню других людей за один только этот раз. Ее история, пусть и более внятно рассказанная, чем другие, по-своему типична.

«Условия были ужасные. Погоняемые венгерскими жандармами, мы проходили зачастую под холодным дождем каждый день по тридцать-сорок километров. В колонне шли одни только женщины и девочки. Мне было тогда семнадцать. Жандармы обращались с нами жестоко, они избивали тех, кто отставал, оставляя обессиленных умирать в придорожных канавах. Хуже всего приходилось пожилым женщинам. Иногда по ночам у нас не было даже крыши над головой, не говоря уже о питье или пище. Однажды в небольшой деревне мы заночевали прямо на площади. Мы просто легли отдыхать на землю. Ночью были заморозки, и к утру многие старухи замерзли насмерть. Было так холодно, что, казалось, мы вмерзли в землю. И все-таки жажда мучила нас даже сильнее, чем голод. Я помню, как где-то на дороге к нам вышел местный и предложил воды. Жандармы попытались помешать ему, но он только окинул их взглядом. «Хотелось бы посмотреть, как вы меня остановите», – сказал он и продолжал раздавать воду. Жандармы были настолько ошеломлены, что оставили его в покое.

Среди венгров встречаются и хорошие люди, но жандармы были абсолютные звери. Я ненавижу их даже больше, чем немцев. Один раз мы встретили на дороге колонну немецких солдат, они шли в обратном направлении, к фронту. Обычные войска, не СС. Увидев, как венгерские жандармы с нами обращаются, они, как мне показалось, ужаснулись. «Все будет хорошо, как только вы попадете в Германию, – говорили они нам. – Мы с женщинами и детьми не воюем». Наверное, они не знали о лагерях смерти».

Когда колонны достигали австрийской границы, там их уже ожидали железнодорожные составы, готовые доставить их в лагерь. Мириам удалось ускользнуть к сараю, где держали несколько сотен женщин, утверждавших, что они находятся под шведской защитой.

«У меня не было шведского паспорта, но я решила попытаться, я хотела жить, хотя была такая слабая от дизентерии и несчастная от грязи и кишевших на мне вшей, что всё, на что я оказалась способна, – это найти место на полу и свалиться. Не знаю, сколько прошло времени – может быть, несколько дней, – но неожиданно я услышала, как женщины заволновались. «Вон Валленберг!» – говорили они. Я не знала, кто это, но кто-то объяснил мне, что это – шведский дипломат, который уже спас много евреев. Я не думала, что он мне поможет, в любом случае я была слишком слаба, чтобы сдвинуться с места, и поэтому лежала на полу, в то время как десятки плачущих женщин окружили его: они, конечно, просили спасти их. Я помню, как меня поразил тогда его вид, каким он выглядел красивым – и таким чистым – в кожаном плаще и меховой шапке. Он был как существо из другого мира, и я подумала: «Что ему хлопотать за таких, как мы?» Женщины окружали его, а он говорил им: «Пожалуйста, вы должны простить меня, но я не могу помочь всем. Я могу выдать удостоверения только сотне из вас». А потом он сказал фразу, которая меня действительно удивила. Он сказал: «Я чувствую, что призван спасти еврейскую нацию, и поэтому прежде всего должен спасти молодых». Я еще не слышала о евреях, как нации. Как о еврейском народе – да, но не о нации. Потом я много об этом думала. Он огляделся и начал переписывать имена, а когда заметил меня, лежащую на полу, ко мне подошел. Он спросил у меня мое имя и записал его. Через день или два, сотню из нас, чьи имена были им записаны, вывели из строя и загнали в товарный вагон, отправлявшийся в Будапешт. Нам приказали вести себя в пути тихо, ведь если бы нас обнаружили, то всех могли бы отправить обратно в Освенцим. Не знаю, каким образом ему удалось нас спасти, наверное, он подкупил железнодорожников и конвой. Из-за бомбежек обратный путь до Будапешта занял вместо обычных трех-четырех часов целых три дня, и когда мы прибыли на место, то были в

ужаснейшем состоянии. Нас еще ожидало множество опасностей и испытаний, но все-таки мы были живы – благодаря Валленбергу».

В течение тех ужасных ноябрьских дней Валленберг, его коллега Пер Ангер и другие безустанно курсировали по дороге между Будапештом и Хедешхаломом, подвозя к колоннам продовольствие, лекарства и теплую одежду. Валленберг обычно сжимал в руках «книгу жизни» – тетрадь со списком тех, кто имел шведские паспорта, и свежие бланки паспортов, которые заполнялись и выдавались на месте. Этот период описывается в мемуарах Пера Ангера, опубликованных в 1979 году, после его отставки с должности посла Швеции в Оттаве:

«В один из первых дней декабря 1944 года Валленберг и я поехали на машине дорогой, по которой вели евреев. Мы проезжали мимо групп несчастных, больше похожих на мертвых, чем на живых. Побледневшие и изможденные, они плелись вперед, погоняемые прикладами. На обочинах валялись трупы. Мы заранее загрузили автомобиль продовольствием и стали, несмотря на запрещение, его раздавать, но на всех еды не хватило. У Хедешхалома мы увидели, как уже пришедшие передавались команде эсэсовцев во главе с Эйхманом, который считал людей по головам, словно это был скот: «Четыреста восемьдесят девять – хорошо!...» («Vierhundertneunundachtzig – stimmt, gut!»). Венгерский офицер получил от него квитанцию, подтверждающую, что у него все в порядке.

К этому времени нам уже удалось спасти около ста человек. У некоторых имелись шведские паспорта, других мы вызволяли, блефуя. Валленберг не сдавался и сделал еще несколько поездок по этой дороге, в результате чего он вернул в Будапешт еще некоторое число евреев¹.

В сотрудничестве с Международным Красным Крестом мы организовали доставку продовольствия на грузовиках. По инициативе Валленберга, на главных дорогах, ведущих от Будапешта, и на пограничных заставах были оборудованы контрольные пункты, не позволявшие депортировать граждан, имевших иностранные паспорта. Таким образом было спасено и возвращено в Будапешт примерно 1500 человек».

Цви Эрес, один из основателей ныне процветающего кибуца на юге Израиля, вспоминает, как он, в то время четырнадцатилетний подросток, его мать, тетя и двоюродная сестра были спасены Валленбергом.

«Когда мы подходили к Хедешхалому в конце пути, мы увидели двух мужчин, стоявших на краю дороги. Один из них, в длинном кожаном плаще и меховой шапке, сказал, что он – сотрудник шведского посольства, и спросил, нет ли у нас шведских паспортов? Если их при нас нет, продолжал он, то, наверное, только потому, что их отняли у нас и выбросили нилашисты? Мы к этому времени едва не падали от усталости, но все же уловили его намек и признались, что именно так с нами и было, хотя фактически никто из нас шведского охранного паспорта не имел. Он записал наши имена, добавив их к своему списку, и мы пошли дальше. На станции мы снова увидели Валленберга, он стоял вместе с несколькими своими помощниками, как я узнал позже, членами молодежного сионистского движения, выдававшими себя за представителей Красного Креста, а также несколькими представителями папского нунциата. Напротив толпилась группа венгерских офицеров и немцев в эсэсовской форме. Валленберг размахивал списком, по-видимому требуя, чтобы все поименованные в нем были отпущены. Разговор шел на повышенных тонах на немецком языке и время от времени переходил в крик. Они стояли слишком далеко, и я не слышал, о чем идет речь, но, очевидно, спор между ними шел жаркий. В конце концов, к нашему изумлению, Валленберг своего добился, и примерно 280 или 300 из нас было позволено вернуться обратно в Будапешт».

Между бросками к Хедешхалому Валленберг находил время для более традиционной, хотя не менее важной, дипломатической деятельности. 16 ноября в качестве секретаря Гуманитарного комитета дипломатических миссий он собирает совещание, на котором

¹ С характерной для него скромностью Ангер не упоминает еще о нескольких своих поездках к границе без Валленберга, результатом которых было спасение еще нескольких человек. В 1956 г., когда Ангер работал при шведском посольстве в Вене, он опять отправился к австро-венгерской границе, чтобы помочь беженцам, устремившимся в Австрию после того, как советские войска подавили восстание в Будапеште. Он рассказывал автору этой книги, что увидел на границе группу людей, среди которых было несколько евреев. Одна из них упала в его объятия и сказала: «Пер Ангер, вы спасли меня во второй раз».

одобряется текст резкой ноты в адрес венгерского правительства с протестом против «безжалостной жестокости» депортаций и «актов бесчеловечности, на которые смотрит теперь весь мир». Салаша протест отклонил: депортации «трудоспособных» и «одалживаемых Германией» евреев будут продолжены. Набросав черновик ответа перед передачей его в свое Министерство иностранных дел, Салаша раздраженно накладывает внизу на листке резолюцию: «Более я к этой теме возвращаться не буду!»

Сообщая в Стокгольм о «маршах смерти», Валленберг в своем донесении пишет: «Зрелище, очевидцами которого мы стали, было невыносимо даже для самых жестоких и алчущих крови жандармов. Я не раз слышал, как некоторые из них говорили, что они лучше бы отправились на передовую... На обочине дороги валялись останки умерших или убитых нилашистами. Никто не думал их хоронить». От одного из старших офицеров венгерской полиции Валленберг получил конфиденциальное сообщение о том, что венгеро-австрийскую границу пересекло не менее десяти тысяч участников «маршей смерти», и еще не менее тринадцати тысяч находились в пути. «Еще около десяти тысяч пропало по дороге: некоторым удавалось бежать, другие были убиты конвойными». В одном месте, как сообщал офицер, он видел людей, свисавших с деревьев, у него «сложилось впечатление, что они покончили жизнь самоубийством».

К женщинам, детям и старикам, дошедшим до Хедешхалома, присоединялись мужчины из трудовых батальонов. Их пригоняли разными дорогами из Будапешта, где они рыли траншеи на путях возможного наступления советских войск. Теперь их передавали немцам для выполнения подобных работ в Германии. Дипломаты из швейцарской миссии, наблюдавшие двухтысячную группу мужчин-евреев, отбывавших трудовую повинность, сообщали: «Они пришли в Хедешхалом босые и полураздетые, деморализованные настолько, насколько это можно представить. В пути их не кормили, и они подвергались жестоким избиениям. Многие умерли от истощения, не дойдя до цели». Что же касается женщин и детей, как докладывали швейцарцы, то «бесконечное мучение пешего марша, почти полное отсутствие питания и постоянный страх, что в Германии их направят на уничтожение в газовые камеры, довели их до того... что они почти потеряли человеческий облик, не говоря уже о человеческом достоинстве».

Группа наблюдателей из организации Международного Красного Креста сообщала о ночевке одной из колонн, устроенной на баржах, причаленных к берегу Дуная. «Многие из них в том отчаянном положении кончали самоубийством. Крики раздавались всю ночь. Люди, решившиеся на смерть, предпочитали прыгать в ледяную воду Дуная, чем терпеть такие страдания». Одна из групп Международного Красного Креста упоминала в своем докладе, что по поручению папского нунция¹ она запечатлела условия, в которых происходили пешие депортации, на 4000 метрах киноплёнки. Каждый ее кадр свидетельствовал об ужасном обращении, которому подвергалась группа столичных евреев, передававшаяся, согласно декрету Салаша, немцам в качестве «оплаты» – «для проведения работ на благо Венгрии в обмен за предоставленные военные материалы». Эта фраза, как значится в докладе, «плохо скрывает истину: правительство Салаша передавало будапештских евреев на уничтожение».

Если даже такая свехосторожная организация, как МКК, позволяла себе составлять подобные доклады, то, как посчитал Гиммлер, наступило время узнать в подробностях, чем на самом деле занимался в Венгрии его рьяный подчиненный. В Будапешт в инспекторскую поездку был отряжен генерал СС Ханс Ютнер. В отправленном назад донесении генерал передал: увиденное повергало в шок. Позже он свидетельствовал: «Мне доложили, что за всё это отвечает Эйхман, но, поскольку я не застал его в Будапеште, докладывал мне штурмбанфюрер СС, чье имя я сейчас не помню (это был Тео Даннекер). Я сообщил ему, что по этому поводу думаю». В Хедешхаломе Ютнер встретился с Дитером Вислицени, который сообщил ему о приказе Эйхмана, предписывавшем ни болезни, ни возраст, ни даже наличие иностранных паспортов при решении о включении человека в состав пешей колонны во внимание не принимать: «Самое главное – это статистика; следует брать каждого поступающего

¹ При работе над телевизионным фильмом о Валленберге Британская радиовещательная корпорация (Би-би-си) безуспешно пыталась найти эту пленку. Как в Ватикане, так и в штаб-квартире МКК в Женеве сообщили, что не представляют себе, что с ней случилось.

к нам еврея».

Гиммлер, подготавливавший в это время почву для заключения возможного сепаратного мира с союзниками, вызвал Эйхмана в Берлин и приказал ему «марши смерти» приостановить. «Если до этого вы занимались ликвидацией евреев, – ледяным тоном объяснял он, – то с настоящего момента вы будете заботиться о них, как нянька-кормилица». На возражения Эйхмана, что такой подход противоречит его пониманию воли фюрера и что «марши смерти» одобрены шефом гестапо Мюллером, Гиммлер бросил: «Я хочу напомнить вам, что это я, а не группенфюрер Мюллер или вы, основал РСХА. И здесь приказываю только я!» Эйхман дал задний ход, после чего Гиммлер его отпустил. Решив подсластить горькую пилюлю, Гиммлер чуть позже наградил Эйхмана еще одним орденом, уже вторым за последние два месяца – Крестом за военные заслуги первой степени со скрещенными мечами.

Через несколько лет в Аргентине Эйхман с гордостью вспоминал, как он задумал и осуществлял «марши смерти». По его мнению, другой, менее сильный человек, столкнувшись с проблемой отсутствия транспорта или железнодорожных составов, мог бы от самой идеи продолжения депортаций отказаться. Вероятно, имея в виду свою стычку с Гиммлером, Эйхман все же признает: «Конечно, встречались разного рода трудности... Но Винкельманн (нацистский шеф полиции в Будапеште) поздравил меня с прекрасным выполнением этой акции. И то же самое сделал Везенмайер. И Эндре. Мы даже по этому поводу выпили. Таким образом я впервые в жизни попробовал кумыс».

В начале декабря 1944 года совершенно бесстрастно Валленберг сообщает в Стокгольм о том, что «за время «маршей смерти», вмешиваясь под тем или иным предлогом, нам удалось спасти около двух тысяч конвоируемых». Почти мимоходом он также добавляет, что меры, предпринятые шведской миссией, обеспечили возвращение в Будапешт пятнадцати тысяч угнанных на выполнение трудовой повинности – всем им был выдан либо шведский паспорт, либо аналогичные удостоверения, выпущенные миссиями других стран.

ГЛАВА 8

По мере того как передовые части армии маршала Малиновского, преодолевая упорное сопротивление нацистов, пробивались к восточным и южным пригородам венгерской столицы, положение ее населения становилось отчаянным. Днем и ночью Будапешт по очереди утюжили тяжелые бомбардировщики американских и британских военно-воздушных сил, двадцать четыре часа в сутки полевая артиллерия Красной Армии вносила в разрушение города свою долю.

Пайки были круто урезаны. Горючее для домашних нужд практически не поступало. Начались эпидемии, и госпитали были переполнены ранеными и больными. Коммунальные службы едва функционировали. По западной дороге в направлении Хедешхаломы снова потянулись вереницы измученных женщин, стариков и детей. Хотя на этот раз их не погоняли прикладами, ругательствами и выстрелами и выживших на этом трудном пути не ожидали газовые камеры и крематории: людские потоки, вытянувшиеся на запад, состояли не из депортируемых евреев, а из обычных беженцев венгров.

Евреи оказались в Будапеште, как в западне, и, хотя жизнь в городе превратилась в испытание для всех, ни одна прослойка населения не страдала так сильно, как они. Евреев насильно разместили в двух гетто. До 35 000 человек, имевших иностранные паспорта, жили в меньшем из них «Международном гетто»¹ в так называемых «охраняемых» домах, формально находящихся под защитой миссий Швеции, Швейцарии и организации Красного Креста, и приблизительно до 70 000 евреев – в более изолированном «Общем гетто». Перенаселенность в обоих была ужасная, люди дрались за места на лестницах, в шкафах и на подоконниках.

В целом в городе царили анархия и беззаконие, банды боевиков-нилашистов, нередко состоявшие из малолетних преступников возрастом не старше пятнадцати или шестнадцати лет, бродили по городу, грабя еврейские дома, насилюя женщин-евреек или хватая отдельных евреев, которых потом пытали и убивали. На иностранные паспорта нилашисты, как правило, внимания

¹ Оно называлось также Малым гетто, а Общее гетто – Большим. (Прим. ред.)

не обращали, редким исключением в этом отношении были «паспорта Валленберга» – они внушали к себе некоторое почтение. Йони Мозер, член еврейского подполья в Будапеште, вспоминал через двадцать лет, что «удостоверения, которые выдавали шведы, выглядели, как настоящие, – с печатью, фотокарточкой и подписью ответственных лиц. Такие паспорта уважали. Швейцарские паспорта, напротив, выглядели, как обычные справки, – без указания имени и подписи выдавшего их сотрудника миссии. Они оказались менее действенными».

8 декабря Валленберг докладывал в Стокгольм свои наблюдения: «До сих пор с евреями – держателями шведских охранных паспортов обращались мягче, чем с остальными, пользующимися покровительством других нейтральных держав. Насколько мне известно, в Будапеште и в его окрестностях до сих пор погибло только десять евреев со шведскими паспортами». В том же донесении Валленберг отмечал, что «тысячи евреев со швейцарскими и ватиканскими удостоверениями ежедневно переводят из (Международного) гетто в Общее или же депортируют».

Роль Валленберга в тогдашних событиях трогательно описана в воспоминаниях Томми Лапида, впоследствии генерального директора Израильского радиовещания в Иерусалиме. В 1944 году ему было тринадцать лет, и он был одним из девятисот человек, теснившихся по пятнадцать-двадцать человек в комнате в охраняемом шведской миссией доме.

«Нас мучили голод, жажда и страх, но все-таки больше всего – даже британских, американских и русских бомбежек – мы боялись нилашистов. У нилашистов было оружие, и они считали, что, пока не пришли русские, самое лучшее, чем они могли помочь фронту, – это постараться убить как можно больше евреев... Поэтому они врываются в неохраняемые дома и уводили из них людей. Мы жили неподалеку от Дуная и слышали расстрелы на берегу всю ночь напролет.

Я думаю, самым большим достижением нацистов было то, что мы стали воспринимать свою обреченность как непреложный факт. Мой отец был заключен в Маутхаузен и погиб в нем. Единственный ребенок в семье, я остался с матерью. Я все время просил у нее хлеба. Мне все время хотелось есть. (Много лет спустя, когда в доме не было хлеба, мать могла встать среди ночи и отправиться в ближайшее кафе за парой кусочков – она жила тогда в Тель-Авиве и была к тому времени достаточно состоятельной женщиной, но все равно должна была иметь в доме хлеб, хотя бы потому, что в прошлом бывали дни, когда она не могла меня накормить.)

Однажды утром группа нилашистов ворвалась в наш дом и приказала всем физически здоровым женщинам следовать с ними. Мы знали, что это значит. Мать поцеловала меня и заплакала. Заплакал и я. Мы знали, что расставались навсегда, и она оставляла меня одного, теперь я лишался и матери. Но через два или три часа, к моей радости и изумлению, мать со всеми другими женщинами вернулась. Это было похоже на чудо. Хотя это и было чудо. Моя мать снова была со мной – она была жива, обнимала меня и целовала, и сказала только одно слово: «Валленберг».

Я знал, что это значит, потому что тогда человек по имени Валленберг стал для нас, евреев, живой легендой. В полном и крошечном аду, в котором мы тогда находились, где-то жил во плоти и даже передвигался по городу ангел-хранитель. Успокоившись, мать рассказала мне, что, когда их вели к реке, рядом остановился автомобиль и из него вышел Валленберг – они сразу узнали его, потому что такой человек был только один во всем городе. Он подошел к главарю нилашистов и сообщил ему, что эти женщины находятся под его защитой. Нилашисты стали с ним спорить, но в нем было столько личного обаяния, столько властной уверенности... Хотя никто его не поддерживал, и никто за ним не стоял. Нилашисты могли бы пристрелить его тут же, на улице, и никто об этом бы не узнал. Но вместо этого они смягчились и отпустили женщин».

Еще одно свидетельство в пользу необычайной силы духа и личной храбрости, которые неоднократно помогали Валленбергу выручать людей в самых трудных положениях, – это история, рассказанная мне Йони Мозером.

«Я был у Валленберга на посылках. Немецкий я знал не хуже венгерского, и это помогало мне проходить через оцепления и заграждения. Поэтому я был превосходным курьером. Во время одной депортации немцы вручили мне повестку со свастикой, но я убежал от них и теперь показывал повестку молодым нилашистам, которые не понимали немецкого. Они видели

на бумаге свастику и всякий раз меня отпускали. Я тщательно избегал встречи с немцами, но однажды они все-таки поймали меня. Я думал, мне наступил конец. Но как раз в это время мимо на большом дипломатическом автомобиле проезжал Валленберг. Он остановился и подозвал меня. «Быстро, прыгай!» – сказал он, и, прежде чем удивленные солдаты успели понять, что произошло, мы уехали. Валленберг был фантастический человек! Организаторский талант, сообразительность, решимость! Великий стратег! Валленберг был инициатором всей операции по спасению, поверьте».

Мозер вспоминает день, когда Валленберг узнал о том, что в Маутхаузен погнали в пешей колонне восемьсот отбывавших трудовую повинность евреев. Вместе они поехали к границе и перехватили колонну. Валленберг приказал всем, у кого были шведские паспорта, поднять руку. «Мы договорились об этом заранее, – рассказывает Мозер. – Я пробегал между рядами и говорил людям, чтобы они поднимали руки, не важно, есть у них паспорта или нет. Затем он потребовал передать ему всех поднявших руки и так уверенно себя вел, что никто из венгерских конвойных его послушаться не посмел. Удивительно, но во всех его действиях заключалась какая-то абсолютная, убеждающая всех сила». Мозер считает, что в этот короткий и наиболее деятельный период своей жизни Валленберг был по-настоящему счастлив. «Редко кому выпадает такая судьба, и лишь очень немногие наделены столь яркой искрой инициативы, неотразимым обаянием и неистощимой энергией, с помощью которых они спасают тысячи жизней».

После того как личный шофер Валленберга Вильмош Лангфельдер был 7 ноября арестован нилашистами, еврейское подполье предоставило ему своего шофера Шандора Ардаи. Первое впечатление Ардаи – Валленберг совсем не походил на героя, «он показался мне каким-то мечтательным и слишком мягким». Первым заданием Ардаи было отвезти 9 ноября Валленберга к штаб-квартире нилашистов и ждать его снаружи, «пока ему не удастся вызволить на свободу Лангфельдера».

«Он направился широким шагом в их штаб-квартиру, и я подумал про себя: «У него ничего не выйдет!» В самом деле, с чего бы нилашистам отдавать захваченного? Только потому, что какой-то человек об этом их попросил? Но когда я снова увидел его, он сходил по ступенькам вместе с Лангфельдером. Они прыгнули в машину, и я отвез их в шведскую миссию. По дороге они никак не обсуждали случившееся, и я стал понимать, какой силой воли обладал Валленберг.

В течение полутора месяцев мы с Лангфельдером возили его по очереди, и я ни разу не слышал от него ни одного лишнего слова, замечания или жалобы, хотя иногда по несколько дней подряд ему удавалось спать лишь урывками два или три часа в сутки. Я видел его расстроенным только раз. Тогда банда нилашистов заняла его контору. Он попросил правительство – безуспешно – вернуть ее. Тогда он повел нашу маленькую группу в помещение конторы, и мы вышвырнули непрошенных гостей. Сразу же после этого он сел за стол и начал работать. Мы были уверены, что последуют репрессии, но, к нашему удивлению, ничего ужасного не случилось».

Ардаи рассказывает, как однажды в ноябре он возил Валленберга на вокзал Йозефварош, откуда, как узнал Валленберг, отправлялся состав с евреями в Освенцим. Молодой офицер СС, командовавший составом, приказал Валленбергу покинуть платформу. Валленберг прошел, как бы не заметив его, к поезду.

«Он вскарабкался на крышу вагона и стал раздавать паспорта через не закрытые еще двери. Приказы немцев сойти вниз Валленберг игнорировал. Затем нилашисты стали стрелять и орать на него, чтобы он убирался прочь. Он игнорировал и эти угрозы и продолжал раздавать паспорта в тянувшиеся к нему руки. Я думаю, нилашисты специально стреляли вверх, а не в него, промахнувшись с такого расстояния было бы, наверное, нелегко. Наверное, и на них подействовала его храбрость.

Как только Валленберг раздал все имевшиеся у него паспорта, он приказал тем, кто шведские паспорта имеет, выйти из поезда к стоявшим неподалеку, выкрашенным в национальные цвета шведского флага автомобилям. Не помню точно, сколько человек он спас с того поезда, но наверняка их было не меньше нескольких десятков – немцы и нилашисты были настолько поражены его поведением, что не препятствовали ему!»

Есть немало очевидцев того, каким образом Валленбергу удавалось укрощать немецких и венгерских офицеров. Имея дело с немцами, он играл на чувстве чинопочитания и дисциплины. «Вы не имеете права на перемещение этих людей! Они находятся под защитой дипломатической миссии королевства Швеции! – отчитывал он однажды молодого нацистского лейтенанта, который командовал составом, перевозившим депортируемых евреев. – Вы не понимаете! Это ведь наше, шведское Министерство иностранных дел защищает интересы Германии в стратегически важных районах мира! А как защищаете вы интересы нашей страны? О вашем поведении будет доложено. Я буду жаловаться в Берлин. И вашу голову вынесут мне на блюде!»

«Но у меня есть приказ, – отвечал ошеломленный лейтенант. – Я должен перевезти всех этих евреев, поименованных в списке».

«В вашем списке не должно быть евреев, имеющих шведские паспорта, – огрызнулся Валленберг. – А если они в нем есть, значит, кто-то сделал ошибку. И он дорого за нее заплатит». Затем он достал свой собственный список и помахал им перед носом у перепуганного нациста. В конце концов, Валленберг своего добился, и «его» евреев ссадили с поезда.

Бывали случаи, когда Валленберг пользовался элементарным блефом, поднимая его до уровня подлинного искусства. Однажды, например, он вернул свободу группе депортируемых евреев, предъявив немецкому офицеру большую пачку «документов» типа квитанций об оплате налогов или водительских удостоверений. Он не без оснований решил, что нацист не сможет прочитать по-венгерски ни слова.

Используя хорошо испытанные методы подкупа, принуждения и подчас откровенного шантажа, Валленбергу удалось организовать достаточно внушительную сеть информаторов, которые молниеносно оповещали его о предстоящих депортациях, рейдах на охраняемые шведской миссией дома и мерах, которые венгерское правительство планировало предпринять против евреев. Раз за разом он появлялся – временами, если не считать шофера, в одиночку и без оружия – именно в тех местах и в то время, когда его вмешательство изменяло весь ход событий. Однажды во время облавы, устроенной жандармерией с целью насильственного набора на принудительные работы, Валленберг появился в охраняемом шведской миссией доме, после того как в него ворвались жандармы. «Этот дом представляет собой шведскую территорию, – холодно заявил Валленберг жандармскому офицеру, – и вы не имеете права вступать на нее». Офицер ответил, что у него приказ – забрать всех трудоспособных мужчин. «Ерунда, – отрезал Валленберг. – По соглашению между правительствами королевств Швеции и Венгрии, эти люди от трудовой повинности освобождены».

Венгр, озадаченный упоминанием «королевств», тем не менее настаивал: «У меня приказ, – повторил он. – Я должен забрать их». Валленберг пустил в ход последний козырь: «Не расстреляв меня, вы этого не сделаете». Офицер дрогнул и уступил. Он и его люди ушли на этот раз без добычи.

Для спасенных Валленбергом от вывоза в лагеря смерти опасности на том еще не кончались. Мириам Херцог вспоминает условия, в которые она попала в охраняемом шведской миссией доме после того, как была спасена Валленбергом в Хедешхаломе.

«Я была серьезно больна и чувствовала, что умираю. Я лежала на холодном каменном полу в подвале вместе с другими женщинами. Меня осмотрел доктор-еврей и, как я узнала позже, он пришел к заключению, что если оставить меня там, на полу, то я, скорее всего, умру.

Он приказал обыскать дом, чтобы найти что-нибудь вроде кровати, и – о чудо! – кто-то нашел старый шезлонг. Доктор велел поить меня горячим чаем и давать сульфамидные препараты. Ко мне приставили мальчика моего возраста, он поил меня и давал таблетки через каждые два часа. Очень медленно я стала поправляться, и, когда на пятый день попросила кусочек мыла и вымыла волосы в холодной воде, все решили, что я выживу».

Мириам, по всей видимости, была очень живой и энергичной девушкой. Как только она смогла сидеть и стала четче воспринимать окружающее, она тут же решила, что должна о себе позаботиться самостоятельно. На седьмой день она сказала мальчику, приносившему ей чай, что хочет бежать из этого дома и спрятаться у родственницы-христианки, жены своего дяди, которая жила в Буде, на другом берегу реки. Мальчик был сражен. «Ты, должно быть, сошла с

ума! Ты не знаешь, что творится на улицах! Нилашисты убивают каждого встретившегося еврея. Со всех фонарных столбов свисают трупы – ты не пройдешь и сотни метров!»

Но Мириам решила бежать. «Не знаю почему, – рассказывала она потом, – но я была убеждена, что в городе безопаснее, чем в этом доме, где несколько сотен людей дожидались, когда придут нилашисты и расстреляют их». Она незаметно выскользнула из двери, когда охранник отвернулся в другую сторону.

«Со своими длинными белокурыми волосами я не была похожа на еврейку, но шла я без документов, а это было очень опасно. Конечно, я сразу же сняла с пальто желтую звезду, но мне все время казалось, что невыцветшее пятно на месте, где она была раньше пришита, бросается в глаза встречным. Один раз, когда меня остановила полиция и потребовала документы, я сказала, что мой дом разбомбили и все наши документы сгорели. Мне поверили. В те дни я была такая дерзкая, и еще у меня была абсолютная воля к жизни. Самое трудное было перейти через мост, я и по сей день не помню, что сказала тогда и как меня пропустили. Но я все-таки перешла через мост и вскоре оказалась дома у родственницы».

Предчувствие Мириам, что в городе может быть безопаснее, чем в охраняемом миссией здании, не обмануло ее. Через некоторое время после освобождения Будапешта она столкнулась на улице с Мотке, мальчиком, который отговаривал ее от бегства. «Он обнял меня и расцеловал, сказав, что я спасла ему жизнь. Когда я спросила, что он хочет этим сказать, он объяснил, что, обдумав положение хорошенько, решил последовать моему примеру и из этого здания вырваться. Через три дня в него ворвались нилашисты, убившие десятки людей».

В хаосе той жизни, в лихорадочной работе по спасению людей Валленберг выкроил время, чтобы написать своему другу и партнеру по бизнесу Кальману Лауеру о находившейся в Будапеште семье родственников его жены. «Ваши родственники работают у нас в миссии, и они все здоровы, – сообщал он в письме от 8 декабря. – О других ваших знакомых я ничего сообщить не могу... За последние дни произошло столько драматических событий, работы так много, что я не в состоянии уследить за судьбами отдельных людей». Валленберг далее сообщал, что сейчас у него на службе в Отделе С состоит 340 человек, в то время как еще 700 евреев просто живут в конторских помещениях отдела. «Работа поглощает меня целиком, – пишет он, – но положение в городе очень опасное. Бандиты преследуют людей на улицах, избивают их, убивают и подвергают пыткам. Я насчитал около сорока случаев похищения и пыток даже среди моих собственных служащих». Хотя в целом, писал Валленберг, «настроение у меня приподнятое, и я продолжаю драться».

В тот же день Валленберг написал письмо матери:

«Дорогая мама!

Не знаю, чем я могу заслужить прощение за долгое молчание, но и сегодня всё, что ты сможешь получить от меня, – это лишь несколько поспешных строк, посылаемых с дипломатической почтой.

Положение здесь отчаянное, чреватое опасностями, и я завален работой... Днем и ночью мы слышим приближающийся грохот русских орудий. С тех пор как Салаши пришел к власти, моя дипломатическая деятельность оживилась. Я сейчас – едва ли не единственный ходатай нашего посольства во всех венгерских министерствах. Я уже побывал около десяти раз в Министерстве иностранных дел, дважды разговаривал с заместителем премьер-министра, дважды – с министром внутренних дел, один раз с министром поставок и еще один раз – с министром финансов.

У меня завязались довольно тесные приятельские отношения с женой министра иностранных дел. К сожалению, она уехала в Меран ¹. В Будапеште сейчас ощущается недостаток продовольствия, но мы загодя сделали достаточные запасы. У меня возникает чувство, что, когда Венгрию оккупируют (русские), возвратиться домой будет нелегко, и я не думаю, что вернусь в Стокгольм раньше Пасхи. Но это всё в будущем. Сейчас же никто не знает, какой будет оккупация. В любом случае я постараюсь приехать домой как можно скорее.

¹ Баронесса Кемень была эвакуирована из Будапешта с семьями членов правительства и большей частью дипломатического корпуса 29 ноября. Валленберг провожал ее на станцию и подарил ей букет цветов.

Мне так хотелось бы отпраздновать Рождество вместе. А теперь я вынужден посылать тебе поздравления с Рождеством и Новым годом почтой. Надеюсь, что долгожданный мир уже недалек...»

Письмо отпечатано на немецком языке секретаршей, которая, по-видимому, не воспринимала на слух шведский. В конце Валленберг приписал от руки по-шведски: «Привет Нине и ее малышу».

Когда дипломатическая почта из Стокгольма пришла в следующий раз, Валленберг получил личное письмо от исполнительного директора УВБ Пеля, который хвалил его за проделанную «трудную и важную работу». «Вы лично сделали так много важного... Я выражаю вам глубокую благодарность за... энергию и изобретательность, которые вы привнесли своим участием в наше общее гуманитарное дело».

Результаты деятельности Валленберга за этот период лучше всего суммировал после войны Шаму Штерн: «Он неустанно работал, ночью и днем. Он спасал людей, ездил, торговался, угрожал разрывом дипломатических отношений, консультировался с венгерским правительством, – короче, он добивался всего того, что впоследствии сделает его имя почти легендарным».

Изобретательность Валленберга была, по-видимому, столь же неистощима, как и его энергия. В период, когда нилашисты все чаще стали врывать в охраняемые шведской миссией здания, Валленберг придумал воистину отпугивающее средство. Варна Ярон, двадцатидвухлетний молодой человек, бежавший из трудового батальона венгерской армии и некоторое время живший вместе со своей невестой Юдифь в «доме Валленберга» на улице Татра, рассказывает:

«Однажды поздней ночью мне сообщили, что меня внизу в машине дожидается Валленберг. Стоя от любопытства, я сошел вниз. Когда мы уселись на заднее сиденье, он сказал мне, что у него возникла идея – распустить слух о начавшейся в «шведских домах» эпидемии тифа. Эта уловка защитила бы их от вторжений нилашистов, они бы не осмелились. Но чтобы придать слухам убедительность, необходимо несколько «настоящих» случаев заболевания тифом, о которых можно было бы доложить городским властям. Не мог бы я сослужить ему эту службу? Я был заинтригован, но ничего не понимал, пока он не объяснил мне, что ему нужен доброволец, который согласился бы на инъекцию вакцины, создающей в организме сходные с заболеванием тифа симптомы. Я, конечно, в те времена был молод, силен и горяч, настоящий сорвиголова, и легко согласился: «Черт с ним!» Но все-таки, скажу вам, внутри у меня похолодело. Мы отправились в одну еврейскую клинику, чтобы задуманное осуществить. К счастью, доктор, к которому мы обратились, трусил и сказал, что наш план слишком опасен: таким образом мы могли бы вызвать настоящую эпидемию. Пришлось эту идею оставить, но вы видите, в каком направлении работала тогда у Валленберга мысль».

Валленберг не забывал также об официальном аспекте своей работы. Он бомбардировал МИД Венгрии нотами протеста всякий раз, когда получал известия о задержании лиц, охраняемых шведскими паспортами, или о вторжении нилашистов в «шведские дома». И поскольку эти нарушения происходили почти постоянно, случалось, он посылал в министерство по два протеста за один день. Только за первую половину декабря он послал их двадцать. Самое удивительное, его протесты оказались небезрезультатны. Служащие министерства, уставшие от надоедливых и многократно повторяющихся бумажных выпадов, действительно уговаривали полицию, жандармерию и нилашистов оставить евреев – держателей шведских паспортов в покое.

Работа Валленберга вселяла надежду и даже давала повод для горького еврейского юмора. Эдит Эрнстер, например, вспоминает: «Странно все-таки, что именно страна белокурых суперарийцев – шведов так заботливо взяла нас под свое крыло. Иногда, когда мимо проходил типичный правоверный еврей в шляпе, с бородой и пейсами, мы говорили друг другу: «Гляди-ка, вон идет еще один швед».

Заваленный работой, от результатов которой зависели судьбы тысяч, Валленберг тем не менее не потерял присущей его характеру доброты, которая проявлялась в отдельных конкретных случаях. В то время все больницы Будапешта были для евреев закрыты, а

охраняемые миссиями дома переполнены и не отличались санитарией. Узнав, что жена одного его служащего – Тибора Вандора, молодого еврея, работавшего в конторе миссии на улице Тигриш, собирается рожать, Валленберг быстро нашел врача, а потом отвез его и молодую пару к себе на квартиру на улицу Оштром. Там, отдав кровать молодой роженице, он устроился спать в коридоре. На заре его разбудил врач, сообщивший, что Агнес Вандор благополучно разрешилась здоровой девочкой. Валленберг тут же проинспектировал новоприбывшую, и Вандоры попросили его стать ее названным отцом. Он с удовольствием согласился, и ребенку дали имя Ивонна Мария Ева.

Этот эпизод имел удивительное продолжение. Через тридцать пять лет он был описан в большой статье о Валленберге, напечатанной в выходящей в Торонто ежедневной газете «Стар». Некая миссис Ивонна Зингер, прочитав статью, узнала в ней обстоятельства своего собственного рождения, что глубоко ее тронуло. Но она позвонила в газету и сообщила редакции, что в статье есть ошибка: ее родители евреями не были. Хотя газета все-таки ошибки не сделала: как оказалось, мать и отец Ивонны решили скрыть от нее приносящее подчас только горе еврейское происхождение и дали ей христианское воспитание. Убежденность родителей в правильности их решения была столь велика, что, когда Ивонна выросла и влюбилась в еврея, они запретили ей выходить за него замуж. Но девушка их не послушалась, перешла в иудаизм и вышла замуж за человека, которого выбрала. Тем больше было ее удивление, когда она узнала из газетной статьи, что и по крови тоже была еврейкой.

Эйхмана, одержимого идеей, что от него не должен уйти ни один еврей, постоянное и все более эффективное вмешательство в его дела Валленберга стало раздражать – настолько, что как-то в конце ноября он потерял контроль над собой и в присутствии представителя Красного Креста крикнул: «Я убью эту еврейскую собаку, Валленберга!»

Его угрозу быстро передали формальному начальнику Валленберга шведскому послу в Будапеште Карлу Ивану Даниельссону, и тот, не теряя времени даром, в свою очередь, проинформировал о ней Стокгольм. Через несколько дней Арвид Рикерт, шведский посол в Берлине, посетил МИД нацистов, заявив, в связи с угрозой покушения на жизнь шведского дипломата, энергичный протест. Герхардт Эрдмансдорф, германский представитель, принявший посла, попытался успокоить возмущение шведов, сказав, что он уверен, слова Эйхмана, если они действительно были сказаны, вряд ли следует воспринимать всерьез. Хотя, как заявил Эрдмансдорф, раздражение Эйхмана отчасти можно понять: с какой бы точки зрения деятельность герра Валленберга в Будапеште ни рассматривать, к традиционной дипломатической ее отнести трудно.

Телеграмма, посланная в Будапешт Везенмайеру, сообщала ему содержание шведского протеста, и, как можно предположить, Эйхману было указано, что сколь бы возмутительными действия Валленберга он ни считал, покушений – во всяком случае, таких, следы которых вели бы к немцам, – на жизнь шведского дипломата совершать не следует. Ход войны шел не в пользу Германии, и теперь уже она не могла позволить себе раздражать Швецию.

Тем не менее Эйхман, по-видимому, стоял по крайней мере за одним покушением на жизнь Валленберга. Однажды вечером в начале декабря 1944 года в автомашину Валленберга врезался шедший на полном ходу тяжелый грузовик, сразу же скрывшийся в темноте. Автомашина была разрушена почти полностью, но Валленберг и водитель Лангфельдер, хотя и напуганные столкновением, остались целыми и невредимыми.

Согласно свидетельству Ларса Берга, еще одного секретаря шведской миссии, Валленберг тут же пешком отправился в штаб-квартиру Эйхмана в отель «Мажестик» и заявил протест. Эйхман выразил свое сожаление по поводу случившегося, но, как только Валленберг ушел, улыбнулся и сказал: «Я попробую еще раз».

Незадолго до этого инцидента Ларе Берг с Гёте Карлссоном, еще одним секретарем миссии, были свидетелями памятного столкновения между Эйхманом и Валленбергом. Валленберг решил пригласить Эйхмана вместе с его заместителем Крумеи к себе на ужин, ему хотелось встретиться с эсэсовцем лицом к лицу и попытаться понять, что движет его поступками и что он за человек. Эйхман, несомненно из подобных же побуждений, его приглашение принял. В назначенный день Валленберг, вызванный по какому-то срочному делу, касавшемуся «его» евреев, совершенно о приглашении позабыл и, подъезжая к своему дому, с

удивлением заметил, как эсэсовский автомобиль, подъехавший к его дому чуть раньше, изверг из себя Эйхмана и Крумеи. Никаких приготовлений к приему в доме сделано не было, к тому же Валленберг отпустил на ночь свою прислугу. Чтобы выйти из положения, пока Эйхман с Крумеи поднимались по лестнице, Валленберг поспешно позвонил Бергу и Гёте Карлссону, жившим неподалеку в доме, который они снимали у венгерского аристократа, к тому времени из Будапешта уже сбежавшего. Не выручат ли они его? – попросил он, и, к его великому облегчению, коллеги охотно согласились помочь. Описание вечера, имеющееся в мемуарах Берга, заслуживает подробного цитирования:

«В моем доме причин для паники не было... обстановка там соответствовала подобным приемам, к тому же мы переняли у прежних хозяев их прислугу в полном составе, включая отменную повариху, привыкшую пользоваться самым широким ассортиментом типичных для традиционного венгерского поместья запасов и готовившую обычно для большого числа гостей. Несмотря на скудность выдаваемых в это время пайков, да и малое число столоующихся, нам с Гёте так и не удалось перевоспитать ее. Обычно экстравагантные привычки поварихи нас немного смущали... но в этот вечер мы были им только рады. Поэтому, когда Рауль приехал со своими немцами, мы с Гёте смешивали коктейли, а стол был сервирован китайским фарфором и серебром. Повариха отлично справилась со своей работой, ужин получился отменный, и я уверен, что Эйхман так и не узнал о свойственной Валленбергу забывчивости».

Ужин был посвящен исключительно кулинарным удовольствиям, изысканному вину и малозначительному светскому разговору, но последовавшее Эйхман, по-видимому, проглотил с трудом. Двое немцев в сопровождении троих шведов перешли в гостиную и приступили к кофе. Валленберг погасил свет и раздвинул шторы на окнах, выходивших на восточную сторону. «Эффект это произвело поразительный, – вспоминал Карлссон позднее. – Весь горизонт полыхал красным огнем от канонады тысяч орудий. Это русские наступали на Будапешт». Берг описывает, что происходило потом: «Валленберг, не собиравшийся вести с Эйхманом переговоры, начал говорить о нацизме и о вероятном исходе войны. Он бесстрашно и блестяще при помощи одних только логических аргументов разобрал на винтики всю доктрину нацизма и предсказал полное поражение ее адептов. Наверное, подобного рода речи, исходящие из уст шведа, находящегося далеко от дома и во многом зависящего от расположения к нему его могущественного немецкого оппонента, прозвучали для слушателей непривычно. Но Валленберг всегда поступал именно так. Я думаю, он не столько излагал перед Эйхманом свои взгляды, сколько хотел сделать ему своего рода предупреждение, что самым лучшим для него исходом было бы немедленное прекращение депортаций и уничтожения венгерских евреев. Эйхман едва скрывал свое удивление. Валленберг посмел нападать на него и критиковать фюрера? Но, похоже, он скоро понял, что его аргументы звучали слабо. Пропагандистские клише в сравнении с ясными доводами Валленберга казались пустопорожними. Наконец, Эйхман сказал: «Вы правы, герр Валленберг, я признаю это. Впрочем, я никогда не верил в нацизм как в учение. Зато он дал мне власть и богатство. Я знаю, что скоро моя приятная жизнь здесь закончится. Мои самолеты перестанут доставлять мне женщин и вино из Парижа и деликатесы с Востока. Мои лошади и собаки, моя роскошная квартира здесь, в Будапеште, отойдут к русским, а меня как офицера СС пристрелят на месте.

Мне некуда бежать, но, если я буду исполнять приказы из Берлина и жестко осуществлять данные мне полномочия, я смогу еще на некоторое время продлить для себя этот образ жизни. И я хочу предупредить вас, герр Валленберг, что сделаю все возможное, чтобы остановить вас. Если я сочту необходимым вас устранить, ваш шведский дипломатический паспорт мне помехой не будет. Случайности происходят даже с дипломатами из нейтральных стран».

С этими словами Эйхман встал, чтобы откланяться. Он не выказывал внешних признаков злобы. С невозмутимой вежливостью хорошо вышколенного немца он попрощался с Раулем и поблагодарил нас всех за особо приятный вечер. Возможно, своей прямолинейной атакой на него Рауль ничего не выиграл, но иногда откровенный разговор с офицером СС может

доставить большое удовольствие даже для шведа».

ГЛАВА 9

Валленберг привлекал к сотрудничеству или покупал помощь многих людей, и в тех случаях, когда это было возможно, координировал свои действия с аналогичными, предпринимаемыми другими лицами – такими, например, как швейцарский консул Шарль Лютц или представитель Шведского Красного Креста Вальдемар Ланглет. И все же, наверное, наиболее плодотворно он работал с бесконечно изобретательным и дерзким Ласло Самоши, евреем, которому на последнем этапе осады венгерской столицы поистине фантастическим образом удалось стать *de facto* послом франкистской Испании в Будапеште.

Самоши был состоятельным молодым будапештским торговцем недвижимостью. До немецкой интервенции в марте 1944 года он предусмотрительно продал ценный участок земли в деловой части города, выручив от сделки значительную сумму в 100 000 пенгё (хорошая месячная зарплата служащего среднего класса составляла тогда приблизительно 1000 пенгё), и держал ее при себе наличными на случай необходимости. Когда правительство Стояи ввело свои драконовские меры против евреев, Самоши приобрел для себя, своей жены и их двоих маленьких детей поддельные документы, после чего они всей семьей растворились среди населения.

В течение некоторого времени, выдавая себя за беженцев с оккупированных русскими территорий, они меняли одно место жительства за другим. Наконец, после пугча Салаша, Самоши решил, что им пора где-нибудь осесть. В это время под номинальным патронажем Международного Красного Креста в городе открылось несколько детских домов для беспризорных или осиротевших детей еврейских родителей. Самоши с семьей отправился в один из таких домов, где его жена предложила присматривать за детьми. «Что до меня, – вспоминает Самоши, – то я решил задержаться там на день или два, чтобы посмотреть, как складываются дела у жены и детей на новом месте». Но уже в первый вечер, проведенный в детском доме, Самоши увидел то, что убедило его остаться. В своих неопубликованных мемуарах он пишет: «В тот день персонал детского дома собрался на совещание, где обсуждались педагогические принципы, которых следует придерживаться в сложившейся обстановке. Многие дети страдали от истощения и педикулеза, в доме отсутствовали такие элементарные предметы первой необходимости, как кастрюли и тарелки, тем не менее главной темой дискуссий были чисто теоретические образовательные проблемы.

Я понял, что должен заняться неотложными для детей нуждами. Потом руководство детского дома могло воспитывать детей по любой методике – если, конечно, нацисты и нацисты им это позволили бы».

К тому времени свободное передвижение евреев по городу было уже запрещено; евреям позволялось выходить из дома только на час, в течение которого их суетящиеся, испуганные фигурки металась в поисках продуктов и других предметов первой необходимости. Благодаря недюжинному хладнокровию и безупречной арийской внешности Самоши передвигался по городу совершенно свободно. На следующее же утро он направился к оптовому торговцу и приобрел у него за свой счет тарелки, столовые приборы, мыло, свечи, средства для борьбы со вшами и все прочее, в чем дети нуждались. «Быстрые и эффективные действия, проведенные без предварительных согласований на совещаниях, очевидно, руководство детского дома заинтересовали, – рассказывает Самоши. – А потом, как мне кажется, мне даже удалось убедить их, что целью данного учреждения является не обеспечение безопасности обслуживающего персонала, своей численностью не уступавшего подопечным, или обсуждение вопросов педагогики, а спасение как можно большего числа детей».

Результаты работы Самоши в детском доме на улице Доб были скоро замечены в осуществлявшем общую опеку над еврейскими детьми-сиротами Отделе А организации Международного Красного Креста. Они предложили Самоши работать на них. Официальный представитель МКК в Будапеште Фредрик Борн не располагал для работы с детьми ни достаточными денежными средствами, ни необходимым штатом сотрудников. Поэтому он с радостью перепоручил Отдел А заботам евреям-подпольщикам, которых возглавлял тогда Отто

Комой, сионистский лидер. Комой был связан также с другой подпольной сионистской ячейкой, занимавшейся изготовлением безупречных нееврейских документов и паспортов иностранных государств. В числе прочих документов подпольщики пытались подделывать и паспорта, выдаваемые Валленбергом, но, скоро обнаружив, что в их исполнении шведские паспорта не выглядят убедительно, полностью переключились на подделку швейцарских *Schutzpasse*, которые выпускали в большом количестве ¹.

У Самоши имелась пишущая машинка с точно таким же шрифтом, каким печатались швейцарские паспорта. Он с женой узнавали у приводимых в дом детей имена их родителей, которых перед депортацией обычно сгоняли на территорию большого кирпичного завода на окраине города. Узнав имена, они впечатывали их в паспорта. Затем, вооружившись удостоверением МКК, Самоши отправлялся на кирпичный завод, где снимал с железнодорожных составов своих «протеже». Как раз во время одной из таких вылазок он и познакомился с Валленбергом, занимавшимся тем же. «Он показался мне довольно тихим, спокойным и мягким человеком, в нем были даже черты некоторой женственности, – вспоминал потом Самоши. – Скоро я убедился, насколько обманчивым может быть первое впечатление». Когда в начале ноября 1944 года начались первые «марши смерти», Самоши установил еще один полезный контакт – с Золтаном Фаркашом, своим давним знакомым, служившим юридическим советником в испанском посольстве. Фаркаш вскоре представил его поверенному Испании в Будапеште Анхелю Санс-Рицу. Используя весь моральный авторитет организации Красного Креста, Самоши сумел добиться от поверенного обещания помогать не только немногим евреям испанского происхождения, уже находившимся под покровительством его родины, но и другим евреям, выдавая им паспорта сверх квоты и не особенно вникая в их родословную. Самоши еще раз обошел только что доставленных в дом детей, выспросил у них имена родителей и затем передал список имен в испанское посольство для оформления паспортов. Он пишет в воспоминаниях:

«Затем я договорился с Валленбергом, что к своим собственным спискам он добавит еще испанский и швейцарский, которые я ему передам. Подобным же образом были получены еще несколько охранных грамот папского нунциата, и я попросил Валленберга отвезти их к границе тоже. А пока Валленберг со своими помощниками туда ездил, я убедил Фаркаша связаться от имени испанского посольства с венгерскими официальными лицами на границе и, чтобы наши списки выглядели в их глазах убедительнее, вручить им определенные суммы денег. Свою просьбу к Фаркашу я «усилил», закрепив за ним право собственности на ценный участок земли в Буде».

Всякий раз, когда Валленберг возвращал поездом от границы освобожденных участников «маршей смерти», Самоши шел на вокзал, принимал их и доставлял в охраняемые миссией Швеции или других нейтральных стран здания. Как правило, из-за проведенной на ногах целой недели и случавшейся иногда давки в вагонах, освобожденные прибывали в ужасающем состоянии. Кроме того, по улицам Будапешта постоянно бродили вооруженные банды нилашистов. Поэтому сопровождение освобожденных до места их размещения тоже было задачей нелегкой. Самоши обычно нанимал для этого полицейских и размахивал на пути перед всеми интересующимися своим удостоверением международного служащего.

Кроме того, он вел настоящую окопную войну с работниками посольства, сетовавшими на то, что количество принимаемых под покровительство Испании лиц явно перекрывало разрешенную квоту выдаваемых паспортов. Чиновникам, естественно, не хотелось обременять себя излишней работой. Самоши решил эту и еще множество подобных проблем просто и эффективно – он поступил на дипломатическую службу Испании, посольство которой явно испытывало к этому времени штатный голод. Тут ему пригодились добрые отношения с Фаркашом и Санс-Рицем, а также услуга Борна, обратившегося к испанскому поверенному в

¹ В стремлении спасти как можно больше людей эта группа напечатала 120 000 поддельных швейцарских паспортов. Это настолько их обесценило, что впоследствии швейцарские паспорта стали практически бесполезны.

делах с официальной просьбой Красного Креста наделить Самоши и Комоя официальным дипломатическим статусом. Подобные вещи могли происходить только в атмосфере царившего в Будапеште хаоса: очень скоро и Самоши и Комой были зачислены в штат посольства и стали обладателями испанских дипломатических паспортов.

В первую неделю декабря их положение даже упрочилось: опасаясь советского плена, Санс-Риц вместе с остальным посольским персоналом из столицы бежал, фактически передав в руки Самоши единственное в Будапеште дипломатическое представительство, полностью признававшее салашистский режим. В распоряжении Самоши и Комоя оказались, таким образом, все штампы, печати и бланки посольства, резиденции и конторы, автомобиль с дипломатическим номером, связка испанских флагов и немалый кредит доверия со стороны собратьев-фашистов и тогдашнего правительства Венгрии.

Безусловно, всем этим свалившимся с неба богатством Самоши воспользоваться не замедлил. К семистам уже выданным испанским паспортам он добавил еще несколько сотен. Он также водрузил испанский флаг над детским домом на улице Доб и над штаб-квартирой Комоя на улице Мункач, распространяя на них, таким образом, право экстерриториальности, дополнявшее уже имевшееся у этих домов покровительство организации Красного Креста. Однажды ночью, когда боевики нилашистов ворвались в детский дом на улице Доб, Самоши с негодованием прочитал им лекцию о праве экстерриториальности, не забыв, кстати, напомнить о крепкой дружбе Гитлера и Салаша с Франко. Бормоча извинения, непрошенные гости ушли.

Передвигаясь по городу, на этот раз с тремя комплектами документов, одетый по последней моде, принятой у нилашистов, – в куртку с меховой оторочкой и в деревенской шляпе на голове, Самоши с дерзостью проезжал через нилашистские кордоны, нисколько не пытаясь их избегать. «Это были примитивные люди. И чтобы справиться с ними, достаточно было иметь громкий голос или заносчивый вид».

Для поддержания видимости нормальной работы посольства Самоши нужен был настоящий испанец, который мог бы сыграть роль поверенного в делах. Однако настоящего испанца в Будапеште найти не удалось и, за неимением лучшего, пришлось довольствоваться итальянцем – знакомым по имени Джорджо Перласка, жившим в квартире в том же посольском здании. «Без большой помпы, – сообщает Самоши, – мы его «утвердили», и я должен сказать, парадную сторону представительства он выполнял отлично». Отныне на множестве нот протеста, предъявляемых миссиями нейтральных стран венгерскому правительству, имя Перласка стояло наравне с подписями настоящих руководителей миссий, таких, как монсеньор Ротта или посол Даниельссон. Вместе с Самоши Перласка отправлялся на операции по вызволению схваченных нилашистами евреев, имеющих испанские паспорта, и иногда даже заходил вместе с ним в помещения местных отделений партии нилашистов, где обычно бандиты пытали своих жертв прежде, чем их убить. Вместе с тем, пока шли эти отчаянные спасательные операции, проблемы добывания продовольствия для детских домов а также доставки его под бомбежками, обстрелами и угрозами грабежа никто не отменял, и их по-прежнему приходилось решать.

К концу декабря Самоши, Валленберг и другие дипломаты нейтральных стран повели отчаянную борьбу против планов насильственного перевода пяти тысяч детей из пятнадцати детских домов в Общее гетто, где обеспечить детей продовольствием было бы практически невозможно. Противодействуя намерениям нацистов, как раз накануне Рождества дипломатический корпус направил Салаша составленную Валленбергом ноту протеста. «Даже во время войн, – говорилось в ней, – совесть и закон осуждают направленные против детей враждебные действия. К чему же тогда переселять эти невинные создания в места, где они не увидят ничего, кроме несчастья, отчаяния и боли? Все цивилизованные народы земли уважают права детей, и подобные, явно направленные против малых сих меры, предпринятые в такой традиционно христианской и рыцарственной стране, какой считается Венгрия, были бы восприняты во всем мире с крайним удивлением и болью»¹.

Нота протеста еще не успела дойти до Салаша, как боевики нилашистов отметили рождение Христа убийством семи сирот в одном неохраняемом детском доме. Совместные

¹ Точно рассчитанный выпад попал в цель. Салаша отложил перевод детей до новогоднего праздника. Но детей не тронули и впоследствии; к тому времени начался полный распад режима.

усилия Валленберга, Самоши и других не смогли предотвратить это злодеяние. Обслуживающий персонал большинства детских домов нилашисты не тронули, хотя на последней стадии штурма города большая часть его бежала, оставив детей полностью беззащитными.

Ганс Вейерман, новоназначенный представитель МКК, заместивший на этом посту Борна, сообщал о состоянии детских домов в это время: «Дети от одного до четырнадцати лет, голодные, оборванные и истощенные, смертельно напуганные гулом самолетов и взрывами бомб, расплзались по всем углам здания. Их чесоточные тела покрылись коростой грязи, лохмотья кишели вшами. Сбившись от страха в кучу, они что-то нечленораздельно бубнили. Они не ели уже очень долгое время, и в течение многих дней за ними практически не было никакого присмотра. Никто не знал, куда и когда пропали их няни».

Положение детей было таким отчаянным, что для многих освобождение, которое принесли с собой русские, пришло слишком поздно. Несмотря на улучшенное питание, лекарства и продолжающиеся усилия Красного Креста, включая помощь неутомимого Ласло Самоши, питомцы детских домов продолжали умирать сотнями в течение января, февраля и марта 1945 года.

Ласло Самоши пережил войну и русскую оккупацию; вместе с женой и детьми ему удалось перебраться в находившуюся под управлением Британии Палестину, позже в Израиль, где он основал в Хайфе новую фирму по торговле недвижимостью. Оглядываясь назад на лихорадочные и трагические месяцы в Будапеште, он подчеркивает: «Каких бы успехов ни добивались некоторые из нас, за всей операцией по спасению стоял Валленберг. Это Валленбергу принадлежала идея координации усилий шведской, швейцарской, испанской и португальской миссий, а также папского нунциата и организации Красного Креста. Мы все работали вместе в тесном контакте под его руководством».

ГЛАВА 10

Несмотря на свое позерство на ужине у Валленберга, Эйхман тем не менее не собирался оставаться в Будапеште, где его, как он понимал, с приходом русских ожидала верная смерть. Поскольку Красная Армия уже смыкала кольцо осады вокруг венгерской столицы, он приказал своей команде подготовиться к отъезду по первому же сигналу. Но до отъезда Эйхман хотел осуществить две операции. Первую, ликвидацию всех членов Еврейского совета, он собирался провести лично сам. Вторую, молниеносное избиение всего остававшегося в Будапеште еврейского населения, он вынужден был отложить до перевода евреев из Международного гетто в Общее. Проведение последней акции было поручено частям СС и боевикам нилашистов, в случае необходимости ее могли провести и после отъезда Эйхмана. Ранним вечером 22 декабря один из его помощников позвонил в контору Еврейского совета в Общем гетто, где 75 000 евреев ютились в 243 зданиях и «охранялись» 800 нанятыми правительством нилашистами. Телефонную трубку поднял привратник дома Якоб Такач. Эсэсовский офицер приказал ему собрать членов Еврейского совета в девять часов для встречи с Эйхманом.

В девять часов вечера в тот же день три штабных автомобиля СС въехали в гетто и остановились у подъезда дома, где располагалась контора совета. Эйхман с двумя офицерами – вероятно, это были Крумеи и Вислицени – и в сопровождении солдата, вооруженного автоматом, вышел из среднего автомобиля. Две другие машины были набиты вооруженными до зубов солдатами. Эйхман прошел к привратнице и властно постучал. «Ну, где они?» – потребовал он.

Привратник был напуган и озадачен. «Я говорю о членах Еврейского совета, – снова крикнул Эйхман. – Где они?»

Такач запротестовал: «Мне приказали собрать их завтра в девять». Эйхман впал в бешенство. Такач оправдывался: он не настолько хорошо знает немецкий язык; наверное, он неправильно понял переданное по телефону распоряжение. Услышав разговор на повышенных тонах, из квартиры Такача вышла его сестра. Эйхман вынул свой револьвер и пообещал расстрелять и Такача и его сестру, если члены совета не соберутся немедленно.

Напуганный Такач все же сказал, что это невозможно. Члены совета разошлись по домам.

Немедленно можно собрать лишь нескольких, но, чтобы оповестить всех, в нынешней обстановке понадобится целая ночь. Эйхман продолжал бушевать. Один из его помощников несколько раз ударил Такача пистолетом по голове, и тот в бессознательном состоянии повалился на пол. Повернувшись к сестре привратника, Эйхман крикнул: «Когда он придет в себя, скажи ему, что, если совет в полном составе не соберется здесь утром в девять, я прикажу расстрелять вас обоих».

На следующее утро задолго до девяти дрожащие от страха члены Еврейского совета были уже в сборе. Повязка на голове Такача и поведение его сестры подсказывало, чего они могли ожидать. Но Эйхман к девяти не приехал. Как записано в ежедневнике совета в графе 23 декабря, «прошло еще два страшных часа ожидания, пока наконец мы не узнали, что команда Эйхмана этой ночью срочно выехала из Будапешта.

Причиной, заставившей Эйхмана так поспешно покинуть город, был успешный прорыв русских к северо-западным окраинам города. Получив в отеле «Мажестик» после полуночи извещение, что для отступления остается только небольшой и быстро сужающийся коридор, Эйхман на заре в панике бежал из города.

Так закончился личный крестовый поход Адольфа Эйхмана против венгерских евреев, которых он вознамерился уничтожить всех до единого. Тем не менее с его отбытием опасность, нависавшая над ними, еще не миновала: в городе оставались немцы и нилашисты.

По сравнению с планомерными акциями Эйхмана действия нилашистов были разрозненными и случайными, но недостаток методичности они с лихвой восполняли зверским энтузиазмом. В последние два месяца осады Будапешта нилашисты убили от десяти до пятнадцати тысяч евреев, которых выволакивали из домов в обоих гетто или просто хватали на улицах. Некоторых евреев вешали на деревьях и фонарях, но большую часть забирали к себе в подвалы, где располагались отделения их партии, и зверски пытали, прежде чем оттащить к Дунаю, где расстреливали на берегу. Отдельвались от трупов, выбрасывая их в реку на волю течения.

Стандартной процедурой убийства у нилашистов было сковывание наручниками в связку по трое и раздевание схваченных донага, после чего их ставили на берегу лицом к реке и расстреливали в затылок среднего. Падая лицом в реку, он увлекал с собой еще двоих. Затем нилашисты развлекались, стреляя по головам тех, кто выныривал и пытался удержаться на поверхности. Такой метод убийства позволял избавляться от разлагавшихся на улицах трупов и одновременно был для нилашистов своего рода «спортом». Местные партийные комитеты даже соревновались между собой в дикости: одно отделение приобрело, например, известность тем, что выжигало глаза своим жертвам раскаленными докрасна гвоздями прежде, чем их ликвидировать.

Особо деятельной «бригадой смерти» командовал монах-францисканец по имени Андраш Кун. Возглавляя шествие своей банды по улицам, он обычно шел в сутане, подпоясанный веревкой и поясом для оружия, на руке он обычно носил повязку с изображением оскалившегося черепа. Андраша Куна считают виновным в убийстве не менее пятисот человек. За одну только ночь, как стало потом известно, он и его подручные, славя Господа, устроили бойню, в которой погибло около двухсот человек. На процессе над отцом Куном, состоявшемся после освобождения, один из свидетелей описывал, как, проводя массовое уничтожение персонала и больных еврейской больницы в Буде, Кун выстроил их перед общей могилой и скомандовал расстреливающим: «Во имя Иисуса Христа, огонь!»

Среди печально известных убийц встречались и женщины. Некая госпожа Вильмош Сальзер, женщина из «хорошей» семьи с высшим образованием, занималась своим ремеслом убийцы в серой амазонке и коричневых сапогах для верховой езды, держа в одной руке хлыст, а в другой – автомат «томпсон». Одним из самых невинных ее развлечений было прижигание наиболее чувствительных мест на женском теле пламенем свечи. После этого жертва обычно ликвидировалась. Она и отец Кун вошли в группу главарей нилашистских «бригад смерти», которых повесили после освобождения по решению народных судов.

Жертвой одной из «бригад смерти» стал тесно сотрудничавший с Валленбергом и Самоши сионистский лидер Отто Комой. Наличие удостоверений, выданных МКК и испанским посольством, не помешало нилашистам вытащить его из дома и убить как раз в канун Нового

года. В условиях анархии и вопиющего беззакония появляться на улицах стало чрезвычайно опасно даже лицам абсолютно нееврейского происхождения и иностранным дипломатам *bona fide*¹. «Бригады смерти» зачастую игнорировали законные удостоверения личности, когда же они подозревали какого-нибудь мужчину, они приказывали ему показать свои гениталии: для людей, прошедших обряд обрезания, это означало верную смерть.

Тем не менее «бригады смерти» все же не действовали абсолютно свободно, и им оказывалось сопротивление. Небольшой подпольной группе молодых евреев с арийской внешностью, все члены которой были одеты в нилашистскую форму и имели фальшивые партийные билеты, удалось в ряде случаев освободить несколько захваченных нилашистами евреев. Кроме того, нилашистам мешал вездесущий и всеведущий Валленберг.

К концу 1944 года Валленберг, с согласия посла Даниельссона, окончательно перенес свою деятельность в Пешт, восточную часть разделенного Дунаем города, где располагались оба гетто. Сколь бы эфемерной ни была видимость порядка и законности до этого, к концу декабря в городе воцарилась полная анархия. Правительство бежало, оставив Пешт на произвол нилашистов, полиции и вермахта. Валленберг немедленно начал поиски сочувствующих или продажных партийных функционеров и полицейских. И снова удача и изобретательность выручили его. Он познакомился в штабе полиции с неким Палом Шалаи, высокопоставленным членом партии нилашистов и старшим офицером, осуществлявшим связь между партией и полицией. Шалаи вскоре стал его пусть малопривлекательным, но чрезвычайно ценным союзником².

Шалаи, по-видимому, пошел на сотрудничество с Валленбергом не из-за одного только инстинкта самосохранения. И хотя Валленберг в начале знакомства с ним несомненно использовал свой испытанный метод «кнута и пряника», вскоре между этими людьми возникло чувство взаимного доверия и уважения. Шалаи восхищался храбростью Валленберга. Кроме того, есть все основания полагать, что, Пала Шалаи, хотя он и был по своим взглядам антисемитом, действительно ужасали зверства, творимые товарищами по партии.

По совету Шалаи Валленберг переехал на брошенную хозяйкой квартиру венгерской писательницы Магды Габор, где ранее он встречался с баронессой Кемень. Шалаи приставил к дверям его дома двоих самых верных своих полицейских в штатской одежде. Таким образом, в первый раз за все время своего пребывания в Будапеште Валленберг получил круглосуточную охрану. По просьбе Валленберга Шалаи отрядил также 100 полицейских на охрану Общего гетто от нилашистов. Когда в первый день Нового года бандиты напали на охраняемый шведской миссией дом на улице Реваи, Валленберга, немедленно направившегося туда, сопровождал присланный Шалаи вооруженный эскорт. Таким образом, вовремя добравшись до дома, он сумел спасти от неминуемой гибели семьдесят его жильцов.

Не всегда, однако, Валленберг успевал вовремя. В ту же неделю нилашисты напали на еще один охраняемый миссией дом на улице Кароя Легради, и к тому времени, когда Валленберг появился там, из дома вывели и убили около сорока «шведских» евреев.

8 января из охраняемого дома на улице Йокаи также вытащили и расстреляли на берегу реки еще 180 мужчин, женщин и детей.

После случившегося Валленберг попросил Шалаи найти людей для постоянной и надежной охраны всех домов Международного гетто. При помощи подкупа – Валленберг по-прежнему располагал неистощимыми запасами наличной валюты – и обещаний заступничества со стороны шведов после неизбежного падения Будапешта Шалаи удалось набрать достаточное количество полицейских, согласившихся выполнить эту работу по-настоящему. Действительно, после 8 января вторжения нилашистов в охраняемые миссией дома прекратились. Валленберг был так благодарен Шалаи, что, по воспоминаниям последнего, обещал ему: «После войны я обязательно привезу вас в Швецию и устрою для вас аудиенцию у короля».

Находясь в центре кипучих событий, Валленберг вел сражение еще на одном фронте. 2

¹ Истинно (*лат.*). (*Примеч. пер.*)

² Шалаи был единственным видным членом партии нилашистов, которому удалось избежать казни после освобождения Будапешта. В знак признания его чрезвычайно полезного сотрудничества с Валленбергом венгерский народный суд снял с него обвинения и освободил.

января д-р Эрнэ Вайна, брат министра внутренних дел и «представитель партии «Скрещенные стрелы» в комитете обороны Будапешта», выпустил зловещий декрет. В течение трех дней все евреи должны быть переведены из Международного гетто в Общее. Валленберг не знал точно мотивов решения, но мог догадываться о них. Он быстро написал ноту протеста, которую направил немецкому офицеру, командовавшему тогда гарнизоном столицы. Валленберг разъяснял в ноте, что через три дня, т.е. к моменту, назначенному для перевода, 75 000 евреев Общего гетто будут находиться на грани полного истощения. Индивидуальный дневной рацион жителя Общего гетто равнялся тогда 600 калориям в день – для сравнения, заключенным венгерских тюрем полагалось 1500 калорий. В то же время «жителям гетто запрещалось покидать его для обеспечения себя продовольствием»¹. 35 000 евреев Международного гетто, писал Валленберг, находились в подобном же положении. «Они не могли бы взять с собой в дорогу для пешего перехода даже самую малую толику хлеба. По чисто гуманным соображениям этот план должен быть признан безумным и бесчеловечным».

На следующий день Валленберг дополнил свой письменный протест личным визитом в штаб вермахта, который располагался в отеле «Астория». Там он потребовал и добился приема у коменданта города, которому многозначительно напомнил, что Швеция до сих пор представляет интересы Германии во многих странах. К этому он добавил, что его страна будет выполнять свои обязательства по защите немецких интересов «только в том случае, если будет получать соответствующую помощь со стороны ответственных немецких и венгерских официальных лиц». Поэтому он требует отмены планируемого перевода защищаемых шведским правительством лиц и «полного статуса экстерриториальности и гарантий тем, кто находится под защитой шведского флага». 4 января 1945 года, несмотря на все протесты, евреям, находящимся под защитой шведских паспортов, было приказано приготовиться к переходу, на подготовку к которому им отводился всего один час времени, и на следующий день пять тысяч евреев были переведены в переполненное и голодающее Общее гетто. Ситуация выглядела безнадежной, но Валленберг поражения не признал. Он отправился непосредственно к Эрнэ Вайне и предложил ему сделку: продовольствие в обмен на отмену перемещения. Валленберг знал, что к этому времени нилашисты уже испытывали трудности с продовольствием, в то время как он имел большие его запасы, по его собственному признанию припрятанные у самых близких его знакомых. Имея такой товар для бартера плюс предложение шведских паспортов для Вайны и его сотрудников на будущее, когда придут русские, Валленберг был готов к торгу.

Письмо, направленное им 6 января Вайне, красноречиво говорит само за себя: «Я хотел бы воспользоваться возможностью информировать вас, что познакомил Его Превосходительство посла Швеции с вашими дружественными замечаниями в адрес нашей страны. Его Превосходительство попросил меня выразить вам свою глубочайшую благодарность и желает заверить вас, что шведская миссия сделает все, что будет в эти трудные дни в наших силах, чтобы оказать помощь бедствующей и страдающей от военных лишений Венгрии».

В письме далее подтверждалось, что «запасы продовольствия, которые не будут в следующие несколько дней нами востребованы», могут быть переданы привратниками некоторых охраняемых миссией домов в руки полиции. Взамен перемещение евреев со шведскими паспортами в Общее гетто должно быть отменено, а штабы нилашистов в официальном порядке оповещены о том, что впредь еврейские служащие Международного гетто будут пользоваться полной свободой передвижения по городу. Более того, «партийные власти должны в будущем относиться к охраняемым миссией домам с большим, чем ранее, уважением».

Валленберг поставил на то, что русские возьмут Международное гетто до того, как запасы в нем полностью подойдут к концу. Это была игра на время.

Приблизительно тогда же Валленберг и Пер Ангер встретились друг с другом в последний раз. В своих мемуарах Ангер вспоминает, как Валленберг ненадолго заехал в здание миссии, располагавшееся на западном берегу Дуная: «Я настоятельно просил его прекратить свою деятельность и остаться с нами в Буде. Нилашисты, вероятно, за ним охотились, и, продолжая

¹ На весьма ограниченном черном рынке в Общем гетто цена буханки хлеба равнялась 500 пенгё. Официальная цена ежедневного хлебного рациона составляла 1, 5 пенгё, а его цена на черном рынке вне гетто – от 10 до 12 пенгё.

акции спасения, он подвергал себя серьезному риску. Однако Валленберг меня слушать не захотел. Потом практически под бомбежкой мы отправились в штаб СС, где, среди многого прочего, я хотел попросить для членов посольства хоть какое-нибудь убежище. Нам пришлось не раз останавливаться – дорогу впереди иногда загорали трупы людей и лошадей, сгоревшие остовы грузовиков и развалины. Но опасность не остановила Валленберга. Я спросил его, не боится ли он? «Иногда боюсь, – ответил он, – но у меня нет выбора. Я взялся за это задание и не смог бы вернуться в Стокгольм с сознанием того, что не сделал все от меня зависящее, чтобы спасти как можно больше людей». Во время разговора с генералом СС (оберштурмбанфюрером Эрихом фон Бах-Зелевски) Валленберг пытался получить от него гарантии того, что обитатели охраняемых шведской миссией домов не будут ликвидированы в последний момент. Как обычно, Валленберг приводил доводы умело и аргументировано. Эсэсовский генерал слушал его скептически, но не скрывал того факта, что поведение Валленберга производит на него сильное впечатление. Я хорошо помню ту часть их разговора, когда немец вдруг задал Валленбергу вопрос, которого тот не ожидал: «*Sie kennen Gyula Dessewffy sehr gut? Er hat sich ubrigens in Ihrem Haus versteckt!*» («Вы хорошо знаете Дьюлу Дежёффи? Он, кстати, скрывается в вашем доме».)¹ Дежёффи, венгерский аристократ и журналист, после немецкого вторжения в Венгрию скрывался в подполье. Он был активным участником Сопротивления, и немцы лихорадочно искали его».

Во вторую неделю января 1945 года личная разведка Валленберга донесла до него известие о том, что началась подготовка к осуществлению плана Эйхмана, т.е. полной ликвидации Общего гетто. Один из людей Шалаи рассказал Валленбергу, что бойня будет проведена объединенными усилиями пятисот солдат войск СС и нилашистами под руководством священника отца Вильмоша Лучки. Кроме того, для большей надежности, чтобы никому из евреев не удалось избежать гибели, двести полицейских возьмут гетто в кольцо оцепления.

Вместе с охранявшим его Шалаи Валленберг поспешил к Вайне. Используя обычную комбинацию угроз и обещаний, он потребовал, чтобы «чудовищный план» был отменен. Но по-видимому, к этому времени Вайна уже ко всему, включая спасение собственной шкуры, стал относиться довольно-таки безразлично. Он охотно признал, что оповещен о проведении операции и что в общем-то даже «играет в ней кое-какую административную роль». И он не сделает ничего, что могло бы ее остановить.

Оставался только один человек, который мог бы бойню предотвратить, – генерал Август Шмидтгубер. Он осуществлял в городе общее командование силами СС, и одно из его подразделений должно было возглавить команду убийц. Для Валленберга личное свидание с Шмидтгубером было бы слишком рискованным: эсэсовцы уже охотились за дипломатом; кроме того, дело, с которым он собирался обратиться к генералу, пометило бы его как опасного свидетеля, которого разумнее всего было бы устранить. Шалаи, взявшийся переговорить с Шмидтгубером от имени Валленберга, передал генералу, что, если бойня произойдет, Валленберг сделает все, чтобы Шмидтгубер считался лично за нее ответственным и был повешен как преступник после окончания войны.

Передовые части русских находились в это время в двухстах метрах от гетто и постепенно, метр за метром, продвигались вперед. Поэтому бойню следовало начинать немедленно или не начинать ее вовсе. Времени на то, чтобы найти Валленберга и заставить его замолчать, не было. В ярости от собственной нерешительности Шмидтгубер бегал по штабу взад и вперед, пока нервы у него не выдержали. Он поднял трубку и приказал, чтобы акция против гетто ни в коем случае не начиналась. Валленберг одержал свою последнюю победу.

Когда через два дня русские вошли в Общее гетто, они нашли в нем 69 000 евреев живыми. В Международном гетто уцелело еще 25 000, и позже, когда взяли Буду, вторую половину города за рекой, еще около 25 000 евреев вышли из своих убежищ в монастырях, церквях и домах, где их скрывало местное население. В общей сложности «окончательное

¹ Валленберг прятал у себя в доме не только евреев, но также некоторых деятелей оппозиции, в том числе социал-демократов Арпада Сакашитша и Анну Кетли. Первый стал президентом Венгрии в 1948-1950 гг., вторая – председателем венгерского парламента. Дежёффи пережил войну и стал членом первого послевоенного венгерского парламента от партии либералов.

решение» пережили 120 000 венгерских евреев – самая большая еврейская община, оставшаяся в Европе.

Как считает Пер Ангер, близкий коллега Валленберга по миссии, в заслугу Валленбергу можно поставить спасение евреев как в Международном, так и в Общем гетто. «Он был единственным дипломатом, оставшимся в Пеште с одной только целью – защитить этих людей. И против всех ожиданий он в этом преуспел. В общей сложности ему обязаны жизнью не менее 100000 человек».

ГЛАВА 11

Как ни занят был Валленберг в эти последние отчаянные недели спасением людей, он также нашел время подумать о том, какое будущее ожидает после войны Венгрию и ее уцелевшее еврейское население. Еще в начале ноября 1944 года он открыл при своем Отделе С небольшой филиал, во главе которого поставил молодого талантливого еврейского экономиста Реже Мюллера и поручил ему разработать подробный социально-экономический план восстановления нормальной жизни после поражения нацистов.

Валленберг даже снял для Мюллера дополнительное помещение, где тот мог работать в относительном спокойствии и уединении, и пообещал ему, что необходимые для осуществления плана немалые капиталы будут изысканы через американское УВБ и ДЖОЙНТ. Мюллер и его небольшой персонал с энтузиазмом взялись за дело и разработали документ, к которому Валленберг добавил завершающие мазки. Во вступительном тексте к плану он еще раз продемонстрировал присущий ему своего рода «практический идеализм», означающий нечто большее, чем политическую наивность.

Как подчеркивалось, план восстановления предусматривал прежде всего «инициативу и самостоятельность его участников при тесном взаимодействии их друг с другом». Валленберг был щедр на похвалу Мюллеру и его коллегам: «Я познакомился с разработчиками этого плана во времена тяжелых испытаний. Критериями, которыми я руководствовался, подбирая их для этой работы, были честность, предприимчивость и сочувствие к людям».

Валленберг объясняет далее, что в осуществлении плана «предполагается использовать кратчайшие пути к достижению цели, а это значит – частную инициативу. Одновременно мы будем приветствовать государственную поддержку и действовать в одной упряжке с властями при условии, что это не приведет к задержкам в оказании помощи тем, кто в ней нуждается».

Названия основных разделов обнаруживают всесторонность и практичность подхода разработчиков: поиск пропавших лиц и воссоединение семей, срочное распределение продовольствия; обеспечение жильем и распределение предметов первой необходимости; медицинское обслуживание; призрение сирот; информационная служба; восстановление коммерческой и деловой жизни; создание рабочих мест. Вместе с тем, считая, что Советский Союз позволит на подконтрольной ему территории проведение независимой от него и к тому же финансируемой США операции по восстановлению, Валленберг продемонстрировал полное отсутствие у него политического чутья. Впрочем, эту наивную политическую доверчивость он разделял в то время с многими людьми доброй воли. Скоро она будет стоить ему свободы.

Валленберг намеревался представить свой план венгерскому Временному правительству, учрежденному под эгидой русских на востоке страны в городе Дебрецене (в 120 милях от Будапешта), как можно скорее. Поэтому в последние дни осады он опять переменял место жительства таким образом, чтобы оно находилось на пути наступления передовых советских войск. В Дебрецен Валленберг собирался еще по одной причине. Он хотел обратиться к советскому командующему, маршалу Малиновскому, с просьбой о срочных поставках продовольствия и медикаментов для двух будапештских гетто. Соответственно, вместе со своим водителем Лангфельдером он обосновался в доме, принадлежащем организации Красного Креста, на улице Бенцур.

13 января подразделение русских солдат с осторожностью продвигалось по этой улице, проверяя, по мере наступления, каждый дом. На доме №16 солдаты с удивлением увидели желто-голубой шведский флаг. Несколько озадаченному русскому сержанту Валленберг объяснил – на разговорном русском, – что он является шведским поверенным в делах на

освобожденной территории Венгрии.

Он попросил встречи с русским офицером, и через некоторое время к дому прибыл майор Дмитрий Демченко. Они долго разговаривали, после чего Демченко отправился вместе с Валленбергом и Лангфельдером в штаб генерала Чернышева, командовавшего районом Зугло. Валленберг объяснил Чернышеву, что он собирается ехать в Дебрецен для встречи там с генералом Малиновским и Временным правительством. Чернышев дал ему необходимое разрешение и приказал майору Демченко сопровождать Валленберга с эскортом из двух солдат.

Ранним утром 17 января Валленберг и Лангфельдер в сопровождении Демченко и двух солдат на мотоцикле вернулись на улицу Бенцур. Валленберг собрал свой багаж – свой верный рюкзак и чемодан, который охранял один из его служащих. В чемодане хранились остатки средств, всего 222 000 пенгё – немалая сумма для того времени.

С улицы Бенцур Валленберг поехал к охраняемому шведской миссией дому на улице Татра – попрощаться с самыми близкими своими сотрудниками. Вместе с ним и шофером Лангфельдером туда же отправился доктор Эрнё Петё. Демченко сопровождал их сзади, в люльке мотоцикла. Валленберг, казалось, был в хорошем настроении. Он сказал Петё, что русские хорошо за ним присматривают. Затем, указывая через заднее стекло автомобиля на сопровождающих, он пророчески заметил: «Не знаю, защищают они меня или за мной следят. Я не уверен, кто я – их гость или пленник?»

В доме номер 6 на улице Татра Валленберг поднялся наверх по лестнице и поговорил со своими еврейскими помощниками, сопровождение ожидало его в это время на улице. Валленберг объяснил Реже Мюллеру, что он отправляется в Дебрецен с планом восстановления Венгрии, затем он достал из чемодана 100 000 пенгё и передал их Мюллеру, сказав, чтобы тот истратил их на текущие расходы. Присутствовавший там же Дьёрдь Гергей вспоминает, что Валленбергу, находившемуся тогда в хорошем расположении духа, не терпелось отправиться в Дебрецен. «Он сказал, что вернется оттуда самое позднее дней через восемь».

Д-р Петё снова вызвался сопровождать Валленберга и Лангфельдера, и они отправились в путь втроем, если не считать сопровождения – Демченко и его двух солдат. Через несколько кварталов их автомобиль столкнулся с русским военным грузовиком. Как рассказывает Петё, «русские были в бешенстве, они выволокли Лангфельдера из машины с водительского сиденья, и, Бог знает, чем бы это закончилось, но как раз тут подъехал мотоцикл с русским майором, и инцидент на том был исчерпан».

Д-р Петё добавляет: «На углу улицы Бенцур я вышел, пожелав Валленбергу на его рискованном пути всего наилучшего. Более я его никогда не видел».

На свободе Рауля Валленберга больше не видел никто.

Часть вторая ГУЛАГ

ГЛАВА 12

Для будапештских евреев кошмар окончился. Но для Валленберга он еще только начинался. Вскоре после прибытия в штаб Малиновского в Дебрецене – или, возможно, даже где-нибудь на пути – Валленберг и его шофер Вильмош Лангфельдер были переданы НКВД, как тогда назывался КГБ. В один из первых дней февраля они уже сидели в отдельных камерах в московской тюрьме на Лубянке, главном дознавательском центре советской секретной полиции.

Отсутствие Валленберга в Будапеште было замечено не сразу. Прежде чем оно обеспокоило его друзей и знакомых, прошло некоторое время. По-прежнему остававшиеся в Буда коллеги Валленберга о его отъезде в Дебрецен даже не знали. Кроме того, бои в Буда, на их стороне реки, продолжались до конца февраля. Лидеры же еврейской общины в Пеште из-за немалого расстояния до Дебрецена, бюрократической неразберихи и общего хаоса в стране, где продолжалась война, ранее чем через неделю или даже двух его возвращения не ожидали. Освободившись от страха физического уничтожения, евреи, как и большинство других жителей

Будапешта, по-прежнему, пусть и в освобожденной столице, продолжали борьбу за существование. Прибытие советских войск потоком продовольственных поставок или медикаментов не сопровождалось, и русские вели себя довольно сурово. Для всех, и особенно для измученных преследованиями евреев, условия жизни оставались крайне тяжелыми.

В Стокгольме никаких причин или поводов для беспокойства за Валленберга также никто не видел. Шведский посол в Москве Стаффан Седерблум уже уведомил МИД на родине о том, что заместитель министра иностранных дел СССР Владимир Деканозов сообщил ему в письме от 16 января, что Валленберг находится у русских в руках. В письме Деканозова недвусмысленно сообщалось: «Меры по охране г-на Валленберга и его имущества советскими военными властями приняты». И в скором возвращении его на родину, казалось, не сомневался никто.

В один из февральских дней мать Валленберга Май фон Дардель посетила советского посла в Стокгольме г-жу Александру Коллонтай, которая тоже посоветовала ей не тревожиться. Рауль находится в безопасности в России и скоро вернется. Приблизительно в то же время г-жа Коллонтай передала подобное сообщение жене шведского министра иностранных дел Кристиана Гюнтера, добавив, что шведскому правительству не стоит поднимать шум по этому поводу, это могло бы только задержать возвращение Валленберга.

8 марта 1945 года евреи Будапешта и все другие, кому судьба Валленберга оставалась безразлична, были шокированы. Контролируемое русскими «Радио Кошута» передало, что Валленберг был убит по дороге в Дебрецен, вероятнее всего, венгерскими фашистами или «агентами гестапо». Шведское министерство иностранных дел немедленно отправило телеграмму послу Седерблumu с просьбой получить от русских более подробные разъяснения, и Деканозов пообещал послу провести срочное расследование. Тем временем в связи с назначением на другой пост г-жа Коллонтай была из Стокгольма отозвана. Напомнив о ее прежних заверениях г-же фон Дардель, Седерблум обратился к ней.

Озабоченность стала проявлять и общественность Швеции. В Стокгольме уже знали о подвигах Валленберга из интервью, напечатанного на первой полосе ведущей ежедневной газеты «Дагенс нюхетер». В интервью давалась волнующая история его спасательных операций со слов только что приехавшего в Швецию венгерского еврея.

Свою заинтересованность судьбой Валленберга стали проявлять и официальные круги США. 4 апреля посол Джонсон в Стокгольме телеграфировал в Государственный департамент, предлагая, чтобы его коллега в Москве Аверелл Гарриман обратился к шведскому посольству в Москве с предложением содействия в официальном запросе по поводу судьбы Валленберга, «поскольку мы имели в отношении миссии Валленберга в Будапеште особую заинтересованность». Соответственно, уже 9 апреля государственный секретарь Эдвард Стеттиниус телеграфировал послу Гарриману просьбу о том, чтобы тот обеспечил шведам «всю возможную поддержку».

Свой весомый вклад в выражение американской озабоченности внес министр финансов США Генри Моргентау-младший. Экземпляр телеграммы Джонсона от 4 апреля был прислан в его офис по распоряжению генерала Уильяма О'Дуайера, нового исполнительного директора УВБ. Моргентау написал на ней резолюцию: «Дать знать Стеттиниусу, что я лично заинтересован в судьбе этого человека».

19 апреля посол Джонсон сообщал из Стокгольма: «Местные газеты широко комментируют прибытие в Стокгольм служащих шведской миссии из Будапешта и особо – отсутствие среди них атташе Рауля Валленберга, еще с 17 января числящегося пропавшим. Ввиду особой заинтересованности Департамента и Управления по делам военных беженцев миссией Валленберга, а также в связи с нашей глубокой обеспокоенностью его участью, полагаю необходимым, чтобы правительство США сообщило правительству Швеции о своей озабоченности этим вопросом».

Исполняющий обязанности государственного секретаря Джеймс Грю через два дня телеграфировал Джонсону ответ, предписывающий ему проинформировать правительство Швеции о «глубокой озабоченности и крайней обеспокоенности» Америки в связи с означенным делом. В то же время уже 30 апреля Государственный департамент телеграфировал в только что открытую дипломатическую миссию США в Венгрии директиву запросить у

русских военных властей сведения о местопребывании Валленберга и «ознакомить их с озабоченностью нашего правительства его участью».

12 мая Джордж Уоррен, советник Стеттиниуса по вопросам беженцев и перемещенных лиц, послал генералу О'Дуайеру в УВБ записку, в которой просил его заверить министра финансов Моргентау, что Государственный департамент продолжит поиски Валленберга, «пока возможности получения какой-либо информации о нем не будут нами полностью исчерпаны». Чего, однако, он О'Дуайеру не сообщил – возможно, потому, что сам об этом еще не знал, – так это того, что предложение американцев помочь шведам было последними резко отклонено. Посол Седерблум, по существу, указал послу Гарриману, что с делом Валленберга шведы разберутся без американской помощи.

Прошло двадцать лет, прежде чем общественность узнала о том, как была совершена эта чрезвычайно серьезная и, возможно, ставшая фатальной ошибка. Две другие ошибки подобного же рода были сделаны шведами через год после отказа Гарриману: обе всплыли на поверхность не раньше января 1980 года – т. е. через тридцать пять лет после ареста Валленберга. Именно эти просчеты, возможно, создали ситуацию, прямым следствием которой оказалось то, что Валленберг оказался брошенным на произвол судьбы в «архипелаге ГУЛАГ», где, как считают некоторые, он мог дожить до глубокой и горькой старости.

Как явствует из документов, уже в самом начале поисков посол Седерблум твердо считал Валленберга погибшим. Соответственно, как он полагал, не было никакого смысла раздражать русских постоянными напоминаниями о нем. Уже 14 апреля он телеграфировал в свое министерство, что Валленберг, «возможно, убит» и что шансов на то, что его дело когда-либо будет «прояснено», практически не существует. 19 апреля он пишет в МИД обстоятельнее: «Более всего я опасаясь того, что русские, сколь бы неприятно им это ни было, не могут выяснить, что случилось в действительности. Во-первых, в Венгрии сейчас царит беспорядок. Во-вторых, войска, которые находились в январе в Будапеште, теперь проследовали в Вену. Далее, к сожалению, весьма маловероятно, чтобы маршал Толбухин и его подчиненные могли в настоящее время заниматься расследованиями подобного рода». В «строго секретной» записке Харальду Фаллениусу, заместителю секретаря Управления делами Министерства иностранных дел, Седерблум сообщает, что, по его мнению, «Валленберг, возможно, оказался жертвой дорожной аварии или был убит в дороге, направляясь из Будапешта на восток, в то время, когда его исчезновение в общей неразберихе, царившей тогда в этом районе, могло остаться незамеченным».

Министр иностранных дел Швеции Гюнтер был настроен более недоверчиво. 21 апреля он телеграфировал Седерблumu «обязательное предписание» нанести визит Деканозову и потребовать от того полного расследования дела. Седерблumu не оставалось иного, как повинаться, хотя об энергичности его усилий в этом направлении можно догадываться по следующему его посланию на родину: «Как я уже говорил ранее, к сожалению, возможно, это дело так и останется неразрешенной загадкой».

1 июля МИД Швеции получило сообщение из своего посольства в Берне, в котором цитировалось донесение «абсолютно надежного источника» из Будапешта, заявлявшего, что он встречался в венгерской столице с человеком, который, в свою очередь, заявлял, что видел Валленберга в Пеште в апреле, отрастившим себе бороду и жившим инкогнито. Без малейших претензий на достоверность полученных сведений донесение источника все же было передано Седерблumu в Москву, и 6 июля последний телеграфировал в Стокгольм, сообщая, что получил донесение «как раз в тот момент, когда собирался сделать советскому Министерству иностранных дел соответствующий демарш». В результате из опасений повредить Валленбергу, который, возможно, прячется от русских после того, как ему удалось бежать, он от предъявления меморандума воздержался. Кроме того, Валленберг может неожиданно вынырнуть перед газетчиками где-нибудь в Стамбуле или Берне с «сенсационными историями».

Предъявление меморандума русским, заявлял Седерблум, поставило бы его «в очень неудобное положение», – поэтому, по всей видимости, в данную минуту лучше не предпринимать ничего. Через шесть дней руководство министерства телеграфировало ему в ответ: донесение изерна полностью спекулятивно, оно питается только слухами, Седерблumu предписывалось продолжить поиски «всеми доступными ему средствами». Тем не менее

Седерблум предпочел больше полагаться на слухи. «Полагаю, до получения новых сообщений от источника в Швейцарии мне лучше от дальнейших шагов в этом деле воздержаться», – телеграфировал он 14 августа.

Роль, которую сыграл Седерблум, отказавшись от предложенного американцами содействия, частично выясняется из обнародованной к настоящему времени корреспонденции между ним и МИДом, – хотя и она ясна далеко не полностью. Шведская пресса подозревала, что предложенное ее вниманию ключевое в этом деле сообщение Седерблума в МИД было намеренно фальсифицировано. Мы уже знаем, что 9 апреля 1945 года Стеттиниус приказывал в телеграмме Гарриману оказать шведам «всю возможную поддержку». 12 апреля ¹ Гарриман телеграфировал ему, отвечая: «...шведы говорят, у них есть все основания полагать, что русские делают всё возможное, и шведы не считают, что соответствующее представление с нашей стороны в советское Министерство иностранных дел было бы желательным».

Тем не менее Седерблум в своем «строго секретном» письме заместителю секретаря Управления делами МИДа Фаллениусу от 19 апреля пишет, что, как он «полагает, запрос по этому делу в американское представительство в Венгрии через Государственный департамент уже делался. В ином случае посольство США в Москве вряд ли сочло бы, что со стороны Америки могло быть сделано что-нибудь еще». Эта путаная и размытая фраза из письма была сообщена шведским органами массовой информации только в феврале 1965 года, после того как в одной шведской телепередаче был серьезно затронут вопрос о нежелании или неспособности Седерблума положительно ответить на американскую инициативу.

Как заметил один служащий американского посольства в докладе, направленном в Государственный департамент, «факт использования в пресс-релизе Министерства иностранных дел путаной и вырванной из контекста цитаты... вызвал серьезные подозрения шведской прессы». И действительно, подозрения возникали. В передовой статье газеты «Дагенс нюхетер» поднимался вопрос: «Почему, спрашивается, телеграмма не была процитирована полностью? Обычная секретность?... Отрицательное отношение шведов к американской инициативе заставило США потерять всякий интерес к этому делу. Конечно, факт остается фактом, вскоре шведский демарш в отношении судьбы Рауля Валленберга Москве был сделан. Но не было бы подобное представление со стороны американцев намного весомее?»

Газета «Гётеборгс хандельстиднинген» выражала сходную точку зрения: «К сожалению, есть все основания полагать, что шведская версия событий фальсифицирована. Американцы хотели действовать, в то время как подобное желание со стороны шведского посольства выглядит очень сомнительным».

Через пятнадцать лет после этих разоблачений на свет всплыла история со второй сделанной Седерблумом ошибкой, она была обнаружена в результате рассекречивания в конце января 1980 года 1900 страниц внешнеполитических документов, касающихся дела Валленберга ². Документы включали, что самое примечательное, записку посла Седерблума по результатам его встречи со Сталиным, состоявшейся 15 июня 1946 года, перед тем как посол покинул Москву, чтобы принять новое назначение.

Седерблум был, по-видимому, немало огорошен той честью, которую оказал ему советский вождь, встречавшийся только с американским и британским послами, да и то только в случаях, когда они привозили с собой личные послания от глав правительств, которыми в то время были Гарри Трумэн и Клемент Эттли.

«Сталин показался мне здоровым и бодрым, он излучал энергию, – писал Седерблум. – Его невысокая, но ладно сбитая фигура, а также правильные черты лица производили очень благоприятное впечатление. Тон голоса и манеры также создавали впечатление приветливости».

В ходе разговора Сталин спросил Седерблума, не может ли он оказать ему какую-нибудь услугу. Седерблум упомянул дело Валленберга.

«– Так вы говорите, его зовут Валленберг? – спросил Сталин.

¹ 12 апреля 1945 года умер президент Рузвельт. Очевидно, посол Гарриман особо заниматься в тот день делом Валленберга не мог.

² Согласно заявлению первого заместителя министра иностранных дел Лейфа Лейфланда, двадцать пять страниц из этого собрания документов были изъяты по причинам юридического характера. Лейфланд настаивал, что содержание изъятых страниц никоим образом государство не компрометировало.

– Да, Валленберг, – сказал Седерблум и продиктовал советскому диктатору имя по буквам, в то время как тот записал его в лежавшем перед ним блокноте.

Когда Седерблум закончил свое изложение того, как, согласно Деканозову, Валленберга взяли под советскую охрану и как его видели позже отъезжавшим в Дебрецен в сопровождении эскорта, Сталин сказал:

– Я полагаю, вы знаете, что мы отдали приказ охранять (в Будапеште) шведов.

– Да, – ответил Седерблум, – и я лично убежден, что Валленберг стал жертвой несчастного случая или пал от руки бандитов.

– Вы не получали от нас никаких сведений по этому поводу?

– Нет, – ответил Седерблум, – но я полагаю, что у советских военных властей отсутствует надежная информация относительно того, что случилось потом».

После этого столь поразительного обмена мнениями Седерблум попросил, чтобы русские представили официальное заявление о том, что ими предприняты все меры, чтобы найти Валленберга, не увенчавшиеся, однако, успехом, и заверение, что, если на свет появится какая-то дальнейшая информация, она будет шведским властям передана.

«– Это было бы в ваших собственных интересах, – заявил Седерблум, – потому что есть люди, которые в отсутствие объяснения делают свои собственные неправильные заключения.

– Обещаю вам, – ответил Сталин, – что это дело будет расследовано и выяснено. Я сам прослежу за этим»¹.

Неудивительно, что замечания Седерблума Сталин мог понять как признак того, что Валленберг более не интересует шведское правительство. Возможно, не случайно приблизительно в то же время, согласно показаниям, которые позже шведы признали достоверными, комиссар НКВД сказал Валленбергу в Лефортово: «Вы никому не нужны».

После обнаружения в 1980 году записки Седерблума о его беседе со Сталиным шведские средства массовой информации потребовали от Седерблума, тогда уже семидесятидевятилетнего пенсионера, удобно устроившегося в отставку в Упсале, объяснить свою тогдашнюю позицию. «Я не хотел прямо обвинять русских, что это они убили Валленберга или совершили что-нибудь в этом роде, – сказал он. – Подобное неуместное предположение намного осложнило бы ситуацию».

В интервью, данном «Дагенс нюхетер», Седерблум отрицал, что при встрече со Сталиным «объявил Валленберга умершим». «Предположение, что он мог погибнуть в результате несчастного случая, было только одной из теорий, которые я выдвинул. Это, в конце концов, учитывая тогдашнее положение, было вполне возможно. Или его могли ограбить люди, посчитавшие, что он везет с собой много денег или драгоценностей».

Седерблум утверждает, что предположение, будто за исчезновением Валленберга стояли русские, было в то время для него «немыслимо». Кроме того, он верил, что русские действительно хотели докопаться до истины. «Я не считаю, что действовал в тогдашних обстоятельствах слабо или трусливо. Я делал, что мог, и мне удалось поднять этот вопрос до решения его на самом высоком уровне».

О свидетелях, выступавших на протяжении ряда лет с новыми сообщениями о том, что Валленберг жив, Седерблум отозвался крайне скептически. «Они слышали о нем, и любой слух о шведе преображали в фантазию о Рауле Валленберге». В то же время он допускал, что «дело Валленберга – из разряда тех, что не оставляют тебя в покое... Оно из тех, что преследуют».

По мнению Таге Эрландера, премьер-министра социал-демократического правительства в 1946 году, «между Седерблумом и Сталиным состоялась опасная беседа, опасная и, возможно, гибельная. Предпочтительнее, если бы ее вообще не было».

Эрландер был также не в восторге от момента, выбранного для рассекречивания документов, происходившего в момент усиления напряженности между Востоком и Западом

¹ Циничное безразличие Сталина к судьбе Валленберга, как и его нежелание дать ответ на страстные призывы о помощи, обращенные к нему со стороны Май фон Дардель, входят в резкое противоречие с муками, которые, как считается, он переживал в связи с неизвестностью судьбы его собственного сына Якова, летчика Красной Армии, взятого в плен немцами, но так после войны и не найденного. Британцы знали, что Яков покончил жизнь самоубийством в лагере для военнопленных, но держали это в секрете от Сталина, чтобы не причинять ему излишних страданий.

из-за советского вторжения в Афганистан. «Публикация документов может быть воспринята как маленький вклад Швеции в дело усиления напряженности, – заявил он ¹. – С другой стороны, следует помнить, что рассекречивание планировалось заранее. Мировая общественность все громче требует объяснения загадки исчезновения Валленберга, но как раз сейчас русские не особенно склонны ее выслушивать».

Приблизительно одновременно с фатальной беседой Седерблума и Сталина советскими властями был освобожден из-под ареста шведский журналист Эдвард аф Сандеберг. Во время войны его корреспондентский пункт (ныне уже не существующей шведской газеты) располагался в Берлине, и Сандеберг был арестован русскими по подозрению в шпионаже. Когда, после возвращения домой в июне 1946 года, он рассказал историю своих злоключений в МИДе, он между прочим упомянул нечто, что должно было служащих министерства насторожить. Он сообщил, в частности, что во время своего заключения встречался с румынским и немецким военнопленными, каждый из которых независимо друг от друга рассказывал ему о встречах в тюрьме со шведским дипломатом по имени Валленберг. Ничего еще не зная о Валленберге, Сандеберг не понимал значения сообщенных ими сведений. Но не поняли этого и министерские служащие, на переданную им информацию не отреагировавшие никак. Позже, узнав, что дело Валленберга представляет собой *haut affaire* ², Сандеберг напечатал в газете статью о нем, но и она осталась чиновниками не замеченной.

Румын, упомянутый Сандебергом, так и пропал в безвестности, но немец, которого звали Эрхард Хилле, после массового освобождения военнопленных в середине 1955 года вернулся на родину. Рассказанное им точно подтверждало историю, изложенную Сандебергом девятью годами ранее. Сам Сандеберг считает, что безразличное отношение министерских чиновников к тому, что он сообщил, объяснялось позицией министра иностранных дел Эстена Ундена, считавшего его нацистским приспешником, пытавшимся своими выдумками внести раздор между СССР и Швецией. Действительно, Унден отзывался о Сандеберге, как об «этом нацисте». По заявлению же самого Сандеберга, «нацистом он никогда не был, и это легко проверить». Только в мае 1949 года, по просьбе более молодых и энергичных старших чиновников министерства, Сандеберга пригласили для официального интервью.

Еще одна возможность была упущена в момент, когда после отъезда из Москвы Седерблума новый поверенный в делах Ульф Барк-Хольст, надеясь восполнить вред, нанесенный розыскам Валленберга его бывшим шефом, стал проводить в них новую энергичную линию. Барк-Хольст сообщил в МИД, что он хочет попытаться добиться еще одной встречи со Сталиным, и предложил министру иностранных дел Ундену поднять вопрос о Валленберге на предстоящей встрече с советским министром иностранных дел Вячеславом Молотовым в ООН в Нью-Йорке. Унден, однако, никак на его предложение не отреагировал; не одобрил он и еще одной инициативы Барк-Хольста – несмотря на данный американцам год назад отпор, попросить у них помощи.

Не смущенный серией отказов Стокгольма на свои предложения, Барк-Хольст предложил в декабре 1946 года Ундену добиться продвижения в розысках, «послав госпоже Коллонтай какой-нибудь красивый рождественский подарок». Таким образом, там, где Седерблум проявлял сверхосторожность, Барк-Хольст, как представляется, слишком полагался на энтузиазм. Тем не менее в предположении, что с русскими можно было бы договориться о какого-либо рода обмене, он мог оказаться прав. 30 декабря он телеграфировал в Стокгольм, сообщая, что «каждый раз, когда нами поднимался вопрос о поисках Валленберга, как правило, возникал встречный вопрос, не поступили ли новые обнадеживающие известия о Макаровой, прибалтах или Грановском ³. Таким образом, они пытались использовать дело Валленберга в качестве основы для переговоров».

14 января 1947 года Барк-Хольст предложил Стокгольму приостановить на некоторое

1 Швеция призыву президента Джимми Картера к бойкоту Олимпийских игр в Москве не последовала. Защитники Валленберга призывали к бойкоту задолго до вторжения СССР в Афганистан.

2 Громкое дело (*фр.*). (*Примеч. Ron.*)

3 Макарова, дочь старшего офицера Красной Армии, бежала в Швецию в 1945 г., прибыв туда вместе с группой беженцев из аннексированных Советским Союзом прибалтийских стран; Грановский был еще одним политическим беженцем. Русские хотели их выдачи.

время кампанию по делу Валленберга в шведской прессе и приготовить для русских практические предложения по обмену. Как заявлял Барк-Хольст, «у него сложилось, возможно, излишне оптимистическое впечатление, что вопрос наконец сдвинулся с мертвой точки», но он не сможет сделать ничего, если не получит приемлемые для русских предложения.

В рассекреченных документах нет никаких указаний, получил он одобрение своим планам или нет, – по всей вероятности, однако, вопрос о выдаче лиц, которым было предоставлено политическое убежище, Швеция рассматривать не пожелала бы. После рассекречивания соответствующей переписки в 1980 году бывший премьер-министр Таге Эрландер заявил: «Предложение об обмене не поступало, и я бы его не одобрил». Правда, Эрландер согласился, что дело предстало бы в ином свете, если бы шведы на то время держали у себя советского шпиона, которого могли обменять¹.

Обозревая все важнейшие события в деле Валленберга в течение первых двух лет после его исчезновения, Эрландер признал: «Нам не удалось освободить одного из самых замечательных наших соотечественников, одного из самых великих. Продолжая попытки внести в его дело ясность, мы должны исходить из того, что Валленберг до сих пор жив, иначе дальнейшие расследования были бы бесполезны. Очень вероятно, что он до сих пор жив».

Для Нины Лагергрэн «читать это было ужасно. Я словно в кошмаре – вот, значит, как Рауля бросили на произвол судьбы».

ГЛАВА 13

После отъезда из Москвы Седерблума и Барк-Хольста Швеция стала предъявлять СССР еще больше запросов и меморандумов. Теперь их направлял в МИД СССР новый шведский посол Гуннар Хэггльёф. Представления по-прежнему получали уклончивые ответы, пока 16 августа 1947 года русские, решив, по-видимому, покончить с надоедливым делом, поручили его первому заместителю министра иностранных дел Андрею Вышинскому, который до той поры подобными мелочами лично не занимался. Труднее всего для русских было объяснить шведам сообщение Деканозова² в письме Седерблуму от 16 января 1945 года о том, что «меры по охране г-на Валленберга» были «советскими военными властями приняты». Вышинский справился с объяснением, заявив, что его министерство действительно получало в свое время такое известие, но оно было основано «на косвенных данных, поступивших от одного из командиров в Будапеште», и проверить его не удалось. Офицер, от которого известие исходило, найден не был. Поиски Валленберга, проведенные в лагерях для военнопленных и в других учреждениях, также его следов не выявили. Короче, «Валленберга в Советском Союзе нет и он нам неизвестен». Нота заканчивалась «предположением», что Валленберг либо погиб во время боев за Будапешт, либо был похищен и убит нацистами или венгерскими фашистами. На некоторое время ответ Вышинского утихомирил шведов. Во всяком случае, министр иностранных дел Эстен Унден, как он позже в том признавался, совершенно не мог представить себе, чтобы такая блестящая личность, как Вышинский, была способна на беспардонную ложь. Вероятно, сомневающиеся в МИД Швеции были, но они сочли за лучшее промолчать. Гораздо труднее оказалось заставить замолчать шведскую прессу, так же, впрочем, как и некоторых парламентариев. В декабре 1947 года три члена риксдага выдвинули кандидатуру Валленберга

¹ В 1960 г. попытки обменять полковника Стига Веннерстрёма, служившего в шведских ВВС, сделано не было. Веннерстрём был завербован советской разведкой в 1950 году в Москве, где он служил военным атташе, перед его новым назначением военным атташе в Вашингтон. На суде в 1963 г. утверждалось, что он был штатным советским агентом в чине майора КГБ. Отбыв срок наказания в двенадцать лет, Веннерстрём был за хорошее поведение досрочно освобожден, после чего поселился в деревне в Швеции. «Мы не могли обменять его, – комментировал старший чиновник МИД Швеции в 1979 г. – Он был нашим гражданином». Другой возможный обмен в сентябре 1979 г. также не состоялся. Служащий шведского Министерства обороны Стиг Берглинг, обвиненный в шпионаже в пользу Советского Союза, запрашивал шведское правительство через своего адвоката, не могут ли они обменять его на Валленберга? Согласно сообщениям из правительственных кругов, в Москве был проведен соответствующий зондаж, однако «русские интереса не проявили». Берглинг был приговорен к пожизненному заключению.

² Деканозов известен как один из подручных Сталина на дипломатическом поприще. Он был советским послом в Берлине вплоть до вторжения нацистов в Россию в 1941 г.

на Нобелевскую премию мира, что, по-видимому, вызвало у советских властей такое острое раздражение, что они впервые решились на публичное обсуждение дела Валленберга в печати. 21 января 1948 года полуофициальный советский журнал «Новое время» дал залп из всех своих бортовых орудий. «В Швеции развернута новая кампания клеветы по адресу Советского Союза. Покопавшись в антисоветском старье, прислужники шведской и иностранной реакции вытащили на свет и пустили в оборот так называемое «дело Валленберга».

«Новое время» сообщало, что до сих пор не известно, был Валленберг убит «озверевшими гитлеровцами или растерзан бандитами Салаша». Но затем в статье утверждалось: «... стараниями правых шведских газет этому прискорбному, но отнюдь не исключительному в военных условиях случаю был придан сенсационный, точнее, провокационный характер. В печати стали настойчиво распространяться басни о «советской тайной полиции», которая будто бы держит в своих страшных лапах Валленберга». Статья в «Новом времени» – типичный образец советской полемики, в ней даже не упоминается о гуманитарной деятельности шведского дипломата в Будапеште. Вместо этого статья клеймила «грязную кампанию» шведской прессы и утверждала, что в данном случае «речь идет не столько о тайне, сколько о самой вульгарной провокации», само же дело Валленберга в статье называлось результатом «подлой деятельности шведских «сводных братьев» американских поджигателей войны». Сущность дела полностью игнорировалась. Через несколько месяцев волей судьбы друг Валленберга и его коллега по Будапешту Пер Ангер был переведен в политический отдел МИДа Швеции, где, среди прочих обязанностей, ему поручили вести все более обрастающее бумагами досье Валленберга. Просматривая содержащиеся в нем документы, Ангер нашел подтверждение своему убеждению, что Валленберг жив и находится у русских в руках. Он посчитал отношение Седерблума к делу губительно малодушным, а заверение Вышинского о том, что о Валленберге в Советском Союзе ничего не известно, полностью необубедительным. Донесения же и слухи о гибели шведского дипломата в конце битвы за Будапешт распространялись, по мнению Ангера, преднамеренно, чтобы предотвратить дальнейшие расследования. Ангер из собственного опыта знал, с какой подозрительностью относились русские к деятельности шведского и других иностранных представительств после того, как они взяли город. С тем большим подозрением они должны были отнестись к Валленбергу, обнаружив его отдельно от коллег в Пеште, на другом берегу Дуная, а также к его заверениям, что он находится там для оказания помощи евреям, – заверениям, которые, по мнению Ангера, были способны вызвать у русских лишь недоверчивую улыбку. Перед глазами у него был недавний пример, как русские из-за подобных же подозрений арестовали в Будапеште пять представителей швейцарской дипломатической и консульской службы и продержали их у себя год, прежде чем обменять на двух находившихся под арестом в Швейцарии советских граждан. Напрашивался вывод, что Валленберга, возможно, постигла такая же участь. В то же время, независимо от подобных предположений, по мере возвращения из СССР на Запад отбывших свой срок военнопленных стали распространяться тревожные, хотя и ничем пока не подтвержденные, слухи о том, что Валленберга в различное время видели в московских тюрьмах в Лефортово и на Лубянке. Немаловажным свидетелем в этой связи выступал шведский журналист Сандеберг; именно по инициативе Ангера его пригласили наконец в 1949 году – т. е. через три года после возвращения из русского плена – рассказать свою историю в МИДе Швеции. Прямых доказательств, которые могли бы подтвердить все эти свидетельства и, таким образом, послужить основой для дальнейших дипломатических действий, пока еще получено не было, но косвенные данные в немалой степени укрепляли убежденность Ангера в том, что Валленберг жив или, по крайней мере, до середины 1947 года был жив. Что до политического босса Пера Ангера, министра иностранных дел Эстена Ундена, то «он, по-видимому, с готовностью принял объяснение Вышинского, что Валленберга на территории Советского Союза нет», как сообщал Ангер в своих мемуарах много лет позже.

Валленберг жив: в этом не менее Ангера был убежден – и убежден страстно – журналист Рудольф Филипп, австрийский еврей, бежавший в Швецию после гитлеровского аншлюса и с тех пор живший в Стокгольме. Проанализировав все известные детали дела Валленберга и добавив к ним множество фактов, выявленных им в результате собственных расследований, Филипп отправился в 1946 году к Май и Фредрику фон Дарделям и сообщил им, что, по его

данным, Рауль до сих пор оставался жив. Долго убеждать их в том не потребовалось, и они с благодарностью приняли его как своего нового ценного союзника.

В том же году в Стокгольме один из издателей опубликовал книгу Филиппа о подвигах Валленберга в Будапеште, в которой весьма впечатляюще доказывалось, что он по-прежнему оставался в плену у русских. Страстные и веские доводы, приводимые Филиппом в его книге, убедили настроенную до этого скептически шведскую общественность. В результате вскоре был создан Комитет гражданского действия в защиту Валленберга, который, помимо проведения собственного расследования, ставил своей целью побуждать шведское правительство к более энергичным действиям. Комитет представлял двадцать шесть общественных и политических организаций, и число его членов доходило в общей сложности до одного миллиона человек; первую скрипку в нем, естественно, играл Филипп.

Отличавшийся прямоотой характера, экспансивный и одержимый идеей, что спаситель будапештских евреев должен быть непременно спасен, Филипп настолько возбудил общество, что в 1947 году даже в таком традиционно консервативном учреждении, как МИД Швеции, стали наконец осознавать необходимость создания специальной комиссии экспертов, которая могла бы рассмотреть факты и сведения, собранные Филиппом и его комитетом. В то же время у министерских чинуш деятельность Филиппа, естественно, энтузиазма не вызывала. Один из служащих МИДа, Свен Дальман, написал в своей служебной записке: «Даже в нормальных обстоятельствах Филипп выглядит человеком нервным, неуравновешенным, агрессивным и подозрительным. Следует, однако, признать, что он пользуется хорошей репутацией и в журналистском сообществе считается одним из лучших авторитетов по странам Центральной Европы».

В ноябре 1947 года министр иностранных дел Унден и старшие чиновники его министерства встретились с Комитетом Валленберга для обмена мнениями. Встреча получилась горячая, и прошла она на повышенных тонах, многие ее участники разошлись с покрасневшими от эмоций лицами. Унден сообщил собравшимся, что он по-прежнему считает Валленберга погибшим в Будапеште или его пригородах. Ги фон Дардель возразил ему, что существуют доказательства в пользу того, что его сводный брат по-прежнему жив и находится у русских в руках. Унден усмехнулся. С какой целью, спрашивается, русским его удерживать? Госпожа Биргитта де Вилдер-Белландер, одна из наиболее активных деятельниц комитета, вмешалась, заявив, что очевидно они посчитали его шпионом.

– Что?! – скептически воскликнул Унден. – Так вы полагаете, что господин Вышинский лжет?

– Да, полагаю, – ответила она.

Унден был в ярости.

– Это неслыханно, – восклицал он, – это совершенно неслыханно!

Ярость Ундена была, несомненно, искренна. По всем отзывам, он относился к категории идеалистов, считавших, что деятели великих держав – особенно когда волей случая они оказывались «социалистами» – вообще на ложь были не способны. Обман и двойные стандарты, практикуемые Вышинским годами, не говоря уже о его совершенно особой роли в чистках, показательных процессах 1930-х годов и заключении нацистско-советского пакта в 1939 году, по-видимому, неблагоприятного впечатления на Ундена не производили.

К концу 1940-х годов Пер Ангер во все большей мере оказывался на распутье: личные симпатии и убеждения влекли его на сторону Комитета Валленберга, в то время как профессиональный долг и лояльность требовали от него защиты позиций МИДа. Много раз, как вспоминает Ангер, он был готов просить, чтобы с него сняли ответственность за ведение дела. В конце 1950 года он получил возможность поговорить о деле Валленберга с министром Унденом с глазу на глаз. Они ехали вместе поездом в Осло для переговоров с МИДом Норвегии. В пути Унден попросил Ангера подробно рассказать ему, что он думает о деле Валленберга. Выдвинув доводы в пользу того, что Валленберг жив и находится у русских в плену, Ангер сообщил Ундену свои предложения, которые, как он считал, могли бы обеспечить его освобождение.

«Я сказал ему, что, по моему мнению, русские понимают либо язык силы, либо *quid pro*

quo¹. Я также указал ему, что швейцарцы и итальянцы получили обратно своих дипломатов, обменяв их на советских граждан, а датчанин, проведенный в плену в Советском Союзе шесть лет, был все же в конце концов обменен на русского, задержанного в Дании. В Швеции происходит немало инцидентов, в которых замешаны советские граждане. Почему бы вместо того, чтобы высылать из страны очередного шпиона, не задержать его, чтобы обменять на Валленберга? Выслушав мои предложения, Унден коротко отрезал: «Правительство Швеции так не поступает».

Чувствуя, что позицию министра ему не переменить, Ангер вскоре отправился к главе своего отдела и попросил снять с него ведение дела. Примерно в то же время подошло к концу терпение у Комитета Валленберга. До тех пор комитет не использовал газетных кампаний, надеясь, что «тихой» дипломатией можно добиться большего. В декабре 1950 года было решено, что применявшиеся прежде методы оказались неэффективными и что отныне комитет будет активнее пользоваться выступлениями в прессе.

Между тем в течение 1951 года ситуация изменилась – на место заместителя министра иностранных дел был назначен необычайно энергичный и целеустремленный Арне Лундберг, заинтересовавшийся делом Валленберга. Назначение совпало с получением чрезвычайно важных сведений, сообщенных вернувшимся из советского плена итальянским дипломатом. Свидетельство его показалось настолько тревожным, что в феврале 1952 года шведское правительство направило Кремлю еще одну новую энергичную ноту. В ней говорилось, что в результате проведенных расследований правительство теперь полностью уверено в том, что Валленберг находится в советской тюрьме, а также выражалась уверенность, что сообщаемая русским новая информация несомненно поможет им определить его местонахождение и как можно скорее вернуть на родину. Казалось, после четырехлетнего перерыва дело шведского дипломата вновь приобрело в русско-шведских отношениях некую актуальность.

Свидетельства, побудившие апатичное шведское правительство к возобновлению запросов, поступили от Клаудио де Мора, бывшего атташе по культуре в итальянском посольстве в Мадриде. В последние дни войны де Мор служил в итальянском посольстве в Софии и был взят в плен советскими войсками в сентябре 1944 года. В середине 1951 года он и пять других итальянцев были обменены русскими на шесть итальянских коммунистов, сидевших в тюрьме в Италии. Возвратившись на родину, на одном из приемов в Риме де Мор рассказал польской эмигрантке, что он сидел в камере, находившейся по соседству с той, в которой держали шведа по имени Валленберг: он с ним связывался перестукиванием через стену секретным тюремным кодом.

Полячка передала его слова соотечественнику, живущему в Стокгольме, а он, в свою очередь, сообщил новости семье Валленберга. Ги фон Дардель немедленно отправился в Рим, чтобы получить от де Мора более подробные сведения. Полученная информация быстро привела его к дверям МИДа, пославшего, в свою очередь, старшего полицейского офицера Отто Даниельссона в Рим для снятия с де Мора официальных показаний.

Итальянец рассказал, как однажды ночью в конце апреля 1945 года он и двое других дипломатов, сидевших вместе в камере №152 в тюрьме Лефортово, услышали шум, сопровождающий вселение в соседнюю камеру №151 новых постояльцев.

«Однажды рано утром, вскоре после этого, мы услышали, как наши новые соседи из камеры №151 перестукиваются с кем-то при помощи тюремного кода. Мы поняли вторую половину передававшегося сообщения и узнали из него, что один из новых заключенных был арестован русскими в Будапеште в январе 1945 года. Позже мы вступили с камерой №151 в прямой контакт и узнали, что один из сидевших в ней был немецким дипломатом по имени Вилли Рёдль, а другой – шведским дипломатом Раулем Валленбергом. Мы очень удивились, узнав о находящемся в плену шведском дипломате. Чтобы точно удостовериться, мы переспросили об этом несколько раз».

Впоследствии, как рассказывал де Мор, он с сокамерниками долгое время регулярно перестукивался с Валленбергом и Рёдлем. Потом в их общении наступил перерыв, пока они не установили с ними новый контакт после того, как Рёдль и Валленберга перевели в камеру

¹ Одно вместо другого (лат.). (Примеч. пер.)

№203, расположенную непосредственно над прежней камерой №151. Контакты продолжались, согласно показаниям де Мора, до апреля 1948 года¹.

Демарш, предпринятый шведами в феврале 1952 года на основе сведений, полученных от де Мора, положительных результатов не дал. Несомненно, прежний сверхосторожный подход шведов только способствовал ужесточению позиции русских: в ответе от 16 апреля они заявили, что никакой новой информацией, помимо той, что уже содержалась в заявлении Вышинского от 1947 года, не располагают.

23 мая шведы применили новую тактику. Не возобновят ли советские власти поиски, если шведы снабдят их новыми свидетельскими показаниями, полученными в результате их собственных недавних расследований? Прежде чем снизойти до ответа, русские хранили молчание в течение 15 месяцев. 5 августа 1953 года они опять заявили шведам, что «Валленберг не находился и не находится в Советском Союзе и о нем ничего неизвестно».

С некоторой холодностью советский посол Константин Родионов заявил МИДу Швеции, что в течение ряда лет вопрос о судьбе Валленберга «беззастенчиво эксплуатировался» кругами, враждебно настроенными к Советскому Союзу, и что шведская пресса печатала всевозможные небылицы о Валленберге с единственной целью – осложнить отношения между Советским Союзом и Швецией.

В 1955 году, через десять лет после окончания войны, из России на родину началось массовое возвращение немецких и австрийских военнопленных. Настороженные свидетельствами де Мора, референты МИДа Швеции внимательно наблюдали за их потоком, надеясь отыскать среди возвращавшихся тех, кто мог бы видеть Валленберга или общаться с ним. Лица, желавшие что-либо сообщить о нем, опрашивались согласно специально разработанной специалистами строгой методике. Показания из вторых рук из рассмотрения исключались. Учитывалась только информация, полученная в результате прямых контактов с Валленбергом или его шофером Лангфельдером. Показания одних опрашиваемых другим опрашиваемым не сообщались. Каждый свидетель приводился к присяге, а все собранные данные подвергались строгой проверке ветераном-следователем Отто Даниельссоном.

Густав Рихтер. Служил полицейским атташе при германской миссии в Бухаресте до тех пор, пока Румыния не капитулировала в августе 1944 года и русские не взяли его в плен. 17 января 1945 года он был доставлен в московскую тюрьму на Лубянке и помещен в камеру №123 вместе с австрийским лейтенантом по имени Отто Шойер. 21 января к ним был помещен Валленберг. Рихтер и Валленберг подружились. «В течение месяца, пока мы сидели вместе, у него, казалось, было неплохое настроение, – свидетельствовал Рихтер. – Он сказал, что его и его шофера Лангфельдера привезли в Москву поездом, но после прибытия на Лубянку разделили. Он дал мне обрывок бумаги, на котором стояла его подпись и адрес в шведском Министерстве иностранных дел, но позже бумажку обнаружили и отобрали».

Рихтер утверждал, что примерно в начале февраля Валленберг составил письменное заявление начальнику тюрьмы, в котором протестовал против задержания и требовал, чтобы ему разрешили установить контакт со шведским посольством. «Пока он сидел со мной, Валленберга забирали на допрос только один раз, – заявлял Рихтер. – Он сообщил мне, что один из следователей сказал ему: «Мы знаем, кто вы такой. Вы принадлежите к большой капиталистической семье в Швеции». Валленберг сказал, что его обвиняли в шпионаже и что допрос продолжался примерно час или полтора».

Из показаний Рихтера явствует, что в самом начале заключения на Лубянке Валленберг в свое скорое освобождение верил, отсюда его неплохое расположение духа, отмеченное Рихтером. Но к тому времени, когда шведа обвинили в шпионаже, у него, должно быть, появились серьезные опасения. 1 марта Рихтера перевели в камеру №91 на шестом этаже Лубянки, в то время как Шойер оставался в камере №123 с Валленбергом. Рихтер никогда больше не видел Валленберга и не имел с ним контактов. Но 27 июля 1947 года произошло нечто очень странное. Примерно в десять вечера Рихтера отвели на допрос, который проводился полковником НКВД и переводчиком в звании подполковника. Рихтера попросили перечислить имена всех, с кем он сидел после того, как его взяли в плен. Когда он назвал имя Валленберга

¹ Называя эту дату, де Мор определенно ошибается, более поздние свидетельские показания достоверно указывают, что Валленберга забрали из Лефортово летом 1947 г.

следователи, казалось, нашли, что искали. «Еще они попросили меня назвать имена тех, кому я говорил о том, что встретился с Валленбергом», – говорил Рихтер. После того как Рихтер сделал то, о чем его попросили, его без объяснения причин поместили в одиночное заключение, продлившееся семь месяцев. Одиночество Рихтера было нарушено только с поселением в камеру двух новых заключенных: немецкого полковника по имени Хорст Кичман и адмирала Вернера Тиллесена. Кичман некоторое время сидел в одной камере с Лангфельдером. Он рассказал Рихтеру, что тоже был взят на допрос вечером 27 июля и отвечал на те же вопросы, что и Рихтер, после чего его посадили в одиночку. С Валленбергом в различное время на Лубянке и в Лефортово сидели еще трое заключенных, Отто Шойер, Вилли Рёдль и Ханс Лойда, но только Рихтер вернулся на родину и смог рассказать о нем. Хотя после перевода Валленберга из тюрьмы на Лубянке в Лефортово в апреле 1945 года многие другие заключенные связывались с ним по тюремному телеграфу. Поскольку тюремный телеграф фигурирует в показаниях многих других свидетелей, он заслуживает, по-видимому, краткого описания, как, впрочем, и условия, в которых им пользовались. Тюрьма Лефортово была сверхсекретной. В ней содержалось примерно шестьсот заключенных, обычно по трое в камере. Каждая камера была снабжена глазком, в который с промежутком в две-три минуты заглядывал кто-нибудь из четырех патрулирующих по этажу охранников. Газеты не разрешались, зато имелась библиотека из книг только на русском языке. Заключенные не имели возможности видеть еще кого-нибудь, кроме своих сокамерников.

Внутренний двор тюрьмы был разбит на небольшие, разделенные стенами секции, так что даже двадцатиминутная прогулка, проводившаяся раз в день, проходила в полной изоляции. Не могли заключенные и видеть друг друга издали, когда выходили из камер или входили в них. Чтобы избежать этого, расположение камер в горизонтальной плоскости повторяло очертания буквы К, а охранники для предотвращения случайных встреч при конвоировании на прогулку или с допроса использовали сложную систему сигнализации флагами. Кроме того, тюремный распорядок запрещал заключенным общаться любыми другими способами, одним из которых был тюремный телеграф, весьма популярный метод связи, по крайней мере, во время пребывания в тюрьме Валленберга. Самая простая система телеграфа, известная заключенным как «дурацкая», предполагала составление слов при помощи громоздкого кода, в котором один удар означал букву А, два удара букву В и т. д. Более сложный вариант представлял собой пятизначную систему. В нем из латинского алфавита исключалась буква W¹, в то время как остающиеся двадцать пять букв образовывали простую квадратную сетку.

Таким образом, чтобы обозначить букву, сначала выстукивалось число на горизонтальной оси а затем, после паузы, – на вертикальной. Четыре удара, за которыми следовали три, означали букву N. Изредка заключенные пользовались также азбукой Морзе.

Поскольку связь перестукиванием была строжайше запрещена, а охранники заглядывали в глазки каждые две или три минуты, перестукивались с большими предосторожностями. Чтобы скрыть свое занятие, заключенный обычно садился на кровать и держал в одной руке, имитируя чтение, раскрытую книгу. Другой рукой, спрятанной за спину, он держал подходящий предмет – чаще всего зубную щетку – и стучал ею об стену. Нередко заключенные вынимали руку из рукава, придавая ему естественное положение, и таким образом обманывали охранников.

Но существовали и другие опасности. Время от времени советская секретная полиция, чтобы знать о том, что происходит в камерах, помешала в них осведомителей. Поэтому, не будучи уверенными в сокамерниках, заключенные никогда телеграфом не пользовались, и каждая камера имела свои условные позывные, которыми обозначала себя, чтобы партнер по контакту не попал в ловушку, общаясь с охраной. Таким образом, перестукивание было процессом трудоемким и довольно рискованным. Но в советских тюрьмах заключенные располагали массой времени. Валленберг, во всяком случае в начале своего заключения, считался «мастером перестукивания».

Карл Зупприан. До плена в августе 1944 года занимал пост атташе по науке при германском посольстве в Бухаресте и был одним из тех, с кем общался Валленберг по

¹ В данном случае использовался латинский алфавит, а не кириллица, состоящая из тридцати трех букв. Русские заключенные пользовались другим методом.

тюремному телеграфу. Он сидел в камере Лефортово с итальянцем де Мором и еще с одним итальянцем по имени Рончи. Начиная с середины апреля он часто перестукивался с Вилли Рёдлем, которого знал по Бухаресту, и с Валленбергом, сокамерником Рёдля. Как раз Рёдль и сообщил Зупприану о Валленберге. Согласно свидетельству Зупприана, он «очень удивился тому, что швед сидит в советской тюрьме, и попросил Рёдля, чтобы избежать ошибки, подтвердить это. Рёдль свое сообщение подтвердил».

Хайнц Гельмут фон Хинкельдей, майор германского генерального штаба, также взятый в плен в Бухаресте. «Разговаривал» при помощи того же метода с Рёдлем и Валленбергом. «Я общался с Валленбергом на немецком, – свидетельствовал фон Хинкельдей после своего возвращения в 1955 году. – Вместо адреса Валленберг сообщил мне название банка своей семьи в Стокгольме. Рёдль сказал мне, что обрывок бумаги с подписью Валленберга и его адресом, спрятанные у него в рукаве за подкладкой, нашла и отняла охрана». Фон Хинкельдей сообщил также, что Валленберг рассказывал ему о своих неоднократных протестах по поводу задержания и о напрасных просьбах связаться со шведским посольством. «Он сказал, что отказывается давать показания, аргументируя свой отказ дипломатическим статусом». Фон Хинкельдей запомнил также последнее сообщение от Валленберга: «Нас куда-то забирают», но по прошествии столь долгого времени он не смог точно восстановить в памяти, когда это произошло.

Эрнст Валленштейн, атташе по науке при германском посольстве в Бухаресте, был взят в плен 1 сентября 1944 года. Он рассказывал, что установил контакт с Валленбергом и Рёдлем с конца 1945 года, когда те занимали камеру, находившуюся над камерой Валленштейна в Лефортово. Вскоре после освобождения в 1955 году Валленштейн сообщил: «Я до сих пор хорошо помню то время, поскольку Валленберг намеревался подать письменный протест против своего заключения. Он, правда, не знал, кому его следовало направлять. Перестукиваясь, мы согласились, что лучше всего его послать лично Сталину и написать по-французски. Я предложил ему использовать форму обращения «M. le President»¹, а когда Валленберг спросил, как вежливее письмо закончить, я посоветовал, что самым лучшим оборотом было бы «*agré et ez, M. le President, a l'expression de mes trus hautes considerations*»². «Я знаю, что Валленберг написал эту апелляцию и передал ее охраннику. По собственному опыту мне известно, что они обычно доходили до адресата».

Бернхард Ренсингхофф, бывший экономический советник германского посольства в Бухаресте. Сидел с Валленштейном в камере №105, которая находилась под камерой Валленберга и Рёдля (№203) правее нее. Ренсингхофф сообщил: «Между нами установился очень оживленный контакт, мы перестукивались ежедневно. Рёдль и Валленберг охотно пользовались телеграфом. Валленберг рассказал мне о своей деятельности в Будапеште и о своем плене. В качестве адреса он назвал просто «Стокгольм». Первое время мы в основном занимались составлением на французском языке заявления, в котором Валленберг ссылался на свой дипломатический статус и просил о встрече. Летом 1946 года Валленберг обратился к Сталину³, требуя, чтобы ему дали возможность связаться со шведским посольством в Москве. Через некоторое время Валленбергу сообщили, что его письмо доставлено адресату».

Вскоре после того, как Рёдль и Валленберг были переведены из своей камеры, Валленберга вызвали на допрос. После допроса Валленберг отстучал Ренсингхоффу, что допрашивавший его комиссар назвал дело Валленберга «политическим» и заявил, что Валленберг должен доказать свою невиновность.

Согласно Ренсингхоффу, комиссар НКВД сказал Валленбергу, что «самое лучшее доказательство вины Валленберга – это тот факт, что ни шведское посольство в Москве, ни шведское правительство ничего для него не сделали». Валленберг просил, чтобы его связали со шведским посольством или с организацией Красного Креста или чтобы ему, по крайней мере, разрешили написать по одному из этих адресов, но ему отказали. «Вы никому не нужны, – заявил комиссар. – Если бы шведское правительство или посольство вами интересовались, они бы давным-давно с нами связались».

1 Г-н Президент (*фр.*). (*Примеч. пер.*)

2 Примите, г-н Президент, выражение моего глубочайшего уважения (*фр.*). (*Примеч. пер.*)

3 Было это до или после губительного разговора Седерблума со Сталиным, остается неясным.

Были ли слова следователя элементом «обработки», или же он знал, что шведское посольство списало Валленберга как погибшего, выяснить невозможно. Во всяком случае, воздействие такого замечания на душевное состояние заключенного должно было оказаться губительным.

Согласно Ренсингхоффу, Валленберг во время другого допроса спросил следователя, состоится ли над ним суд, и ему ответили, что «по политическим причинам его никогда не будут судить». В последний раз Валленберг связался с Ренсингхоффом, насколько последний помнил, осенью 1946 года и кратко сообщил: «Нас отсюда забирают». Вслед за этим последовали звуки, похожие на удары кулака по стене, после чего Валленберга и его сокамерника, по-видимому, увели.

Вилли Бергеман, еще один бывший служащий германского посольства в Бухаресте. Он находился в камере №202 в Лефортово с сентября 1946 года по май 1948-го. В соседней с ним камере №203 сидели Валленберг и Рёдль. Бергеман показал, что общался с ними при помощи перестукивания, пока их обоих не перевели в другую камеру, что, как он думает, произошло между мартом и маем 1947 года. «Валленберг перестукивался мастерски, – вспоминал Бергеман. – Он отстукивал сообщения на прекрасном немецком языке. Когда он хотел обратиться к нам, он всегда стучал пять раз подряд перед тем, как начать».

Из сокамерников Валленберга вышел из ГУЛАГа и смог рассказать о нем только один человек; из тех, кто сидел с его шофером Лангфельдером, домой вернулось трое.

Хорст Кичман, полковник вермахта, взятый в плен в мае 1945 года. Он сообщил, что Лангфельдер присоединился к нему в камере №105 в Лефортово в ноябре 1945 года и сидел с ним, пока Кичман не был переведен оттуда в начале декабря. В своих показаниях, данных вскоре после освобождения в середине 1955 года, Кичман описывает Лангфельдера как «хорошо сложенного мужчину ростом около 172 сантиметров с рыжевато-белокурыми волосами и носом с горбинкой. Ему было где-то от тридцати до тридцати пяти лет. Я помню, Лангфельдер говорил мне о своей тете, владеющей одним из самых больших в Будапеште мукомольных предприятий... От Лангфельдера я впервые узнал о шведском дипломате Валленберге».

Подобно всем, вступавшим в прямой контакт с Лангфельдером или Валленбергом или слышавшим о них от других заключенных, Кичмана вызывали на допрос 27 июля 1947 года, в точности как Рихтера. «Они попросили меня назвать всех, с кем я сидел в одной камере. Когда я упомянул имя Лангфельдера, они спросили, что он мне рассказывал. После того как я пересказал от него услышанное, допрашивавший полковник НКВД спросил, кому я рассказывал о Лангфельдере». После допроса Кичмана подвергли одиночному заключению, в котором он просидел до 23 февраля 1948 года, «наверное, в наказание за то, что я рассказывал сокамерникам о Валленберге и Лангфельдере».

Эрхард Хилле, капрал вермахта, взятый в плен в январе 1945 года. Он сидел в камере №105 в Лефортово. В феврале 1956 года он рассказал, что 22 марта 1945 года в его камеру «поселили венгерского гражданина по имени Вильмош Лангфельдер». Хилле описывает Лангфельдера примерно в тех же словах, что и Кичман: как и в прежнем случае, новый сокамерник сообщил ему, что он – квалифицированный инженер и что его семья владеет в Будапеште мукомольным заводом. Он рассказывал Хилле о совершенных им вместе с Валленбергом подвигах и об их аресте.

По словам Хилле, Лангфельдер описывал ему, как они были арестованы майором НКВД через три или четыре дня после того, как они доложили о себе русским. «Позже их повезли по железной дороге через Румынию в Москву, где, насколько я помню его рассказ, их доставили в тюрьму на Лубянке 6 февраля 1945 года».

Лангфельдер рассказывал Хилле, что его перевели в Лефортово 18 марта и что после трех дней, проведенных в одиночке, его поместили в камеру №105. Хилле просидел вместе с Лангфельдером до 6 апреля, после чего его перевели в Бутырскую тюрьму. Более Лангфельдера он не видел, но, как он сказал, «позже, в другие годы, я встречал заключенных, сидевших с ним».

Одним из тех, кто сидел в разное время и с Лангфельдером и с Валленбергом, был заключенный по имени Ханс Лойда, рассказавший Хилле в 1946 году, когда они оба находились

в лагере неподалеку от Красногорска, что после того, как Лангфельдера перевели 18 марта из камеры на Лубянке, где они вместе сидели, на его место поселили Валленберга. «Валленберг был хороший сокамерник, – рассказывал Лойда Хилле, – он просил тюремного офицера передавать свою норму сигарет Лангфельдеру».

Лойда сообщал Хилле, что Валленберга вызывали на допросы несколько раз. Швед жаловался, он считал, что у русских нет никаких причин держать его. Он даже убеждал их, что представлял их интересы в Будапеште, но они не хотели верить. Следователи говорили, что Валленберг – это богатый шведский капиталист, а тогда с чего ему делать что-то для русских?

В середине мая 1945 года, сообщал Лойда Хилле, его, Валленберга и Рёдля (третьего сокамерника) увезли с Лубянки в автофургоне. Лойда видел, как Валленберга и Рёдля увозили в Лефортово, в то время как его самого отправили в Бутырки.

Эрнст Хубер, капрал-телеграфист при германской военной разведке в Румынии. Был взят в плен в августе 1944 года. Хубер сообщил, что сидел в Лефортово в середине апреля 1945 года в одной камере с Лангфельдером. Он дал описание Лангфельдера, близкое к тому, которое давали Кичман и Хилле, за исключением одного – Хубер утверждал, что Лангфельдер носил бороду.

Описывая в марте 1956 года свою историю, Хубер вспомнил версию, которую дал Лангфельдер их с Валленбергом аресту. Валленберг и Лангфельдер хотели вступить в контакт с советским командованием, чтобы организовать помощь евреям будапештских гетто, поэтому они отправились в штаб-квартиру русских в автомобиле. На улицах по-прежнему стреляли, и они ехали медленно, то и дело останавливаясь, чтобы прятаться от обстрела в домах. Позже их остановили советские солдаты, которые заставили их выйти из машины и, чтобы они не смогли сбежать, прокололи шины. Валленберг показал им дипломатические документы и попросил отвести к старшему офицеру. Вместо этого их передали НКВД и недолго держали во временно обустроенной советскими военными тюрьме в Будапеште. Затем, в сопровождении офицера и четырех солдат, их повезли поездом в Москву через Румынию¹. Из рассказа Хубера следует, что Лангфельдер добавил к описанию поездки одну деталь – они останавливались в пути в городе под названием Яссы, где им разрешили пообедать в ресторане «Лютер». В Москве, как и в Будапеште, им говорили, что они не находятся под арестом, а взяты под стражу с целью их же охраны. По прибытии в советскую столицу им даже разрешили ознакомительную поездку на московском метро, прежде чем привели пешком в тюрьму на Лубянку. В тюрьме их разделили. Лангфельдер рассказывал, что их обоих впоследствии обвинили в шпионаже в пользу США и, возможно, Великобритании тоже.

Как и другие сокамерники Лангфельдера и Валленберга, Хубер сообщил, что его тоже внезапно вызвали на допрос «однажды вечером в конце июля 1947» и попросили назвать имена заключенных, с которыми он сидел в одной камере. Когда он упомянул имя Лангфельдера, ему стали задавать вопросы. «Они касались Валленберга и того, что Лангфельдер рассказывал мне о нем», – свидетельствовал Хубер. После допроса его, подобно другим, посадили в одиночку, где он пробыл до апреля следующего года. Позже в тюрьме, как сообщил Хубер, он встретился в Бутырках с Хилле, а также с финном по имени Пелконен. Последний, сидевший с Лангфельдером в Лефортово в 1945 году, был впоследствии допрошен и тоже подвергнут одиночному заключению.

Хотя в показаниях пленных есть расхождения, в основном они касаются только дат. Намного важнее, что все они рисуют удивительно связную историю ареста и заключения Валленберга, хотя русские сделали все возможное, чтобы сведения о нем не просочились наружу. Допрос заключенных в июле 1947 года и их последующее одиночное заключение показывают, как отмечено в докладе МИД Швеции, что «русские власти желали, насколько возможно, предотвратить распространение информации о Валленберге». Только получив эту информацию, шведы почувствовали, что они вправе направить Кремлю резкую ноту. Они получили «все необходимые доказательства», и им вполне было ясно, что русские держали Валленберга в тюрьме по подозрению в шпионаже.

«Произошла ужасная трагедия: Рауль Валленберг, сделавший героический личный вклад в спасение людей, в число которых входили также неевреи, социалисты и коммунисты, был

¹ Отметим, что Хилле, чуть выше, свидетельствует о том же.

заподозрен в шпионаже и арестован». Тем не менее факты, изложенные во врученной лично заместителю министра иностранных дел Валериану Зорину ноте, на позицию русских нисколько не повлияли.

Новая шведская нота от 10 марта 1956 года содержала еще один аргумент – заключение, подписанное судьями Верховного суда Швеции Рудольфом Экманом и Эриком Линдом, в котором утверждалось, что добытые к тому времени новые свидетельские показания не оставляют сомнений: после взятия под стражу в 1945 году Валленберг находился в заключении в Советском Союзе. По срочному настоянию Рудольфа Филиппа в заявление судей – еще до того, как нота была вручена русским, – была внесена существенная поправка. Первоначально судьи заверяли, что изученные ими свидетельские показания доказывают, что до февраля 1947 года Валленберг оставался жив. Филипп разъяснил, насколько это может оказаться опасным – дать понять русским, что твердая уверенность шведов относительно судьбы Валленберга распространяется только на период до 1947 года. Бывали случаи, указывал он, когда русские отвечали на запросы относительно пропавших без вести свидетельствами о смерти, удостоверившими, что данное лицо умерло после того, как его видели в последний раз. В ноте от 10 марта с приложенным к ней судебским заявлением говорилось, что переданные русским новые данные позволяют им найти Валленберга и вернуть его домой, – весьма тактичная формулировка, допускающая совершение ошибки в прошлом, которую теперь не поздно поправить. Вместо этого со скорострельностью, достойной лучшего применения, всего через девять дней, русские передали шведам ответ, тон и содержание которого оказались полностью негативными. Русские еще раз повторили, что проведенное «тщательное расследование» в очередной раз подтвердило: ни в прошлом, ни в настоящем Валленберга в России не было и нет. Кремлевские власти добавляли к этому, что они не считают надежными свидетелями «военных преступников», чьи показания так разительно расходятся с результатами их собственного «тщательного расследования».

Возникают законные вопросы, почему же тогда «военных преступников» отпустили, в то время как Валленберга и Лангфельдера удерживали? Или почему эти неисправимые нацисты выбрали столь странный метод клеветы на Советский Союз, как заступничество за человека, который, по их же собственному признанию, расстраивал нацистские планы, спасая евреев?

ГЛАВА 14

В пасхальные дни 1956 года шведский премьер-министр Таге Эрландер совершил официальный визит в Москву для переговоров с преемниками Сталина, первым секретарем ЦК Коммунистической партии Никитой Хрущевым, председателем Совета министров Николаем Булганиным и министром иностранных дел Вячеславом Молотовым. В кармане у него лежало письмо от Май фон Дардель ее сыну. Неизвестно, действительно ли Эрландер верил, что письмо это найдет адресата:

«Дорогой, любимый Рауль!

После многих лет отчаяния и бесконечной печали нам удалось добиться даже того, что лидеры правящих партий, премьер-министр Эрландер и министр внутренних дел (Гуннар) Хедлунд едут в Москву, чтобы постараться добиться твоего возвращения. Если бы им это удалось, твои страдания закончились бы. Мы не потеряли надежды вновь увидеть тебя, хотя до этого все наши усилия связаться с тобой, к нашей большой печали, не привели ни к чему. От пленных, которые вернулись и делили с тобой камеру, мы немного знаем о времени, которое ты провел в тюрьме в России, и мы получили через майора Рихтера твои приветствия... Когда ты вернешься с премьер-министром, твоя комната будет ждать тебя дома.»

Обладала ли Май фон Дардель сведениями, позволявшими ей надеяться, что Эрландер сможет вернуть Рауля, неясно, – во всяком случае, сбыться этому было не суждено. Сталинская эра канула в прошлое, домой на родину возвращались все новые тысячи заключенных – в

основном немцев, среди которых было немало людей с репутацией военных преступников, – но Валленберга среди возвращавшихся не было.

Конечно, г-жа фон Дардель к тому времени, должно быть, уже не верила, что русские отпустят его. Она обращалась ранее лично к Хрущеву, но не получила ответа. «Вы сами – отец, вы должны понять мои чувства, – писала она ему, – и страдания, которые разрывают мне сердце. Всей душой прошу вас позволить сыну вернуться к его тоскующей старой матери». Она также писала жене Хрущева, Нине: «В горе я обращаюсь к вам, тоже матери, с просьбой помочь моему сыну вернуться домой на родину». И снова не получила ответа.

Когда Эрландер поднял вопрос о Валленберге при встрече с Хрущевым и другими, он получил ставший уже стандартным ответ; советские лидеры по-прежнему придерживались версии Вышинского (1947 год) о том, что Валленберга в Советском Союзе нет и никогда не было. Эрландер тем не менее продолжал настаивать и передал русским копии свидетельских показаний, по крохам собиравшихся в течение многих лет. Эрландер тщательно отобрал их, отсеяв показания свидетелей, которые имели друзей или родственников, находившихся за «железным занавесом», или другие материалы, которые – если бы русские вдруг решили их использовать – могли вызвать серьезные последствия для отдельных лиц. В любом случае предъявленного материала было достаточно, чтобы оценить дело *prima facie*¹. В коммюнике, опубликованном 5 апреля, в конце визита, констатировалось, что русские согласны изучить полученные документы и, если бы Валленберг оказался в Советском Союзе, «естественно», позволить ему вернуться домой.

14 июля советский посол Родионов известил МИД Швеции, что результаты нового проводимого в Советском Союзе расследования могут быть «скоро получены». Прошло два месяца, но ответа не поступало. Шведы направили в Советский Союз письмо с резким напоминанием, в котором указывали, что прошло уже полгода после того, как советское руководство обещало им провести расследование, в котором были бы учтены новые, полученные ими от шведов свидетельские показания. Через два месяца шведы послали еще одно напоминание, в котором выражали «удивление и разочарование» тем, что советское обещание до сих пор не выполнено. Миновали еще два месяца. И вот наконец-то... шведы получили ответ. Послание, переданное им заместителем министра иностранных дел Андреем Громыко 6 февраля 1957 года, шведских чиновников ошеломило.

Опровергая все предыдущие заявления, русские признавали, что Валленберг *был* у них в заключении, но, к несчастью, по-видимому, умер десять лет назад в тюрьме на Лубянке. В тексте советского меморандума, опубликованного МИД Швеции на следующий день, говорилось о проведенной в архивах некоторых тюрем «полистовой проверке», в результате которой «был обнаружен документ, который есть основание рассматривать как имеющий отношение к Раулю Валленбергу». Документ был составлен в тюрьме на Лубянке и имел форму рукописного донесения, направленного бывшему министру государственной безопасности Виктору Абакумову полковником А. Л. Смольцовым, начальником санчасти этой тюрьмы.

В «рапорте» Смольцова, датированном 17 июля 1947, значится: «Докладываю, что известный Вам заключенный Валленберг (sic) сегодня ночью в камере внезапно скончался предположительно вследствие наступившего инфаркта миокарда. В связи с имеющимся от Вас распоряжением о личном наблюдении за Валленбергом прошу указания, кому поручить вскрытие трупа на предмет установления причины смерти». Той же рукой под текстом донесения написано: «Доложил лично Министру. Приказано труп кремировать без вскрытия. 17 июля. Смольцов».

Далее в советской ноте говорится: «Каких-либо других сведений документального или свидетельского характера обнаружить не удалось, тем более, что упомянутый выше Смольцов А. Л. умер 7 мая 1953 года. На основании вышеизложенного следует сделать заключение, что Рауль Валленберг умер в июле 1947 года».

Умер, что было весьма удобно, не только единственный свидетель, но также Абакумов, министр, которому было адресовано донесение. Вина за весь этот инцидент ложилась, следовательно, на него. «Можно считать несомненным, что последующее содержание

¹ С первого взгляда (лат.). (Примеч. пер.)

Валленберга в заключении, а также неправильная информация о нем, дававшаяся некоторыми бывшими руководителями органов безопасности в МИД СССР в течение ряда лет, явились результатом преступной деятельности Абакумова. Как известно, в связи с совершенными им тяжкими преступлениями, Абакумов... был осужден и расстрелян по приговору Верховного Суда СССР»¹. Меморандум заканчивался в примирительном тоне: «Советское Правительство искренне сожалеет по поводу случившегося и выражает свое глубокое соболезнование Правительству Швеции, а также родственникам Рауля Валленберга». Сраженное советской нотой, шведское правительство тем не менее немедленно обнародовало свой комментарий к ней, в котором выражалось «большое сожаление» в связи с тем, что она содержит «такую бедную информацию. Ничего не говорится в ней, в частности, о мотивах ареста Валленберга или о его судьбе в течение последующих лет. Мы надеемся, что, в случае обнаружения в Советском Союзе любых новых материалов по этому делу, нам немедленно их направят». Еще через неделю шведы предъявили Советам свой полновесный ответ в виде необычно резко сформулированной ноты, врученной Громыко 19 февраля шведским послом в Москве Рольфом Сульманом. «Шведское общественное мнение справедливо шокировано случившееся. Авторитарический образ действий советской службы безопасности, заключившей в тюрьму дипломата нейтрального государства и продержавшей его там в течение двух с половиной лет, не сообщая о том Советскому правительству и Министерству иностранных дел, сам по себе еще не является обстоятельством, освобождающим Советское правительство от ответственности. Выражая сожаление по поводу случившегося, Советское правительство тем самым признало свою ответственность за произошедшее». Более того, как утверждалось в ноте, советское правительство несомненно получило бы о Валленберге достоверную информацию, если бы оно «действительно провело все те тщательные расследования, которые, согласно его же неоднократным заверениям, оно проводило». В конце ноты выражалось сомнение в том, что вся документация о деле Валленберга, за исключением записки Смольцова, была «полностью уничтожена». Шведское правительство полагает, что в случае обнаружения каких-либо новых материалов, способных пролить свет на случившееся с Валленбергом, они будут ему направлены, и, кроме того, оставляет за собой право требовать от Советского Союза продолжения подобных расследований.

Помимо слишком удобного для советского правительства факта, что все, на кого можно было бы возложить вину за содеянное – вплоть до Берии и даже могущественного Сталина, нацарапавшего с помощью Седерблума имя Валленберга на листочке блокнота в решающий для судьбы шведского дипломата день в 1946 году, – были к этому моменту мертвы, меморандум Громыко можно считать недостоверным почти по всем пунктам. Странной, по меньшей мере, представляется сама указываемая в нем дата смерти Валленберга, случившейся через десять дней после того, как его видели в последний раз, и за десять дней до того, как всех заключенных, знавших о нем, вызвали на допрос и затем подвергли одиночному заключению. По-видимому, прозвучавшее ранее предостережение Рудольфа Филиппа о том, что судьям Верховного суда Швеции ни в коем случае не следует привлекать внимания к дате засвидетельствованного последнего появления Валленберга, было оправданным. Не менее странной выглядит и указанная в меморандуме причина смерти – инфаркт миокарда. Сердечный приступ у здорового мужчины в возрасте тридцати пяти лет, к тому же находившегося на тюремной диете, по мнению шведских специалистов, был весьма маловероятен. По-видимому, советские официальные лица лгали опять, как они все время лгали до этого. Но одно среди лжи могло оказаться истиной: к этому моменту Валленберг действительно мог быть мертв, пусть даже дата и причина смерти, указываемые русскими, были, самое меньшее, спорными. Тем не менее не прошло много времени, как обнаружившиеся новые сведения набросили тень сомнения и на это утверждение. Согласно появившейся новой версии, через некоторое время после июля 1947 года Валленберг был переведен из тюрьмы на Лубянке во Владимирскую тюрьму, расположенную милях в ста от Москвы, где его видели в середине 1950-х годов.

Сведения об этом, сообщенные с тем же желанием помочь следствию, которое проявляли до этого военнопленные, исходили, в частности, от швейцарского гражданина по имени

¹ Абакумов был ликвидирован в ходе чистки, последовавшей вслед за падением и казнью Лаврентия Берии, главы сталинской секретной полиции.

Бруггер, проведенного в советских тюрьмах около десяти лет. Бруггер рассказал шведским следователям, что он разговаривал с Валленбергом при помощи тюремного кода, перестукиваясь с ним через стенку, разделявшую их камеры в госпитальном блоке 2-го корпуса Владимирской тюрьмы, в конце июля и в начале августа 1948 года. Швед представился ему как: «Валленберг, первый секретарь, шведская миссия, Будапешт, арестован в 1945 году». Валленберг просил Бруггера, если он когда-нибудь выйдет на свободу, пойти в любое шведское посольство или консульство и сообщить о состоявшемся с ним контакте. Другой человек, австриец, чье имя следователи, якобы из-за возможных в отношении его репрессий¹, раскрыть отказались, совершенно независимо от Бруггера утверждал, что в конце января или начале февраля 1955 года его поместили на одну ночь в камеру 2-го корпуса Владимирской тюрьмы, где уже сидел Валленберг. Валленберг рассказал ему, что он провел несколько лет в одиночном заключении, и просил австрийца, если тот будет выпущен на свободу, сообщить в любое шведское посольство об их встрече. «Если вы забудете мое имя, скажите им о шведе из Будапешта, и они поймут, кого вы имеете в виду». Когда начальник политчасти тюрьмы, зайдя утром в камеру, обнаружил в ней, кроме Валленберга, еще одно лицо, он немедленно приказал австрийца из нее перевести. Впоследствии, продолжал свои показания австриец, его предупреждали, чтобы он не говорил другим заключенным, что видел Валленберга, если он не хочет провести в тюрьме всю оставшуюся жизнь. Немец по имени Мулле, которого посадили во Владимирскую тюрьму в 1956 году, рассказал шведам, что встретил там грузина по имени Симон Гогиберидзе, который сидел во Владимире с 1945 года и, следовательно, считался знатоком всего, что там происходило; в частности, он знал обо всех видных сидевших в этой тюрьме заключенных. По его утверждению, Валленберг пробыл в одиночном заключении несколько лет. Гогиберидзе не мог сказать, содержался ли Валленберг в больничном блоке из-за плохого здоровья или для большей изоляции. Он рассказывал Мулле, что после визита в Советский Союз шведского премьер-министра в 1956 году офицер, заведовавший в тюрьме политчастью, заявил в связи с этим: «Искать Валленберга им придется долго». Подобную же информацию о Валленберге от того же самого заключенного, грузина Гогиберидзе, получил еще один немецкий военнопленный по имени Реекампф, сообщивший ее следователям совершенно независимо от других. И Мулле, и Реекампф, и другие бывшие заключенные из Владимирской тюрьмы отзывались о Гогиберидзе как о человеке надежном и честном. Показания заключенных вызвали новый поток представлений и меморандумов МИДа Швеции. Первая нота, от 9 февраля 1959 года, «призывает Советское правительство провести срочное расследование того, содержался ли Валленберг во Владимирской тюрьме или нет». В ответе, датированном 6 марта того же года, русские «имеют честь констатировать», что новое расследование, предпринятое в связи с последним шведским запросом, показало, что указанная в ноте информация «не подтвердилась».

27 июня посол Родионов, возглавлявший тогда скандинавский отдел МИДа СССР, вызвал к себе посла Швеции Сульмана и пожаловался ему на «отдельные заметки» в шведской прессе, сообщавшие о том, что Валленберга видели живым в русских тюрьмах после 1947 года. Эта информация, как утверждал Родионов, была «вся придумана», после чего он добавил: «Министерство иностранных дел требует, чтобы все сказанное мной было передано матери г-на Рауля Валленберга г-же фон Дардель, которая обратилась к Председателю Совета министров Хрущеву с запросом относительно судьбы ее сына. В то же время Советский Союз надеется, что Швеция... займет позицию, которая исключила бы в будущем использование этого вопроса в целях отравления советско-шведских отношений».

Однако в это время шведов подобные, лишь слегка завуалированные угрозы более не пугали. 18 июля в заявленном ими письменном меморандуме они отвергли предположение, будто их действия основывались на сфабрикованных или непроверенных газетных статьях; напротив, они исходили из первоисточника, т.е. из свидетельских показаний, данных бывшими заключенными тюрьмы во Владимире. «Естественно, – заявлялось в меморандуме, – Министерство иностранных дел придает большое значение столь подробным свидетельским показаниям. В то же время министерство не считает, что они сделаны с очевидным намерением

¹ Он утверждал, что русские угрожали ему пожизненным заключением, если он не согласится шпионить на них после освобождения.

распространения заведомо ложных сведений. Вряд ли можно их приписать также ошибкам в именах или дефектам памяти».

Что же касается предупреждения Советского Союза, что Швеция своими действиями может надолго отравить ее нынешние отношения с Советским Союзом, следует разъяснить, что действия эти мотивированы только одним – пролить свет на судьбу Валленберга. «Установление истины, если оно произойдет, устранил серьезный раздражитель, препятствующий развитию отношений между нашими странами». В начале 1960 года шведское правительство вновь привлекло к рассмотрению дела Валленберга двух судей Верховного суда – Рагнара Юлленсвэрда и Пера Сатессона. 25 апреля, проанализировав все поступившие к тому времени показания, судьи представили совместный доклад, в котором утверждалось, что они удовлетворены «качеством протоколов, которые составлены с большой тщательностью и не дают повода для предположений, будто показания свидетелей сделаны под влиянием наводящих вопросов или в обстоятельствах, которые могли бы повлиять на их содержание. Заявления свидетелей содержат большое количество сведений, истинность которых была проверена и которые не противоречат, а дополняют друг друга... Согласно нашему мнению, настоящее расследование позволяет, в соответствии со шведским законом (хотя результаты расследования все же не могут считаться полностью доказанными), с высокой степенью достоверности допустить, что Валленберг был жив, по крайней мере, в начале 1950-х годов, будучи тогда заключен во Владимирскую тюрьму».

ГЛАВА 15

Следующее звено в цепи открытий явилось самым сенсационным из всех до того времени сделанных, хотя оно станет достоянием общественности Швеции – казалось, единственной страны в мире, граждан которой судьба Валленберга еще волновала, – только через четыре с половиной года.

В январе 1961 года профессор Нанна Сварц, известный специалист из Каролинской больницы ¹, отправилась в Москву, как и много раз до этого, на научную медицинскую конференцию. На конференции она встречалась с несколькими видными советскими коллегами, в том числе с профессором Александром Мясниковым. Коллеги встречались и прежде, не только в Москве, и довольно часто обсуждали вопросы, зачастую сугубо специального характера, на немецком языке.

27 января в кабинете у Мясникова профессор Сварц и принимавший ее хозяин обсуждали ход конференции, различные направления исследований и прочие медицинские темы. Затем профессор Сварц направила разговор в другое русло:

«Я попросила его извинить меня, но мне хотелось бы поговорить с ним о деле, очень близком моему сердцу, как и сердцам всех шведов. Я описала ему историю Рауля Валленберга и спросила, не знает ли он чего-нибудь об этом человеке, на что он утвердительно кивнул головой.

Тогда я спросила, не посоветует ли он мне, что нужно сделать, чтобы узнать, где находится Валленберг. Я сказала ему, что мы в Швеции получили информацию, свидетельствующую о том, что всего два года назад Валленберг еще был жив, а одному из его родственников сообщали даже, что он жив **до сих пор**. И тут мой собеседник вдруг сказал, что он про эту историю знает и что лицо, о котором я спрашиваю, находится сейчас в очень неважном состоянии. Он спросил меня, чего я добиваюсь, и я ответила ему, что самое главное – это вернуть Валленберга домой в любом его состоянии. Мой собеседник сказал тогда, понизив голос, что лицо, о котором я спрашиваю, находится в психиатрической клинике».

Профессор Сварц была ошеломлена этим известием. Она понимала, что находится на

¹ Самое крупное и авторитетное в Швеции научно-медицинское и лечебное учреждение, директором которого продолжительное время являлся Фредрик фон Дардель. Д-р Сварц дружила с семьей фон Дарделей, она же была лечащим врачом Май фон Дардель.

пороге разрешения тайны, беспокоившей и тревожившей ее страну в течение шестнадцати лет. Она могла освободить человека, давно уже ставшего для ее страны легендой, и поэтому заметно разволновалась. Как свидетельствует ее рассказ о происшедшем шведским правительственным чиновникам, профессор Мясников попросил ее подождать в том же кабинете, пока он не приведет одного своего коллегу для консультаций. Через некоторое время он вернулся с русским ученым (имя этого человека так и не было названо), который остался в кабинете, в то время как Мясников из него вышел.

«Его коллега сел напротив, лицом ко мне. Я спросила его, сообщили ли ему, о чем идет речь, и он подтвердил, что это было действительно так. Он попросил внятно рассказать ему, где служил Валленберг, и написать его имя на листке бумаги. Тогда я написала: атташе Рауль Валленберг.

Я сказала ему, что мать Валленберга – одна из моих пациенток и что она чувствовала бы себя много лучше и обрела бы душевное спокойствие, если бы знала правду. Не важно, насколько серьезно болен был ее сын, – для нее и для всей Швеции было бы благословением, если бы он получил возможность лечиться на родине. Я спросила его, не поможет ли он нам, и он ответил, что сделает все, что в его силах. Я сказала ему, что вся шведская нация была бы благодарна Советскому Союзу, если бы Валленбергу разрешили вернуться домой, пусть даже серьезно больному, физически или душевно. Наше правительство принимает в его деле большое участие».

Д-р Сварц упомянула, что она лично знает заместителя министра иностранных дел Семенова, с которым познакомилась во время его приезда в Швецию. Ее русский коллега посоветовал ей обратиться прямо к нему. «Я далее спросила коллегу, не считает ли он возможным, чтобы я как лечащий врач могла увезти с собой Валленберга домой. Он не исключал – «если он по-прежнему жив» – возможности передачи больного мне, но сказал, что сначала я должна обговорить все с Семеновым». Д-р Сварц поспешила обратно в свою гостиницу, узнала, связавшись с посольством, номер телефона Семенова и позвонила ему, но секретарь ответила, что Семенов находится за границей. В тот вечер на конференции давался банкет. Отыскав на нем своего советского коллегу, посоветовавшего ей обратиться к Семенову, д-р Сварц, спросила его: если Семенов находится за границей, уместно ли будет обратиться к нему в письменной форме? Коллега посчитал, что это было бы самым лучшим выходом из положения. «Коллега сказал мне, что после того, как я ушла от них, они обсудили положение вместе... (и) оба пришли к одному и тому же выводу, что возможная передача упомянутого лица должна производиться по дипломатическим каналам...»

Через несколько дней после возвращения в Стокгольм д-р Сварц позвонила домой премьер-министру Таге Эрландеру, которого она хорошо знала. Как только тот услышал от нее рассказ о том, что произошло в Москве, он тут же попросил ее приехать к нему в резиденцию и вызвал одновременно министра иностранных дел Ундена.

О реакции Ундена на удивительный рассказ д-ра Сварц можно только гадать; реакция Эрландера известна. Полностью доверяя Сварц и не теряя времени, он написал личное послание Хрущеву, которое было доставлено советскому партийному боссу 9 февраля послом Сульманом. Экивоков в письме не было:

«Хочу проинформировать вас, что шведский врач профессор Нанна Сварц, побывавшая в Москве в конце января 1961 года, проинформировала меня о том... что Валленберг был в это время жив и находился в качестве пациента в одной московской психиатрической клинике. Состояние его здоровья неудовлетворительное. Г-жа Сварц получила эти сведения от видного, известного в международных кругах представителя советской медицинской науки.

Мы с министром иностранных дел Унденом обсудили вопрос о том, как наилучшим образом перевезти Валленберга в Швецию. Мы считаем, что самым лучшим решением в данном случае был бы приезд в Москву шведского врача, который мог бы обсудить со своими советскими коллегами средства транспортировки

больного, медицинский уход за ним и пр.».

Можно простить преисполненной возбуждением г-же Сварц ее наивную веру в то, что в следующий раз она отправится в Москву за Раулем Валленбергом, чтобы доставить его домой. Пока она и Эрландер дожидались ответа от Хрущева, она написала письмо Мясникову с выражением надежды, что вскоре встретится с ним, и еще одно письмо – заместителю министра иностранных дел Семенову, в котором спрашивала, далеко ли продвинулось расследование относительно Валленберга и каким образом лучше всего было бы доставить его домой.

Вскоре она получила письмо от Мясникова. Он писал, что с радостью встретится с ней в Москве. Через месяц – так и не получив ответа ни от Хрущева, ни от Семенова – профессор Сварц снова отправилась в советскую столицу, где сразу же пошла к Мясникову. Во время первого их разговора, при котором присутствовал еще один советский ученый, она спросила Мясникова, не может ли она посетить Валленберга в больнице?

«Он ответил, что вопрос о Валленберге должен решаться в высших инстанциях, добавив: «Если он только не умер». Я парировала в ответ, что тогда он, должно быть, умер совсем недавно».

Профессор Сварц почувствовала, что что-то идет не так и дело развивается в неблагоприятном направлении, и ее опасения лишь возросли, когда при следующей встрече с Мясниковым, происходившей без присутствия третьих лиц, он сказал, что ей не следовало передавать властям содержание их январского разговора.

«Он не отрицал того, что сам разговор имел место, но сказал, что из-за его плохого владения немецким языком мы совсем друг друга не поняли, теперь же он утверждал, что о деле Валленберга ничего не знает. Он сказал мне, что его вызывали к самому Хрущеву, который о нашем разговоре знал и пребывал по этому поводу в большом гневе»¹.

Прежний оптимизм угасал все более. Профессор Сварц снова попыталась связаться с Семеновым, на этот раз звоня ему по домашнему номеру, который дал ей Мясников. Но она опять не смогла разыскать его. Вернувшись в Стокгольм, профессор Сварц снова написала Семенову, она просила, чтобы он как можно скорее принял ее, сообщая, что готова приехать в Москву, в случае его согласия, немедленно. Но она так и не получила ни ответа на письма, ни даже оповещения об их вручении. В мае 1962 года она снова получила приглашение на проводившийся в Москве медицинский съезд. Там она снова встретила Мясникова, «но, когда я попыталась заговорить с ним о Валленберге, он сразу же заявил, что этот вопрос следует решать на дипломатическом уровне и что все дальнейшие разговоры на эту тему между нами неуместны».

Когда посол Сульман в феврале 1961 года передал письмо своего премьер-министра Хрущеву, советский руководитель с очевидным раздражением в голосе ответил, что Советский Союз уже дал Швеции всю имевшуюся у них информацию о Валленберге, к которой ему нечего больше добавить. Никаких других ответов, письменных или устных, от советского руководства в последующие восемнадцать месяцев не поступало. Затем, 17 августа 1962 года, Эрландер вызвал советского посла Федора Гусева, покидавшего свой пост, и зачитал ему энергичное заявление, которое тот должен был передать Хрущеву:

«Как вы понимаете, г-н Посол, сложившееся положение вызывает у меня серьезную озабоченность. Поэтому, когда вы возвратитесь в Москву, я прошу вас доложить о нем Советскому правительству и лично его главе. Говоря об

¹ В 1979 г. профессор Сварц в разговоре со мной сказала, что, по словам Мясникова, Хрущев был в бешенстве, стучал кулаком по столу и под конец велел ему убираться прочь.

озабоченности, я имею в виду в первую очередь важность этого вопроса для советско-шведских отношений, в дальнейшем развитии которых в гармоническом и дружественном духе вы, как я знаю, в большой мере заинтересованы.

Сущность дела – в факте задержания более семнадцати лет назад советскими войсками шведского дипломата. Вы, конечно, согласитесь со мной, что ни одно правительство, находящееся в подобном положении, не может не требовать, чтобы запросы, которые оно делает на основе информации, которую считает надежной, с должным тщанием противоположной стороной изучались и сопровождалась приличествующими ответами».

Эрландер далее разъяснял, что воссоединение близких родственников, разъединенных обстоятельствами, которые они не могут переменить, является ныне общепринятым принципом гуманного поведения. «Этот принцип не только повсеместно принят в теории, – продолжал он, – но все более и более применяется на практике. Я настоятельно призываю ваше правительство а также лично Председателя Совета министров г-на Хрущева, разбирая данное дело, этот принцип не игнорировать. Я прошу вас решить дело положительно и с большой надеждой ожидаю ответа».

Ответа, однако, не последовало. Столь же малоуспешными оказались и многократные попытки профессора Сварц в течение 1962 и 1964 годов возобновить свои контакты с профессором Мясниковым. В середине марта 1964 года советский министр иностранных дел Громыко посетил с визитом Стокгольм, во время которого Эрландер опять потребовал от него ответа и предложил устроить между профессором Сварц и Мясниковым специальную встречу. Через шесть недель, 29 апреля, профессор Сварц получила наконец послание от Мясникова:

«Я пишу вам в связи с новыми сообщениями, касающимися судьбы г-на Валленберга ¹, которые появляются ныне в Стокгольме. Меня упоминают в них таким образом, будто я передал вам во время вашего пребывания в Москве в 1961 г. какие-то новые о нем сведения.

Как вы, наверное, вспомните, я говорил вам тогда, что ничего о местонахождении г-на Валленберга не знаю, никогда не слышал его имени и не имею ни малейшего понятия, жив он или нет.

Я посоветовал вам обратиться по этому вопросу в наше Министерство иностранных дел через вашего посла или лично. На ваше требование, чтобы я узнал о судьбе этого лица у главы нашего государства Н. С. Хрущева, чьим врачом вы меня назвали, я ответил вам, что Н. С. Хрущев, как все хорошо знают, находится в абсолютном здравии и что я не являюсь его лечащим врачом.

Благодаря какому-то непостижимому для меня недоразумению, наш с вами короткий разговор (он происходил на немецком языке, которым я не владею свободно) был официальными шведскими кругами истолкован ошибочно» ².

28 мая 1964 года профессор Сварц написала на это послание подробный ответ. В нем она восстанавливала весь ход январского (происходившего в 1961 году) разговора, как его помнила, и, отвечая на предположения относительно того, что недоразумение, возможно, было вызвано языковыми трудностями, «напомнила ему, что мы оба в ряде разговоров в 1950 году, когда мы впервые встретились, всегда очень хорошо понимали и ответы и вопросы друг друга, что также имело место и во время нашего разговора в январе 1961 года, как и во время многих последующих встреч».

В июле 1965 года профессор Сварц увиделась с Мясниковым в последний раз. В результате еще нескольких шведских представлений между ними была наконец устроена встреча, которая происходила в Москве в присутствии шведского посла Гуннара Ярринга и двоих представителей советского МИДа, один из которых выступал на встрече в качестве

¹ Несмотря на то что эти сообщения действительно появлялись в прессе, никакой официальной ссылки на роль профессора Мясникова в деле Валленберга тогда сделано не было. Официальная точка зрения оставалась тайной еще в течение семнадцати месяцев.

² Текст письма дается в обратном переводе с английского. (Примеч. пер.)

переводчика. Ничего нового встреча не принесла. Профессор Сварц придерживалась своей версии происшедшего, в то время как профессор Мясников – своей, добавляя, что в любом случае он не мог знать о деле Валленберга до того, как она упомянула о нем в январе 1961 года, «поскольку он никогда не имел дела с тюрьмами, или с тюремными больницами, или с военнопленными... Более того, он никогда не приглашался советскими властями для лечения иностранных или иных военнопленных и поэтому о Валленберге слышать не мог». Мясников утверждал, кроме того, что в течение январского разговора в 1961 году он сказал «Если бы Валленберг был жив, он, *наверное*, был бы болен». Он добавил, что, возможно, из-за сделанной им ошибки профессор Сварц неправильно поняла его слова «как утверждение, а не как предположение».

«Он сказал, что разговаривал со мной просто по-человечески и не думал, что я выполняю чье-то официальное или полуофициальное поручение. Если бы он так думал, он бы, естественно, вызвал переводчика, который бы записывал все сказанное...

Спор закончился заключительной декларацией моего собеседника. Он считает вопрос закрытым, поскольку ни одному из нас не удалось добиться от другого желаемого. Я на это ему ответила, что тоже считаю наше дальнейшее продвижение к истине невозможным, раз одно слово противостоит другому»¹.

Через четыре месяца после состоявшейся между профессорами встречи Мясников неожиданно умер. «Ему, должно быть, было чуть больше шестидесяти, – рассказывала мне в 1979 году Наина Сварц. – Признаюсь, я иногда думаю: а действительно ли он умер естественной смертью?»

ГЛАВА 16

Если бы шведская публика знала о скандале, связанном с Наиной Сварц, или о показаниях, свидетельствующих о том, что Валленберг сидел в тюрьме во Владимире, на улицах во время пятидневного визита Хрущева в Стокгольм 22-27 июня 1964 года, наверное, разразились бы настоящие беспорядки. Впрочем, в городе и так прошли массовые демонстрации и предпринимались попытки вручить советскому лидеру петицию с требованием освобождения Валленберга, подписанную более чем миллионом шведских граждан.

В тот день, когда Хрущев прибыл в Стокгольм, ежедневная газета «Экспрессен» напечатала передовую на русском языке под заголовком, набранным огромными буквами: «Где Валленберг?» В статье, написанной в форме обращения к Хрущеву, объявлялось: «Вы привезли с собой свиту в пятьдесят человек. Но одного человека в ней все-таки нет. Валленберга!»

Чтобы предотвратить неприятности, связанные с Валленбергом и любыми дискуссиями по его поводу во время визита, русские за десять дней до отъезда Хрущева в Швецию вызвали в МИД СССР посла Ярринга и передали ему устную ноту, зачитанную заместителем министра иностранных дел Александром Орловым. Орлов твердо заявил об официальной советской позиции: «нет никаких сомнений» в том, что Валленберг умер в 1947 году в тюрьме на Лубянке². Утверждения, что он был жив после этого «либо ошибочны, либо отражают стремление определенных лиц осложнить отношения между Советским Союзом и Швецией».

Поскольку все возможности расследования, как утверждал Орлов, «были исчерпаны до конца», советское правительство «не видит необходимости заниматься этим вопросом в дальнейшем». Жесткое и почти высокомерное заявление заканчивалось слегка завуалированной угрозой: «...любое возвращение к дискуссии по этому прискорбному факту, всецело принадлежащему теперь прошлому, может только повредить советско-шведским отношениям».

К чести Таге Эрландера, он угрозы проигнорировал. И во время визита Хрущева, рискуя

¹ Из письменного меморандума, опубликованного в 1965 г. в правительственной Белой книге.

² Тем самым шведам давали понять, что Советы плотно захлопнули ранее слегка приоткрытую дверь. В меморандуме Громыко от февраля 1957 г. содержалась формулировка «следует сделать заключение, что Рауль Валленберг умер в июле 1947 года».

вызвать эмоциональный взрыв со стороны непредсказуемого советского руководителя, он неоднократно неудобный вопрос о Валленберге все-таки поднимал. Как передают, на какой-то стадии переговоров Хрущев взорвался и пригрозил, что, если имя Валленберга будет упомянуто еще раз, он сократит визит и немедленно уедет домой.

Основное обсуждение вопроса произошло сразу по окончании межгосударственных переговоров по торговле и прочим делам 23 июня. Официальный шведский отчет почти не скрывает резкости тона, на котором проходила беседа. После того как Эрландер «разъяснил необходимость, по крайней мере, внесения ясности в этот нерешенный вопрос», Хрущев объявил, что он «даже не представлял себе, что вопрос о Валленберге может возникнуть снова». Тот факт, что Валленберга нет в Советском Союзе среди живых, уже был «достаточно отчетливо доведен до сведения» шведов.

«Шведское правительство должно понимать, что Советский Союз, естественно, экстрагировал бы Валленберга, если бы он был жив, независимо от его физического или душевного состояния. Советский Союз экстрагировал и депортировал всякого рода людей. К чему было бы удерживать Валленберга?» Несмотря на свидетельство профессора Свар, явившееся следствием языкового недоразумения, «насколько это касается Советского правительства, дело закрыто».

Хрущев добавил, что «в сталинский период было допущено много ошибок и он не хочет подвергаться допросу, поскольку на многие вопросы все ответы были даны давным-давно». Эрландер, однако, твердо стоял на своем. «Шведское общественное мнение определенно не поймет, почему Советское правительство возражает против дальнейшего расследования». В конце концов Эрландер смог добиться от своего гостя лишь одного – неохотного согласия на организацию в будущем встречи между профессором Сварц и Мясниковым, которая действительно более чем через год состоялась. Через два дня, когда Эрландер походя коснулся этой же темы, Хрущев в более примирительном тоне «заявил о своем искреннем сожалении относительно того, что Советский Союз не располагает документами, которые могли бы положить конец этому прискорбному спору между Советским Союзом и Швецией». В конце визита Хрущева Эрландер выступил с заявлением, в котором говорилось, что вопрос о Валленберге не нашел в ходе переговоров положительного решения, и добавлялось: «Мы глубоко разочарованы тем, что Советский Союз не счел нужным сделать для решения этого дела больше... Мы не намерены прекращать наших усилий».

Через два с небольшим месяца Хрущев потерял власть и на смену ему пришла пара Алексей Косыгин – Леонид Брежнев. Дело Валленберга, ставшее теперь *cause juste*¹, пережило, таким образом, два диктаторских режима. Возможно, решили шведы, с переменой власти произойдет и перемена в отношении к делу? Их предположения не оправдались.

Прежде чем продолжить свое дипломатическое наступление, Эрландер выждал четыре месяца, в течение которых Косыгин утверждался на новом посту. В личном послании Косыгину от 11 февраля 1965 года шведский премьер писал:

«Как вы несомненно понимаете, я бы не поднимал этот вопрос, если бы последний не был... столь важен... и если бы я не был уверен, что прояснение его могло бы устранить постоянный раздражающий фактор в отношениях между нашими странами.

Я знаю, какое большое значение придаете вы, наравне со мной, дальнейшему развитию шведско-советских отношений и что вы, как и я, усматриваете в улучшении их нашу общую цель. В духе вышеизложенного я возьму на себя смелость обратиться к вам с призывом лично распорядиться о дальнейшем и всестороннем расследовании данного дела...»

Косыгин сообщил послу Яррингу, доставившему ему это послание, что он внимательно ознакомился с документами по делу Валленберга и не смог прийти к иному заключению, чем то, что Валленберг умер, как констатировал Громыко, в июле 1947 года. Что же до встречи

¹ Правое дело (Примеч. Ром.)

между профессором Сварц и Мясниковым, он не возражает против ее проведения, хотя не видит в ней особого смысла. Но упрямого Эрландера остановить теперь было трудно. 13 мая 1965 года он предупредил советского посла Николая Белохвостикова, что поднимет вопрос о Валленберге лично во время официального визита в Москву в июне. «Советское правительство должно понимать, что мы придаем делу Валленберга значение чрезвычайное и что шведское общественное мнение требует от нашего правительства отчета о нем», – говорится в официальном резюме встречи Эрландера с Белохвостиковым. Верный своему слову, Эрландер снова поднял вопрос о Валленберге на двух сессиях межгосударственных переговоров 11 и 17 июня. Он сказал принимавшим его хозяевам, что, как видно из последних заявлений советского правительства, прежнее «предположение» о смерти Валленберга в ноте Громыко от февраля 1957 года стало теперь для советских представителей «несомненным фактом», и добавил, что «шведское правительство считало бы для себя чрезвычайно важным ознакомление с результатами проведенных за последние годы советских расследований, которые привели к столь резкой перемене позиции». Кроме того, «должен быть прояснен» вопрос, кто все-таки прав в споре между профессорами Сварц и Мясниковым.

С очевидным раздражением Косыгин ответил, что «по причине ему неизвестной никаких новых материалов или личных досье по Валленбергу не существует. Не проходило по его делу и никаких советских свидетелей. Если бы Валленберг был жив, его бы давно нашли; лица, находящиеся в тюрьмах или в больницах, известны. Глава правительства всегда может найти живого человека, но не мертвого. Как может шведское правительство серьезно считать, что советские власти удерживают Валленберга? Зачем им держать его?». Косыгин согласился, что дело Валленберга для Швеции ответственное и трудное, но советское правительство уже давно сделало для его решения все возможное, «и к этому нечего больше добавить». Эрландер «резко повторил» свои требования – шведы хотели бы ознакомиться со всеми документами и свидетельскими показаниями. Он выразил удовлетворение согласием советской стороны на встречу между профессором Сварц и Мясниковым, «но сожалел, что на все другие его запросы ответ был дан отрицательный».

Как и поездка Хрущева в Стокгольм за год до этого, визит Эрландера тоже закончился диссонансом, и, после абсолютно безрезультатной встречи между Наиной Сварц и Александром Мясниковым в следующем месяце, Эрландер решил, что пора обнародовать всю накопленную шведами информацию. МИД Швеции было поручено подготовить Белую книгу, содержащую все документы и дипломатическую переписку, а также новые свидетельские показания, собранные с момента публикации предыдущей Белой книги в 1957 году. Все эти материалы были представлены на суд общественности и прессы 16 сентября 1965 года и, как и можно было ожидать, породили сенсацию – в особенности это касалось разоблачений Нанны Сварц и свидетельств о том, что Валленберга видели живым во Владимирской тюрьме в середине 1950-х годов.

Публикации Белой книги сопутствовало личное заявление Эрландера, которое западные дипломаты в шведской столице сочли на удивление резким. «Судьба Рауля Валленберга глубоко возмутила шведское общественное мнение, – заявил Эрландер. – Мы стремились довести до сведения советского руководства ту чрезвычайную серьезность, с какой шведы рассматривают данный вопрос. Существенная часть переговоров с советскими лидерами в течение прошедшего периода касалась дела Валленберга. К сожалению, результат был негативным...» Тем не менее, обещал Эрландер, «наши усилия в этом направлении будут продолжены».

Несмотря на смелые слова Эрландера, многие шведы восприняли публикацию Белой книги как молчаливое признание того, что успешного разрешения дело Валленберга в скором будущем не найдет. Не являясь сколь-либо действенным орудием публичного давления на Советы, Белая книга все же достаточно убедительно отвечала на обвинения оппозиции в том, что череда сменявших друг друга социал-демократических правительств действовала в деле поисков и освобождения Валленберга недостаточно энергично.

Определенно, и на прессу и на общественность произвело впечатление упорство, с которым Эрландер действовал в данном деле в конце 1950-х – начале 1960-х годов, т. е. в период, который Белая книга описывала. Шведы были возмущены безапелляционным и временами высокомерным отношением к нему со стороны русских. Возможно, если бы с самого

начала, в первые годы заточения Валленберга, их правительство действовало столь же упорно и целеустремленно, шведский дипломат давно был бы возвращен на родину.

ГЛАВА 17

После драматических разоблачений, содержащихся в Белой книге, вышедшей в 1965 году, дело Валленберга погрузилось в долгий период спячки. Многим казалось, будто Белая книга – это последний его вздох, что о загадочной и трагической судьбе шведского дипломата ничего нового больше сказать нельзя, и уж тем более нельзя ее изменить. Конечно, семья Валленберга о нем не забыла и по-прежнему добивалась выяснения, что с Раулем случилось. Особую неутомимость в поисках проявила мать Рауля, Май, которую постоянно поддерживал ее муж, Фредрик фон Дардель, спокойно и методично собиравший небольшой частный архив самых разнообразных документов и фотографий, касавшихся его пасынка.

По мере того как иссякал поток возвращавшихся из России пленных, в конце 1960-х и начале 1970-х сколь-либо достоверных свидетельских показаний о судьбе Валленберга в России поступало все меньше и меньше. Большею частью имя его всплывало в связи со слухами о каком-нибудь таинственном шведе, сидевшем где-то в отдаленном сибирском лагере: к этому времени история Валленберга покрылась романтической аурой и стала для миллионов обитателей ГУЛАГа одной из его трагических легенд. Но если семья фон Дарделей, движимая самообманом, временами проявляла в отношении некоторых доходивших до нее историй вполне объяснимое легкое верие, то официально назначенные шведские следователи подходили к делу в высшей степени трезво, тщательно и дотошно. Они отвергли большую часть поступавших с середины 1960-х и вплоть до конца 1970-х годов «свидетельств», и дело Валленберга от недостатка питавшей его информации, казалось, стало умирать само по себе.

Убедительный след Валленберга на первый взгляд появился в 1973 году, когда русский еврей по имени Ефим (Хайм) Мошинский, приехав в Тель-Авив, рассказал там поистине захватывающую историю. Мошинский утверждал, что он был в прошлом агентом Смерша¹ и КГБ, но выпал из советской системы и в конце концов оказался в тюрьме. Он заявлял, что впервые встретил Валленберга в Будапеште в январе 1945 года, после того как швед был пленен НКВД.

Согласно Мошинскому, сотрудники НКВД считали, что Валленбергу известно местонахождение золота и драгоценностей, принадлежавших ранее богатым евреям, которых он спас. Естественно, они решили наложить на это богатство руку: вот почему, как заявлял Мошинский, они Валленберга арестовали. Для полноты картины они также обвинили его в сотрудничестве с гестапо и, как сообщал Мошинский, подвергли жестокому девятидневному допросу (в котором он, Мошинский, не участвовал), прежде чем отвезти в аэропорт и отправить на самолете в Москву.

Шведские следователи сразу же отнеслись к этой истории как к сомнительной. Причиной тому было слишком большое расхождение некоторых ее деталей с известными уже фактами. Так, например, в ней ничего не говорилось о Лангфельдере, который определенно был арестован вместе с Валленбергом. Далее, прибыв в Россию, ни Валленберг, ни Лангфельдер никогда не жаловались сокамерникам на то, что они подвергались после ареста жестокому обращению. Оба утверждали также, что они приехали в Россию на поезде; Лангфельдер даже добавлял такую деталь, как то, что им разрешили сойти с поезда и пообедать в ресторане «Лютер» в румынском городе Яссы.

Тем не менее шведы выслушали Мошинского до конца. Он заявил, что снова видел Валленберга в 1961 и в 1962 годах на острове Врангеля в лагере за Полярным кругом, где, по сообщению Мошинского и других более надежных источников, содержалось некоторое число заключенных-иностранцев, в частности группа итальянских армейских офицеров. Мошинский сам сидел в лагере на острове Врангеля и заявлял, что, хотя он точно узнал Валленберга, из-за колючей проволоки под током, разделявшей две лагерные зоны, он ни разу не мог подойти к нему ближе чем на полтора метра. В этом его история сильно расходилась с более

¹ Советская контрразведывательная служба, название которой означало «смерть шпионам».

достоверными свидетельскими показаниями – такими, например, как версия Нанны Сварц, в соответствии с которой Валленберг в 1961 году находился в московской клинике.

Другие истории, возникавшие в это время, столь легкому опровержению не поддавались. В январе 1970 года, в двадцать пятую годовщину исчезновения Валленберга, молодой венгр, посетивший Стокгольм, увидел в шведской газете статью о Валленберге. Он позвонил Май фон Дардель, которая пригласила его к себе домой. Венгр, чье имя так и не было названо, рассказал ей, что у него в Будапеште есть любимая девушка, чей отец занимает высокий пост в венгерском правительстве. Когда однажды молодой человек обедал в семье этой девушки, ее отец походя заметил, что один шведский дипломат по имени Рауль Валленберг, активно действовавший во время войны в Будапеште, сейчас находится в лагере у русских в Сибири.

Молодой венгр сказал г-же фон Дардель, что после этого он ни разу не вспомнил о Валленберге и больше о нем не думал, пока не увидел его имя в шведской газете. Рассказ молодого человека был проверен шведскими служащими со всей тщательностью. Единственное, что они установили точно, – упомянутый высокопоставленный венгерский чиновник и его дочь действительно существуют.

Свидетельство, которое *могло бы* подтвердить эту историю, исходило от другого информанта, также не названного, который заявил в 1974 году, что он видел Валленберга в 1966-1967 годах в лагере Вадивово, неподалеку от Иркутска. В то время, сообщал бывший заключенный, Валленберг был «стариком, обросшим длинными седыми волосами, который жаловался на то, что очень болен». Другие заключенные называли его прозвищем «Ронибони». Подобно многим другим, эту историю ни подтвердить, ни опровергнуть не удалось.

Бывший британский секретный агент Гревилл Винн ¹ добавил к ним еще один косвенный, но интригующий эпизод из своего личного опыта. В марте 1980 года он вспомнил случай, произошедший с ним, когда он сидел в московской тюрьме на Лубянке. Заключенных там обычно выводили на одиночную прогулку на ограниченные со всех сторон площадки, размером не больше, чем располагавшиеся под ними камеры. Узников поднимали на крышу в маленьких лифтах, которые Винн описывает как «ржавые железные клетки». Винн рассказывает:

«Однажды в начале 1963 года я прогуливался на крыше, когда услышал поднимающуюся за стеной железную клетку. Открылась дверца лифта, и я услышал выкрик: «Такси!» Клетки были ужасно грязные, и я оценил юмор заключенного. Через пять дней повторилось то же самое – поднялась клетка, и тот же голос выкрикнул: «Такси!» – а потом я услышал какой-то разговор между заключенным и охранником. По акценту я понял, что заключенный был иностранец, и поэтому крикнул: «Вы – американец?»

Голос ответил: «Нет, я – швед!»

Вот все, что мне удалось узнать, потому что в этот момент мой охранник зажал мне рот и толкнул в угол площадки. Общаться друг с другом заключенным не разрешалось».

Суть этой истории в том, что, за исключением Валленберга (при условии, что он оставался жив), в советских тюрьмах не могло находиться никакого другого шведа. Если среди заключенных и мог быть швед, о котором власти в Стокгольме не знали, то он должен был сидеть по чисто уголовному делу и в таком случае не на Лубянке – эта тюрьма предназначалась только для политических заключенных, предателей и иностранных шпионов.

ГЛАВА 18

Постепенно дело Валленберга с газетных полос, как, впрочем, и из общественного сознания, пропало. Комитет Валленберга, столь упорно и плодотворно проработавший многие

¹ Винн играл ключевую роль в так называемом «деле Олега Пеньковского», казненного за продажу государственных секретов на Запад. Винн, бывший связным между Пеньковским и британской и американской разведками, был в 1963 г. приговорен к 8 годам заключения, но годом позже его обменяли на советского шпиона Конона Молоди, или Гордона Лонсдейла, отбывавшего двадцатипятилетний срок в Великобритании.

годы, со временем самораспустился. Пламя свечи поддерживали только семья фон Дарделей и их наиболее преданные друзья – такие, как Рудольф Филипп. Только благодаря им к тому времени, когда появились новые, заслуживающие внимания свидетельские показания, это пламя горело по-прежнему.

Первые новые сведения поступили в результате телефонного звонка, прозвучавшего в ноябре 1977 года в квартире некоей Анны Бильдер, российской еврейки, эмигрировавшей незадолго до этого из СССР вместе с мужем и тринадцатилетней дочерью в израильский город Яффа. Звонившим, к удивлению и восторгу Анны, оказался ее отец, Ян Каплан. Последнее, что она о нем слышала, – его осудили на четыре года за «экономические преступления», связанные с попытками эмигрировать в Израиль.

По советским понятиям, семья Капланов жила в Москве достаточно обеспеченно. Ян работал директором оперной студии. Ему было шестьдесят шесть лет, и он жил со своей шестидесятилетней женой Евгенией в квартире на улице Горького. Его посадили в тюрьму в 1975 году (через два года после выезда Анны в Израиль) за валютные махинации и незаконные сделки с драгоценностями – экономические преступления, которые время от времени инкриминировались будущим эмигрантам, пытавшимся забрать с собой все нажитое.

У Каплана было больное сердце, но он звонил дочери из Москвы с хорошей новостью: в результате медицинского освидетельствования его освободили из тюрьмы по состоянию здоровья.

Узнав об отцовском освобождении, Анна, конечно, очень обрадовалась, но второй ее мыслью была озабоченность здоровьем отца. Он освободился, отбыв всего полтора года из четырехлетнего срока, что – в смысле здоровья – ничего хорошего ему не сулило. Но Каплан от ее встревоженных вопросов отмахнулся, уверяя, что условия в тюрьме были довольно сносные. «Да что там, – сказал он, – когда я лежал в больнице в Бутырках в 1975 году, я встретил там шведа, который сказал мне, что провел в советских лагерях тридцать лет. И он, на мой взгляд, выглядел совершенно здоровым».

Смысл, заложенный в этих простых словах, от дочери Каплана совершенно ускользнул. Она ничего о Валленберге не знала, и в известии о том, что какой-то иностранец провел в тюрьмах России тридцать лет, ничего необычного не услышала. Передавая хорошие новости об освобождении отца другим родственникам в Израиле, она сообщила им и о его встрече со шведом. Но они тоже никакого особого значения этим ее словам не придали.

Примерно в то же самое время другие родственники Каплана, жившие в Москве, написали своим близким в Детройт, штат Мичиган, об освобождении Яна. «Он выглядит неплохо, – сообщали они. – Говорит, что встречал там, в больничной палате в Бутырках, какого-то шведа, просидевшего в тюрьмах целые тридцать лет, но выглядевшего, как огурчик». Подобно родственникам в Израиле, родня в Детройте также ничего необычного в этих словах не услышала. Казалось, Каплан делал все возможное, чтобы, не привлекая к себе внимания сотрудников госбезопасности, контролировавших телефонные звонки и почту, донести свое сообщение за границу. Но послание все не доходило до адресатов. И оно вполне могло не дойти до них вовсе, если бы не вмешательство еще одного незадолго до этого прибывшего из Советского Союза в Израиль эмигранта, еврея, уроженца Польши, Абрахама Калинского.

Калинский утверждал, что он просидел в советских тюрьмах и лагерях с 1945 по 1959 год, т. е. почти пятнадцать лет. Освободившись, он оставался в Советском Союзе вплоть до 1975 года, после чего ему дали разрешение эмигрировать в Израиль. Он отправился туда вместе со своей второй женой и маленькой падчерицей и устроился с ними на квартире в израильском прибрежном городе Нахария, расположенном неподалеку от границы с Ливаном. Поскольку именно показания Калинского послужили причиной вновь вспыхнувшего на Западе интереса к, казалось бы, уже похороненному делу Валленберга, да и сам Калинский явился первым свидетелем за долгое время, давшим более-менее достоверные показания из первых рук, будет полезно подробнее остановиться и на нем, и на сообщенных им сведениях.

Абрахам Калинский был фигурой довольно загадочной. Повидимому хорошо понимая, что сообщенные им сведения могут вызвать у многих подозрения относительно мотивов, которыми он руководствуется, он, казалось, с преувеличенным рвением подчеркивал в своих сообщениях их достоверность, одновременно стремясь внушить к себе доверие как к надежному человеку. В

то же время, хотел он того или не хотел, он создавал вокруг себя и своих поступков некую атмосферу таинственности. В Израиле 1970-х годов многие эмигранты из СССР жили в атмосфере подозрений и интриг – более того, многие, как кажется, ею наслаждались. Несомненно, в среду десятков тысяч эмигрантов, отъезжавших в Израиль или на Запад, КГБ внедрил немало своих агентов. Тем не менее подозрительность и шпиономания среди русских евреев в Израиле носила, по-видимому, характер одержимости.

Калинский утверждал, что он, бывший польский офицер, служил в конце Второй мировой войны офицером связи при Министерстве обороны в Москве. Он говорил далее, что был женат на известной в советских кругах женщине, кинорежиссере, которая покончила жизнь самоубийством. Арестован и посажен в тюрьму Калинский был, по его рассказам, в 1945 году, после того, как его выдал органам безопасности русский шпион, работавший в Москве в американском посольстве. Шпион перехватил его письмо, в котором Калинский сообщал американскому правительству о казни польских офицеров в Катинском лесу ¹.

О Валленберге Калинский услышал в 1951 году, когда он сидел в тюрьме в Верхнеуральске. О шведе ему рассказал Давид Вендровский, еврейский писатель, которого перевели к Калинскому из камеры, где он сидел вместе с Валленбергом и бывшим членом кабинета министров Латвии Вильгельмом Мунтерсом. «Вендровский говорил мне, что Валленберг был очень интересным и чрезвычайно симпатичным человеком», – сообщал Калинский. Он утверждал также, что Вендровский подробно рассказал ему историю ареста и заключения в тюрьму Валленберга в том виде, в каком рассказывал ее Вендровскому швед.

Калинский сообщал также, что Вендровский показывал ему Валленберга из окна их камеры, когда шведа выводили на прогулку во дворике внизу.

«Мы видели Мунтерса и шведа по нескольку раз в месяц до 1953 года, иногда они прогуливались во дворике, иногда шли в баню или из нее, хотя в последнем случае мы наблюдали их только случайно – делалось все, чтобы заключенные друг друга не видели», – говорил он.

«В 1953 году, после смерти Сталина, в Верхнеуральске провели чистку, освобождали места для сторонников Берии, и нас всех перевезли поездом в тюрьму Александровский централ. Меня везли индивидуально под большим конвоем, как опасного государственного преступника, но я видел Валленберга и группу других заключенных, проходивших мимо моего купе. В Александровском центре я его не видел. Это старая царская тюрьма, и нас держали там в отдельных блоках, но в 1955 году, когда нас перевозили во Владимирскую тюрьму, я опять увидел его в пересыльной тюрьме в Горьком, где всех заключенных завели перед отправлением в большой зал. Валленберг находился там во все том же обществе, в компании Мунтерса и других».

Первые два месяца во Владимирской тюрьме Калинский провел, по его утверждению, в одиночном заключении в камере №21 на втором этаже корпуса 2. В начале 1956 года у него появился сокамерник, грузинский социал-демократ Симон Гогиберидзе ², которого агенты КГБ похитили из Парижа, где он жил в качестве политического беженца. Гогиберидзе говорил ему, что он только что переведен из корпуса 3, где сидел в одной камере с Валленбергом и бывшим генералом КГБ Мамуловым ³, одним из тех, кто вышел из фавора после падения Берии. Гогиберидзе утверждал также, что Валленберга и Мамулова тоже только что перевели в корпус 2 и что они находятся в камере №23 на этом же этаже.

«Действительно, в тот же день, только через несколько часов, мы увидели Валленберга и

¹ Речь идет об останках двенадцати тысяч польских офицеров, найденных после войны в Катинском лесу в Смоленской области. Русские заявляли, что ответственность за преступление несут нацисты; немцы, в свою очередь, утверждали, что бойню устроили русские. После развала Советского Союза в 1991 г. российское правительство признало ответственность СССР за совершенное преступление.

² Упомянутый уже в свидетельских показаниях Мулле и Реекампа.

³ По жестокой иронии судьбы Валленберг, согласно показаниям Калинского, сидел с Мамуловым, о котором Александр Солженицын писал: 'Разве можно себе представить палача мерзее?».

Мамулова из окна нашей камеры на прогулке внизу во дворе, – сообщал Калинин. – Потом я видел его много-много раз, когда он занимался физзарядкой во дворике 4 и во дворике 5. Из окна моей камеры были видны только эти дворики». Калинин утверждал, что у него не было возможности поговорить с Валленбергом. «К концу моего срока я узнал, что Валленберг сидел в одной камере с человеком по имени Шария, бывшим секретарем ЦК грузинской компартии. Когда меня освободили из Владимирской тюрьмы 29 октября 1959 года, он все еще находился в камере №23». Калинин особо указывал, что Валленберга всегда сажали в одну камеру только с советскими гражданами, отбывавшими долгие сроки заключения, и никогда не помещали с иностранцами. «Это делалось, чтобы снизить риск распространения информации. Если бы он сидел с иностранцем, которого позже освободили бы, русским не удалось бы это дело похоронить».

Отрицая предположения о том, что его история выдумана впоследствии, Калинин предъявил интересное документальное свидетельство, которое должно было, по его мысли, подтвердить, что в указанное время он действительно видел Валленберга. Отбывая свой срок в тюрьме, он посылал сестре, жившей в израильском порту Хайфа, почтовые карточки. Эти карточки печатались организацией Международного Красного Креста в соответствии с требованиями советской пенитенциарной системы: заключенным позволялось посылать и получать такие карточки по одному разу в месяц¹. На каждой карточке имелся отрывной талон для пересылки его на обратный адрес. Когда Калинин в 1975 году приехал в Израиль, он обнаружил, что его сестра сохранила все присланные им карточки.

Одна из них помечена мартом 1959 года и написана на идише. В ней Калинин сообщает сестре, что все немцы в тюрьме, за исключением двоих, освобождены и единственные иностранцы, которые остаются, – это он сам, один итальянец, два бельгийца и один швед. В другой карточке, датированной августом 1958 года и написанной по-польски, Калинин сообщает, что единственные иностранцы, которые к этому времени в тюрьме остались, это, кроме него, один итальянец и один швед, «который во время войны спас в Румынии много евреев».

«Румыния упомянута по ошибке, – утверждал Калинин. – Конечно, я слышал от Гогиберидзе и от других о его деятельности во время войны и просто перепутал Венгрию с Румынией». Калинин настаивал на том, что почтовые карточки являются убедительными свидетельствами истинности всего, что он говорил о Валленберге. «В то время я никак не мог знать, что они не собираются выпускать Валленберга, – утверждал он, – и я понятия не имел, что вокруг него поднят такой скандал. Поэтому с чего бы мне было упоминать его в этих карточках, если бы я его там не видел?»

Калинский передал две карточки с упоминанием о шведе вместе с сотней подобных им, хранившихся ранее у его сестры, МИДу Швеции в январе 1980 года, с тем чтобы они были подвергнуты исчерпывающей экспертизе. Через несколько недель шведы известили его, что они полностью удовлетворены результатами: все карточки оказались неподдельными.

Вот всё, что касается сути свидетельских показаний Калинского. Но каким образом они связаны с показаниями Яна Каплана?

В октябре 1978 года, когда Калинин летел на самолете из Тель-Авива в Вену в деловую командировку, взгляд его случайно упал на заметку в «Нашей стране»². В заметке говорилось, что известный охотник за нацистами Симон Визенталь, заинтересовавшийся делом Валленберга, призывает шведов бойкотировать Московские Олимпийские игры 1980 года, если русские не признаются, что они сделали с Раулем Валленбергом.

Как рассказывал Калинин позже, заметка поразила его. «Боже мой, – сказал я себе, – неужели Валленберга до сих пор не выпустили? Мне и в голову не приходило, что его все еще держат в Советском Союзе. Знай я об этом раньше, я бы непременно о нем рассказал».

Взволнованный Калинин пришел к Визенталю сразу же, как только приехал в Вену. После этого он выступил на западногерманском телевидении, в результате чего сотрудники МИДа Швеции немедленно вошли с ним контакт. Рассказанное Калинским казалось важным подтверждением более ранних данных, свидетельствовавших о том, что Валленберг сидел во

¹ Валленберг, очевидно, такой привилегией не пользовался.

² Русскоязычная израильская газета. (Примеч. пер.)

Владимирской тюрьме. Правда, на этот раз речь шла о том, что его видели там в последний раз не в середине 1955 года, а в конце 1959-го.

После возвращения Калининского в Израиль ему рассказали о ходивших в среде русской эмиграции слухах, среди которых числился и телефонный разговор Анны Бильдер с ее отцом. Калининский связался с Анной, и она подробно пересказала ему состоявшийся разговор. Упоминание Каплана о том, что он встретил в больнице Бутырок безымянного шведа, сильно взволновало Калининского. Он решил проверить это известие. Находясь в декабре 1978 года в поездке в США, он позвонил оттуда Капланам в Москву, получив предварительно их номер телефона от Анны. Ответила по телефону Евгения Каплан. Ее муж «недоступен»¹, сказала она Калининскому. Но подтвердила, что он рассказывал ей о встрече со шведом в Бутырках в 1975 году.

Калининский затем связался со шведским посольством в Вашингтоне и добился приема в шведском консульстве в Нью-Йорке 20 декабря. В присутствии первого заместителя министра иностранных дел Швеции Лейфа Лейфланда и главы восточноевропейского отдела МИДа Швеции Свена Хирдмана, в чьем ведении тогда находилось дело Валленберга, Калининский снова подробно рассказал о том, как он видел Валленберга в советской тюрьме в 1950-е годы. К этому он добавил удивительную информацию Яна Каплана о таинственном шведе, которого тот видел в больнице Бутырской тюрьмы в 1975 году.

Если история Каплана не была выдумкой, то безымянный швед мог быть только Раулем Валленбергом. Только он мог быть шведом; отбывшим в России к этому времени тридцатилетний срок. Впрочем, ни о каком другом шведе, который бы находился в то время в руках у русских, известно не было.

Результатом встречи явилось то, что сотрудники МИДа Швеции связались со своим посольством в Тель-Авиве и тамошнему советнику посольства Хокану Вилкенсу было поручено пригласить Анну Бильдер для беседы. Обычно столь осторожные, шведы были в такой степени взволнованы показаниями Анны Бильдер и Абрахама Калининского, что в январе 1979 года едва не похороненное дело Валленберга было вновь официально возобновлено.

3 января МИД СССР получил от шведов новую ноту, в которой требовалось, чтобы русские, ввиду вскрывшихся новых обстоятельств, провели дополнительное расследование фактов, «чтобы установить, действительно ли Валленберг находился в вышеупомянутых тюрьмах в указанное нами время». 24 января русские ответили: «Никаких новых данных относительно судьбы Р. Валленберга нет и не может быть». Как уже указывалось многократно, он умер в июле 1947 года, и утверждения, что он находился в Советском Союзе вплоть до 1975 года, «не соответствует фактам».

Вскоре после того, как шведы получили от русских ответ, Анна Бильдер узнала, что ее больной отец снова попал в тюрьму. Более того, как она утверждает, она получила несколько анонимных звонков – два на русском от женщин и одно – от мужчины, говорившего по-английски. Один голос сказал: «Ничего не говори о Валленберге», после чего трубку повесили. Другой голос сказал: «Я ваш друг. Я думаю, вашему отцу будет лучше, если вы не станете говорить о Валленберге». Затем, ближе к середине июля, Анна получила письмо от матери, оно было датировано 14 июня 1979 года. Письмо пришло с оказией из России вместе с новоприбывшим в Израиль эмигрантом:

«Я пишу тебе это письмо, хотя не уверена, дойдет ли оно до тебя и не случится ли с ним то же самое, что с письмом отца, из-за которого он уже полтора года сидит в тюрьме. Но после того, что случилось с отцом, мне больше терять нечего.

Все это время я не хотела и не могла писать. Во-первых, из-за твоей беременности, а потом из-за послеродового периода². В любом случае, ты отцу не можешь помочь ничем. Я потеряла всякую надежду после того, как меня вызвали на Лубянку и я там узнала, что вся эта трагедия случилась из-за письма об этом швейцарце или шведе Валлберге (sic!), которого он повстречал в тюремной больнице,

¹ Он действительно в это время снова попал в тюрьму.

² Вторая дочь Анны, Даниелла, родилась в сентябре 1978 г.

когда болел воспалением легких и у него было плохо с сердцем. Отец написал длинное письмо об этом Валленберге и долгое время носил его с собой, ожидая случая, когда мог бы послать его с иностранным туристом.

Каждую субботу он ходил в синагогу, куда приходит много туристов, но долгое время ему не везло. Он возвращался домой очень усталый и говорил, что письмо брать бояться. Но вот в одну субботу отец пришел домой в хорошем настроении и сказал, что ему наконец удалось отдать письмо молодому иностранному туристу, который обещал послать письмо тебе в Израиль из Вены или из Германии. Я не помню откуда.

Через несколько дней, это было вечером в пятницу, 3 февраля ¹, у нас дома сделали обыск и забрали с собой отца. Он сейчас сидит в тюрьме уже почти полтора года, то на Лубянке, то в Лефортово. Я теперь потеряла надежду на встречу с вами.

Когда в мае ² меня вызвали на Лубянку, очень рассерженный полковник стал кричать на меня: «Советская власть поступила гуманно и по болезни освободило его (отца), а он в благодарность решил отправить антисоветское шпионское письмо в Израиль через иностранца. Ваша дочь, – кричал он, – развязала в Израиле антисоветскую кампанию!»

Позже он немного успокоился и сказал: «Если ваша дочь хочет снова увидеть отца, ей лучше прекратить агитацию против родины». Об отце он сказал: «Он чувствует себя нормально, но его судьба зависит сейчас от поведения вашей дочери в Израиле – то есть она не должна поднимать там лишнего шума».

Я не знаю, что лучше, – молчать, как многие здесь советуют, или делать наоборот, так, чтобы американские сенаторы и другие большие люди начали бы кампанию за освобождение отца, потому что ведь многих освободили только благодаря жалобам, посланным американским сенаторам и даже самому президенту. Некоторые люди считают, что помочь может только большой шум в газетах и на радио. Я сама ответа не знаю. Мы все здесь, как глупые попугаи. Тебе там виднее.

Боюсь, мы никогда больше не увидим ни тебя, ни твою маленькую Даниеллу. И зачем отец в это вмешался? Он никогда не занимался политикой, даже не рассказывал политических анекдотов. Я до сих пор не понимаю, что же случилось с тем письмом, которое он отдал молодому иностранцу. Наверное, тот был агентом с Лубянки. Не знаю, что вышло не так, но я уже ни на что не надеюсь.

Из-за одного только письма об этом бедняге человека арестовывают и держат в тюрьме полтора года. Чего еще ждать? Наверное, я написала тебе горькое письмо. Долгое время я не хотела писать тебе всю правду, как она есть, а сейчас решила, что ты сможешь помочь отцу, только зная ее. Дорогая моя, пиши, как растет маленькая Даниелла и как учится в школе Марина. Где вы собираетесь провести отпуск? Я хочу знать все, поэтому пиши мне, не ленись. Я хочу, чтобы ты писала мне о них постоянно».

Анна Бильдер мучилась над письмом в раздумьях, что же делать? Она сообщила мне о содержании письма 23 июля 1979 года. Затем она посоветовалась с Абрахамом Калинским, который сказал ей, чтобы она немедленно обратилась в шведское посольство в ТельАвиве. Через несколько дней Анна и Калинский вместе отправились в посольство, где с письма Евгении Каплан сняли фотокопию, а оригинал послали в Стокгольм дипломатической почтой. Там его тщательно обследовала полиция, а также эксперты по Советскому Союзу из МИДа Швеции.

Письмо и устное свидетельство Анны показали дипломатам столь убедительными, что они рекомендовали министру иностранных дел предпринять в отношении Кремля новый демарш. На этот раз премьер-министр Ула Ульстен решил лично вмешаться в дело. 22 августа 1979 года он послал своему коллеге Алексею Косыгину письмо, в котором в весьма энергичных выражениях потребовал от него, ввиду новых вскрывшихся обстоятельств, проведения нового расследования, особенно настаивая на том, чтобы шведскому дипломатическому представителю было позволено поговорить с Капланом, если это необходимо, в присутствии советских

¹ Предположительно в 1978 г.

² Предположительно в 1979 г.

официальных лиц.

Русские ответили 28 августа. Они придерживались старой версии о том, что Валленберг умер в 1947 году и что к этому больше добавить нечего. Вопрос о встрече шведского дипломата с Капланом в ответе не затрагивался.

В тот же день премьер-министр Ульстен выступил с заявлением, в котором назвал советское отношение к делу «прискорбным». «Лично я, – продолжал он, – убежден, что вся правда об исчезновении Рауля Валленберга еще не сказана... и мы продолжим наши поиски, чтобы внести ясность в отношении постигшей его судьбы. С этой целью мы будем, как уже делали это в прошлом, тщательно проверять все новые доходящие до нас свидетельские показания и предпринимать все действия, которые сочтем необходимыми. Дело Валленберга остается неразрешенным...»

ГЛАВА 19

Получив в апреле 1945 года от шведов отказ, США впоследствии непосредственного участия в поисках Валленберга не принимали. Тем не менее, как показывает двусторонний поток телеграмм между посольством США в Стокгольме и Государственным департаментом в Вашингтоне, интерес ¹ к делу Валленберга, хотя бы из-за оказываемого им влияния на советско-шведские отношения, американцы не потеряли.

Таким образом, когда 4 мая 1973 года Май фон Дардель направила госсекретарю Генри Киссинджеру письмо с просьбой о помощи, о всех превратностях, которые к этому времени претерпели поиски Валленберга, официальные лица Соединенных Штатов были полностью осведомлены. В своем обращении г-жа фон Дардель писала:

«Ваша терпеливая и успешная борьба за мир на Дальнем Востоке, свидетелями которой мы все являемся, способна вызвать лишь восхищение. Но я лично обращаюсь к вам по делу моего сына Рауля Валленберга, 1912 года рождения. Его отец был двоюродным братом Якоба и Маркуса Валленберга, о которых вы, вероятно, слышаны».

Обрисовав в общих чертах деятельность своего сына во время войны в Будапеште и кратко рассказав о безуспешных попытках добиться его вызволения из России, г-жа фон Дардель заключает: «Я прошу вас, человека, сумевшего, благодаря чрезвычайным усилиям, добиться освобождения тысяч военнопленных... предпринять хоть что-нибудь, что могло бы пролить свет на судьбу моего сына и, если он до сих пор жив, вернуть ему свободу».

21 августа 1973 года письмо вместе с приложенной к нему секретной запиской за подписью Томаса Р. Пикеринга ², ответственного секретаря Государственного департамента, легло на рабочий стол Киссинджера в Белом доме. Пикеринг рекомендовал Киссинджеру, чтобы США, даже по прошествии столь долгого времени, делом Валленберга занялись. Он писал:

«Как подчеркивает госпожа фон Дардель, ее сын отправился в Будапешт по запросу тогдашнего посла США в Швеции для проведения там операции по спасению венгерских евреев, и тысячи их были спасены им от верной смерти. Поскольку госпожа фон Дардель находится ныне в весьма преклонном возрасте – восьмидесяти лет и ее здоровье не отличается крепостью, она, возможно, хочет предпринять последнюю попытку выяснить судьбу сына. Руководствуясь элементарным сочувствием, которое вызывает ее просьба, а также тем фактом, что начало миссии Валленберга в Будапеште в действительности было положено американским правительством, мы считаем, что должны положительно ответить на просьбу».

¹ В июле 1949 года госсекретарь Дин Ачесон, отвечая на призыв Ги фон Дарделя о помощи, обещал со своей стороны «любое содействие, какое только могут оказать США». Дело, однако, за словом не последовало.

² Пикеринг послужил в данном случае лишь каналом связи. Автором записки был Уолтер Дж. Стессель-мл., в то время помощник госсекретаря по делам Европы.

госпожа фон Дардель и сделать новые запросы в МИД СССР. Вместе с тем сам факт вмешательства США не должен подавать ей ложных надежд, что новые попытки непременно будут успешными».

Пикеринг далее рекомендует Киссинджеру одобрить приложенный проект ответа г-же Май фон Дардель, который должен быть подписан «служащим Государственного департамента на соответствующем уровне». Вот текст этого письма:

«Дорогая госпожа фон Дардель!

Д-р Генри Киссинджер поручил мне ответить на ваше письмо и приложенную к нему записку от 4 мая 1973 г... Позвольте мне прежде всего заявить, что я всецело поддерживаю ваше желание выяснить судьбу вашего сына... Исходя из гуманных побуждений, а также высокой оценки достижений вашего сына в деле спасения венгерских евреев, правительство Соединенных Штатов готово сделать запрос Советскому правительству через американское посольство в Москве с целью выяснения того, что же в действительности произошло с вашим сыном. Когда будет получен ответ, мы незамедлительно вам его сообщим, хотя, учитывая столь долгий период времени, прошедший со времени исчезновения вашего сына, и безуспешность предыдущих попыток получить хоть какую-то информацию о его судьбе, я прошу вас не возлагать слишком больших ожиданий на возможность получения точных данных и на этот раз. С величайшим сочувствием к вашим страданиям в течение всех этих лет.

Искренне ваш...»

В папке имелись подробная аналитическая справка о деле Валленберга, предназначенная для Киссинджера, и текст телеграммы, готовой к отправлению в посольство США в Москве, в которой послу предписывалось выдвинуть новую инициативу, а также прилагалась вся необходимая для того вспомогательная информация. Все, что требовалось, – это одобрение Киссинджера. Но он этого одобрения не дал.

Папка до сих пор хранится в архивах Государственного департамента и доступна для исследователей. На докладной записке Пикеринга написано: «Киссинджером не одобрено» и дата «15 октября 1973 г.». Когда госпожа Лена Бьёрк-Каплан, председатель рабочей группы Американского комитета по освобождению Валленберга, попросила в 1979 году Киссинджера объяснить этот эпизод, он дал ему свое толкование. Как вспоминает Бьёрк-Каплан, бывший госсекретарь отрицал, что он отверг рекомендацию, утверждая, что даже не видел ее. Неужели же, спрашивал он, она может поверить, что человек такой судьбы, как он, – немецкий еврей, бежавший в США еще школьником, – мог бы отвергнуть подобное предложение? Он может лишь предположить, что кто-то из его подчиненных, лицо, уполномоченное в определенных обстоятельствах принимать решения от его имени, как раз такое решение принял. Отдавая должное справедливости, следует отметить, что как раз в тот момент на Ближнем Востоке разразилась непредсказуемая по своим последствиям Октябрьская война 1979 года между Израилем, Египтом и Сирией. Вполне возможно, что один из старших помощников Киссинджера вычеркнул тогда из расписания своего шефа решение такого «мелкого» дела, как судьба какого-то малоизвестного шведа.

Тем не менее в Швеции до сих пор считается, что Киссинджер не одобрил рекомендацию по соображениям политическим – из-за недовольства политикой шведов, осуждавших тогда войну, которую вели США во Вьетнаме, а также из-за предоставления Швецией политического убежища молодым американцам, уклонявшимся в то время от призыва в армию.

Еще одной видной личностью, которая могла бы помочь, но не помогла Валленбергу, был его соотечественник швед Даг Хаммаршельд, генеральный секретарь ООН в 1953-1961 годах (он погиб в 1961 году в авиакатастрофе в Северной Родезии).

Согласно свидетельству профессора Карла Фредрика Пальмшерны¹, личного секретаря короля Густава VI (сменившего к тому времени на троне своего отца Карла Густава V, который

¹ Дальний родственник матери Валленберга и друг семьи.

одобрил направление Валленберга в Будапешт), Комитет Валленберга трижды в 1950-х годах просил Хаммаршельда поднять вопрос о Валленберге перед русскими. Комитет обратился к нему после того, как генеральный секретарь сам заявил о том, что, если прямые шведские представления по этому поводу окажутся безрезультатными, он «всем сердцем и душой» будет способствовать освобождению своего соотечественника. Согласно воспоминаниям Пальмшерны, всякий раз, когда Хаммаршельда просили выполнить его обещание – что происходило сначала в 1955 году, потом в 1956-м и, наконец, в 1959-м, – он всегда находил предлог, чтобы уклониться. В июне 1956 года с просьбой к нему обращался Пальмшерна. Он пишет в воспоминаниях:

«Он ответил потоком кристально ясных фраз, констатируя, что ему, как шведу, обращаться к русским по делу его соотечественника труднее вдвойне. В других обстоятельствах он бы... и так далее и тому подобное... Я задал себе вопрос, какие другие обстоятельства он может иметь в виду? Если бы Хаммаршельд обратился к русским по делу гражданина любой другой страны, ему могли бы дать отпор уже на том основании, что как генеральный секретарь Организации Объединенных Наций он не имеет права вмешиваться во внутренние дела суверенных стран. Впрочем, безразличие Хаммаршельда не удивило меня. Обычная зашоренность дипломата! Конечно, о том, чтобы, пользуясь фразеологией Ундена, «объявить России войну», не могло идти речи. Но разве не могли русские истолковать отсутствие интереса к судьбе шведского гражданина и нежелание хлопотать за него как прямое свидетельство шведской слабости?»

Пальмшерна осуждает также ныне покойного короля Густава VI за безразличие к судьбе Валленберга:

«Когда в середине 1950-х годов дело вновь обрело общественный резонанс, я решил, что наступил момент обратить на него внимание моего хозяина-короля. Это, однако, оказалось непросто... Наш министр иностранных дел, Эстен Унден, профессор юриспруденции с марксистским уклоном, относился к Великому Социалистическому Эксперименту с благосклонной заинтересованностью, и он не допустил бы вмешательства, которое могло навредить дружественным отношениям Швеции с Советской Россией.

Из лояльности – какое растяжимое понятие! – король всегда принимал сторону своего министра иностранных дел. Уж мне ли было не знать, что в начальной фазе дела Валленберга Унден совершил немало промахов, идущих от нежелания действовать, но критиковать его образ действий перед Его Величеством было так же трудно, как вмешиваться в семейные дела».

Пальмшерна сообщает, что его первый разговор с королем о деле Валленберга произошел в марте 1955 года во время визита в Стокгольм Громыко, которому король должен был дать личную аудиенцию:

«Наступил, как я считал, самый подходящий случай... ведь именно Громыко являлся одним из ответственных за удержание Валленберга лиц. В конце концов, это был вопрос всего лишь гуманитарный... Я бросился в кабинет к королю и сделал ему это предложение. Король поблагодарил меня, признав, что он и сам думал обсудить вопрос о Валленберге с Громыко. Наконец-то, подумал я, может, из этого что-нибудь выйдет! Никогда нельзя сказать наперед, какотреагируют русские. Может быть, они до сих пор уважают монархию?»

Увы, мой оптимизм оказался преждевременным. Через четверть часа Его Величество вернулся и сказал, что, обдумав дело, он решил перед тем, как поднять вопрос о Валленберге с Громыко, посоветоваться по этому поводу с Унденом. Велико же было мое разочарование! Исход разговора (с Унденом) был ясен заранее».

Пальмшерна вспоминает, что в последний раз, когда он попытался заговорить с королем о Валленберге летом 1959 года, Густав выказал раздражение:

«Что вы от меня хотите? – спросил он. – Вы собираетесь провести обыск в российских тюрьмах или, может быть, даже объявить им из-за Валленберга войну?»

Это были слова Ундена! Никогда еще ни за одного шведа правительство столько не заступалось, как именно в данном случае. Какой жалкий ответ! Ведь и случай был уникальный во всей шведской истории. Пожав плечами, король дал понять, что такие дела решает не он, а правительство. Мне пришлось смириться. Я сказал ему, что потомство будет судить о нас по отношению к этому делу. Еще раз пожав плечами, Его Величество вернулся к гряде бумаг на своем столе».

Пальмшерна считает, что от вмешательства короля отговаривал не только Унден, но и королева Луиза:

«Пусть это будет с моей стороны нескромно, но ради исторической правды я должен высказаться. Не знаю, какие лица убедили ее в том, что австриец Рудольф Филипп... положивший годы труда на разоблачение лжи и уверток русских, использовал дело Рауля Валленберга в целях собственной выгоды и зарабатывал им на свой хлеб насущный, паразитируя, таким образом, на несчастье его семьи... Один раз, когда Ее Величество вновь выдвинула свое обвинение, я, тщательно подбирая слова, вежливо ответил, что это как раз не тот случай; я знаю точно, какую награду получал Филипп за свои старания. Ее ответ прозвучал несколько сконфуженно»¹.

Пальмшерна отмечает, что в 1972 году на пресс-конференции в Вене преемник Ундена на посту министра иностранных дел, Кристер Викман, объявил, что предыдущее правительство «предало дело Рауля Валленберга забвению». Его слова, совершенно независимо, подтвердил охотник на нацистов Симон Визенталь, присутствовавший на той же пресс-конференции. Он был как раз тем лицом, кто своим вопросом спровоцировал заявление Викмана. «Викман спросил у секретаря и у шведского посла: «Кто этот человек? Тот, кто задал мне этот вопрос?» – вспоминает Визенталь. – Узнав, что это был я, он ответил мне: «Это дело закрыто уже долгие годы. Мы более с ним не работаем». В последние годы, однако, как признал Визенталь, шведское правительство стало действовать более энергично. «Когда я недавно был в Швеции, – сообщил мне Визенталь в конце 1979 года, – я разговаривал с их заместителем министра иностранных дел, и он сказал мне: «Теперь вы будете нами довольны, мы снова действуем»².

В начале 1980-х годов Визенталь оставался еще чрезвычайно деятельным человеком, он считал, например, что Валленберг мог быть жив. Летом 1979 года русская редакция американской государственной радиостанции «Голос Америки» предоставила ему эфирное время для обращения ко всем гражданам Советского Союза. В случае, если им известно что-нибудь о местопребывании Валленберга, Визенталь просил написать ему по адресу: «Симон Визенталь. Вена. Этого будет достаточно» – и сообщить все, что они знают. «Нам нужны даже самые мелкие сведения, с их помощью мы могли бы составить общую картину, –

¹ Филипп умер в Стокгольме в 1980 г. Это был одинокий и ожесточившийся человек; регулярно его посещала, кажется, только Нина Лагергрэн, которая, по его просьбе, унаследовала от него горы документов о деле Валленберга, захламлявших его крошечную квартиру.

² Визенталь подключился к делу Валленберга по просьбе Май фон Дардель в середине 1960-х годов, хотя советские дела, строго говоря, его специальностью не являлись. Май попросила у него помощи, зная о его громких успехах в выслеживании нацистских военных преступников; кроме того, Визенталь располагал своей разветвленной сетью информаторов по всему миру, а также имел исчерпывающие сведения по этой теме в своем Центре документации в Вене. Считается, что он принимал участие в захвате, среди многих других, Эйхмана, хотя это горячо оспаривается независимыми и официальными соперниками Визенталья, включая секретную службу Израйля Моссад. Во все годы неутомимой работы Визенталь не получал от семьи Валленбергов никакой оплаты.

говорил он. – Это наш долг, долг всех свободных людей, а не только мой долг еврея, сделать все, чтобы доказать: этот человек еще жив, и вернуть его в наш свободный мир. У нас так много Нобелевских лауреатов, но я не знаю ни одного другого человека, которого охотнее выдвинул бы на Нобелевскую премию мира, чем Рауля Валленберга».

Использование «Голоса Америки» для обнародования призыва на русском языке, по-видимому, предполагало некоторую степень заинтересованности официальных кругов США в судьбе шведского дипломата. Это полностью соответствовало действительности. В США, где дело Валленберга было практически неизвестно, интерес к нему вспыхнул внезапно в 1979 году, когда там стали известны истории Калинского и Каплана. Аннетт Лантош, калифорнийскую домохозяйку венгеро-еврейского происхождения, короткая заметка в «Нью-Йорк таймс» растрогала до слез. Причина для подобной эмоциональной реакции была достаточно веская: она и ее муж Том Лантош, в то время работавший юридическим помощником сенатора-демократа от штата Делавер Джозефа Р. Бидена-младшего, были оба обязаны жизнью «паспортам Валленберга»: им, еще подросткам, удалось получить их в Будапеште в 1944 году. С тех пор прошло много времени, и для обоих Валленберг превратился в туманный, ставший почти легендарным образ человека, который, как они думали, умер давным-давно. Аннетт Лантош энергично взялась за рассылку писем, организацию комитетов, созыв пресс-конференций, завязывание контактов с потенциально заинтересованными организациями – особенно в среде американской еврейской общины – и привлечение поддержки влиятельных лиц. Во многом ей помогали вашингтонские связи мужа. В июле 1979 года три влиятельных сенатора, Фрэнк Чёрч из Айдахо, председатель сенатской комиссии по иностранным делам, Дэниель Патрик Мойнихен из Нью-Йорка и Клэрборн Пел из Род-Айленда, а также уроженец Берлина новоизбранный сенатор Руди Бошвитс из Миннесоты стали сопредседателями новоучрежденного Американского комитета по освобождению Валленберга. Целями комитета являлись «сбор и проверка информации о местонахождении Валленберга, оказание давления на правительство Советского Союза с целью получения всех имеющихся сведений о Валленберге и освобождения его, если он до сих пор жив, и, наконец, получение в вышеперечисленных целях поддержки от правительств, организаций и частных лиц во всем мире». Когда Нина Лагергрэн вскоре после этого посетила Соединенные Штаты, неутомимая Аннетт Лантош организовала освещение ее визита в средствах массовой информации, что привлекло к делу Валленберга внимание американской общественности. Осенью 1979 года, когда в Соединенных Штатах побывал Ги фон Дардель, госпожа Лантош с ее сенаторами-помощниками организовала его встречу с госсекретарем Сайрусом Вэнсом, который обещал фон Дарделю активную американскую помощь. Вскоре после визита фон Дарделя Аннетт Лантош пригласили участвовать в радиодialoge с президентом Картером. Естественно, она спросила президента о деле Валленберга, и тот заявил, что он сам, по собственной инициативе, поднимал этот вопрос на встрече с советским президентом Леонидом Брежневым в Вене ранее в том же году. Какой ответ получил от Брежнева Картер, сказано не было.

Осенью 1980 года, как раз перед выборами, которые лишили президента Картера его должности и стоили Черчу его сенаторского кресла, обе палаты конгресса США единогласно приняли резолюцию, в которой признавались достижения Валленберга во время войны, а Государственному департаменту вменялось в обязанность поставить вопрос о Валленберге перед советским правительством. Резолюция призывала делегацию Соединенных Штатов на предстоящей Мадридской конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, отслеживавшей результаты Хельсинкских соглашений 1976 года, поднять этот вопрос перед русской делегацией.

В выступлении на открытии пленарной сессии конференции в Мадриде и впоследствии на заседании Комитета по правам человека шведы подняли вопрос первыми. Делегат США в комитете, подхватив тему, заявил: «Соединенные Штаты всецело поддерживают выступление делегата Швеции и его призыв раз и навсегда выяснить судьбу Рауля Валленберга. Как заявила делегация Швеции, существуют сообщения, что он до сих пор может быть жив. Как вы знаете, героические действия м-ра Валленберга в Будапеште в конце Второй мировой войны частично финансировались американским правительством. Делегация США и американский народ чувствуют особый долг перед м-ром Валленбергом и его семьей. Мы бы приветствовали

безоговорочное сотрудничество правительств, причастных к этому делу, в прояснении фактов его исчезновения».

Вслед за американцем немедленно выступил делегат Великобритании, заявивший, что его страна «полностью и всецело поддерживает призыв Швеции».

«Выдающиеся достижения Валленберга в деле оказания помощи беженцам и жертвам репрессий заслуживают особого рассмотрения, – заявил он. – Недавно полученные свидетельства в пользу того, что он может быть жив, вызывают большую надежду и заслуживают тщательного расследования. В путанице послевоенного времени, когда он исчез, случались странные вещи. И возможность того, что он пережил превратности судьбы, не следует отметать с порога».

Делегация Советского Союза, как обычно, хранила каменное молчание. Ее представитель заявил только, что они ответят позже на все поднятые вопросы. По иронии судьбы выборы, лишившие должностей Картера, Чёрча и многих других, привели в конгресс единственного человека в американской политике, обязанного своей жизнью непосредственно Раулю Валленбергу, – Тома Лантоша. Плывя против общего политического течения, он выиграл выборы у очевидного кандидата на победу, консервативного республиканца, и стал членом палаты представителей США, конгрессменом-демократом от 11-го округа штата Калифорния.

26 марта 1981 года Лантош внес на голосование палаты представителей резолюцию, присуждавшую Валленбергу звание почетного гражданина США, честь, которой ранее удостаивался только один иностранец, сэр Уинстон Черчилль. Законопроект поддерживали 258 членов палаты, что гарантировало ему прохождение. Лантош был уверен, что аналогичная резолюция не менее успешно будет принята и сенатом. Смысл присуждения Валленбергу звания почетного гражданина Америки, как заявил Лантош на пресс-конференции перед внесением билля, заключается в том, что это даст «юридические основания для Государственного департамента ставить вопрос о Валленберге как о взятом в заложники гражданине Соединенных Штатов».

Лантош продолжал: «Я верю, и моя вера хорошо обоснована, что Рауль Валленберг может быть до сих пор жив». Но, даже если окажется, что он умер, принятием совместной резолюции конгресс Соединенных Штатов и американский народ «воздадут честь не только Валленбергу... но и самим себе, как нации, глубоко приверженной идеалу прав человека».

Жена Лантоша говорила о Валленберге с большим чувством: «Он, как Моисей, пришедший к нам с севера в самые ужасные наши дни. Его благородные и смелые поступки ярко сияли, рассеивая тьму кромешного ада. Одно только воспоминание о его доброте и принесенной им ради нас жертве помогает мне исцелить душевные раны. Чтобы спасти этого человека, я отдала бы самое последнее».

Ее коллега по рабочей группе из Комитета по освобождению Валленберга Элизабет Мойнихэн, жена сенатора, высказалась пусть менее эмоционально, но с такой же силой. «В жизни Рауля Валленберга, – заявила она, – трагически увязаны два начала: смелость истинно доброго человека и несправедливость его судьбы. В истории найдется немного примеров подобного противостояния злу во имя спасения своего ближнего».

В поднявшейся волне интереса к судьбе ее сводного брата Нина Лагергрэн усматривала искру надежды. «Если бы только мои родители дожили до того, как все это произошло, – столь много невероятного и немислимого за последние несколько месяцев. Это настоящее чудо, лавина интереса к нему, множество людей, тронутых его судьбой, хотя они никогда раньше о Рауле не слышали. Я твердо верю, это не случилось бы, если бы не означало, что мы можем вернуть его».

Многочисленные эпизоды саги о Валленберге год за годом сменяли друг друга, в то время как богатые и влиятельные родственники Рауля Маркус и Якоб Валленберги, директора банка, носившего ранее семейное имя, но впоследствии переименованного на «Скандинависка эншилльда банк», вели себя на удивление тихо. Известно, правда, что Маркус, старший из братьев, глава семьи, посылал 26 апреля 1945 года письмо советскому послу г-же Коллонтай, в котором спрашивал ее о судьбе своего кузена. Дословное содержание письма осталось неизвестным, хотя г-жа Коллонтай, отозванная в Москву, ответила Маркусу, что она сделает все, что сможет, хотя, «когда ты более не при исполнении, это становится нелегко». Это

единственный предпринятый с целью выяснения судьбы Рауля и известный до сих обмен документами, в котором принимали участие оба его знаменитых кузена. Маркус, по-видимому, знал г-жу Коллонтай достаточно хорошо. Как сообщают, именно по ее совету он летал в Финляндию в 1944 году с целью посредничества, которое привело к заключению перемирия между финнами и русскими. Чуть позже, в период напряженных отношений между Советским Союзом и Швецией, г-жа Коллонтай предлагала Маркуса Валленберга как возможную кандидатуру на пост посла Швеции в Москве, против которой, как ясно дало понять советское правительство, оно возражать не будет. Бесспорно, глава «большой капиталистической семьи», Маркус Валленберг был для обитателей Кремля в данной роли приемлем. По отзывам многих членов семьи, Якоб Валленберг (умерший в 1980 году) восхищался отцом Рауля. Кажется странным, что ни он, ни Маркус не заняли в защиту кузена более отчетливо выраженной публичной позиции. Возможно, они стремились помочь ему, избегая всякой публичности. Май фон Дардель не любила эту тему затрагивать, хотя, как отмечают, сказала однажды, что, «как бы они ему ни помогали, они никогда не делали этого у всех на виду». Что, по-видимому, и имело место на самом деле. В 1970-х годах Валленберги негласно финансировали Ассоциацию друзей Валленберга в Стокгольме, оказывая ей поддержку через посредников и дочерние компании, которые предоставили ассоциации бесплатные помещения.

Нежелание братьев защищать дело своего кузена публично приписывалось опасениям с их стороны повредить своим деловым отношениям с Советским Союзом. Более великодушное объяснение может сводиться к тому, что братья, сознавая непопулярность своей семьи среди менее обеспеченных слоев шведского населения, не хотели, чтобы ухудшение отношений между Швецией и СССР приписывалось в глазах широкой общественности тому, что Валленберги преследовали семейные интересы. Один из друзей семьи как-то печально заметил: «Ирония, наверное, в том, что, если бы Рауль был усыновлен своим отчимом и принял фамилию фон Дардель, он был бы освобожден много лет назад». Как и многие другие влиятельные люди, братья Валленберги не любили гласности. И они никогда не отвечали на вопросы журналистов об их роли в деле Валленберга. Нелюбовь к гласности свойственна, по-видимому, и принадлежащему им «Эншильда банку». Зимой 1979 года, когда съемочная телевизионная группа Би-би-си хотела снять парадный вход в главный офис банка, чтобы запечатлеть на пленке портреты династии Валленбергов, банковские служащие восприняли их действия с явным недоброжелательством. Когда менеджеру банка по связям с общественностью сказали, что съемки ведутся для документального фильма о Рауле Валленберге, тот фыркнул: «Такого рода реклама нам не нужна».

ГЛАВА 20

Мы уже видели, как проявленное шведами в первые годы пленения Валленберга малодушие привело к серии губительных ошибок, возможно определивших его судьбу. Мы также проследили, как американцы, дезориентированные послом Седерблумом в Москве в апреле 1945 года, отказались от попыток помочь тому, кого сами же в Будапешт послали, и как Генри Киссинджер, имевший в 1973 году возможность восполнить упущенное, этой возможностью не воспользовался. Мы также убедились, как другие влиятельные лица, которые могли бы помочь Валленбергу, от этого уклонились. Что же тогда можно сказать об отношении к нему двух, казалось бы, наиболее заинтересованных государств – Венгрии и Израиля?

Некоторое время будапештские евреи – или, вернее, те из них, кто сообщению «Радио Кошута» о гибели Валленберга не поверил, – считали, что он находится в безопасности у русских и, даже если ими удерживается, скоро все равно будет отпущен. 2 июля 1945 года еврейская община Пешта передала шведским дипломатам предназначенное Валленбергу послание, в котором сообщалось о запротоколированном на собрании старейшин 21 июня того же года «торжественном признании его бессмертных достижений в героической борьбе против нацизма».

Пештские евреи сообщали Валленбергу, что один из корпусов Центральной будапештской еврейской больницы будет отныне назван его именем – «ничтожный с нашей стороны знак благодарности, которую мы не способны выразить в полной мере». Обращаясь к нему как к

«великому сыну благородной шведской нации», они просили «помнить их добром» и обещали молиться за него Богу, чтобы он сделал его жизнь «счастливой и успешной во всем».

Но по мере того, как год проходил за годом, а об их спасителе не приходило вестей, будапештские евреи пришли к заключению, что Валленберг, по-видимому, погиб. Он явился из ниоткуда и ушел в не менее загадочную неизвестность. Тогда один из будапештских евреев, историк и журналист Енё Леваи, обнаруживший, что Валленберг оставил в помещении шведской миссии обширные и снабженные соответствующими документами записи о своей деятельности, решил возвести в честь него свой собственный мемориал – написать отдающую должное его героическому подвигу книгу.

Кроме того, евреи Будапешта организовали Комитет памяти Валленберга и стали собирать средства на возведение ему памятника. Заказан он был известному скульптору Палу Патзаи, предложившему проект, который комитет быстро одобрил, – бронзовую фигуру атлета, сокрушающего гигантскую змею со свастикой на голове. Работа над памятником подолжалась два года. Его установили на высоком пятиметровом постаменте с выгравированным на нем рельефным профилем Валленберга и выразительной надписью в его честь. «Пусть это изваяние, – гласила надпись, – стоит как немая и вечная ему благодарность и напоминает нам о его непоколебимой человечности в эпоху бесчеловечности». Венгерские власти одобрили место установки памятника в будапештском парке святого Стефана.

Памятник водрузили на место и в ожидании его открытия мэром Будапешта Йожефом Богнармом закрыли брезентом. В день открытия, это было воскресенье в апреле 1948 года, Комитет Валленберга в полном составе, представители шведской миссии, сотни евреев, влиятельные люди города и обычные горожане собрались, чтобы участвовать в церемонии. К их изумлению, статуи на постаменте не оказалось. Ночью русские военные прибыли к ней с веревками и лошадьми и сняли ее.

Никто не знал, куда пропала статуя, и никто не осмеливался спросить. В течение нескольких лет судьба ее оставалась тайной, пока один мелкий городской служащий, в прошлом ученик скульптора Патзаи, не рассказал художнику, что его произведение обнаружили в подвале заброшенного здания. Постамент с рельефным профилем Валленберга и надписью на плите там не оказалось, его так и не нашли.

Некоторое время спустя статуя вновь появилась на свет, на этот раз в городе на востоке страны, в Дебрецене, где бережливые городские власти, давно уже ставшие советскими марионетками, поставили ее перед фасадом государственной фармацевтической фабрики. С головы змеи удалили свастику, и памятник теперь символизировал борьбу человека против болезней¹.

В Будапеште тем временем улица Феникс, расположенная неподалеку от восточного берега Дуная – именно на ней стояли многие из охраняемых шведской миссией домов, – была переименована в улицу Валленберга, и, несмотря на стремление венгерских властей везде, где только возможно, его имя вычеркивать, свое новое название сохранила.

На журналиста Енё Леваи, энтузиаста-биографа Валленберга, намордник надели в несколько приемов. В конце своей первой и во всех прочих отношениях отличной книги о Валленберге Леваи все же принял официальную советскую версию его исчезновения и смерти, возможно искренне поверив в нее, – хотя в таком случае он продемонстрировал весьма высокую степень легковерия. В другой, более поздней книге об ужасных событиях 1944-1945 годов, «Черной книге о мученичестве венгерских евреев», он пишет о нем достаточно скудно. В книге «Эйхман в Венгрии», опубликованной в 1961 году, Леваи упоминает Валленберга всего один раз, мимоходом, и, более того, в одном месте цитирует его донесение, даже не называя автора.

В 1949 году Леваи ездил в Стокгольм, где произнес о Валленберге памятную речь, тем самым объявив его мертвым и вступив в яростную словесную перепалку с Рудольфом Филиппом, другим биографом Валленберга, страстно утверждавшим, что его герой жив. Когда книга Леваи была переведена на шведский, ее стокгольмский издатель потребовал, чтобы автор переписал главу, в которой говорилось об исчезновении Валленберга, переделав ее в той части, где прямо утверждалось, что Валленберг погиб в Будапеште. Тем не менее, даже с этой

¹ Хотя местное население, по-видимому, прекрасно знало, кого статуя изображает. Шведский журналист Эрик Шёквист посетил это место в 1964 г.; шофер такси, который его вез, сказал ему: «Все знают, что это – Валленберг».

поправкой, книга была из продажи изъята и практически все ее экземпляры, возможно в результате протестов со стороны фон Дарделей, отданы на макулатуру¹. Несмотря на капитуляцию Леваи перед коммунистами, во всех иных отношениях его книга остается отличным источником информации, а итог, который он подводит достижениям Валленберга, заслуживает того, чтобы его процитировать:

«Самое главное, нацисты и нилашисты не могли творить зверства совершенно свободно. Они знали, что молодой шведский дипломат за их действиями следит. Они не могли от него укрыться. И не нилашистам было его обмануть. Они не могли действовать безнаказанно... Валленберг был всевидящим оком мира, инстанцией, требовавшей осуждения преступлений. Вот в чем великое значение борьбы, которую он вел в Будапеште».

И все-таки тысячи венгерских евреев, обязанных жизнью Валленбергу, были в конце войны всего малыши детьми и росли в Будапеште, лишь смутно осознавая, что такой человек, как он, когда-то жил среди них. В коммунистическом венгерском руководстве, всю войну сидевшем в Москве и прибывшем в Будапешт вместе с Красной Армией, было немало евреев: достаточно упомянуть Матиаса Ракоши, Эрнё Герё и Имре Надя. Тем не менее новое руководство, целиком и полностью принимая марксистскую догму о природе антисемитизма и руководствуясь идеологическими указаниями о судьбе Валленберга, рьяно искореняло в народе память о нем.

До развала советской империи и возрождения Венгрии как западной демократии венгерские власти в лучшем случае относились к Валленбергу противоречиво, в худшем же вообще его отвергали. В конце 1970-х годов прославленный будапештский кинорежиссер Петер Бачо снял о подвигах Валленберга фильм, но в последний момент перед объявленной осенью 1978 года премьерой правительство отозвало свое разрешение на демонстрацию картины. В конце 1980-х годов, по мере того как Кремль, в ходе проводимых Михаилом Горбачевым реформ, стал ослаблять свою железную хватку, власти Будапешта, в ожидании, по-видимому, американских капиталовложений, разрешили Всемирному еврейскому конгрессу заказать ведущему венгерскому скульптору Имре Варге статую Валленберга. Памятник был высечен из шведского гранита и установлен на окраине небольшого парка в Буде, где президент конгресса, канадо-американский водочный король, Шамуэль Бронфман, открыл его на скромной публичной церемонии 2 мая 1987 года. Ни один старший чиновник венгерского правительства не присутствовал на открытии, – по-видимому, режим по-прежнему не желал слишком открытого вызова коммунистической догме. На статуе имелась латинская надпись общегуманистического смысла, но в ней ни словом не упоминались ни Холокост, ни деятельность Валленберга по спасению евреев, ни его исчезновение в советской системе тюрем.

Израиль как государство воздал Валленбергу за его бескорыстные заслуги перед еврейским народом и человечеством на удивление мало. И еще меньше сделал он для оказания давления на СССР с целью его освобождения. Во всей стране до конца 1980-х годов в честь Валленберга была названа только одна улица. Грязная и захолустная, по крайней мере в то время, когда ее переименовывали, она расположена на краю нейтральной полосы между восточным и западным секторами Иерусалима. До 1979 года на мемориальной доске в честь переименования улицы значились даты 1912-1947. Затем, запоздало узнав о существенных

¹ После нагоняя, устроенного ему израильским журналистом Нафтали Краусом (о нем будет рассказано далее) за излишнюю готовность принять на веру пресловутую «гибель» Валленберга в Будапеште, Леваи протестовал в письме от 10 марта 1975 года: доказательства того, что Валленберг жив, появились только через десять лет после написания биографии. Кроме того, Леваи утверждал, что он «пытался в неявной форме написать правду». Это, конечно, не объясняет, почему он замалчивал деятельность Валленберга в Будапеште и ее влияние на ход событий в книге «Эйхман в Венгрии», во всех иных отношениях весьма точной и подробной. Как заявлял Леваи в своем письме Краусу: «Ни тогда, ни сейчас об этом писать нельзя». Леваи вызвал ярость израильтян в 1969 году, когда в лекции, прочитанной в мемориале Яд Вашем, утверждал, что Салаш и нилашисты не являлись в действительности антисемитами и что настоящим врагом евреев был Хорти. Это, конечно, хорошо согласовывалось с марксистской идеологией, в которой утверждается, что «массы», в отличие от буржуазии и аристократии, на антисемитизм не способны.

сомнениях относительно второй даты, городской совет приказал ее снять. И только значительно позже, после того как имя Валленберга, можно сказать, стало на слуху во всех уголках мира, Иерусалим также «возвел его в новый чин» и назвал улицу в центре западного сектора города «проездом Валленберга». Хотя и эта улица делает Валленбергу немного чести, поскольку это не широкий проспект или тенистый бульвар, а всего лишь короткая улица с односторонним движением, по которой автобусы и такси выезжают на большую и шумную улицу Яффо. Тель-Авив, отчасти благодаря усилиям Томми Лапида, справился со своей задачей успешнее: имя Валленберга в нем носит красивая автострада в городском районе Кирьят-Мада. Имя Валленберга присвоено также клинике, входящей в состав большого муниципального больничного комплекса в Беэр-Шеве; клиника была учреждена и построена не израильянами, а группой бывших венгерских евреев, живущих в Канаде. Она была официально открыта в апреле 1971 года, но с тех пор администрация больничного комплекса, вне всякого сомнения ненамеренно, построила вокруг нее еще несколько корпусов, спрятав таким образом от обозрения мемориальную доску, торжественно открытую некогда делегацией из Канады.

Если бы не усилия одного-единственного израильского журналиста, Нафтали Крауса, выжившего в одном из будапештских гетто, Валленберг израильской общественности остался бы практически неизвестен. В течение многих лет Краус писал о нем в ежедневной газете «Маарив». В 1974 году Краус опубликовал монографию «Рауль Валленберг: человек, умерший много раз», напечатанную очень ограниченным тиражом Институтом диаспоры при Тель-Авивском университете. В единственной опубликованной в Израиле на эту тему работе Краус строго осуждает свою страну за проявленное ей безразличие:

«Народ Израиля знает, как хранить память о своих мучениках и героях, но он не столь щедр к праведникам неевреям, рисковавшим ради спасения евреев своей жизнью. Многие из них, включая тех, кто сложил голову в операциях по спасению, ныне нами совершенно забыты. А это неблагодарность... Что знают евреи о Рауле Валленберге, даже те десятки тысяч людей, которых он спас от неминуемой смерти? И что сделал Израиль, чтобы увековечить память о нем? Ничего. Более того, имя Валленберга по-прежнему остается во мраке, и это уже граничит с позором... Вокруг него сложился заговор молчания... Даже материалы, демонстрирующиеся в Яд Вашем, раскрывают только его деятельность в Будапеште, а не всю последующую его жизнь. Хотя она достойна изучения от начала и до конца».

К сожалению, я могу лишь подтвердить все, прямо и без экивоков сказанное Краусом. Немногие израильяне, включая тех, кто обязан ему своей жизнью, потрудились приехать к мемориальному комплексу Холокоста в Яд Вашем для участия в запоздалой церемонии посадки в честь Валленберга деревца на Аллее Праведников. Почетным исключением среди них был Ласло Самоши, хотя именно он обязан своим спасением не Валленбергу, а только своей энергии и изобретательности. В трогательной религиозной церемонии, предшествовавшей посадке деревца, участвовали также Томми Лапид и Анна Бильдер, отцу которой была уготована та же участь, что и Валленбергу, за одну только дерзость – он заговорил во всеуслышание о шведе, которого встретил в тюрьме в 1975 году. Из Калифорнии приехал Том Лантош вместе с женой Аннетт, благодаря энергичным действиям которой на церемонии присутствовал также американский посол вместе с израильским министром внутренних дел, д-ром Йосефом Бургом, и посланником США, Солом Линовицем, который приехал в то время в Иерусалим для переговоров с правительством Израиля.

Нина Лагергрэн оставалась дома в Стокгольме, ее задержали дела, связанные с деятельностью Комитета Валленберга, и в качестве представителя от семьи выступал Ги фон Дардель. Церемония посадки деревца откладывалась уже много лет – ее не разрешала мать Валленберга. Май фон Дардель считала, что увековечение памяти Рауля в Аллее Праведников было бы равносильно признанию его смерти, с которой она так и не смирилась. После кончины Май в феврале 1979 года, за которой через два дня последовала смерть ее мужа, Нина Лагергрэн и Ги фон Дардель сняли с церемонии запрет матери. Церемония, кстати, израильской прессой

почти не освещалась. Вручая медаль мемориала Яд Вашем профессору фон Дарделю, премьер-министр Израиля Менахем Бегин звенящим голосом произнес: «Еврейский народ легко забывает имена врагов и учиненные ему несправедливости, но имени друга он не забудет... Мы обязаны отдать ему вечный долг благодарности... И будем верить, что он жив, и сделаем все, что можем, чтобы спасти его».

В действительности же правительство Бегина, да и все предшествующие правительства Израиля разрешению дела Валленберга не способствовали никак. За весь период 1948-1967 годов, когда Советский Союз полностью признавал государство Израиль и эти страны имели взаимное дипломатическое представительство, ни одного запроса, ноты или меморандума относительно судьбы Валленберга израильской стороной Советскому Союзу предъявлено не было. Высокопоставленный чиновник МИДа Израиля признался мне в феврале 1980 года после упорных моих допросов: «У нас вообще не заведено на него дело».

В 1982 году правительство Бегина организовало неделю мероприятий в честь Валленберга. План проведения недели включал церемонию посадки дерева, присуждение имени Валленберга детской площадке, выпуск почтовой марки с портретом Валленберга и еще ряд акций, включая речь, в которой один прирученный израильянами шведский политик упомянул имя Валленберга, оправдывая вторжение Израиля в Ливан и осуждая то, что он назвал волной «неоантисемитизма», – т. е. прокатившиеся по миру протесты против агрессивной политики Израиля в отношении Ливана.

Многие, однако, и израильяне, и иностранцы, посчитали использование имени Валленберга для оправдания вторжения глубоко аморальным. Валленберг, с его сочувствием к побежденным и униженным, скорее всего, решительно выступил бы против произвольного уничтожения гражданских лиц во время наступления, предпринятого по приказу министра обороны Ариеля Шарона. Если бы Валленберг был жив и присоединил свой голос к хору протеста, не был бы ли он тоже оболган как «неоантисемит»? Прискорбный каталог случаев официального израильского безразличия к памяти Рауля Валленберга замыкает небольшой, но о многом говорящий постскрипtum. Произошло это совсем недавно, незадолго до выхода в свет настоящего, пересмотренного издания моей книги.

В апреле 1995 года, приехав в Иерусалим для съемок документального фильма, автор этой книги отправился вместе со съемочной группой в мемориал Яд Вашем. Нас ожидало печальное зрелище. Рожковое дерево Валленберга, торжественно посаженное пятнадцать лет назад во время официальной церемонии, погибало – его рост остановился, листья пожухли и выглядели больными. Деревца по обе стороны от него – одно, названное в честь Пера Ангера, и другое, в честь участников норвежского Сопrotивления, – также выглядели не лучше.

Как это могло случиться? Рожковое дерево – неотъемлемая часть флоры Ближнего Востока, и оно способно расти здесь практически без ухода, на каменистых почвах, не нуждаясь в поливе, почти везде. Рожковые деревья хорошо растут на лоне дикой природы и прекрасно чувствуют себя на Кипре в саду у автора этой книги.

Чиновник-распорядитель в Яд Вашем признал, что о плачевном состоянии деревца им известно. Как выяснилось, почва в этой части Аллеи Праведников из-за залегающего под землей большого валуна находится в плохом состоянии. Чиновник пояснил нам, что администрация мемориала обдумывает меры, которые следует предпринять, чтобы существующее положение вещей улучшить, чему препятствует в первую очередь недостаток средств.

Малоубедительное объяснение. Чтобы исследовать состояние почвы, наверное, пятнадцати лет достаточно. И за это время никто из служащих не заметил, что больное деревце Валленберга не выросло ни на один дюйм? Что до ссылок на бедность, то мемориал Яд Вашем щедро и напрямую финансируется правительством Израиля. Судя по обширному штату администрации и обслуживающего персонала, организация эта от недостатка средств чахнет едва ли. Кроме того, она получает значительные пожертвования на различные проекты от еврейских организаций в диаспоре.

Печальная ирония – хотя она и согласуется с тем, как был брошен и забыт Валленберг после совершенного им в Будапеште подвига, – из 2000 деревьев Аллеи Праведников именно его деревце оказалось больным и оставленным без присмотра.

ГЛАВА 21

Зачем русским понадобилось арестовывать Валленберга? Почему они не отпустили его? На первый вопрос дать ответ легче, чем на второй, ибо, по крайней мере, он подразумевает пусть даже извращенную, но хоть какую-то логику.

Оглядываясь назад в прошлое, легко представить себе, почему русские в атмосфере параноидальной истерии, характерной для сталинистской идеологической атмосферы конца войны, могли заподозрить в Валленберге шпиона, работавшего на американцев, или на немцев, или на тех и других одновременно. Его объяснения, что он помогает выжить евреям, в разгар уличных боев в Пеште должны были казаться русским невероятными до абсурдности. Среднему русскому с его антисемитизмом, всосанным с молоком матери, такое объяснение могло показаться противоречащим здравому смыслу и звучало для него тем более подозрительно, что исходило оно от представителя капитализма, который мог бы переждать войну, удобно устроившись в своей нейтральной стране. Впрочем, даже если отрицать антисемитизм русских, концепция бескорыстной гуманитарной работы, выполняемой добровольно, была для советского человека с правдой жизни абсолютно несовместима.

Когда Будапешт пал под натиском русских, в нем началась оргия грабежа, насилия и депортаций, жертвами которых стали и друг, и враг, и нейтрал. Еврейские женщины, пережившие ужасы «маршей смерти», предоставляли свои изможденные тела для систематического насилия «освободившей их» солдатни. Не стали исключением и молодые еврейские мальчики. Полногрудые советские женщины-солдаты вели себя не намного лучше, чем их товарищи.

Ларе Берг, бывший, как и Валленберг, секретарем шведской миссии, рассказывает в своих мемуарах о том, как русские захватили миссию, официально являвшуюся суверенной шведской территорией: они открыли сейф и забрали из него все деньги и ценности. Он также описывает, как они полностью очистили главную контору «Хазай банка», не заметив, однако, пакета, оставленного там Валленбергом, в котором Берг позже обнаружил огромную по тогдашнему времени сумму в 870 000 пенгё в банкнотах ¹.

Что касается арестов и вывоза пленных, описания, оставленные спасенными Валленбергом евреями, могут дать некоторое представление о том, что происходило тогда, в первые дни советской оккупации. «Даже освобожденных русскими евреев арестовывали и отправляли в Сибирь на десять лет, как военнопленных, – вспоминает Томми Лапид. – Они путали евреев, которых спасали, с немцами, которых забирали в плен. И представить себе, чтобы красноармейцы могли отличить белокурого шведа-дипломата (отметим, что Валленберг был брюнет) от переодетого в гражданское немецкого офицера-блондина, значило требовать от них слишком многого».

Ласло Самоши рассказывает, как пять евреев, которые помогали ему в детском доме, были схвачены русскими и брошены в направлявшийся на Восток поезд. Двое из них бежали и рассказывали потом, что их разместили, не делая никаких различий, вместе с группой немецких пленных и повезли в советский лагерь. То же самое чуть было не случилось с Самоши. Он рассказывает, как его и еще 150 человек, многие из которых были евреями, отвели в гостиницу «Британия», где уже содержалось 350 пленных.

На слова Самоши, что он еврей, и на предъявленные им шведские документы русские следователи не обратили никакого внимания. От вывоза из Венгрии его спасло только заступничество знакомого служащего из венгерского Временного правительства. «Если бы не он, со мной могло случиться то же самое, что с Валленбергом», – рассказывает Самоши.

С Ференцем Ховартом, впоследствии профессором механики в Беэр-Шеве, в Израиле, произошло нечто подобное. От немцев его спасли шведские документы Валленберга, но в результате он попал к русским. «Меня взял в плен маленький русский солдатик, чуть не мальчик, который отвел меня к своим очень большим русским братьям. Набрал человек

¹ В пакете находилось также кольцо с «необычно большим бриллиантом» и разрисованная и написанная от руки печатными буквами брошюра, восхвалявшая помощь Валленберга евреям. «Это был, наверное, подарок на Рождество Валленбергу от его помощников и почитателей», – заключает Берг.

двадцать, они отвели нас во двор здания, находившегося примерно на расстоянии километра, где присоединили примерно к тысяче пленных. Никто не знал, что произойдет дальше. Недоумевая, мы простояли там несколько часов. Затем одного за другим людей стали вызывать в комнату, где их допрашивал русский офицер с переводчиком. Я вынул свой шведский паспорт и стал повторять: «Я швед, это написано здесь по-венгерски, это написано здесь по-английски, это написано здесь по-русски... Поэтому, пожалуйста, отпустите меня. Я не еврей. Я швед».

Мои слова настолько им надоели, что они наконец сказали: «Ладно, пошел к черту, ты – швед!» Вот каким образом я оттуда выбрался, но множество людей, находившихся в той группе, в тот же день были вывезены в Россию. Некоторые через год или два вернулись обратно, но были и такие, которые не вернулись совсем».

Ховарту повезло вдвойне. Когда через некоторое время русские обнаружили, что в Будапеште находятся тысячи «шведов», они стали относиться, как вспоминает Ларе Берг, к обладателям шведских паспортов с большим подозрением, чем ко всем остальным, и еще с большей подозрительностью – к самой шведской миссии, которая эти паспорта выдала. «Они задерживали одного за другим всех наших местных служащих – особенно тех, кто работал у Валленберга. Большинство потом отпустили, но по крайней мере один назад не вернулся».

Самые храбрые рассказывали мне потом, о чем расспрашивали их русские. Они задавали вопросы главным образом о шведских дипломатах, о нашей работе, о нашей личной жизни и о наших друзьях. Они хотели знать, кто возглавлял здесь шпионаж в пользу немцев – я или Валленберг? Более других они, как кажется, подозревали Валленберга. Русским, с их понятиями в гуманитарной области, или, скорее, отсутствием этих понятий, казалось невымыслимым, чтобы швед Валленберг приехал в Будапешт всего лишь ради того, чтобы спасти евреев. Он, должно быть, прибыл с каким-то другим заданием».

Стоило Валленбергу попасть на допрос в НКВД, и опасность для него возростала многократно, особенно если бы он поделился со следователями своим планом экономического восстановления Венгрии, что, по своей политической наивности, он мог бы сделать вполне. Одной его фамилии, известной в Северной Европе не меньше, чем фамилия Рокфеллеров в Северной Америке, могло для приговора оказаться достаточно. Валленберга владели в дореволюционной России крупной собственностью, и их обвиняли в оказании помощи белогвардейцам на Украине во время Гражданской войны, последовавшей вслед за переворотом 1917 года.

Вполне возможно также, что советская разведка знала о связях одного из родственников Валленберга с группой немцев, в основном из прусского юнкерства, стремившихся заключить с западными союзниками сепаратный мир, чтобы затем, объединив усилия, выступить против русских.

В эпицентре контактов с западными союзниками находился кузен Рауля Якоб. Член государственной шведской Комиссии по экономическим отношениям с Германией, он довольно часто во время войны ездил в Берлин, где был на короткой ноге с Карлом Гёрделером, в прошлом правящим бургомистром Лейпцига. Гёрделер, прусский монархист старой школы, был, в свою очередь, тесно связан с генералом Людвигом Беком, одно время главой германского Генерального штаба и лидером группы старших офицеров вермахта, которая, по мере того как исход войны стал явно клониться не в пользу Германии, решила, что лучшим окончанием ее было бы избавление от Гитлера. Офицеры организовали несколько безуспешных попыток покушения на его жизнь, кульминацией которых явился взрыв бомбы 20 июля 1944 года, едва не стоивший фюреру жизни.

Если бы одно из покушений оказалось успешным, Гёрделер получил бы тогда место канцлера, занимаемое Гитлером. С 1942 года и до ужасной казни Гёрделера и его братьев-заговорщиков в 1944 году ¹ Якоб Валленберг служил каналом связи между заговорщиками и западными союзниками: именно через него немцы передавали свои подробные предложения британскому лидеру, Уинстону Черчиллю. Если русская разведка знала о существовании связи между членом семейства Валленбергов и немецкими «реакционерами», с одной стороны, и англо-американским руководством, с другой, это сильно осложнило судьбу

¹ По приказу Гитлера заговорщиков повесили на струнах от пианино, зацепив струны на крюки для мясных туш; оператор снимал агонию повешенных для последующего удовольствия фюрера.

Рауля Валленберга.

Вполне возможно, советская разведка об этих контактах знала в связи с крайне опасными и губительными для группировки Гёрделера – Бека переговорами с немецким коммунистическим подпольем, в которые она вступила незадолго до попытки покушения на Гитлера 20 июля 1944 года. Не послушавшись предостережений Гёрделера и других более опытных заговорщиков, социалистическое крыло группировки хотело установить связь с коммунистами в надежде разузнать, какие действия те предприняли бы, если бы путч удался, и можно ли было бы в таком случае рассчитывать на их поддержку.

До той поры связь между двумя с недоверием относившимися друг к другу группировками практически не поддерживалась. Коммунистическое подполье рассматривало Гёрделера, Бека и их компанию лишь как ненамного меньшее зло, чем сами нацисты, которых Гёрделер и Бек хотели бы заменить. Успех заговора генералов с коммунистической точки зрения мог предотвратить возрождение из обломков Третьего рейха коммунистической Германии. Тем не менее коммунисты согласились на встречу, хотя бы ради того, чтобы узнать, что задумала противная сторона, и 4 июля социалисты Юлиус Лебер и Адольф Райхвайн встретились с коммунистами Францем Якобом и Антоном Сэфковым, которые привели с собой третьего товарища, известного под именем Рамбов¹.

Русские использовали немецкое коммунистическое подполье главным образом как свою разведывательную сеть. Можно лишь гадать, насколько подробные донесения о деятельности группы Бека – Гёрделера они передавали в Москву и включали ли эти подробности сведения о посреднической роли Якоба Валленберга. В определенном смысле Рауль Валленберг все же быламериканским агентом: ведь он передавал свои сообщения одному из государственных учреждений США, которое его деятельность финансировало. Валленберг вполне мог по наивности рассказать русским об этом тоже, в то время как захватившие его люди вряд ли обратили бы внимание на то обстоятельство, что американцы в этой войне были их союзниками. При этом русские не придали бы никакого значения тому, на какое ведомство он работал – гуманитарное или разведывательное.

Действительно, по крайней мере один известный документ, относящийся к миссии Валленберга, опасно напоминает по стилю донесения, более типичные для деятельности «рыцарей плаща и кинжала», каким бы невинным ни являлся его истинный смысл. 3 августа 1944 года Стеттиниус отправил в посольство США в Стокгольме для передачи Иверу Ольсену, представителю УВБ, следующее:

«Попросите Валленберга лично встретиться с Феликсом Сентирмаи, проживающим по адресу: Будапешт, ул. Семлехедь, д. 10, тел. 358-598, и устно сообщить ему, что от друга в Лос-Анджелесе Валленберг слышал о Юджине Богданфи, с которым сам Валленберг лично не знаком. Подтверждая подлинность своего послания, Валленберг должен сослаться на следующую, имеющуюся в наличии у Сентирмаи собственность: рубиновые запонки Богданфи и его карманные часы, меховое пальто госпожи Богданфи, золотой браслет и брошь с зелеными камнями. Валленберг должен также выразить озабоченность Богданфи благополучием Микки. Валленбергу следует уведомить Сентирмаи, что, по мнению Богданфи, Сентирмаи, возможно, скоро придется съездить в Швейцарию, поэтому он предлагает ему немедленно начать оформление визы. Богданфи хочет, чтобы ко времени, когда Сентирмаи отправится в Швейцарию, он знал положение с наличными на всех предприятиях, как свои пять пальцев. Следует также предупредить Сентирмаи, чтобы он относился к переданной ему информации как к строго конфиденциальной. Валленбергу не следует сообщать Сентирмаи о причинах, по которым его попросят

¹ Рамбов оказался информатором гестапо, внедренным в красное подполье шефом гестапо Генрихом Мюллером, о котором уже шла речь ранее. Лебер, Райхвайн и Сэфков были впоследствии арестованы и казнены. Мюллер, хладнокровный и бесстрашный убийца, по отзывам очень уважавший методы советской секретной полиции, после краха нацистской Германии схвачен не был. Его в последний раз видели в бункере Гитлера 29 апреля 1945 года, и некоторые из выживших его помощников считают, что он перешел к русским и стал работать на столь уважаемое им НКВД. Это, конечно, всего лишь домыслы, но можно представить себе, с каким чувством он узнал бы, что враг его бывшего подчиненного Эйхмана является теперь пленником его новых хозяев.

съездить в Швейцарию (о них речь ниже), или же о заинтересованности управления этим вопросом.

Для вашей информации: Богданфи – это венгр, живущий в Лос-Анджелесе, он имеет значительные интересы в нескольких крупных предприятиях, менеджером которых является Сентирмаи. Швейцарский «Юнион банк» является доверительным собственником Богданфи; последний попросит Сентирмаи съездить в Швейцарию с целью обсуждения некоторых деловых проблем. Цель проекта – обеспечение адекватного источника получения пенгё по причине блокирования франков и долларов, а также обеспечение сотрудничества с лицом ¹ (поименованным в параграфе 3 донесения 1426 от 17 июля, УВБ 55), с которым Богданфи и Сентирмаи знакомы.

Если по какой-нибудь причине вы сочтете дальнейшее сотрудничество с упомянутым лицом или с Сентирмаи невозможным, оповестите об этом управление и попросите Валленберга воздержаться от посещения Сентирмаи, пока управление не сочтет подобный контакт необходимым».

19 августа посол Джонсон ответил, что соответствующее послание будет лично вручено Валленбергу Пером Ангером, который возвращается в Будапешт через неделю, поскольку «передавать сообщения такого характера по шведским дипломатическим каналам было бы нежелательно». Что касается последнего, Джонсон был абсолютно прав. Стокгольм, как и все другие столицы нейтральных стран, во время войны кишел шпионами, и даже менее параноидально настроенная разведка, чем русская, сочла бы получателей таких сообщений персонами, представляющими для нее значительный интерес.

Согласно Павлу Судоплатову, отставному высокопоставленному заплечных дел мастеру из КГБ, мемуары которого, опубликованные в 1994 году, вызвали значительный интерес, Советский Союз мог интересоваться Валленбергом еще по одной причине. Судоплатов предполагает, что, успешно использовав банкиров-кузенов Валленберга в качестве посредников в мирных переговорах с Финляндией, Сталин и его приспешники хотели навязать Раулю похожую роль. По их замыслу, он мог бы стать агентом влияния, на что его следовало заставить пойти в результате принудительной или добровольной вербовки. Судоплатов предполагает далее, что, когда Валленберг отказался сотрудничать, советское правительство приказало казнить его.

Учитывая все эти факторы, неудивительно, что Валленберг был доставлен в Москву силами НКВД. По-видимому заметив в самые первые дни недостаточную заинтересованность, проявляемую шведскими властями к его судьбе, русские тоже не торопились выпускать его из своих рук, принимая шведское безразличие за молчаливое признание того, что в Стокгольме известно: дела Валленберга приняли скверный оборот. Гораздо труднее понять другое – почему русские продолжали удерживать Валленберга уже после того, как Швеция показала, что в действительности она всерьез озабочена его судьбой, не говоря уж о более позднем времени, когда его дело превратилось в заметный раздражающий фактор в отношениях между странами. Вероятнее всего, русские совсем не намеревались портить отношений со Швецией, для того не было никаких причин. В действительности хорошие отношения со Швецией были Советскому Союзу полезней. По-видимому, к тому времени запустить машинерию ГУЛАГа в обратном направлении было уже невозможно.

Некоторые знатоки кремлевской политики, большинство русских диссидентов советского времени и эмигранты считают, что рассуждать подобным образом, значит, не понимать столь характерной для поведения советских властей алогичности. «Не ищите замыслов, – говорят они, – не ищите целей, из-за которых они держали его! Ищите другое – причины, которые могли бы вынудить их пойти на хлопоты по его освобождению». Возможно, недовольство шведов не было в этом смысле причиной достаточной, в то время как алогичность действий СССР подтверждается следующим общепризнанным фактом: из СССР в Израиль и США эмигрировали тысячи высококвалифицированных еврейских ученых и инженеров – при этом многие из них работали ранее над секретными государственными проектами, – в то время как другим евреям, скромным портным, сапожникам и канцелярским служащим, в выезде

¹ Им являлся Отто Браун, описанный в данном донесении как «немец, живущий в Будапеште и располагающий средствами, необходимыми для предоставления убежища и организации побега».

отказывали. Предположим, однако, что в действительности в июле 1947 года, в противоположность тому, что утверждает Кремль, Валленберг ни от сердечного приступа, ни от пыток, ни от пули не умер. Что могло заставить удерживать его в качестве необъявленного преступника десятилетиями, о чем свидетельствуют озадачивающие многочисленные косвенные данные? Ответ может быть прост: у русских существует традиция, восходящая к временам, намного более древним, чем коммунистическая эра, – хоронить людей в карательной системе заживо, а не просто казнить их. Замечательная череда заключенных от Достоевского до Солженицына – только лишнее тому подтверждение.

ГЛАВА 22

В августе 1989 года власти СССР по собственной инициативе произнесли наконец слово из десяти букв, одно упоминание которого другими прежде навлекало на них проклятье. Это слово – Валленберг.

В высший момент расцвета политики гласности президент СССР, реформировавший страну, приказал своему послу в Стокгольме пригласить в Москву Нину Лагергрэн и Ги фон Дарделя, чтобы обсудить с ними дело их сводного брата. Эта новость прозвучала сенсацией, возбудив предположения о скором прорыве в переговорах – возможно, даже появлении на сцене главного действующего лица.

Соответственно, рой журналистов, представлявших как советские, так и иностранные органы печати, приветствовал сводных брата и сестру Рауля Валленберга, когда они в сопровождении Пера Ангера и Сони Сонненфельд, секретаря Комитета Валленберга, прибыли в Москву 15 октября. На следующий день делегация встретила с заместителем председателя КГБ Владимиром Позняковым и заместителем министра иностранных дел Валентином Никифоровым. То, что предложили ей русские, вызвало большой интерес, но в конечном итоге разочарование. Родственникам Валленберга передали его дипломатический паспорт, небольшую сумму денег, которую он имел при себе во время ареста, портсигар и несколько записных книжек. Эти вещи, как заявили советские представители, были случайно найдены за несколько недель до приезда делегации, что, на взгляд скептиков, казалось удивительным совпадением.

«Это невероятно, все эти вещи... – говорила позже Нина Лагергрэн. – Я думала, они хотят предложить что-то большее. Говорят, что русские не уничтожают личные дела и документы. Они, наверное, до сих пор лежат где-нибудь в КГБ».

Русские предложили всеобщему вниманию оригинал записки давно умершего тюремного врача Смольцова, в котором сообщалось о смерти Валленберга от сердечного приступа в июле 1947 года. Записка была подвергнута тщательной экспертизе, проверенной шведскими судебными экспертами, установившими, что чернила и бумага действительно относились к 1940-м годам. Тем не менее настоящее свидетельство о смерти или другие заменяющие его документы отсутствовали, а сама записка была написана от руки не на официальном бланке, а на листке бумаги.

Делегация отказалась признать этот документ как юридически обоснованное доказательство смерти Валленберга, и русские согласились, что за отсутствием более ответственной документации юридически аутентичным такое свидетельство, конечно же, признано быть не может. Действительно, некоторые бывшие чины КГБ в частном порядке высказывали мнение, что записка Смольцова могла быть специально изготовленной властями того времени фальшивкой – весьма правдоподобное предположение, поскольку указанная в ней причина смерти молодого и здорового заключенного выглядела довольно странной. Тем не менее помощник Горбачева по связям со средствами массовой информации Геннадий Герасимов настаивал, что смерть Валленберга в 1947 году является «неоспоримым фактом», хотя и результатом «трагической и непоправимой ошибки».

Делегация покинула Москву, убежденная, как и прежде, что, в силу отсутствия юридически убедительного свидетельства о смерти, Валленберг должен считаться живым, хотя в то же время у членов делегации сложилось мнение, что советские власти скорее не могли, чем не хотели подобный документ предъявить. Такой остается позиция участников делегации и по сей день. И какой бы сомнительной она в настоящее время ни казалась, она также остается

официальной позицией правительств Швеции и США, хотя трудно представить себе, чтобы хоть кто-нибудь из высших чиновников обеих стран мог серьезно поверить в то, что где-нибудь в глубинах России еще жив дряхлый восьмидесятилетний старец, считавший себя некогда Раулем Густавом Валленбергом.

Несмотря на разочаровывающий итог московского визита, у защитников дела Валленберга сложилось впечатление, что желание русских содействовать поискам было искренним. В еще большей мере эта тенденция укрепилась после неудачной попытки путча, предпринятой против Горбачева в августе 1991 года, которая привела Советский Союз к окончательному развалу. Как заявил ставший впоследствии министром внутренних дел Вадим Бакатин: «Мы не знаем точных фактов судьбы Рауля Валленберга, но считаем, что препятствовать их расследованию означало бы занимать неправую историческую позицию».

После встречи в Москве в октябре 1989 года для дальнейшего расследования судьбы Валленберга была создана международная комиссия, состоящая из пяти русских и пяти западных участников. Председателем комиссии стал канадский юрист по гражданскому праву Ирвин Котлер, в то время как единственным американцем в ее составе был профессор Чикагского университета Марвин Макинен, сам когда-то в 1960-х годах бывший советским заключенным. Усилиями комиссии были найдены еще некоторые важные, хотя и не отвечающие на все вопросы документы. Один из них – это списки кремированных в 1947 году. Имя Валленберга в них не значится.

Другие документы включают в себя регистрационные тюремные журналы Лубянки – с вымаранными именами Валленберга и его шофера Вильмоша Лангфельдера¹, эти записи были восстановлены после развала Советского Союза, они представляют собой отметки о трех допросах Валленберга и о пяти – Лангфельдера.

Эти же записи приводятся в корреспонденциях, направленных в октябре 1992 года английским историком лордом Николасом Бетеллом в воскресный английский еженедельник «Обсервер» как доказательство того, что Валленберг действительно, в полном соответствии с утверждениями советских представителей, умер в июле 1947 года. Из корреспонденции Бетелла явствует, что Валленберг был допрошен летом 1946 года и весной 1947 года подполковником НКВД Дмитрием Копелянским. Копелянский, выслеженный «Обсервером» до его квартиры на Тверской улице (бывшая улица Горького), утверждал в телефонном интервью, что он «никогда не видел этого человека (Валленберга)». И хотя журналы свидетельствуют о том, что он лжет, дату последнего допроса Валленберга Копелянским 11 марта 1947 года отделяют от даты его предполагаемой смерти более чем четыре месяца. Поэтому связь между этими событиями ни в коем случае не является установленной и утверждение Бетелла, что Копелянский «мог быть причастен к его (Валленберга) убийству», является всего-навсего умозрительным предположением.

Не более чем предположениями, хотя и основанными на знании обстановки, смогли поделиться с Бетеллом и все проинтервьюированные им российские официальные лица, поскольку папка с личным делом Валленберга пропала, а единственный человек, который мог знать правду, Копелянский, молчит. Впрочем, согласно Бетеллу, официальные власти не особенно побуждали его к открытости. Как сообщил Бетеллу Алексей Кондауров, представитель Министерства безопасности по связи с общественностью: «У нас нет причин считать, что он может сообщить нечто большее, чем уже сказал».

С интригующим видом Бетелл сообщает далее, что Копелянского охраняют. Это кажется странным, поскольку Копелянского вычистили из секретных служб еще в 1952 году, по-видимому из-за еврейского происхождения, – вот, кстати, еще один из иронических мотивов, которыми так богато дело Валленберга. И все же, спрашивается, с какой стати стал бы охранять его режим, отказавшийся от своего коммунистического прошлого и раскрывший в процессе разрыва с ним тайны намного более страшные, как, например, бойню в Катынском лесу? «Обсервер» нерешительно отвечает на этот вопрос утверждением, что Копелянский якобы является хранителем «тайны, которую Россия стремится в одно и то же время и похоронить и

¹ В 1957 году Кремль официально уведомил правительство Венгрии, что Лангфельдер умер в тюрьме на Лубянке в марте 1948 года. Как и в случае с Валленбергом, указанная естественная причина смерти представляется крайне невразумительной. До ареста Лангфельдер отличался отменным здоровьем.

раскрыть».

По последним сведениям, Копелянский до сих пор жив, сейчас ему, должно быть, семьдесят шесть, и его здоровье оставляет желать много лучшего. По-видимому, большую часть того, что он знает о деле Валленберга, он заберет с собой в могилу, если только в конце концов в нем не заговорит его еврейская совесть и он не выступит на смертном одре с какими-нибудь признаниями.

Тем временем основная линия, проводимая Кремлем в расследовании дела Валленберга, лучше всего суммируется следующими словами Алексея Кондаурова, обращенными к лорду Бетеллу: «Я не могу отрицать, что Валленберг был убит на Лубянке. На самом деле, я думаю, все так и было. Но, насколько я знаю, никаких документов, которые бы подтверждали это, не существует».

Еще большую порцию предположений, исходящих из советского аппарата, содержат мемуары старого сотрудника КГБ Павла Судоплатова, опубликованные им в 1994 году. Одна глава книги почти полностью посвящена делу Валленберга, и в ней также упоминается Копелянский как следователь Валленберга, хотя смерть подопечного Копелянскому не вменяется. Вместо этого в главе, не уступающей в выразительности перу Иена Флеминга, Судоплатов представляет нам профессора Григория Моисеевича Майрановского, главу сверхсекретного отдела, известного под названием «Лаборатория X». Согласно Судоплатову, Майрановский возглавлял группу НКВД, занимавшуюся токсикологическими исследованиями, и, «похоже, Валленберг был переведен в спецкамеру «Лаборатории X», где ему сделали смертельную инъекцию яда под видом лечения.

Можно спорить, имеет ли значение то, как именно был убит Валленберг, но граничащий с колдовским метод, описанный Судоплатовым, определенно ставит под сомнение правдоподобность всей рассказанной им истории. Невольно задаешься вопросом, почему для того, чтобы убить Валленберга, сочли необходимым прибегнуть к инъекции яда, в то время как выстрел в затылок, более привычный метод, оказался бы проще и намного быстрее? Ведь поскольку тело все равно подлежало кремации и остававшийся от него пепел ссыпался в общую могилу, что было, по словам Судоплатова, обычной в те времена практикой, кто впоследствии мог бы обнаружить в способах убийства какую-нибудь разницу?

Рассекреченный, но когда-то тщательно скрываемый документ, цитируемый Судоплатовым в качестве свидетельства, доказывающего, что Валленберг был умерщвлен в июле 1947 года, – это письмо от заместителя министра иностранных дел Вышинского своему начальнику Молотову, датированное 13 мая 1947 года. В нем Вышинский просит Молотова «обязать» министра государственной безопасности «тов. Абакумова представить справку по существу дела (Валленберга) и предложения о его ликвидации».

Возникает хитроумный вопрос языкового свойства. Что имел в виду Вышинский – ликвидацию дела или заключенного? Даже среди русских знатоков официозного советского языка мнения по этому вопросу расходятся. Судоплатов в этом случае уверенно пишет, что для него «нет сомнений в зловещем смысле последних слов Вышинского. Он не предлагает закрыть дело (тогда была бы другая формулировка – «прекратить дело»), а почти «требует», чтобы Абакумов представил предложения об уничтожении Валленберга как нежелательного лица для советского руководства».

Как бы то ни было, следует указать, что в ряде случаев, не касающихся дела Валленберга, абсолютно надежным источником считать Судоплатова не приходится. Примером тому служат весьма убедительно опровергнутые его сенсационные утверждения о том, что Роберт Оппенгеймер, Нильс Бор и другие участники Манхэттенского проекта передали секреты изготовления атомной бомбы Сталину. Что же касается Валленберга, то, подобно многим другим авторам, утверждавшим, что им удалось раскрыть тайну его исчезновения, Судоплатов не приводит никаких подтверждающих его теорию документов. Соглашаясь, что ключевая в деле папка с документами пропала, Судоплатов пишет, что он уверен: где-то в Кремле – в разделах Молотова или Хрущева в Президентском архиве или в архивах Министерства государственной безопасности, – где-то там должно лежать избежавшее уничтожения письмо, содержащее голую правду.

В расследовании дела Валленберга все перечисленные Судоплатовым хранилища были

тщательно проверены независимыми исследователями, но ни в одном из них решающий документ найден не был. Когда я через одного коллегу в Москве стал договариваться о проведении подобных же поисков, мне сказали: «Не тратьте денег и времени. Все уже проверено и перепроверено, там ничего нет».

Так что в конечном итоге все «открытия» Судоплатова, в сущности, известны по другим опубликованным источникам и не содержат ничего нового, кроме одного – утверждения, что Валленберг умер от инъекции яда, сделанной ему зловещим начальником «лаборатории X». А эта история далека от убедительности.

За время своей работы члены международной комиссии перебрали десятки тысяч регистрационных тюремных карточек: они надеялись обнаружить следы местопребывания Валленберга за пределами его последнего официально признанного места заключения – тюрьмы на Лубянке. В процессе поиска обнаружилось, что многим заключенным-иностранцам давались подложные имена или же им присваивались номера без имени. Это делает поставленную задачу еще труднее. «Если такое случилось с Валленбергом, – говорили члены комиссии, – отыскать его карточку и, значит, узнать о постигшей его судьбе будет почти невозможно».

Мы вправе спросить: что же следует из этой мучительной тайны? Исключая возможность, что Валленберг по-прежнему жив, и оставляя ее только для истинно верующих, мы наверняка придем к заключению, что он погиб, хотя не в тот момент, на который указывали советские власти, и уж точно не от сердечного приступа. Все вопросы, когда, как и где он встретил свою смерть, по-видимому, останутся без ответа, так же как неразгаданной останется тайна, почему и кем была изъята или уничтожена папка с его личным делом.

Но мы обязаны – памяти Валленберга и истории – искать ответы на эти вопросы. Вот почему непрекращающиеся усилия тех, кто упорствует в таких поисках, заслуживают нашей полной поддержки и одобрения, даже если мы не разделяем их веру в то, что Валленберг до сих пор жив.

И еще... Даже скептиков и неверующих одолевает время от времени мучительное сомнение – а вдруг существует один шанс из миллиона, что он все-таки жив. Валленберг определенно заслужил право на такой шанс.

Палко Форгац, один из десятков тысяч, спасенных им от газовой камеры, сказал после войны:

«Он был более велик, чем герои древности. Он творил добро не во благо человечества, а просто ради добра. Он никогда ничего не требовал и не ждал благодарности за то, что делал. Он знал, что люди слабы и ничтожны, и не стремился сделать их лучше. Он только хотел им помочь».

РАУЛЬ ВАЛЛЕНБЕРГ

Отчет шведско-российской рабочей группы

Отчет печатается с небольшими сокращениями, не касающимися существа предмета. Изъяты подразделы «Хронология первого этапа дела Рауля Валленберга» и «Перечень изменений в хронологическом порядке в органах госбезопасности в 1944 – 1957 гг.». В разделе «Литература» все ссылки даны на языках оригиналов. Именной указатель составлен для книги в целом, имена даются в написании, традиционном для русского языка. Заключительный раздел содержит лишь некоторые, наиболее важные документы.

Полный текст см.: Рауль Валленберг: Отчет шведско-российской рабочей группы. – Стокгольм, 2000. – (Министерство иностранных дел Швеции).

I

ВВЕДЕНИЕ

Это отчет о том, что выяснилось по делу Рауля Валленберга в результате деятельности

шведско-российской рабочей группы, которая в сентябре 1991 г. получила задание изучить вопрос о его судьбе. Данные базируются в основном, но не исключительно, на той информации, которая поступила из российских источников. Цель состояла в достижении полной ясности в вопросе о судьбе Рауля Валленберга. К сожалению, несмотря на весьма обширные исследования, особенно в российских архивах, достичь такой ясности было невозможно. Поэтому это дело не может быть сдано в архив, а отчет не называется окончательным.

Однако правомерно после столь продолжительного периода работы, как девять лет, подвести некоторые итоги. На основе найденных документов и полученных свидетельств здесь приводятся также размышления о судьбе Рауля Валленберга, которые все же следует охарактеризовать скорее как гипотезы с большей или меньшей степенью вероятности. Эти отчасти гипотетические рассуждения на фоне современной российской действительности не могли не придать отчету несколько иной характер по сравнению с Белой книгой 1957 г. (сборником документов), которая основывалась на юридически строгих свидетельствах, которые, как считается, имеют доказательную силу и в суде. Доказательства, исключая любые возможные сомнения, являются именно тем требованием, которое необходимо для того, чтобы вынести определенное заключение о судьбе Рауля Валленберга.

Речь не идет о совместном шведско-российском отчете. Каждая из сторон сделала свой собственный отчет, поскольку это представляется наиболее практичным способом действия, предполагающего последующие длинные рассуждения. Безусловно, однако, что в тексте учитывалась российская точка зрения: она большей частью принималась во внимание, равно как и шведская точка зрения в российском тексте.

Значительная часть содержания отчета уже обнародована, поскольку рабочая группа с самого начала приняла решение действовать открыто. В частности, подавляющее большинство найденных российских документов уже опубликовано. Это решение имело и отрицательные последствия, особенно в связи с тем, что многие опрошенные люди не могли различать то, что они сами пережили и прочли в газетах или опубликованных документах. С другой стороны, было бы трудно сохранять статус секретности в течение длительного времени, и группа также не хотела создавать впечатления засекреченности. Однако некоторые документы, как и результаты целого ряда интервью, взятых у бывших сотрудников советских органов госбезопасности, в этом отчете публикуются впервые.

Значителен объем написанного о Рауле Валленберге в течение многих лет. Это отдельное дело, которое занимает наибольшее место в архиве Министерства иностранных дел Швеции. МИД Швеции публиковал Белые книги в 1957-м и 1965 гг., а в 1980-1982 гг. обнародовал около 90% документов, охватывающих период с 1944 по 1969 гг., из архива Валленберга в Министерстве иностранных дел. В 1997 г. были дополнительно рассекречены многие документы, в том числе все, относящиеся к периоду до 1970 г. Кроме того, в 2000 г. обнародовано значительное число документов, относящихся к периоду 1971 – 1991 гг. О Рауле Валленберге написано много книг (см. список литературы).

В 1994 г. перестали быть секретными многие американские официальные документы о Рауле Валленберге. В 2000 г. были дополнительно рассекречены американские документы, некоторые из которых, возможно, связаны с Раулем Валленбергом. Несмотря на то что их изучение еще не закончено, некоторые из этих документов представляют интерес в связи с темой, и часть из них рассматривается в отчете. Было высказано мнение, что краткое резюме о деятельности Рауля Валленберга в Будапеште также должно войти в отчет, хотя о ней в основном известно уже давно.

Рабочая группа выражает большую благодарность всем, кто помог получить материалы о Рауле Валленберге. Со шведской стороны эта благодарность выражается прежде всего российским членам совместной рабочей группы, а также многочисленным служащим российских архивов, которые приложили много труда при выполнении этой работы. Следует заметить, что работа в архиве сама по себе часто требует много времени. Рабочая нагрузка на ключевые фигуры в течение последних лет была и без этого очень велика, в особенности из-за того, что работа проходила в интенсивный и переломный период политического развития России. В свою очередь, это развитие создало предпосылки для того, чтобы подобная работа вообще могла состояться. Поэтому неудивительно, что многие исследования, ставящие целью

решение исторических загадок, проводились одновременно и зачастую с решающим участием одних и тех же экспертов. Это является одним из объяснений того, что работа затянулась.

Не будет преувеличением утверждать, что исследование вопроса о Рауле Валленберге открыло новые пути, когда речь идет о доступе в российские архивы. Удалось ознакомиться с уникальными фактами, и многие служащие российских архивов посчитали для себя почетной обязанностью внести полноценный вклад в эту работу. Заведующий российским архивом сказал еще на ранней стадии, что дело Валленберга имеет большое значение для развития архивоведения. Вместе с тем, как уже было сказано, было трудно найти достаточно документов. Дело оказалось крайне сложным, совершенно загадочным и во многом уникальным.

Также выражается благодарность всем представителям властей, частным лицам и журналистам в различных странах, которые тем или иным способом способствовали расследованию. Не в последнюю очередь следует назвать членов общества «Мемориал» в Москве, например Арсения Рогинского, Никиту Петрова и Геннадия Кузовкина, которые оказали неоценимую помощь в работе. Свен Г. Хольтсмарк из Норвежского военного института по исследованию проблем обороны дал ценные комментарии и отзывы на документы, относящиеся к Валленбергу и находящиеся в архиве Министерства иностранных дел России.

Мы надеемся, что публикация и распространение этого отчета на трех языках – шведском, русском и английском – сможет привести к дальнейшему продвижению или появлению новых данных. Рекомендации на будущее даются в разделе XIV.

II

ПЛАНИРОВАНИЕ И ПРОВЕДЕНИЕ РАБОТЫ

Совместная шведско-российская рабочая группа начала свою деятельность в сентябре 1991 г., примерно через месяц после провалившегося августовского путча в Москве. Однако есть и предыстория. Со времени исчезновения Рауля Валленберга не только шведское правительство, но и прежде всего мать Валленберга Май фон Дардель, брат Ги фон Дардель и сестра Нина Лагергрэн, как и много других занимавшихся этим делом частных лиц, приложили немалые усилия для выяснения его обстоятельств. Эти люди были связаны с Министерством иностранных дел Швеции и во многих случаях обращались с заявлениями как к российским, так и к шведским властям. Комитет Рауля Валленберга во главе с Соней Сонненфельд в течение ряда лет предпринимал неофициальные усилия по сбору данных о Рауле Валленберге.

В Советском Союзе в результате политики перестройки и гласности средства массовой информации начали более открыто обсуждать вопрос о судьбе Рауля Валленберга еще в 1989 г. В частности, по советскому телевидению была показана его фотография. В свою очередь, это привело к тому, что в Советском Союзе стало появляться все больше свидетелей; особенно это касалось бывших военных, которые видели Валленберга еще во время вступления в Будапешт в январе 1945 г.

Одновременно стало проще более объективно обсуждать этот вопрос с советскими официальными представителями, хотя они в основном придерживались версии 1957 г., а именно, что Рауль Валленберг умер от инфаркта в тюрьме на Лубянке 17 июля 1947 г., базирующейся на рапорте тюремного врача Смольцова министру госбезопасности Абакумову.

В октябре 1989 г. высокопоставленные сотрудники Министерства иностранных дел СССР и КГБ пригласили представителей семейства Валленбергов и «Общества Валленберга» в Москву и передали им многие предметы, которые принадлежали Раулю Валленбергу. В частности, его паспорт, карманный календарь (который содержал интересный список адресов в Будапеште), денежные купюры в различных валютах и тюремную регистрационную карточку – вещи, которые, согласно сообщению советской стороны, были недавно найдены в подвальном помещении архива КГБ при проведении ремонта. Шведским посетителям был также показан оригинал рапорта Смольцова. Во время пребывания в Москве Ги фон Дарделю и Соне Сонненфельд была предоставлена возможность посетить Владимирскую тюрьму.

В 1990 г. международная комиссия во главе с братом Рауля Валленберга профессором Ги фон Дарделем получила возможность, прежде всего благодаря любезности министра внутренних дел Бакатина, просмотреть картотеку Владимирской тюрьмы, а также архивные

досье на некоторых иностранных заключенных. Представляющие интерес регистрационные карточки были сняты на видеокамеру, скопированы и систематизированы. Какой-либо карточки Рауля Валленберга не было найдено, но было подтверждено, что большинство лиц, которые давали свидетельские показания, в первую очередь в 50-х годах, приводили в основном правильные данные о месте и времени своего пребывания в тюрьме.

В течение 1990-го и первой половины 1991 г. были и другие контакты между представителями шведских и советских властей. В частности, занимавший в то время пост председателя КГБ Крючков принял посла Швеции Эрьяна Бернера и обещал, что все работавшие в КГБ, которые имели какую-либо информацию о деле Рауля Валленберга, будут освобождены от обязательства о нераспространении сведений.

Весной 1991 г. Министерство иностранных дел СССР и КГБ на встрече с послом Швеции предложили создать совместную рабочую группу с участием официальных представителей обеих стран с целью получения большей информации о Рауле Валленберге на основе специфических и точно определенных вопросов.

После попытки переворота 19-21 августа события пошли быстро. Новый председатель КГБ Бакатин уже через несколько дней после своего назначения принял шведских представителей и смог тогда передать новые документы, которые, вероятно, были найдены намного раньше. Он дал указание об интенсификации поисков, и мы достигли соглашения о создании совместной рабочей группы. Затем работа с российской стороны стала проводиться в соответствии с указом Президента СССР, а также по поручениям руководителей соответствующих структур власти. Впоследствии Президент России дал новые инструкции. То, что такие инструкции действительно давались и были нацелены на достижение полной ясности, подтверждалось многими людьми в органах власти. Например, в 1993 г. из администрации президента Ельцина поступило указание Министерству безопасности интенсифицировать поиски. Рабочая группа имеет также доказательства того, что президент Ельцин был в курсе дела о ходе поисков.

Российскую сторону в рабочей группе представляли сотрудники Министерства иностранных дел (как Второго европейского отдела, так и архива), КГБ и, соответственно, его наследников – МБ и ФСК/ФСБ, Министерства внутренних дел и Министерства обороны: Сергей Журавлев, Владимир Соколов, Виктор Татаринцев, Константин Косачев и Вячеслав Тучнин (МИД – все они были поочередно председателями), Владимир Виноградов, Андрей Зиборов и Александр Козлов (ФСБ), Валерий Филиппов (МО), а также Константин Никишкин (МВД). Иногда принимали участие представители других органов власти, а также «независимый» представитель российского парламента Николай Аржанников и члены общества «Мемориал».

Тесные контакты поддерживались также с бывшими сотрудниками администрации президента Ельцина генералом Дмитрием Волкогоновым (ныне покойным) и заведовавшим российскими архивами Рудольфом Пихоя, а также с бывшим заведующим особого архива Анатолием Прокопенко.

Шведскую сторону представляли сотрудники Министерства иностранных дел (Ханс Магнуссон – председатель, Мартин Халлквист, Ян Лундвик, Бьерн Люрвалл, Кристер Вальбек и Лаге Ульсон) и посольства в Москве, а также профессор Ги фон Дардель и в качестве консультанта бывший руководитель полиции Швеции Карл Перссон. Кроме них, в большей части встреч принимал участие эксперт из США д-р Марвин В. Макинен. С самого начала Швеция зарезервировала за собой право привлекать независимых экспертов и при этом следует особо отметить вклад, который оказали Сузан Месинаи из проекта АРК, Сузанне Бергер и Ари Каплан (информационный аналитик). Историк, профессор Кристиан Гернер помог изучить документы Министерства иностранных дел России. Даниэль Ларссон принял участие в окончательном редактировании отчета.

В большинстве случаев обсуждалась также возможность участия советской/российской прокуратуры. В первый раз, когда это произошло, констатировалось, что ответственность за изучение вопроса была возложена на КГБ, а срок давности преступления истек. Впоследствии высказывались и другие мнения, но было решено, что вряд ли удастся достичь каких-либо серьезных преимуществ, используя иные способы действий. В настоящее время Главная

военная прокуратура РФ по личной инициативе Ги фон Дарделя все же начала дело о реабилитации. Затем рассматривалась возможность позволить одной из комиссий по реабилитации жертв репрессий или по правам человека, которые возникли после 1991 г., взять на себя изучение вопроса полностью или частично. Эта альтернатива была также не использована по различным причинам. Тем не менее в первые годы рабочей группе была оказана помощь со стороны Комиссии по правам человека под руководством Сергея Ковалева и Комиссии по реабилитации жертв репрессий под руководством Александра Яковлева. Безусловно, вопрос о судьбе Рауля Валленберга поднимался во время всех двусторонних контактов на высоком уровне, и в совместной декларации, которую подписали президент Ельцин и премьер-министр Билдт в феврале 1993 г., говорилось, что надо работать для достижения полной ясности. Кроме того, в этом приняли участие президент США Клинтон и бывший канцлер Германии Коль, а также генеральный секретарь ООН Кофи Аннан и ведущие представители властей Израиля.

В течение девяти лет, которые прошли с начала работы, рабочая группа пятнадцать раз собиралась на официальные встречи. Кроме того, много неформальных встреч проходило в более узком кругу.

Уже с самого начала члены рабочей группы договорились планировать работу по трем основным направлениям. Первое из них включало изучение важнейших российских архивов. Документы из шведских архивов предоставлялись и в распоряжение российской стороны; постепенно мы получили доступ и в другие архивы, в частности американские. Второе направление работы включало поиск и опрос ряда бывших сотрудников советских органов госбезопасности. Эти опросы проводились совместно более узкой группой. Кроме того, проходили встречи, главным образом с участием шведских представителей, с другими ключевыми персонами, бывшими служащими и политиками. Третье направление включало рассмотрение на встречах рабочей группы результатов опросов и работы в архивах, анализ различных гипотез и выработку направлений дальнейшей деятельности. Большая часть работы проводилась в соответствии со специфическими вопросами и свидетельствами, которые передавались шведской стороной. Следует подчеркнуть, особенно на фоне отдельных утверждений некоторых деятелей, что работа велась совершенно непредвзято. Не исключались заранее никакие свидетельства, гипотезы или идеи. Только после проверки некоторые свидетельства могли быть отложены в сторону. В принципе в основу исследования были положены свидетельства и другие данные за весь период 1944 г. примерно до 1990 г. Особенно тщательно изучался период 1945-1957 гг., причем особое внимание уделялось 1947 г., поскольку советская сторона сообщала, что это год смерти Рауля Валленберга, а также 1956-му и 1957 гг., когда советское правительство изменило свою позицию в вопросе о судьбе шведского дипломата по сравнению с ответом, данным в 1947 г.

В последние три года работа приобрела несколько иное направление. При содействии названных выше независимых экспертов мы рассматривали в первую очередь гипотезу о том, что Рауль Валленберг после июля 1947 г. был изолирован под номером или под другой фамилией. Эта работа была особенно сложной и потребовала изучения и компьютерного анализа большого числа регистрационных карточек во Владимирской тюрьме, дополнительного исследования архивных документов, а также более или менее аналогичных случаев.

Исследование не ограничивалось только изучением документов и других данных о Рауле Валленберге. Мы пытались получить материалы о шофере Валленберга Вильмоше Лангфельдере, о других заключенных, прежде всего о наиболее долгосрочном его сокамернике Вилли Рёдле, а также о тех, кто давал свидетельства о пребывании Рауля Валленберга в советских тюрьмах и лагерях во второй половине 40-х и первой половине 50-х годов. Интересной аналогией, кроме того, оказались документы о швейцарских дипломатах, которые тоже были арестованы советскими властями в Будапеште в 1945 г.

ИЗУЧЕНИЕ АРХИВОВ

Изучение архивов проводилось в период, когда в системах бывших советских архивов происходили драматические изменения, касающиеся доступа в них. Иногда изменения названий

и перемены в организации происходили по несколько раз. Указанные ниже архивы изучались особенно тщательно, как правило, их российскими сотрудниками. Возможности доступа в архивы членов и экспертов рабочей группы были разными: в лучшем случае можно было заказать документы по доступной описи архива, в худшем – даже известные документы не выдавались (таких случаев было все же мало). Это следует учитывать при оценке отчета рабочей группы. Тем не менее в некоторых архивах вероятность прямого доступа была достаточно высокой. Кроме того, заведующий архивом КГБ/ФСБ в 1992-1995 гг. впоследствии заверил, что не было никаких ограничений на выдачу архивных материалов о Рауле Валленберге. Были также четкие инструкции по поиску и выдаче документов. Шведская сторона по своим запросам могла изучать оригиналы досье даже из архива КГБ (в отдельных случаях были отказы), а также иметь контакты с независимыми российскими архивными экспертами, которые, по крайней мере на ранней стадии, имели доступ к более закрытым архивам. Когда речь шла об архивах вне Москвы, КГБ/ФСБ и, соответственно, МВД неоднократно посылали письма местным властям, в тюрьмы и архивы лагерей с просьбой о поддержке. Когда речь шла о Рауле Валленберге и Вильмоше Лангфельдере, служащие архивов получали задание искать не только их правильно написанные имена, но и близкие варианты с возможными ошибками в написании.

Важнейшие архивы перечислены ниже с указанием их современных названий.

1. Федеральная архивная служба Российской Федерации. Этому органу власти подчинен ряд государственных архивов.

2. Российский государственный архив социально-политической истории России. Это архив бывшего Центрального Комитета, где собраны материалы секретариата коммунистической партии и отделов ЦК после 1953 г. Кроме того, в нем имеются и более старые материалы.

3. Российский государственный архив новейшей истории. Это бывший Центральный архив партии с фондами из Центрального Комитета коммунистической партии – секретариата, отделов, личные материалы выдающихся коммунистов, международного коммунистического движения, Государственного комитета обороны и т.п., охватывающий период с революции в России до 1953 г.

4. Архив Президента Российской Федерации, бывший так называемый Кремлевский архив. В него перешли важнейшие материалы из двух упомянутых выше архивов. В архиве президента находятся также особо секретные закрытые конверты, которые российская сторона (Д. Волкогонов) просмотрела по запросу шведской стороны. О содержании данных конвертов шведская сторона не получила никакой более подробной информации, кроме того, что в них не содержится ничего о Рауле Валленберге. В последнее время происходит передача фондов из президентского архива прежде всего в Государственный архив Российской Федерации.

5. Государственный архив Российской Федерации. В нем находятся материалы Совета народных комиссаров, Совета министров, общественных организаций, ведущих министерств, включая НКВД, НКГБ и т.п., но только такие материалы, которые эти организации сочли возможным передать в этот архив.

6. Российский государственный военный архив. Он содержит так называемые трофейные фонды из Германии, включая материалы, которые немцы конфисковали во Франции, Австрии, Нидерландах и других странах в период Второй мировой войны. Кроме того, архив содержит фонд управления по делам военнопленных (ГУПВИ), фонд по вопросам репатриации и архив внутренних войск. Здесь также находится фонд №451 оперативного управления при Главном управлении НКВД/МВД по вопросам, касающимся военнопленных и интернированных лиц.

7. Архив внешней политики РФ МИД России, то есть архив Министерства иностранных дел с материалами после 1937 г. К нему шведская сторона получила прямой доступ в широком объеме.

8. Центральный архив Министерства обороны. Здесь прежде всего изучались документы 2-го и 3-го Украинских фронтов, политуправлений соответствующих соединений, обмен зашифрованными сообщениями и материалами военной комендатуры в Будапеште.

9. Главный информационный центр МВД России. Центр по реабилитации жертв политического террора и архивная информация в Министерстве внутренних дел (МВД). Сюда

входят Центральный архив Министерства внутренних дел, где, в частности, находятся фонды НКВД/МВД и их подразделений. В Министерстве внутренних дел имеется также картотека оперативной информации с регистрационными данными всех лиц, проходивших по уголовным делам в СССР, а также все региональные архивы МВД и соответственно картотеки отдельных лагерей и тюрем.

10. Центральный архив ФСБ (Федеральной службы безопасности) России, то есть бывший архив КГБ, с различными архивами-филиалами, которые находятся в различных местах России.

11. Архив Службы внешней разведки (СВР). Входил ранее в систему архивов КГБ.

Шведская сторона также поставила вопросы относительно обвинительных актов бывшим руководителям НКВД Берии и госбезопасности Абакумову в связи с тем, что они были арестованы и затем казнены. Согласно сообщению российской стороны, в них нет никаких данных о Валленберге. Из архива военной разведки ГРУ был получен ответ, что никаких данных о Рауле Валленберге или его деле там не было найдено.

В собрании документов, доступном для заинтересованных лиц в связи с публикацией данного отчета, архивные материалы с целью упрощения делятся на пять основных частей, которые лучшим образом соответствуют происхождению по времени получения документов (для большей части это был 1991 г.).

А. Бывший архив КГБ.

Б. Бывший архив Центрального Комитета.

В. Центральный архив Министерства обороны.

Г. Архив Министерства иностранных дел.

Д. Президентский архив.

Е. Прочие архивы.

Важнейшие архивные документы воспроизведены в данном отчете. В общей сложности в российских архивах было получено свыше 200 документов; кроме того, тысячи документов изучались в местах их нахождения. Много документов было также рассекречено и стало доступными в американских архивах (см. раздел VI). Поиск документов проходил также в венгерских, британских, швейцарских, финляндских и израильских архивах (в венгерских – при любезном участии Петера Байтая). В Министерстве иностранных дел Венгрии найдено мало интересного. Представляется, что значительная часть архива венгерской службы госбезопасности уничтожена или труднодоступна. Однако некоторые материалы были получены по неофициальным каналам. То, что осталось, было передано во вновь созданное учреждение – Тертенети Хиватал – для основательного изучения материала. Некоторые документы о Рауле Валленберге уже найдены, и, возможно, будут сделаны новые открытия. Материал, обнаруженный в британских архивах, свидетельствует о большом интересе британской стороны к Раулю Валленбергу и его деятельности в Будапеште. На основе ходатайства в Государственном архиве Финляндии в Хельсинки были проведены поиски, в частности, упоминаний о Рауле Валленберге, которые могут находиться в протоколах допросов военнопленных, возвратившихся из Советского Союза. В Финляндии были просмотрены архивы Министерства иностранных дел, государственной криминальной полиции и государственной полиции.

Досье Валленберга в Министерстве иностранных дел Швеции стало, естественно, постоянным источником справок. Кроме того, был просмотрен архив шведской полиции безопасности (СЭПО). Большей частью он содержит документы (расследования, опрос свидетелей), которые были найдены и в архиве Министерства иностранных дел Швеции. Члены рабочей группы изучили также Военный архив Швеции, Государственный архив Швеции, архив шведской военной разведки и архив радиотехнического центра вооруженных сил, а также Фонд экономико-исторических исследований в области банковской и предпринимательской деятельности (архивный фонд «Стокгольме эншильда банк»). Следует указать, что в настоящее время в некоторых иностранных архивах могут находиться закрытые документы, которые проливают дополнительный свет на деятельность и судьбу Рауля Валленберга. Что касается российских архивов, то можно добавить следующее. Некоторые документы и дела, которые должны существовать, не были найдены. В частности, это касается ряда документов КГБ,

которые должны были появиться как в первые годы после конца войны, так и в 50-х годах. За некоторым исключением, о них нет никаких упоминаний в актах об уничтожении материалов, но многое все же указывает на то, что дело обстояло именно так.

Личное дело, или тюремное дело (два обозначения одного и того же дела), создается по каждому заключенному после ареста и заключения в тюрьму. Так называемые следственные дела, или дела по расследованию, появляются только в связи с подписанием постановления об аресте или вынесением приговора. Однако следствие могло продолжаться достаточно долго до подписания подобных постановлений. Поскольку некоторым заключенным никогда не выносился судебный приговор (указывается, что так обстояло дело с Раулем Валленбергом), то по ним не существует никаких следственных дел. Многим важнейшим военнопленным судебный приговор впервые выносился в 1950-1951 гг., чаще всего на срок 25 лет. Так называемые личные дела отсутствуют не только по Раулю Валленбергу, но и по большинству заключенных вместе с ним, хотя они должны храниться вечно. Известно, что в свое время личные дела таких заключенных существовали.

С оперативными делами (они велись в течение следствия или предварительного расследования), которые имелись в свое время и, вероятно, существуют до сих пор, было бы, вне сомнений, очень интересно ознакомиться. В рамках этой категории имеются так называемые литерные дела (или текущие дела), которые, по словам представителей ФСБ, были просмотрены в той степени, в какой они сохранились. Далее следует напомнить, что часть дел, особенно на высшем политическом уровне, решались устно.

Представляется, что наиболее сохранившимся архивом являются фонды Министерства иностранных дел СССР. Они были также просмотрены шведской стороной, за исключением зашифрованных телеграмм, которые хранятся отдельно и на изучение которых разрешения не выдавались. Речь идет о десятке досье, в которых речь идет о Рауле Валленберге и которые были созданы в то время в пятом европейском отделе (Скандинавия), третьем европейском отделе (консульские вопросы), секретариате министра иностранных дел и соответствующими заместителями министра иностранных дел. Согласно письменному заявлению российской стороны, в зашифрованной корреспонденции между Министерством иностранных дел и посольством в Стокгольме не должно содержаться никаких новых данных относительно судьбы Рауля Валленберга, о которых рабочая группа уже не знала бы. Российская сторона изучила, кроме того, архивные материалы Министерства иностранных дел, касающиеся Венгрии и Румынии, а также деятельности союзной контрольной комиссии. В то же время можно констатировать, что некоторые документы, которые, согласно правилам архивов, подлежали уничтожению, на самом деле сохранились. Случалось, что документы удавалось найти в неожиданных местах, иногда совершенно случайно. Таким образом, порядок в архивах несовершенен, хотя чаще всего он хороший. В некоторых документах КГБ – это относится исключительно к отдельным регистрационным журналам в форме книги для записей – записи о Рауле Валленберге и Вильмоше Лангфельдере зачеркнуты черной тушью. Такой прием встречался еще только в двух случаях. С помощью современной техники текст удалось прочесть, за исключением тех мест, где текст уничтожился также механически. Шведская сторона обращалась с запросами посмотреть с помощью независимых экспертов центральные архивы и сравнить полученные копии с оригиналами на месте их хранения. Эти просьбы выполнялись лишь в той мере, в какой отдельные оригиналы документов могли изучаться во взаимодействии с обществом «Мемориал». Однако была предоставлена возможность изучить в архиве КГБ значительное число личных и следственных дел заключенных совместно с Раулем Валленбергом, а также все важные оригиналы досье в архиве МИДа. Дополнительные комментарии по вопросам, связанным с архивами, даются в разделе X о действиях советских властей.

ОПРОСЫ

Хотя при расследованиях такого рода документальным доказательствам должна придаваться наибольшая свидетельская ценность, рабочая группа приложила большие усилия по розыску лиц, которые в свое время работали в советских органах госбезопасности и в

Министерстве иностранных дел СССР. В результате этих поисков были идентифицированы, видимо, практически все, кто был непосредственно связан с делом Рауля Валленберга. В общей сложности показания дали свыше 40 бывших сотрудников МГБ/КГБ; кроме того, был опрошен ряд бывших дипломатов, политиков и ключевых фигур в Центральном Комитете.

Почти все показания лиц первой категории были получены совместной так называемой группой опроса, в которую входили представители бывшего КГБ и шведского посольства в Москве, а в некоторых случаях – и представитель российского парламента. Десяток представляющих интерес ключевых лиц был определен уже на первой встрече рабочей группы, но в ходе работы на основе найденных документов или данных, полученных в результате опросов, были выявлены и другие бывшие офицеры органов госбезопасности. Высокие должностные лица в этих органах, которые непосредственно отвечали за ведение дела Рауля Валленберга, а также ответственные политические деятели умерли до начала расследования. Еще несколько человек, представляющих интерес для рабочей группы, умерли уже в период расследования – до того, как их успели опросить. Следует также упомянуть, что некоторые бывшие председатели КГБ и их заместители отказались встречаться с представителями рабочей группы под тем предлогом, что они не располагают никакой новой интересной информацией.

В качестве примера категорий опрошенных лиц можно упомянуть офицеров, принимавших участие во взятии Будапешта, офицеров и следователей из Смерша и МГБ соответственно в 1945-1946 и 1946-1950 гг., служащих Лефортовской, Лубянской, Бутырской и Владимирской тюрем, бывших сотрудников скандинавского отдела и архивного отдела КГБ, которые работали до 70-х годов, некоторых бывших высоких руководителей КГБ и международного отдела Центрального Комитета, а также бывших офицеров КГБ, которые в настоящее время не проживают в России. Производился также опрос бывших сотрудников Министерства иностранных дел, прежде всего тех, кто работал в секретариате Молотова.

Еще одна беседа была проведена с двумя оставшимися в живых немецкими сокамерниками Рауля Валленберга. Кроме того, был заслушан ряд лиц из бывшего СССР, которые предоставили свидетельства о Рауле Валленберге.

Интервью большей частью были записаны на кассеты и затем оформлены в виде протокола опроса. Эти протоколы не будут обнародованы. За небольшими исключениями фамилии опрошенных бывших офицеров госбезопасности также не будут раскрываться, поскольку большинство этих лиц согласилось на опрос с условием сохранения анонимности. Зато все интересные данные, которые выявились во время опроса, безусловно включены в данный отчет.

Как будет видно ниже, в беседах появляются различные, частично противоречивые версии. Поэтому им очень трудно дать оценку и подходить к ним следует с осторожностью.

В большинстве следующих глав дается более или менее последовательная разбивка на те данные, которые получены на основе архивных документов и в результате устных опросов. Такая структура может затруднить чтение отчета и увеличить его объем. Считается, однако, что весомость этих двух видов источников различна, и поэтому их необходимо рассматривать раздельно.

III

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СССР В 1944-1957 гг.

Для лучшего понимания последующих рассуждений относительно ареста Рауля Валленберга и действий советских властей по его делу в этом разделе дается краткая картина изменения политического положения руководителей СССР – причем особое внимание уделено руководителям органов госбезопасности – с конца Второй мировой войны до главным образом 1957 г., когда так называемый «меморандум Громыко» был передан послу Швеции в Москве.

Политическим органом, игравшим важнейшую роль в годы войны, было не Политбюро, которое созывалось относительно редко, а Государственный комитет обороны под руководством Сталина. На заседаниях Комитета обороны принимались все важнейшие решения по вопросам ведения войны. С момента создания членами комитета были Молотов, Ворошилов, Маленков и

Берия. Позднее там появились и другие должностные лица, такие, как Булганин и Абакумов. Молотов имел наибольшее после Сталина влияние, и эту позицию он сохранял в течение нескольких лет после войны. По мнению бывшего члена Политбюро Александра Яковлева, Молотов в годы Второй мировой войны и в последующие годы мог отдавать приказ об аресте и вынесении смертного приговора. Это следовало и из документов. Еще в 1949 г. он дал санкцию на арест многих советских и иностранных граждан.

НКВД, могущественная служба госбезопасности под руководством Берии, в апреле 1943 г. была разделена на три части: НКВД (руководителем остался Берия), НКГБ (руководитель – Меркулов) и контрразведку, которая превратилась в Смерш и была подчинена НКО СССР. Тем самым руководитель Смерша Абакумов уже не был подчинен Берии или Меркулову, что, в свою очередь, означало сокращение формальной власти Берии в качестве руководителя НКВД. Однако он по-прежнему имел значительное влияние через Меркулова и его первого заместителя Богдана Кобулова, который был подручным Берии. Деканозов, который в 1944 г. стал заместителем министра иностранных дел, был также человеком Берии. Кроме того, Берия обладал значительной властью благодаря своему членству в Государственном комитете обороны с момента его создания и пребыванию на посту заместителя председателя этого комитета с 1944 г. В январе 1945 г. Берия оставил пост руководителя НКВД, который занял его заместитель Круглов. Через год при переходе от системы комиссариатов к системе министерств НКВД и НКГБ были переименованы соответственно в МВД и МГБ. В последующие годы Берия также в основном отвечал за проект создания первой советской атомной бомбы, но он по-прежнему осуществлял надзор над органами милиции и разведслужбы, являясь заместителем председателя Совета министров. В марте 1945 г. Берия, как и Маленков, стал членом Политбюро. Таким образом, он стал третьей по влиятельности фигурой в стране.

В конце лета 1946 г. Абакумов заменил Меркулова на посту министра госбезопасности, т.е. руководителя МГБ. За несколько месяцев до этого Смерш был ликвидирован и включен в состав МГБ. Хотя бы отчасти это решение можно было рассматривать в свете стремления Сталина несколько ограничить влияние Берии в органах разведки. Нам известно, что перед Абакумовым затем была поставлена почти постоянная задача по сбору компрометирующих материалов на Берию. Отношения между Берией и Абакумовым не были однозначными; преобладает мнение, что они были наполнены конфликтами и окрашены конкуренцией. Хрущев, однако, утверждал, что Абакумов вряд ли предпринимал что-либо важное, не заручившись поддержкой Берии, но это вряд ли было характерно для всего периода 1945–1951 гг.

Осенью 1947 г. Сталин для создания мощного противовеса недавно созданному ЦРУ решил объединить заграничную разведку МГБ и военную разведку (ГРУ) в так называемый Комитет информации (КИ), в который частично вошло и Министерство иностранных дел. Первым руководителем этой организации был Молотов, после него – Вышинский (очень недолго); заместителем председателя был Федотов. Однако уже на следующий год весь персонал ГРУ был выведен из КИ, и Абакумов начал кампанию с целью установления контроля над оставшейся частью КИ, что ему не удалось. Через несколько лет эта организация была ликвидирована.

Позиции Молотова стали слабее с 1948 г., когда Сталин дал согласие на арест его жены-еврейки. Несомненно, Молотов продолжал формально занимать второе место в иерархии и в 1949 г., когда он был вынужден уйти с поста министра иностранных дел, – этот пост занял Вышинский, бывший до этого одним из его заместителей.

В начале 50-х годов Берия продолжал сохранять определенный контроль над органами госбезопасности, но зачастую Абакумов работал непосредственно на Сталина, в обход Берии. Однако в июне 1951 г. пришел черед Абакумова. Он был арестован, обвинен в том, что он знал, но не доложил о еврейском буржуазном заговоре, связанном с американской шпионской организацией. Вероятно, о подлинных причинах ареста Абакумова знал только сам Сталин. Во всяком случае, это событие дало толчок крупным показательным процессам в Восточной Европе и так называемому «делу врачей» зимой 1952-1953 гг. Показательные процессы имели сильно выраженные черты антисиионизма и антисемитизма.

Берия проигнорировал мольбы Абакумова о помощи из тюрьмы, но сам потерпел

неудачу, когда Сталин назначил Игнатьева преемником Абакумова. В 1952 г. Сталин с его обострившейся паранойей стал подозревать всех, в том числе и Берию, и в интригах против Берии его поощрял Хрущев, который к тому же начал вводить в органы госбезопасности своих ставленников, в числе которых был новый руководитель МГБ Игнатьев.

После смерти Сталина в 1953 г. МВД и МГБ были объединены под руководством Берии, при этом Игнатьева, в частности, сняли с должности. Круглое, Серов и Кобулов стали первыми заместителями министра внутренних дел. Через год после того, как Хрущев приказал арестовать и казнить Берию (летом 1953 г.), Круглое возглавил новое МВД, но вскоре в связи с созданием КГБ его заменил ставленник Хрущева Серов. С этого времени органы госбезопасности были поставлены под более жесткий, чем прежде, контроль партии. В декабре того же года Абакумов был казнен после процесса, на котором основным обвинением против него стало то, что он сфабриковал «Ленинградское дело» (когда были устранены Жданов и его фракция). Это обвинение на самом деле было направлено и против Маленкова, которого Хрущев пытался выжить с помощью Булганина и КГБ, возглавляемого Серовым.

XX съезд партии в феврале 1956 г. стал генеральным наступлением Хрущева на сталинские репрессии, а также на так называемую антипартийную группу, т.е. Молотова, Кагановича, Маленкова и Шепилова, которые противостояли кардинальному пересмотру политики Сталина. Однако Молотов, который вновь стал министром иностранных дел в 1953 г., оставался на этом посту до июня 1956 г., а это означало, что он совместно с председателем КГБ Серовым контролировал первый этап выработки новой советской позиции по делу Валленберга после того, как Эрландер и Хэдлунд во время своего визита на рубеже марта и апреля представили весьма убедительные свидетельские показания немецких и других бывших военнопленных. Молотов оставался членом Президиума (т.е. Политбюро) ЦК КПСС и заместителем председателя Совета министров даже после того, как он оставил пост министра иностранных дел, который занял Шепилов. Однако в июне 1957 г. Хрущев добился решающего успеха. Хотя Молотов и его группа имели большинство в президиуме, они не имели поддержки в Центральном Комитете. Этим обстоятельством воспользовался Хрущев, быстро созвав с помощью военных и КГБ пленум Центрального Комитета, на котором группа Молотова была вынуждена уйти в отставку.

IV

СОВЕТСКИЕ ОРГАНЫ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В 1945-1947 гг.

Ведущую роль в связи с арестом Рауля Валленберга и в течение первой части его тюремного заключения в Москве играла военная контрразведка Смерш («Смерть шпионам»). Смерш был создан прежде всего с целью сбора информации о моральном состоянии в вооруженных силах и на предприятиях военной промышленности, а также о положении на оккупированной территории. Части Смерша следовали за продвигавшимися вперед советскими войсками и прочесывали оккупированные области в поисках представителей политической и военной элиты, военных преступников, шпионов или просто всех тех, кто, как считалось, мог дать интересную информацию. Можно с уверенностью сказать, что только в Венгрии не менее 100 000 человек прошли через аппарат Смерша.

Ответственным за дело Рауля Валленберга в Смерше был второй отдел 3-го Главного управления под руководством Карташова. Вероятно, он был тем офицером госбезопасности, который под руководством возглавлявшего Смерш Абакумова больше других был в курсе всего дела Рауля Валленберга и, во всяком случае, нес главную ответственность за него. Карташов умер в 1979 г. Тот, кто занимал эту должность после него, несколько лет назад был жив, и его удалось опросить. Один из заместителей руководителя также был жив, когда началось расследование, его опросили в 1991 г. Сам Абакумов и многие его ближайшие сотрудники были расстреляны в 1954 г. Однако еще в 1992 г. жив был, например, начальник охраны Абакумова, который смог предоставить некоторую интересную информацию.

Под руководством Карташова работали несколько начальников групп и так называемые оперативные уполномоченные (низкое звание в службе госбезопасности), занимавшиеся текущим допросом военнопленных. Большинство оперативных уполномоченных были

одновременно переводчиками. Они имели задание ставить определенные вопросы и могли также выполнять отдельные поручения, но ответственность за расследование лежала на более высоких должностных лицах или на следственном отделе по особо важным делам. Этот отдел, в частности, нес особую ответственность за пленных из абвера и гестапо, а также участвовал в подготовке советской стороны на Нюрнбергском процессе. Вызовы на допросы регистрировались в специальном журнале допросов с указанием фамилии ведущего допрос и расписки о доставке. Однако представляется, что иногда высокопоставленные руководители указывались в журнале под фамилиями подчиненного или переводчика. Видимо, это прежде всего относится к случаям, когда сам министр госбезопасности вел допрос. Как правило, составлялся протокол допроса, но нередко давался приказ этого не делать.

Рабочая группа смогла опросить многих младших должностных лиц отдела Карташова, в том числе двух лучших переводчиков с немецкого языка, которым обычно давали ответственные задания, например переводить самому министру госбезопасности Абакумову, когда тот вел допрос заключенного. Удалось получить некоторые сведения в связи с Раулем Валленбергом, но ничего такого, что могло бы иметь решающее значение для раскрытия тайны. Тот переводчик/оперативный уполномоченный, который, согласно записям журналов допросов, должен был дважды допрашивать Рауля Валленберга, сказал, что не помнит этого допроса. Многие из опрошенных рабочей группой имели отличную память на многие обстоятельства, но их воспоминания по мере приближения к основному вопросу становились гораздо менее четкими. Однако группа заслушала переводчика, который был вызван из другого отдела и, по его словам, участвовал в допросе Рауля Валленберга весной 1947 г.

Важнейшей причиной того, что по результатам этих опросов не удалось узнать ничего нового, была существовавшая тогда очень жесткая трудовая дисциплина: все сотрудники были обязаны выполнять исключительно свои собственные рабочие задания и не интересоваться делами коллег. Дух сталинского времени и строгая лояльность по отношению к органам госбезопасности оставили следы, которые заметны до сих пор.

Когда в 1946 г. Смерш был ликвидирован, отдел Карташова был передан в МГБ, которым по-прежнему руководил Абакумов, и стал там четвертым отделом в 3-м Главном управлении. Через год дела о важных иностранных военнопленных были переданы в следственный отдел по особо важным делам, а затем в следственный отдел 2-го Главного управления (контрразведка) МГБ/КГБ, где они и остались. Рабочая группа заслушала нескольких сотрудников, работавших в этом отделе в 50-х годах и знавших о деле Рауля Валленберга. Однако никто из них не имел полноценного представления о его судьбе. Об этом знали, вероятно, только высшие должностные лица, но даже на этом уровне эти знания со временем исчезли.

Смерш и МГБ очень строго охраняли свои секреты, особенно от Министерства иностранных дел, которое лишь на рубеже 1946-1947 гг. получило неофициальное подтверждение, что Рауль Валленберг находится в тюрьме (хотя сам Молотов мог знать об этом с самого начала). Судя по имеющейся информации, служба внешней разведки (Первое главное управление – ПГУ) не была причастна к аресту шведского дипломата. Однако есть серьезные подозрения, что ПГУ должно было передать информацию, которая могла бы способствовать принятию решения о его аресте, прежде всего от резидентуры в Стокгольме, но, вероятно, также от агентов в Будапеште. На письменные запросы в СВР был дан ответ, что каких-либо подобных материалов в архиве нет. Некоторые лица также утверждают, что ПГУ пыталось уговорить Смерш/МГБ (Абакумова) передать им Рауля Валленберга для его вербовки.

У министра Абакумова было четыре заместителя, одного из которых в 1991 г. удалось опросить (тогда ему было свыше 90 лет). К сожалению, он мало что смог добавить о деле Рауля Валленберга, поскольку отвечал за военную контрразведку (т.е. слежку за личным составом вооруженных сил). Он отметил также, что отдел Карташова работал под непосредственным контролем Абакумова без каких-либо посредников.

Важные иностранные военнопленные во время следствия и на более поздних этапах помещались, как правило, в московские тюрьмы – Лубянскую, Лефортовскую (для которой была характерна стадия предварительного заключения), а также Бутырскую. Во Владимирскую тюрьму, находившуюся за пределами Москвы, заключенные попадали только после вынесения приговора, за исключением некоторых заключенных, содержащихся под номерами и

поступивших во Владимир еще до вынесения им приговора. Большинство важных военнопленных были осуждены не ранее 1950–1951 гг. Тогда было принято решение, что все военнопленные должны быть осуждены. Некоторых охранников и медицинских служащих из упомянутых выше тюрем в Москве и Владимире удалось опросить, но, к сожалению, среди них не было никого из руководителей. Лишь один-два человека с уверенностью вспомнили Рауля Валленберга. В тюрьмах также соблюдались строгие правила, и каждый служащий располагал весьма ограниченными данными, не позволявшими составить целостную картину о заключенном, его идентификации или его положении. Однако система была несовершенной, и человеческий фактор иногда приводил к тому, что персонал узнавал о важных заключенных больше, чем следовало. Лубянская тюрьма имела самое важное значение и вместе с тем самый мягкий режим. Ее начальник Миронов непосредственно и лично подчинялся Абакумову и только ему должен был докладывать обо всех вопросах, касающихся Лубянской тюрьмы.

В Лефортовской тюрьме положение было намного хуже, и, видимо, к иностранным заключенным также применялись определенные психические пытки: звуком (звуки голосов, исходящие из громкоговорителей), светом; некоторые заключенные упоминали вероятное использование медикаментов. В некоторых случаях нельзя исключать и физических пыток (обычных для советских заключенных), но их, как правило, не следовало применять. Видимо, система с использованием провокаторов и микрофонов в камерах была распространена повсюду.

Можно также отметить существование системы, при которой наиболее важные заключенные обозначались только номером. Это делалось прежде всего для того, чтобы тюремный персонал не мог их идентифицировать. В качестве примера можно привести сына Сталина Василия. Для этих заключенных правила были особенно строгими. Охранникам было строго запрещено вести с ними разговоры. Однако Рауль Валленберг в 1945–1947 гг. находился в заключении под собственной фамилией, хотя уровень секретности вокруг него был высоким.

V

РАУЛЬ ВАЛЛЕНБЕРГ В БУДАПЕШТЕ

Для шведско-российской рабочей группы не было первоочередной задачей изучать во всех подробностях деятельность Рауля Валленберга в Будапеште – сверх того объема, который был важен для его последующей судьбы. Очень мало появилось также информации, которая не была известна раньше. Это не означает, что продолжение поисков в некоторых архивах не может пролить дополнительного света на события в Будапеште. В любом случае для целостности данного отчета необходимо кратко повторить сведения о происшедшем в Будапеште и о предпосылках задания Валленберга.

ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАДАНИЯ РАУЛЯ ВАЛЛЕНБЕРГА

В январе 1944 г. президент Рузвельт решил создать так называемое Управление по делам военных беженцев – УВБ. Оно вошло в исполнительный отдел президента и возглавлялось министрами финансов, обороны и иностранных дел. Первым исполнительным директором стал Джон Пель. Задачей управления была борьба с попытками нацистов истребить группы населения по причине их расы, религии или политических убеждений, т.е. их целью было спасти как можно больше людей, которым угрожала опасность, прежде всего евреев, в оккупированной части Европы. Американская сторона вступила в контакт со многими правительствами и организациями, например с Центральным объединением профсоюзов Швеции, попросив их о помощи в получении дополнительной информации о положении беженцев, а также организации аппарата по их спасению. Таким образом, проект спасения евреев в Венгрии, хотя он и стал наиболее впечатляющим, был лишь одной из полдюжины похожих операций. Всемирный еврейский конгресс (ВЕК) также принял в этом участие и связался с главным раввином Стокгольма Маркусом Эренпрейсом, предложив ему найти подходящего человека, который возглавил бы кампанию по спасению венгерских евреев.

Однако кандидатуру Рауля Валленберга предложил Кальман Лауер, венгерский еврей, директор Центральноевропейской торговой акционерной компании, в которой Рауль Валленберг работал внешнеторговым представителем, а затем стал компаньоном и в этом качестве уже пару раз посещал Венгрию и другие страны в 1941 – 1943 гг. (в частности, имея так называемый кабинетный паспорт, выданный МИДом, что было обычной практикой в годы войны, когда речь шла о шведах, которые выезжали за границу по общественным делам, но не состояли в штате внешнеполитического ведомства). Сначала Эренпрейс отнесся скептически к этой кандидатуре, но затем его удалось уговорить.

Американский посланник Джонсон, который возглавлял миссию США в Стокгольме, и Ивер Ольсен, представитель УВБ в этом дипломатическом представительстве в Стокгольме, являвшийся еще и представителем Министерства финансов США, а также Управления стратегических служб (УСС), т.е. предшественника ЦРУ, убедились в том, что Рауль Валленберг был подходящим лицом, и получили затем одобрение шведского Министерства иностранных дел и предложения по организации его службы в Будапеште. В результате Валленберг получил дипломатический паспорт и пост секретаря (посольства) в шведской миссии в Будапеште с задачей помочь венгерским евреям. Однако Министерство иностранных дел не должно было снабжать Валленберга какими-либо подробными инструкциями, они должны были поступать из УВБ. УВБ и ДЖОЙНТ (Еврейский Комитет совместного распределения – организация помощи евреям) должны были перечислять ему необходимые финансовые средства через счет в «Стокгольме эншилда банк». На практике не все средства поступили в Будапешт, и Рауль Валленберг вначале жаловался на нехватку ресурсов.

От УВБ Рауль Валленберг получил не подробные инструкции, а скорее общие направления деятельности. Они содержали, в частности, информацию, как должно происходить финансирование, описание различных путей выезда беженцев из Венгрии, а также список контактов в районе Будапешта. Рауль Валленберг не действовал открыто от имени УВБ, но мог при необходимости заявлять, что он имеет возможность свободно связываться со Стокгольмом, где был представитель УВБ.

Венгерский социал-демократический политик Вильмош Бем, который после войны стал первым посланником Венгрии в Швеции, встретился с Раулем Валленбергом в Стокгольме до его отъезда и проинформировал его, в частности, о надежных сотрудниках в венгерской столице.

В письме к первому заместителю министра иностранных дел Швеции Богеману от 19 июня Валленберг пишет, что правление Центральноевропейской торговой компании, а также Тихоокеанская торговая компания (предприятие, которое находилось в сфере интересов семейства Валленбергов) и Якоб Валленберг одобрили его переход в распоряжение Министерства иностранных дел. Последняя информация означает, что в то время Рауль Валленберг прямо или косвенно имел какое-то задание и от предприятий Валленбергов. Однако его характер и продолжительность полностью выяснить не удалось. Во всяком случае, Рауль Валленберг разъясняет в письме, что он не собирается заниматься какими-либо коммерческими делами во время работы в Будапеште. 21 июня и 6 июля министерство сообщало в миссию в Будапеште о намерении «назначить на должность атташе» Валленберга для того, чтобы «отслеживать развитие еврейского вопроса и сообщать в Стокгольм» и предлагать «уместные и осуществимые гуманитарные инициативы, равно как и необходимые меры помощи для послевоенного времени», а также что о нем должно «быть сообщено в обычном порядке как о секретаре миссии». Подчеркивается также, что Валленберг в своей работе «во всем должен подчиняться главе миссии». Рауль Валленберг покинул Стокгольм 6 июля 1944 г. и прибыл в Будапешт 9 июля.

Можно отметить, что в архиве МИДа Швеции не найдено никаких документов о предыстории назначения Рауля Валленберга.

РАУЛЬ ВАЛЛЕНБЕРГ НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

Когда Валленберг прибыл в дипломатическую миссию, она уже помогала евреям, имеющим связи со Швецией, выдавая им временные паспорта и справки. Однако в связи с

большой рабочей нагрузкой посланник Даниельссон запросил Министерство иностранных дел об укреплении кадрами, что совпало по времени с переговорами между Министерством иностранных дел и УВБ и, соответственно, ВЕК. В начале июля депортация евреев из провинции уже завершилась, но основная часть будапештских евреев еще оставалась на месте.

Только что назначенный представитель Шведского Красного Креста в Венгрии Вальдемар Ланглет в течение некоторого времени также пытался помогать евреям, в частности выдавая им охранные письма.

Предпринимались и другие попытки спасти венгерских евреев. Наиболее впечатляющими были переговоры, которые представитель ВААД¹ Джоэль Бранд вел весной 1944 г. с Адольфом Эйхманом о спасении миллиона евреев из Восточной Европы в обмен на 10 000 грузовиков. Однако эта сделка была расстроена англичанами и СССР. Американцы и англичане в принципе были бы не против путем тактики проволочек задержать депортацию в Освенцим. Однако в июне 1944 г. заместитель министра иностранных дел Вышинский сообщил союзникам, что правительство СССР считает нежелательным, чтобы велись какие-либо переговоры с немцами по еврейскому вопросу. Такая позиция сохранялась в течение всей войны и касалась также всех предложений по сепаратному миру.

Богатым евреям, например семейству Вейс, удалось выкупить гарантию безопасности в результате прямых переговоров с главой СС Гиммлером. Сотрудник СС Курт Бехер организовал переход концерна Манфреда Вейса под немецкий контроль и встречался позднее с Раулем Валленбергом, который в свою очередь предоставил многим бывшим служащим концерна работу в своей организации, занимавшейся спасением.

После прибытия в Венгрию Рауль Валленберг под руководством главы миссии быстро организовал деятельность по оказанию помощи, финансируемой за счет УВБ (т.е., в сущности, ДЖОЙНТа), сбора средств в Венгрии, а также единовременного пособия из секретного фонда президента Рузвельта. Этой деятельностью занимался особый отдел миссии во главе с Раулем Валленбергом, в который входили добровольные, главным образом еврейские сотрудники; численность отдела в последние месяцы операции превысила 300 человек. Скоро Рауль Валленберг пришел к идее об охранных паспортах в качестве дополнения к прежним временным паспортам, визовым справкам и охранным письмам Красного Креста. Круг евреев, получивших охранные паспорта, все время расширялся и намного превысил довольно ограниченную группу, которая имела какого-либо рода «привязку» к Швеции. Общее число евреев, находившихся под охраной шведской миссии, в так называемых охраняемых домах постепенно росло и составило от 15 до 20 тыс. человек. Не менее 50000 евреев в Венгрии было спасено иностранными миссиями и Международным Красным Крестом, при этом не менее половины приходится на Рауля Валленберга. Возможно, число спасенных достигло 100000 человек, если учитывать гетто, где к моменту вступления советских войск все еще находилось около 50 000 тысяч евреев.

Хорошо известно, что с ухудшением ситуации, особенно после того, как в середине октября венгерская нацистская партия при помощи немцев захватила власть, Рауль Валленберг был вынужден вести переговоры напрямую с Эйхманом и самыми отъявленными венгерскими фашистами. При этом ему неизбежно приходилось во многих случаях давать взятки.

Как и большинство других сотрудников миссии, Рауль Валленберг имел контакты с некоторыми движениями венгерского Сопротивления, что в тех условиях было весьма естественно. Историк Йозеф Антал также указывает, что дипломатические представительства Швеции и других нейтральных стран проявляли полную готовность оказывать услуги польским беженцам, которые оказались в Венгрии в 1939 г. или позднее, особенно когда речь шла о вывозе дипломатических материалов из страны и доставке их польскому эмигрантскому правительству в Лондоне.

В совокупности в десяти отчетах, или так называемых меморандумах, Министерству иностранных дел Швеции Рауль Валленберг рассматривал положение венгерских евреев; последний отчет датирован 12 декабря. Эти отчеты посылались курьерской почтой в Стокгольм, в Министерство иностранных дел, которое пересылало их далее Иверу Ольсену в

¹ Сионистский Комитет по освобождению и спасению в Будапеште.

американскую миссию. Из британских документов явствовало, что Великобритания также была хорошо информирована о деятельности Валленберга и получала копии его отчетов. Конечно, у Рауля Валленберга было много других документов о деятельности по спасению евреев, которые в той степени, в какой они уцелели, попали, вероятно, в руки советских властей. Переписка Рауля Валленберга со Стокгольмом подробно приведена в курьерских списках, которые сохранились; их число за вторую половину 1944 г. составляет тринадцать. Последнее послание в Стокгольм было отправлено 9 декабря. Последний отчет Рауля Валленберга должен был быть послан с особым курьером в Стокгольм. Вообще же миссия могла связываться с Министерством иностранных дел при помощи телеграмм (шифрованных или открытым текстом).

Валленберг вел также переписку с Кальманом Лауером (частично в зашифрованном виде), прежде всего относительно важных финансовых операций, связанных с его деятельностью в Будапеште, которая, естественно, передавалась Иверу Ольсену.

Несмотря на нечеловечески трудное бремя, Рауль Валленберг уже в ноябре стал обсуждать со своими ближайшими сотрудниками вопрос о создании сети, которая после войны помогла бы возвращению выживших евреев к нормальной жизни. Связанные с этим поручения, как указано выше, отчасти поступали из Министерства иностранных дел в Стокгольме. В декабре этот план был расширен; идея состояла в проведении крупной международной акции по типу плана Нансена. В частности, Рауль Валленберг разработал план организации, которая под надзором венгерского правительства должна была оказывать помощь депортированным, способствовать восстановлению и создавать рабочие места. Рауль Валленберг имел с собой этот план, когда он отправился к командованию Советской Армии в Дебрецене. Некоторые документы, принадлежавшие миссии, а также ценные вещи евреев, находившихся под ее охраной, были помещены в подвалы венгерского центрального банка.

В начале января 1945 г. Рауль Валленберг сообщил Даниельссону, что он собирается перейти в расположение советских войск. Даниельссон ответил, что Валленберг может это сделать, если сочтет свое положение опасным.

ПОРУЧЕНИЕ ПО ЗАЩИТЕ ИНТЕРЕСОВ

Определенное значение в отношениях с СССР и в заключении Рауля Валленберга в тюрьму имеет также тот факт, что шведская миссия в Будапеште выполняла поручение по защите интересов СССР. 24 июня 1941 г., т.е. через два дня после нападения Германии, посланник Ассарссон в Москве был вызван к заместителю министра иностранных дел СССР Лозовскому, который попросил Швецию взять на себя защиту интересов СССР в Германии, Венгрии и Словакии. Он просил дать скорейший ответ, который, как он предполагал, будет положительным. Уже на следующий день Его королевское величество решило удовлетворить просьбу СССР, о чем было сразу же сообщено в Москву. 15 июля того же года Министерство иностранных дел СССР попросило, чтобы шведская миссия в Будапеште приняла «на сохранение» всю собственность, которая принадлежала советским представительствам – дипломатическому, консульскому и торговому.

Шведская миссия в Будапеште защищала также интересы других стран. Эта работа была организована в так называемом Отделе Б. Всю ответственность нес руководитель миссии, а за оперативную деятельность отвечал атташе Берг. Представляется, что какая-то работа в советской секции началась всерьез только 18 октября 1944 г., когда был принят на работу говоривший по-русски человек по фамилии Томсен (или Гроссхейм-Криско), которого замещали еще несколько лиц русского происхождения. Томсен сообщил о себе, что родился в Норвегии, но на самом деле он родился в Ростове, но это обнаружилось только тогда, когда он провел шесть лет в советских тюрьмах. Помимо Рауля Валленберга он был единственным сотрудником шведской миссии, которого арестовали и доставили в Москву.

Деятельность советской секции миссии состояла в основном в выдаче охранных писем и справок на русском языке, а также в переводе указателей на русский язык, что понадобилось, когда Советская Армия вошла в Будапешт. За период с 18 октября по 1 декабря 1944 г. было выдано 14 охранных писем советским гражданам. Однако многие получили отказ по своим заявкам, поскольку обычно дело касалось русских эмигрантов. Кроме того, Отдел Б занимался

госпиталем для раненых советских военнопленных. Непосредственно за него отвечал проживавший в Будапеште Михаил Толстой-Кутузов. Госпиталь для военнопленных был передан советским властям в полностью рабочем состоянии в январе 1945 г. Вообще, работа в Отделе Б была почти парализована после того, как он был разграблен венгерскими фашистами 24 декабря 1944 г.

По данным Министерства иностранных дел России Швеция оказывала помощь при эвакуации советского персонала из Венгрии после объявления ею войны в июне 1941 г., но после сентября 1941 г. Швеция не передавала никакой информации из Венгрии.

ПОСЕЩАЛ ЛИ РАУЛЬ ВАЛЛЕНБЕРГ СТОКГОЛЬМ ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ 1944 г.?

Сохраняется тайна вокруг утверждения о посещении Раулем Валленбергом Стокгольма осенью 1944 г. Именно Маркус Валленберг в своем выступлении на слушании по делу Валленберга в Стокгольме в 1981 г. утверждал, что в последний раз он видел Рауля Валленберга на обеде в своем собственном доме, когда Рауль Валленберг временно возвратился из своей дипломатической миссии в Будапеште. Не все присутствовавшие при этом заявлении поняли всю сенсационность данной информации. Другим источником является баронесса Кемень-Фукс, которая была женой последнего венгерского министра иностранных дел перед взятием Будапешта советскими войсками. Она сказала, что Рауль Валленберг уверял ее, что он говорил с г-жой Коллонтай, которая была в то время посланником СССР в Стокгольме, о «тебе и ребенке». Баронесса помогала Раулю Валленбергу в его деятельности по спасению евреев, и поэтому можно предположить, что он желал проинформировать советские власти, чтобы к ней отнеслись хорошо. Эти данные также предполагают посещение Раулем Валленбергом Стокгольма в 1944 г. или по меньшей мере его телефонный звонок г-же Коллонтай. Незадолго до своей смерти в 1995 г. член СС Курт Бехер в телефонном разговоре с Сузанной Бергер сказал, что он слышал о том, что Рауль Валленберг пытался организовать полет в Швецию поздней осенью 1944 г. на немецком самолете и что он пытался отсоветовать Валленбергу лететь на самолете. Бехер умер до того, как его смогли спросить о том, состоялась ли эта поездка. Однако немецкая виза, датированная 13 октября 1944 г. и действительная для обратного въезда по 29 октября включительно, была проставлена в паспорте Рауля Валленберга. Наконец, в британских документах упоминаются сведения, что шведский дипломат собирался посетить Стокгольм в конце сентября 1944 г.

Однако никаких следов посещения Стокгольма Раулем Валленбергом найти не удалось. Представляется почти совершенно невероятным, чтобы он побывал там и не встретился с матерью, братьями и сестрами. Не был также зарегистрирован какой-либо контакт с Министерством иностранных дел, а его сотрудники в Будапеште никогда ничего не говорили о такой поездке. Поиски в архивах сведений о разрешении на посадку и т.п. не принесли никаких результатов. Возможно, Маркус Валленберг имел в виду обед с Раулем Валленбергом после одной из его более ранних поездок в Венгрию. Все же нельзя полностью исключать, что поездка действительно состоялась, например, на обычном немецком курьерском самолете, что могло объяснить очень краткое пребывание, но с какой целью и зачем надо было сохранять ее в тайне? В этом случае наиболее вероятный временной отрезок приходится на неделю с 17 по 23 октября, когда действительно существует продолжительное, в несколько дней подряд, окно в карманном календаре Рауля Валленберга.

VI АМЕРИКАНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ О РАУЛЕ ВАЛЛЕНБЕРГЕ: ИМЕЛ ЛИ ОН РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЕ ЗАДАНИЕ ОТ УСС?

В 1994 г. были рассекречены многие американские документы о Рауле Валленберге, которые были переданы шведской стороне. Речь шла прежде всего о документах

Государственного департамента (т.е. Министерства иностранных дел США), УСС и ЦРУ. Большинство документов УСС и ЦРУ были взяты из Национального архива и библиотеки Рузвельта. Документы Государственного департамента относились главным образом к тому, как различные свидетельства отслеживались американской стороной, а также соответствующим статьям в прессе. В последние пять лет и особенно в 2000 году еще некоторые американские документы стали доступными.

Вопрос, который больше всего дискутировался в прессе, состоит в том, имел ли Рауль Валленберг какое-либо разведывательное задание от УСС.

Большой интерес придавался тому факту, что Ивер Ольсен был представителем не только УВБ и Министерства финансов США, но и УСС. В качестве представителя УСС в Стокгольме он имел три различных задания: финансовый контроль за миссией УСС в Швеции, опрос беженцев, прибывших в Швецию, а также добывание информации и засылку агентов в Норвегию, Прибалтику и на Балканы. Согласно служебному документу ЦРУ от 1955 г., Ивера Ольсена спрашивали тогда, имел ли он когда-либо оперативный контакт с Раулем Валленбергом или использовал его как-то по оперативным вопросам. На этот вопрос Ольсен многократно категорически отвечал «нет». Контакты с Раулем Валленбергом происходили только в его качестве представителя УВБ. «В этом вопросе Ольсен был очень убедителен».

Вместе с тем является фактом тесное сотрудничество УВБ и УСС. Опыт УСС использовался при создании организации УВБ. Отчеты УВБ, как правило, направлялись затем в УСС. Сообщения УВБ имели гриф секретности. Между тем ни одно из взаимоотношений УВБ с Раулем Валленбергом не имеет прямой связи с разведывательной деятельностью.

В другом меморандуме ЦРУ, от декабря 1955 г., также делается однозначный вывод: «Тщательное рассмотрение наших досье, а также контакты с бывшими служащими УСС выявили, что Рауль Валленберг никогда не был сотрудником американской разведывательной службы в каком-либо качестве».

Однако есть другие документы, которые по меньшей мере могут отчасти поставить под сомнение этот вывод. В документе ЦРУ от 1990 г. сообщается, что эта организация знает о косвенных контактах Рауля Валленберга с УСС. Кстати, в нем впервые официально сообщается, что Ивер Ольсен работал также на УСС. В этом документе делается аналогичный вывод относительно Рауля Валленберга, как и в приведенном выше документе. Затем излагаются две возможности для правительства США: 1) ничего не сообщать сверх того, что официально сообщалось ранее (если сказать сейчас больше, то это может обеспокоить сторонников Валленберга и его семейство из-за предположения, что Рауль Валленберг мог бы выполнять разведывательные задания вопреки сообщениям И. Ольсена в 1955 г.); 2) начать официальные контакты в рабочем порядке с СССР и предоставить больше информации о И. Ольсене, при этом, возможно, удастся узнать, как у русских появились подозрения относительно Рауля Валленберга. Однако у автора предложения есть сомнения, можно ли что-либо выиграть при использовании второго варианта.

Однако следующая формулировка в том же самом документе гласит: «Нынешнему поколению офицеров разведки может показаться странным, но документы (от 1955 г.) подтверждают уверенность Ольсена, что он работал одновременно на три правительственных организации... и что его контакты с Валленбергом не имели ничего общего с разведывательной деятельностью, а происходили под надзором УВБ».

В расшифрованной телеграмме УСС от 1 июля 1944 г. дается комментарий информации «Гарбо» (конспиративное название УВБ) о миссии Валленберга и констатируется, что из-за личных качеств «субъекта» (т.е. Рауля Валленберга) можно предположить, что он вряд ли окажется полезным для «нашей деятельности». «Вместе с тем мы исходим из предположения, что вы посоветовались с 799 (кодовое обозначение И. Ольсена) по этому делу и оценили, имеется ли какой-либо шанс использовать миссию для нашей выгоды». Неясно, кому посылалась телеграмма. Однако она указывает на то, что по меньшей мере была дана оценка возможности каким-либо образом использовать Рауля Валленберга также для разведывательных целей, но в конце концов победило мнение, что это вряд ли имело смысл.

В загадочном документе ЦРУ от 23 ноября 1954 г. о венгерских контактах в Швеции и Финляндии под рубрикой «ГЕЙГЕР, Кальман» (следует подразумевать Кальмана Лауера)

констатируется, что он, являясь директором «Центральноевропейской компании», помог «источнику информации» в деле проникновения Рауля Валленберга (имя написано неправильно) в Венгрию во время Второй мировой войны в качестве агента УСС. Однако неясно, в связи с чем появился этот документ.

В документе УСС от марта 1944 г., который касается УВБ, говорилось, что Госдепартамент уже одобрил «общий план». Далее указывалось, что причина участия УСС в этом деле состоит в том, что это в определенной мере гарантирует возможность получения быстрых и эффективных средств связи, благодаря чему организация может получить в обмен важные выгоды.

В другом документе УСС от марта 1944 г. УВБ дает инструкции И. Ольсену, в которых говорится, что УВБ согласилось с чем-то, что тот предложил, и это «что-то» является начальной акцией по налаживанию сотрудничества между «управлениями», которые могут достичь новых (географических) районов.

Из этих документов можно по меньшей мере сделать вывод, что УВБ тесно сотрудничало с УСС, Госдепартаментом и Министерством обороны и что УВБ использовало каналы связи УСС. Эта констатация вряд ли является сенсацией.

Рауль Валленберг упоминается в зашифрованном документе УСС от 7 ноября 1944 г., в котором, по существу, говорится о сотруднике Министерства иностранных дел Венгрии Гезе Соосе, занимавшем ведущее положение в лояльном по отношению к Хорти движении Сопротивления МФМ. Согласно этому сообщению, контакт с Соосом можно установить только через Пера Ангера в шведской миссии в Будапеште. Однако говорилось, что Рауль Валленберг в курсе дел в случае, если Ангера не будет в Будапеште. Далее сообщается, что у Сооса был шведский сигнальный план¹, а также о том, что по поводу этого плана бывшему секретарю венгерской миссии Надю следует связаться с капитаном Тернбергом в Стокгольме.

Это верно, что шведская военная разведка действовала в Венгрии. Капитан Тернберг из бюро «С» посещал Венгрию в 1943 и 1944 гг. Он, вероятно, оставил в Будапеште радиопередатчик, который должен был действовать, так же как резервное средство связи миссии.

Этот сигнальный план упоминается также в другом документе – ноте британского посольства в Москве заместителю министра иностранных дел Деканозову, датированной 14 декабря 1944 г. Нота сообщает советской стороне о том, что ряд представителей венгерского Сопротивления во главе с Гезой Соосом приземлились на аэродроме в Италии. Они представляют движение Сопротивления МФМ, которое было организовано на основе инструкций адмирала Хорти. МФМ хочет координировать свои действия против немцев с наступлением Красной Армии. Говорится, что Соос привез сигнальный план и шифр, чтобы иметь возможность связаться с Будапештом, и утверждает, что МФМ в течение шести часов после получения послания сможет установить контроль над всеми официальными зданиями.

Кроме того, из документа УСС от 30 декабря мы узнаем, что Соос просил переправить известие далее в СССР. Там, в частности, упоминается, что МФМ передало 23 октября сообщение в шведскую миссию в Будапеште, которая выступала в качестве представителя интересов СССР в Венгрии. Никаких следов этого не удалось найти в шведских документальных источниках. Соос хотел получить из Москвы указания о том, как движение Сопротивления должно действовать и на какое обращение могут рассчитывать венгерские войска, если они перейдут на советскую сторону. В сообщении приводится также настораживающая информация, что почти все военное руководство МФМ было арестовано гестапо сразу же после того, как советский (?) офицер связи тайно посетил Будапешт и встречался с представителями МФМ в течение нескольких недель в ноябре. Нетрудно сделать вывод – и здесь можно найти параллель с тем, что произошло в Польше, – что СССР вряд ли мог быть вообще заинтересован в ведущей роли движения Сопротивления, которое не находилось под его контролем.

Как вообще надо толковать приведенные выше сообщения? Прежде всего мы знаем, что

¹ Сигнальный план – это термин, обозначающий инструкции и устройства, которые необходимы для поддержания радиосвязи между радиостанциями, то есть частоту/диапазон, время для двусторонней связи, позывные сигналы, обмен частотами, шифрование и т.п.

шведская миссия и особенно Пер Ангер имели контакт с венгерским движением Сопротивления (этих движений было много, в том числе и под контролем коммунистов). На фоне ситуации в целом и предстоящего завершающего советского наступления это было совершенно естественно; скорее отсутствие подобных контактов было бы служебной ошибкой. Мы знаем также из мемуаров капитана Тернберга (он служил в военной разведке – так называемом бюро «С» – и его технической конторе – конторе «Т»), что шведской военной разведке удалось наладить нелегальную радиосвязь с Норвегией, Данией, Швейцарией, Венгрией и Прибалтикой. Связь с Венгрией была, безусловно, установлена с помощью бывшего секретаря венгерской миссии в Стокгольме Надя и бывшего советника Геллерта, у которых было много хороших контактов с дипломатическими представительствами союзников в шведской столице. Именно в этой связи следует рассматривать так называемый сигнальный план. Однако представляется, что Рауль Валленберг не играл здесь ведущей роли. В зашифрованной телеграмме из штаба союзников в Италии, которая датирована маем 1945 г., сообщается со ссылкой на бригадного генерала Боннера Ки из УСС в качестве вероятного источника, что Ки запрашивал информацию у советских военных властей в Будапеште о судьбе Рауля Валленберга и швейцарских дипломатов Майера и Феллера. Констатируется также, что советские власти могут иметь убедительные доказательства того, что Феллер и, вероятно, также Мейер и Рауль Валленберг сотрудничали с нацистами.

ВЫВОДЫ

Из приведенных здесь документов нельзя сделать вывода о том, что Рауль Валленберг имел какое-либо разведывательное задание от УСС, хотя такая возможность, вероятно, рассматривалась этой организацией. Ни один официальный документ не утверждает чего-то подобного. Что касается двусмысленных документов, то надо быть очень осторожными в их толковании; ведь они могут основываться на неверном понимании отдельных служащих. Зато понятно, что отчеты Рауля Валленберга из Будапешта доводились до сведения УСС и они могли представлять определенную ценность, хотя и были предназначены в первую очередь УВБ. Очевидно, что УСС и УВБ тесно сотрудничали, а также то, что И. Ольсен несомненно являлся прежде всего представителем УСС, а остальные поручения выполняли функцию должностей прикрытия. Согласно документам ЦРУ, Ольсен также смешивал свои задания от УСС с деятельностью в пользу УВБ. Нельзя также исключать, что некоторые агенты УСС могли воспринимать Рауля Валленберга в качестве агента. При этом ЦРУ нигде не обнаружило материалов, которые указывали бы, что Рауль Валленберг знал о связи Ольсена с УСС. (Другое дело, что советская сторона на основе своих знаний о связи шведского дипломата с Ольсеном безусловно подозревала его в шпионаже в пользу США. Подробнее об этом ниже.) Возможно, что недавно рассекреченные документы ЦРУ могут пролить дополнительный свет на эти вопросы. Следует также напомнить, что части некоторых полученных документов зачеркнуты. Естественно важно получить всю возможную документацию и с американской стороны.

VII

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЗАДЕРЖАНИЯ И АРЕСТА РАУЛЯ ВАЛЛЕНБЕРГА В БУДАПЕШТЕ

ДОКУМЕНТЫ

В первый раз в советском документе обратили внимание на деятельность шведской миссии в Будапеште в октябре 1944 г. Именно тогда начальник политического департамента МИДа Швеции фон Пост информировал советника советского посольства Чернышева об усилиях шведской миссии в Будапеште по спасению евреев, включая выдачу охранных паспортов. Однако фамилия Валленберга не упоминалась, и на вопрос фон Поста, заинтересована ли Москва в информации о том, что Швеция делала для помощи евреям в

Венгрии, Чернышев не дал ответа, о чем он также упоминает в отчете в Москву.

В архиве российского Министерства иностранных дел, конечно, содержится нота шведской миссии в Москве от 31 декабря 1944 г., в которой приводится список членов шведской миссии в Будапеште и Швеция просит советские власти взять их под свою защиту, когда Красная Армия их обнаружит. Копия ноты была найдена и в Министерстве обороны России. В тот же день заместитель министра иностранных дел Деканозов переправил эту информацию в Генеральный штаб генералу Антонову, чтобы тот мог дать инструкции командующим фронтами.

В зашифрованной телеграмме, датированной 2 января 1945 г., помощника начальника Генерального штаба Красной Армии генерал-майора Славина командующим 2-м и 3-м Украинскими фронтами Малиновскому и Толбухину дается приказ о том, чтобы шведская миссия в осажденном Будапеште, которая, согласно данным, ушла в подполье, была при встрече с ней взята под защиту, а также о том, что об этом следует оповестить Генеральный штаб. Среди других упомянут Рауль Валленберг. На этой телеграмме имеется надпись, что командующие армиями также должны быть оповещены. Были найдены и соответствующие приказы многим подчиненным частям.

Найден рапорт командующему 30-м армейским корпусом о том, что Рауль Валленберг 13 января добровольно разыскивал представителей советской стороны.

13 января Советская Армия овладела домом 16 по улице Бенчур, где находился транспортный отдел Международного Красного Креста. Там был «встречен» Рауль Валленберг. Димитренко из 151-й стрелковой дивизии послал рапорт начальнику политотдела 7-й гвардейской армии. В рапорте говорится, что Рауль Валленберг, как и его шофер, был встречен на улице Бенчур, 16, и он передал текст телеграммы на немецком языке с просьбой переправить ее в Стокгольм. На рапорте Димитренко имеется следующая запись: «18= к Афонину пока никуда не отпускать телеграмму никуда не передавать».

14 января Куприянов из 30-го стрелкового корпуса 7-й гвардейской армии под предлогом заботы о безопасности и удобства перемещения приказал немедленно сопроводить Рауля Валленберга, который находился теперь в расположении 151-й стрелковой дивизии, к командующему 18-м стрелковым корпусом генерал-майору Афонину. Кроме того, указывалось, что надо запретить Раулю Валленбергу контакт с внешним миром. На телеграмме от руки написано, в частности, следующее: «Он был обнаружен 13 января на улице Бенчур; другие сотрудники миссии находятся в западной части; он отказался оставить фронт, сказав, что он отвечает за 7000 шведских граждан, которые находятся под его защитой в восточной части города».

Начальник штаба 2-го Украинского фронта Захаров 15 января 1945 г. послал по телеграфу информацию начальнику Генерального штаба Антонову и начальнику штаба 3-го Украинского фронта, что Рауль Валленберг был встречен 13 января на улице Бенчур, и при этом указал, что остальная часть миссии находится в западной части города. Рауль Валленберг и его собственность взяты под охрану.

К этому можно добавить, что именно эти рапорты лежат в основе сообщения заместителя министра иностранных дел Деканозова шведскому посольству в Москве 16 января о том, что Рауль Валленберг встречен и взят на попечение советскими войсками в Будапеште.

Документы в архиве Министерства обороны включают также датированный 17 января приказ заместителя министра обороны Булганина командующему 2-м Украинским фронтом Малиновскому и его копию начальнику Смерша Абакумову об аресте Валленберга. Булганин приказывает, чтобы Рауль Валленберг был доставлен в Москву, а также сообщает, что контрразведка Смерш получила надлежащие инструкции. Никакой мотивировки аресту не дается. На приказе об аресте вышеупомянутый Захаров написал товарищу Поветкину, что тот лично вместе с товарищем Королевым должен организовать отправку в Москву.

В тот же день, т.е. 17 января, Булганин посылает еще один приказ об аресте. Он касается работающих в Будапеште швейцарских дипломатов Макса Майера и Харальда Феллера, а также словацкого посланника Яна Спишака. Они должны быть отправлены в Москву «таким же образом, как и Валленберг», и операцию должен проводить Смерш. 20 января упомянутый выше Захаров просит дать инструкции, как он должен поступить не только с Феллером и

Майером, но и с преподавателем шведского языка, представителем Красного Креста Вальдемаром Ланглетом и его женой. Никакого ответа по запросу относительно Ланглета не обнаружено.

Рапорт советской военной контрразведки Смерш от 22 января 1945 г. содержит список адресов миссии в Будапеште, составленный помощником начальника 2-го отдела Смерша 2-го Украинского фронта майором Петровским и адресованный начальнику оперативной группы Смерша при штабе этого фронта в Будапеште. Отмечено, что список составлен на основе данных, полученных, в частности, от задержанного секретаря шведской миссии Валленберга.

В рапорте от 23 января об арестах «агентов противника», произведенных Смершем на 2-м Украинском фронте за 1-20 января 1945 г., сообщается, что среди арестованных находятся три представителя дипломатического корпуса, два из которых – сотрудники шведской миссии в Будапеште. Однако дело в том, что только один из них швед (другой, вероятно, Томсен/Гроссхейм-Криско или Лангфельдер).

В сообщении Захарова заместителю министра обороны Булганину докладывается, что арестованный Рауль Валленберг отправлен в Москву 25 января, а фамилия старшего конвоя – Зенков. Из других сообщений видно, что Рауль Валленберг был арестован 19 января, а швейцарские дипломаты – 10 и 16 февраля. Согласно тюремной регистрационной карточке Лубянской тюрьмы, Рауль Валленберг прибыл туда 6 февраля, в тот же день, что и его водитель В. Лангфельдер. Феллер и Майер прибыли в Москву лишь 4 марта через Львов и Киев. Есть и другие рапорты НКВД о шведской миссии (однако они не дают ничего нового по существу), а также копия ноты посланника Даниельссона, который опровергает сообщения прессы о том, что советские войска плохо обходились с членами шведской миссии. Из отчетов сотрудников шведской миссии вытекает, впрочем, что миссия подвергалась крупномасштабному и неоднократному разграблению. Эти данные подтверждаются затем в служебной записке начальника отдела МИДа Ветрова Деканозову от 24 мая 1945 г. Дополнительных материалов по этому периоду в архивах не найдено. Не исключено, что некоторые сообщения разведки из Будапешта когда-то были изъяты из архивов.

УСТНЫЕ СВЕДЕНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Устные сведения о последних неделях Рауля Валленберга в Будапеште и впечатлениях других членов шведской миссии вплоть до репатриации в марте являются намного более содержательным источником, нежели приведенные выше краткие документы. Среди этой информации интерес может представлять следующее.

Воспоминания советских военных

Командир 2-го батальона 581-го стрелкового полка Шкред вспоминает, что его подчиненные однажды остановили автомашину с двумя иностранцами; ими оказались Рауль Валленберг и его водитель. Шкред отдал приказ сопроводить иностранцев в штаб полка, но двое в автомашине не хотели ее покидать, пока на них не направили автоматы.

Начальник политотдела этого полка Чаповский сообщил бывшему сотруднику МВД Дмитриеву, который любезно предоставил материалы в распоряжение рабочей группы, что, согласно поступившим инструкциям, со шведским дипломатом следовало обходиться гуманно и не допрашивать, также надо было уважать его иммунитет и помочь ему отправиться в вышестоящий штаб.

Согласно данным других офицеров указанного выше полка, Рауля Валленберга, видимо, отвезли в штаб 14 января. Там он разговаривал, в частности, с командиром полка Голубем, при этом Рауль Валленберг высказал желание встретиться с маршалом Малиновским. Подчиненный Голубя получил приказ проследить за тем, чтобы Рауль Валленберг был отправлен в вышестоящий штаб, откуда прибыл капитан Смерша. Однако Рауль Валленберг был отправлен к начальнику Смерша 151-й дивизии полковнику Кислице. Этому перемещению помогал, в частности, офицер политотдела 151-й дивизии Яков Валах. Вскоре после 14 января он получил сообщение, что два члена шведской миссии прибыли в штаб полка. Валах был отправлен для

сопровождения Рауля Валленберга и Лангфельдера в штаб дивизии, где командир дивизии Подшивалов принял Рауля Валленберга по его просьбе. Рауль Валленберг подробно рассказал о своей деятельности и заявил, что он хочет обсудить с советским военным командованием в Будапеште меры по спасению гетто. Он привез с собой объемистый портфель с важными документами, которые был готов передать военному командованию. По мнению Валаха, Рауль Валленберг внушал доверие, несмотря на то, что войска на фронте относились ко всем с большим подозрением, поскольку были приучены везде видеть шпионов. На следующий день, т.е. 15-го или 16-го, появились офицеры из 7-й гвардейской армии и 2-го Украинского фронта с целью забрать обоих. При этом полковник подчеркнул, что никто не должен ничего говорить о Рауле Валленберге.

По данным Хелен Карлбэк-Исотало, Михаил Данилаш, служивший в разведывательном отделе штаба 30-го корпуса, однажды между 8 и 14 января разговаривал с Раулем Валленбергом в том здании, где он тогда находился. В частности, Рауль Валленберг жаловался, что у него забрали служебный автомобиль, и требовал встречи с маршалом Малиновским. Данилаш также говорит, что он однажды слышал в штабе, что Молотов отдал приказ доставить Рауля Валленберга к нему.

Имеется свидетельское показание, что Рауля Валленберга видели на дороге в Дебрецен 17 января в автомашине в сопровождении майора Демченко (который сообщал, что он встретился с Раулем Валленбергом еще 13 или 14 января) и двух солдат. Демченко был заместителем начальника политотдела полка. Найти его не удалось.

По сведениям одного венгра, Рауль Валленберг якобы провел ночь в лагере для военнопленных в Геделле, после этого его привезли в Будапешт и разместили на вилле в пригороде Ракошентмихали при въезде из Геделле.

Сведения от сотрудников Рауля Валленберга

Секретарь д-р Дьёрдь Гергей, который работал у Рауля Валленберга, сообщил в апреле 1946 г., что начиная с 12 января (это расходится с приведенными выше данными) Рауль Валленберг был под советским надзором и его сопровождали советские офицеры. Обращение было хорошим, и Рауль Валленберг хотел встретиться в Дебрецене с маршалом Малиновским. Он намеревался обсудить вопросы возвращения еврейской собственности. Гергей хотел последовать за ним, но Рауль Валленберг отказался от этого. При отъезде 17 января шведский дипломат взял с собой три саквояжа и рюкзак, а также большую сумму денег. При этом до того, как он покинул Будапешт, он передал Гергею 300 000 пенгё, чтобы тот мог продолжать заниматься благоустройством евреев.

Бела Реваи утверждает, что при отъезде 17 января Рауль Валленберг сказал, что они сначала поедут в «Штадтвальд» (Варошлигет) и затем в Дебрецен, где находился штаб советского командования.

Венгерский сотрудник Рауля Валленберга Ласло Сулнер сообщил, что, когда 17 января шведский дипломат с советскими офицерами оказался возле некоторых шведских домов, он рассказал о своих планах помощи после войны. Однако советская сторона не разделяла его мнения об этой гуманитарной акции. 20 января, когда советские войска начали грабеж международного гетто, один из сотрудников Рауля Валленберга, который хорошо говорил на русском языке (вероятно, это был Томсен), попытался связаться с советским командованием. Его забрали в НКВД, после чего советский офицер пришел в миссию и сказал, что без подтверждения удостоверения личности последует быстрый расстрел как немецкого шпиона. Сам Томсен сообщил, что его допрашивали в первый раз 21 января, но его фамилия отсутствовала в списке членов миссии, который получили советские военные. Другой офицер сообщил, что Рауля Валленберга повезли не к Малиновскому, а посадили под арест как шпиона. А вот Вальдемар Ланглет из Красного Креста при посредничестве Венгерского Красного Креста был принят представителями нового венгерского правительства в Дебрецене.

Сотрудники шведской миссии, которые были репатриированы в марте – апреле 1945 г., дали содержательное описание происходившего в Будапеште в те дни в особых отчетах для Министерства иностранных дел, а касательно Ларса Г. Берга и Пера Ангера – в книгах. Однако

представляется, что не было каких-либо записанных устных расспросов именно о Рауле Валленберге. В апреле 1945 г., после того как шведские дипломаты из Будапешта проследовали через Москву по дороге домой, Седерблум писал в телеграмме в МИД Швеции, что он считает важным, чтобы Ангер срочно составил скрупулезный отчет и доложил о ходе событий министру иностранных дел. При прибытии в Швецию коллеги Рауля Валленберга были приглашены к министру иностранных дел Гюнтеру, но он не делал никаких записей и на встрече не присутствовал ни один сотрудник министерства. Однако Гюнтер узнал, что о Рауле Валленберге позаботились советские власти. Без сомнения, миссия потеряла контакт с ним как минимум за неделю до того, как он оказался у русских, но Маргарита Бауэр сказала, что, когда персонал собрался в Будапеште для возвращения домой, советский офицер сообщил, что советская сторона взяла на себя заботы о Рауле Валленберге и отвезла его в Дебрецен. Офицер добавил, что он, вероятно, может оказаться в Стокгольме раньше всего остального персонала. По возвращении в Швецию Пер Ангер составил письменный отчет о деятельности миссии в Будапеште, подписанный Даниельссоном (последнего, кажется, так никогда и не опрашивали в Министерстве иностранных дел Швеции).

В частности, Пер Ангер пишет, что с теми членами миссии, которые оставались в Буде, советская сторона в основном обходилась корректно, несмотря на отсутствие удостоверений личности на русском языке. В Пеште было намного сложнее. В Буде и Пеште были советские части разных фронтов, это относилось также к НКВД/Смершу: в Буде стояли части под командованием маршала Толбухина (3-й Украинский фронт), в Пеште – маршала Малиновского (2-й Украинский фронт). Подозрительность советских властей по отношению к еврейским акциям шведов так и не нашла своего прямого выражения в Буде, в то время как шведы в Пеште были подвергнуты усиленным допросам.

Берг описал, как некоторое время спустя советские власти стали арестовывать одного за другим бывших сотрудников миссии из числа местных жителей. Особое внимание уделялось сотрудникам Рауля Валленберга и служащим Отдела Б. Большинство из них через некоторое время отпустили, в то время как другие не возвратились (кто именно – Берг не сообщает; согласно имеющимся данным, в Москву был отправлен только Томсен). Мы точно знаем, что допросам подверглись Берг, Толстой-Кутузов и Томсен. Соответствующие правилам протоколы допроса удалось найти лишь по Томсену; они находятся в его следственном деле, хранящемся в архиве ФСБ. Однако там Рауль Валленберг упоминается скорее мимоходом.

Примечательно, что представителя Красного Креста Вальдемара Ланглета, видимо, так никогда и не опрашивали в МИДе Швеции о его деятельности – ему разрешили оставаться в Будапеште на два месяца дольше, чем остальным шведам.

Член СС Курт Бехер сообщил в 1995 г., что в конце 1945 г. в Будапеште его расспрашивали в Смерше/НКВД о Рауле Валленберге. Сообщается, что в российских архивах не найдено никаких следов этих допросов.

ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКИХ ВЛАСТЕЙ

Советское военное командование относилось с большим подозрением к той деятельности, которая осуществлялась от имени шведской миссии; в особенности это касалось охранных паспортов и других выданных документов. Доверие удалось частично восстановить, когда миссия издала коммюнике, что все охранные паспорта, выданные до определенной даты, объявлены впредь недействительными, если они не будут заново подтверждены миссией. Во всяком случае, военное командование вскоре потребовало прекращения деятельности как дипломатического представительства, так и Красного Креста и выезда шведских подданных из страны.

Военный историк Галицкий, который принимал некоторое участие в деятельности рабочей группы, рассказал об отношениях на фронте во время Второй мировой войны. Любой человек, задержанный недалеко от линии фронта, доставлялся в военную разведку. Существовали подробные инструкции на этот счет. Иногда задержанные подвергались также допросам в особых отделах пропаганды. После этого часть из них поступала на допрос в

Смерш. Затем задержанных посылали чаще всего во фронтовой лагерь для военнопленных, а некоторые особо интересные лица направлялись в Москву. Те, кто представлял наибольший интерес, попадали там в Смерш, и на них заводили так называемое регистрационное дело. Каждого допрашивали по особому списку вопросов, и самые важные содержались в тюрьме, несмотря на то что они были военнопленными.

Когда советские войска взяли Будапешт, там была проведена так называемая зачистка тыла фронта, другими словами, облава, во время которой задерживались и проверялись все мужчины годного к военной службе возраста. По данным архива 2-го Украинского фронта, примерно 100 000 мужчин были отпущены после проверки.

Смерш не имел так называемой резидентуры в Будапеште до взятия его советскими войсками. Вместо этого, вероятно, стали собирать информацию на рубеже 1944-1945 гг. в связи с наступлением советских войск. В дальнейшем лишь Смершу поручали задержание, арест и отправку Рауля Валленберга в Москву. 4-е Главное управление МГБ под руководством Павла Судоплатова, конечно, засылало агентов за линию фронта в немецкий тыл, но не было найдено ничего, что указало бы на их действия в Будапеште. Вопрос о том, сыграла ли постоянная служба внешней разведки в НКГБ какую-либо роль в аресте Рауля Валленберга, остается, как говорилось выше, невыясненным. Однако имеются достоверные отчеты о советской разведывательной деятельности в Будапеште до декабря 1944 г.

КАКУЮ РОЛЬ СЫГРАЛ ТОЛСТОЙ-КУТУЗОВ?

Михаил Толстой-Кутузов был председателем Русского клуба, активно участвовал в общественной жизни и знал шведского посланника Карла Ивана Даниельссона. Был ли он, кроме того, советским агентом еще до вступления Красной Армии в Будапешт или предпочел (либо его заставили) сотрудничать со Смершем лишь после того, как советские войска установили контроль над Будапештом? То, что он делал во время войны до начала работы в шведской миссии, отчасти покрыто мраком. Согласно Судоплатову, Толстой был завербован службой разведки еще в 20-х годах. Берг воспроизвел то, что сам Толстой сказал ему в феврале 1945 г., когда Берг вновь увидел его в помещении советского коменданта города Чернышева. Толстой уже тогда получил задание возглавить иностранное бюро, в которое впредь должны были обращаться все иностранцы в городе. По словам Толстого, советские власти сначала не поверили тому, что он рассказывал, в частности, о своей деятельности в госпитале для военнопленных. Вместо этого он был арестован и его несколько раз допрашивали, но обращались с ним хорошо. Ему приказали рассказать о работе и личной жизни Берга и Рауля Валленберга. Тогда Толстой дал подробный отчет о деятельности миссии по защите советских интересов (см. ниже в главе о мотивах ареста Рауля Валленберга). Мы также знаем, что в архиве КГБ в свое время находился документ, в котором Толстой сообщал о работе ведущих членов шведской миссии; однако, согласно записи в архиве, этот документ был уничтожен в 1959 г. На запрос СВР сообщила, что Толстой был арестован Смершем и дал некоторую информацию о персонале шведской миссии. Протокол допроса не был найден в архиве СВР, а есть только документ, который сообщает, что допрос имел место. К сожалению, СВР не удовлетворила просьбу шведской стороны изучить дело Толстого-Кутузова за период с июля 1944 г. до июня 1945 г. СВР утверждает, что в этом материале нет никаких свидетельств о его работе в Будапеште, которая была бы как-то связана с деятельностью Рауля Валленберга.

На фоне последующей деятельности Толстого (через несколько лет он пытался убедить шведов, что Рауля Валленберга на самом деле убили в Будапеште) мы можем вместе с тем считать установленным, что по крайней мере со времени своей работы у коменданта города он полностью сотрудничал с Москвой.

КТО, В СУЩНОСТИ, ОТДАЛ ПРИКАЗ ОБ АРЕСТЕ?

Рауль Валленберг был арестован по приказу заместителя министра обороны Булганина. Абакумов также был заместителем министра обороны и непосредственно подчинялся Верховному главнокомандующему Сталину. Однако Абакумов, как правило, не отдавал прямых

приказов командующим фронтами.

Согласно найденным документам, которые касались швейцарских дипломатов Майера и Феллера, первоначально приказ должен был поступить непосредственно от Сталина, а упомянутые лица должны быть доставлены в Москву «тем же порядком, как и Р. Валленберг». Таким образом, судя по всему, Сталин решил, что некоторые дипломаты нейтральных стран, которые оставались в Будапеште, должны быть арестованы и доставлены в Москву. В докладной записке Абакумова Молотову от 6 декабря 1945 г. констатируется: «Феллер и Мейер арестованы Смершем в Будапеште 4 марта (дата не совсем точна) в соответствии с указанием Сталина».

ВОСПОМИНАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ СОВМЕСТНО С РАУЛЕМ ВАЛЛЕНБЕРГОМ

Большинство «недостающих звеньев» относительно периода времени с 17 января по 6 февраля 1945 г. находятся в Белой книге, изданной в 1957 г., в воспоминаниях военнопленных, которые находились на Лубянке и в Лефортове в 1945-1947 гг.

Густав Рихтер говорит, что Рауля Валленберга и Лангфельдера, после того как они заявили о себе советским военным властям, посылали из одной инстанции в другую и в конце концов они были арестованы. Согласно тому, что Вилли Бергеман сказал Эрхарду Хилле, Рауль Валленберг хотел провести переговоры с советскими властями об улучшении условий для еврейского населения и добиться, чтобы посольский квартал больше не обстреливался. Однако в тех штабах, с которыми он вошел в контакт, объясняли, что они не могут дать подобный приказ, и посоветовали ему обратиться непосредственно к маршалу Малиновскому. Затем он и Лангфельдер были арестованы НКВД. Эрнст Хубер рассказывает об инциденте, когда эти двое были задержаны в своей автомашине, шины которой были разрезаны советскими солдатами.

В соответствии с согласующимися данными, Рауль Валленберг и Лангфельдер были затем отправлены по железной дороге в Москву через Румынию. Наибольшее число подробностей дает Хубер. Они оба сидели недолго во временной тюрьме НКВД в Будапеште. Во время поездки по железной дороге их охраняли офицер и четыре солдата. В частности, во время остановки на станции Яссы (Румыния) они смогли ненадолго выйти из поезда и посетить ресторан «Лютер». Как в Будапеште, так и в Москве им разъясняли, что они не должны рассматривать себя в качестве заключенных, их арестовали лишь с целью защиты. В Москве им, в частности, показали метрополитен и они шли в Лубянскую тюрьму пешком. В разговоре несколько лет назад Рихтер утверждал, что во время поездки в Москву Рауль Валленберг писал детективный роман.

VIII ПРИЧИНЫ АРЕСТА И ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ТЮРЬМУ РАУЛЯ ВАЛЛЕНБЕРГА

ВВЕДЕНИЕ

Об истинных и полных причинах ареста Рауля Валленберга мы не знаем ничего с уверенностью. Однако на основе как прямых (в меньшем объеме), так и косвенных (в большем объеме) данных можно получить достаточно хорошую картину набора возможных мотивов. Ввиду отсутствия решающих документальных свидетельств дать корректную оценку весомости различных причин непросто. Сделаем оговорку: когда речь идет о тех или иных мотивах, сведения о которых появляются с годами, нельзя в конечном счете исключать возможность дезинформации. Атташе шведской миссии в Будапеште в 1944–1945 гг. Ларе Берг рассказывал, как говорилось выше, после возвращения домой, что большинство нешведских сотрудников миссии было допрошено советскими властями. Их спрашивали о работе миссии и шведских дипломатов, против которых выдвигали обвинения в шпионской деятельности, выдаче фальшивых документов, а также охранных бумаг венгерским гражданам нееврейской

национальности, часть из которых была фашистами; затем в отсутствии контроля со стороны миссии за гуманитарной деятельностью и, наконец, в недостаточно активном соблюдении интересов СССР в Венгрии. На Рауля Валленберга и Берга указывали, как на немецких шпионов-резидентов. С советской стороны утверждалось, что «невозможно», чтобы Рауль Валленберг мог рисковать своей жизнью для спасения венгерских евреев. Согласно заявлению Толстого-Кутузова Бергу, Смерш также выяснял, представляла ли Швеция каким-либо образом американские или британские интересы в Венгрии. Хотя основной тезис изображался так, что шведская миссия была замешана в немецком шпионаже против СССР, появились вскоре также подозрения о шпионаже в пользу американцев и британцев. Хотя СССР был союзником США и Великобритании, подозрительность Сталина по отношению к этим странам была очень велика.

Однажды в 1979 г. заместитель министра иностранных дел СССР Земсков в разговоре с послом Швеции в Москве воскликнул в состоянии крайнего возбуждения, что Рауль Валленберг был шпионом США и что американцы неофициально это признали.

Таковы были знаки с советской стороны до того, как рабочая группа начала свою деятельность.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Некоторую информацию, почему советские власти проявили интерес к Раулю Валленбергу, можно найти в допросах Гроссхейма-Криско (он же Томсен) в Смерше и МГБ. Из протокола допроса от 26 мая 1947 г. видно, что Томсен подтверждает прежние свидетельства о том, что в шведской миссии работали «фашисты» (речь идет об итальянцах, венграх и русском белоэмигранте). Далее Томсен сообщает, что были случаи, когда евреи продавали свои охранные паспорта, но миссия могла и не знать об этом. Он также заявляет, что миссия, «насколько известно», никогда не брала взятки с целью выдачи документов, и он не хотел признаваться в том, что он сам собирал информацию о СССР.

В более раннем допросе, датированном мартом 1945 г., Томсен утверждает, однако, что охранные паспорта выдавались лицам, которые бежали от советской власти и скрывались от ответственности за свою «преступную деятельность». Он утверждал также, что посольство взяло под свою защиту эмигрантов, настроенных враждебно по отношению к СССР, «фашистов», обладавших крупными состояниями и предприятиями. Более 5000 лиц первой категории получили охранные документы. Посланник Даниельссон и Берг имели якобы контакты с германским посольством и обсуждали по телефону вопрос об охранных документах для лиц, которые пришли в посольство. Затем ведущий допрос поставил вопрос о том, вела ли шведская миссия деятельность, враждебную советскому государству. Томсен ответил утвердительно. Однако он не выдвигал никаких прямых обвинений против Рауля Валленберга. Указанные несоответствия в высказываниях Томсена подчеркивают важность очень осторожного подхода к его сведениям.

Найденный в архиве ФСБ протокол допроса, который не имеет видимого прямого отношения к шведскому дипломату и шведской миссии в Будапеште, за исключением того, что следователь, согласно журналам допросов, допрашивал также Рауля Валленберга, касается некоторых допросов сотрудника германского абвера Гфрорнера, который обвинялся в шпионаже и связи через ДЖОЙНТ с англо-американским разведывательным центром в Турции. В частности, Гфрорнеру был задан вопрос о том, знал ли он Томсена, на что был дан отрицательный ответ. Зато он хорошо знал Джоэля Бранда, которого считал руководителем ДЖОЙНТ в Будапеште (Бранд был представителем ВААД). Представительство ДЖОЙНТ в Будапеште якобы действовало в качестве резиденции американской разведки. Кроме того, Будапешт служил своего рода транзитным пунктом для переправки материалов разведки и агентов из Польши, Чехословакии и Венгрии в Стамбул. Гфрорнер, в частности, сообщает, что в 1940 г. еврейские националисты предложили американским властям использовать организацию ДЖОЙНТ в качестве широкомасштабной разведывательной сети в обмен на поддержку США создания независимого еврейского государства в Палестине. Однако сотрудник ДЖОЙНТ предложил допустить немецких агентов в некоторые представительства ДЖОЙНТ, если Германия взамен будет выпускать от 2 до 5 тысяч евреев в месяц. По словам Гфрорнера,

Гиммлер отверг это предложение. Все же немцам якобы удалось контролировать значительную часть почтовых отправок в ДЖОЙНТ. Гфрорнер утверждал, что работал на эту организацию в Будапеште и получал деньги от нее, по крайней мере до 1943 г. включительно, когда этой деятельности стал угрожать Густав Рихтер, атташе немецкой полиции в Бухаресте. В одном из протоколов допросов, касавшихся Гфрорнера, имеется следующий абзац: «В Будапеште было определено, что сотрудники турецкой, шведской и других миссий работали на англо-американскую разведку или в качестве курьеров». Гфрорнеру не было задано ни одного вопроса о Рауле Валленберге (допрос происходил в начале 1949 г.), хотя его несколько раз допрашивал человек, который, согласно записям в журналах допросов, дважды допрашивал шведского дипломата. Наконец, интересно, что Гфрорнер в 1949 г. рассказал итальянскому заключенному, что он знал Валленберга по Будапешту.

Рапорт Смерша в феврале 1945 г. констатирует следующее: «Вместо защиты интересов СССР и Венгрии шведское посольство и шведский Красный Крест берут под свою защиту врагов СССР и венгерского народа и предоставляют им приют и убежище». Несколько других обвинений направлены также против отдельных членов шведской миссии (однако Рауль Валленберг не упомянут).

В одном из не утвержденных Центральным Комитетом проектов, который подготовили министр иностранных дел Молотов и председатель КГБ Серов в апреле 1956 г., ответственность за смерть Рауля Валленберга полностью возлагается на Абакумова, а также констатируется, что он обвинял Рауля Валленберга в шпионаже в пользу Германии (это обвинение отсутствует в так называемом меморандуме Громыко, который был передан послу Швеции в Москве Сульману 6 февраля 1957 г.).

Определенное указание можно обнаружить, проводя аналогию с арестованными швейцарскими дипломатами. Представляется, как указано выше, что Сталин, очевидно, лично отдал приказ об аресте некоторых дипломатов нейтральных стран в Будапеште. Но по отношению к швейцарцам исход оказался более благоприятным, если сравнивать с делом Валленберга. В докладной записке Молотову от 6 декабря 1945 г. на основе данных, полученных на допросах в Смерше, Абакумов описывает деятельность Феллера и Майера в Будапеште довольно положительно и указывает, что эти двое сказали, что «они не занимались политикой, а тем более разведывательной деятельностью» (объяснение, оправдывающее освобождение). Молотов принимает решение освободить швейцарцев в обмен на русских, которые были интернированы в Швейцарии. Можно также отметить, что тот, кто вел допросы, не задавал Феллеру вопросов о Рауле Валленберге. Общее впечатление таково, что с советской точки зрения деятельность швейцарцев в Будапеште имела менее бесспорный характер по сравнению с деятельностью Валленберга.

Словацкий посланник Спитак был передан Праге в феврале 1947 г. по требованию Чехословакии для организации суда над ним.

Приведенных документальных данных о том, почему Рауль Валленберг был арестован, очень мало, и они не позволяют составить ясную картину, в особенности по той причине, что шведскому дипломату не уделялось слишком большого внимания в материалах.

Намного больше версий, более или менее обоснованных, появилось в результате устных опросов или иных действий.

УСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ И КОММЕНТАРИИ

Они различны, во всех случаях не приводят доказательств, но в большинстве случаев поступили от бывших сотрудников советской госбезопасности.

Наиболее общий мотив ареста Рауля Валленберга, что также указывалось советскими военными историками и архивными экспертами, которые на раннем этапе были связаны с рабочей группой, состоял в том, что все, кто представлял интерес для военной контрразведки, арестовывались в тылу после наступления Красной Армии. Таким образом были арестованы все немецкие дипломаты, а также, например, швейцарские. Очень много лиц было задержано и проверено в прифронтовой полосе в районе Будапешта. Чтобы стать подозреваемым, требовалось не слишком много. Бывший сотрудник КГБ указывает, например, что Смерш

состоял из не слишком квалифицированных сотрудников и для них была характерна высокая степень шпиономании: если какой-либо военнопленный побывал, например, в английской оккупационной зоне, его обвиняли в шпионаже в пользу Великобритании (ведь Рауль Валленберг имел по службе много контактов с немцами). Из различных протоколов допросов также видно, что Смерщ, как и МГБ, интересовало почти все: из пленных «вытрясали» информацию. Однако в деле Рауля Валленберга надо принять во внимание, что четкий приказ об аресте пришел из высоких сфер в Москве. Следовательно, для этого должны быть определенные причины. Нет уверенности в том, что главными мотивами были те, которыми руководствовались во время допросов Томсена и других членов миссии в Будапеште. Кроме того, Раулю Валленбергу уделялось поразительно мало внимания на этих допросах. И все же он был единственным, помимо Томсена, кого доставили в Москву.

Вероятными мотивами ареста Рауля Валленберга, которые выдвигались в первую очередь, были следующие.

1. Рауль Валленберг стал сотрудником УВБ с заданием спасти евреев из лап нацистов в Венгрии. Однако в представлении Москвы доминировало представление об УВБ как о международной сети с более или менее развитыми подпольными связями и разведывательной работой (что для Советского Союза могло казаться равнозначным шпионской сети, в особенности благодаря тесному сотрудничеству УВБ с УСС). То, что гуманитарные мотивы возникновения УВБ, как и миссии Рауля Валленберга, были достаточно сильны сами по себе, было фактом, в который советская сторона верила с трудом (это видно из допроса Берга, см. выше).

2. Все сообщения из Вашингтона Раулю Валленбергу и в обратном направлении шли через представителя УВБ в Стокгольме Ольсена. Ольсен был также представителем американской разведывательной организации УСС. Попытки Ольсена спасти евреев и прибалтов из прибалтийских государств были достаточно успешными и привлекли внимание Советского Союза. В частности, он участвовал в переговорах с представителями Гимmlера об освобождении латышских евреев в обмен на деньги. Коммунистическая пресса попыталась дискредитировать его. Кроме того, Ольсен направлял агентов в Прибалтику. Следовательно, можно с уверенностью говорить о том, что контакты Рауля Валленберга с Ольсеном и тот факт, что Ольсен работал на УСС, были известны Москве. Следовательно, существовало достаточно сильное подозрение, что Рауль Валленберг также работал на УСС.

3. Шведский дипломат получал также для выполнения своего задания средства от ДЖОЙНТ. Ее представители участвовали во многих переговорах с нацистами с целью спасения евреев от истребления. Советский Союз безусловно знал об этом. Интерес госбезопасности к ДЖОЙНТ виден из приведенного выше допроса Гфрорнера. В послевоенный период в глазах советских руководителей ДЖОЙНТ превратилась во «всемирную сионистскую силу», которая поддерживала «всемирный сионистский заговор». Многие евреи и неевреи были арестованы и осуждены по обвинению в контактах с ДЖОЙНТ как в СССР, так и в восточноевропейских государствах-сателлитах.

Таким образом, шпионский мотив имел несколько разновидностей. Томсен утверждал, что офицеры Смерща в Будапеште пытались заставить его признать, будто шведская миссия готовила создание шпионского центра против СССР во время наступавшей советской оккупации (это обвинение вновь возникает несколько лет спустя, когда готовился показательный процесс в Венгрии). И в Москве МГБ попыталось заставить Томсена рассказать, что он знал о подготовке шпионской деятельности шведского дипломатического представительства в Будапеште, в частности, в ходе допроса, проведенного заместителем министра госбезопасности Меркуловым (протокол допроса не найден). На допросе осенью 1945 г. ведущий допрос Вейндорф просил дать разъяснения о деятельности Рауля Валленберга в Будапеште. Когда Томсен рассказывал о его гуманитарной деятельности, Вейндорф рассмеялся и заявил, что он хочет знать о шпионской деятельности Валленберга. «Советская сторона хорошо знает, что как Рауль Валленберг, так и Томсен были шпионами. Есть доказательства этого». Лишь в 1951 г. обвинения в шпионаже были с Томсена сняты.

Судоплатов утверждает, что генерал Белкин, который в конце войны возглавлял

фронтное управление Смерша, в 50-х годах как-то рассказал ему, что контакты Рауля Валленберга с германской разведкой были широко известны. Белкин также сказал, что все резиденты Смерша в 1945 г. получили справочные данные, которые указывали на Рауля Валленберга как на «задействованный актив» германской, американской и британской разведок. Он также сказал, что Москва планировала использовать предполагаемое сотрудничество Рауля Валленберга с абвером с целью склонить его и семейство к сотрудничеству.

Бывший сотрудник советской заграничной разведки утверждает, что видел в архиве отчеты агентов, которые сообщали о контактах Рауля Валленберга с гестапо и абвером. При этом он не мог вспомнить каких-либо данных о контактах с американской разведкой.

Контакты Рауля Валленберга в Будапеште являлись хотя бы из карманного календаря, который советские власти изъяли при аресте. Впрочем, вероятно, что советские власти тогда получили также информацию непосредственно от Рауля Валленберга о его планах в области программ помощи и восстановления прежде всего для еврейского населения. Эти планы должны были выглядеть подозрительными для службы госбезопасности, и они однозначно не совпадали с тем, что СССР готовил для Венгрии.

Высокопоставленный служащий, работавший в течение длительного времени в международном отделе Центрального Комитета, указывает, что основным мотивом ареста Рауля Валленберга считалось ведение им разведывательной деятельности в пользу американцев. Его якобы считали одним из десятка американских агентов в Венгрии, а его гуманитарная деятельность трактовалась лишь как прикрытие. По мнению Москвы, Стокгольм с Ивером Ольсеном в роли ключевой фигуры являлся важным центром американской разведывательной деятельности, направленной против Советского Союза, которой, между прочим, шведская разведка также помогала своей информацией.

4. Рауль Валленберг являлся представителем семейства Валленбергов, наиболее богатого и могущественного в финансовом мире Швеции. Москву наверняка интересовали дела и контакты этого семейства, и офицеры разведки в Стокгольме, особенно легендарная пара Рыбкиных, они же Ярцевы, безусловно имели задание получить как можно больше информации об этом. К сожалению, оказалось невозможным изучить архив СВР для более верного понимания их роли. Г-жа Коллонтай также сообщала о некоторых делах Валленбергов, а в МИДе составлялись докладные записки о них (прежде всего о Маркусе и Якобе Валленбергах). В начале 1944 г. заместитель министра иностранных дел Деканозов выразил удивление, получив сообщение из Стокгольма о контактах Маркуса Валленберга с лидером шведских коммунистов Линдерутом. Отношение к семейству Валленбергов было, видимо, неоднозначным. С одной стороны, мы имеем отличные отношения между г-жой Коллонтай и Маркусом Валленбергом, который сыграл ключевую роль при обсуждении условий мирного соглашения между СССР и Финляндией в 1944 г. Коллонтай даже вроде бы сказала, что она бы с удовольствием увидела Маркуса Валленберга в качестве шведского посланника в Москве. Принадлежавшая Валленбергам компания «СКФ» поставляла подшипники для советской авиационной промышленности. С другой стороны, мы имеем более негативное, идеологически окрашенное отношение к ведущему представителю крупного капитала в Швеции. Вероятно, оно нашло свое наиболее отчетливое выражение в Большой Советской Энциклопедии издания 1951 г., где, в частности, указывалось, что семейство Валленбергов активно поддерживало германский фашизм, являлось злым врагом рабочего класса, а также пыталось подчинить Швецию американскому империализму. Участие Валленбергов и «Эншильда банкен» в попытках спасти собственность некоторых германских предприятий в США от конфискации со стороны американского правительства было, видимо, в определенной мере известно Москве, так же как и посредничество Валленбергов при зондировании антикоммунистической немецкой оппозицией условий сепаратного мира. В получении части собственности германских предприятий был, впрочем, весьма заинтересован и СССР.

Кроме того, вероятно, ожидалось, что Рауль Валленберг мог дать интересную информацию о нацистском разграблении еврейских богатств, контрабанде валюты и т.п. Совершенно ясно, что Рауль Валленберг знал о том, что происходило в Венгрии в этой области.

5. Когда речь идет о различных переговорах касательно заключения сепаратного мира, то контакты Рауля Валленберга с высокопоставленными нацистами в Будапеште, прежде всего с

Адольфом Эйхманом и Куртом Бехером, вероятно, могли возбудить у советской стороны подозрения об участии шведского дипломата и в этом. Сталин относился исключительно подозрительно к таким намерениям западных держав. В книге «Почему русские взяли Рауля Валленберга» Бернт Шиллер положил это в основу своей главной гипотезы: советские власти арестовали Рауля Валленберга якобы потому, что они считали, будто его акция по спасению евреев являлась составной частью крупного политического заговора между нацистами и капиталистическими державами, направленного против Советского Союза и имевшего целью одностороннюю капитуляцию на Западном фронте. Разумеется, у советской стороны могли быть подозрения такого рода, но нет никаких доказательств того, что это стало основным мотивом ареста Рауля Валленберга. Будапешт и Рауль Валленберг вряд ли могли восприниматься в данном случае в качестве паука в паутине. Кроме того, союзники держали Москву более или менее в курсе различных переговоров с целью выкупить евреев, переговоров, которые, по крайней мере с германской стороны (Гиммлер), также рассматривались как способ увеличить возможность заключения сепаратного мира. СССР также получал ценную информацию от своих собственных агентов, прежде всего в британской разведке. Переговоры между Джоэлем Брандом и нацистами об освобождении миллиона евреев в обмен на 10 000 грузовиков ни к чему не привели, в частности из-за вето Вышинского (в июне 1944 г., т.е. до прибытия Рауля Валленберга в Будапешт). Однако то, что советская сторона была отчасти в курсе дела, вовсе не обязательно избавляло ее от подозрительности.

6. Можно предположить, что указанные выше мотивы связаны главным образом с заинтересованностью СССР получить от Рауля Валленберга как можно больше информации по различным важным вопросам. В таком случае непонятно, почему Рауль Валленберг допрашивался так мало раз (судя по журналам допросов). После первого, достаточно продолжительного допроса через пару дней после прибытия в Москву состоялось лишь четыре допроса, при этом только один продолжался более двух часов. Последний допрос в марте 1947 г., по описанию переводчика, который утверждает, что присутствовал на нем, больше похож на «контрольный допрос». Именно после этого допроса Рауль Валленберг, по словам сокамерника, сказал, что ведущий допрос утверждал, что его дело имеет политический характер (другой ведущий допрос однажды сказал, что по политическим причинам его никогда не будут судить)¹. Итак, представляется, что получение информации не являлось приоритетной задачей после ареста Рауля Валленберга. Других заключенных из Будапешта также не спрашивали подробно о Рауле Валленберге. Констатация этого факта приводит к другому главному кругу мотивов, а именно что Сталин и советское руководство хотели использовать шведского дипломата в каких-либо особых целях.

Использование хороших отношений Рауля Валленберга и семейства Валленбергов с важными политическими и экономическими кругами на Западе, вероятно, казалось Сталину заманчивой целью, если бы Рауля Валленберга удалось заставить сотрудничать. Например, Судоплатов утверждает, что Сталин и Молотов хотели шантажировать семейство Валленбергов и, арестовав Рауля Валленберга, использовать их связи для заключения выгодных соглашений с Западом, а также привлечь мировой капитал для восстановления (пример подобного рассуждения, хотя и зеркально перевернутого, выдвигавшегося советскими лидерами, имеется в докладной записке Молотова в Центральный Комитет от 2 апреля 1956 г.). Для шведа или любого жителя западной страны подобные расчеты представляются несколько нереальными, но советские лидеры, как известно, имели иное представление о мире и иное восприятие действительности.

Другой вариант в рамках этого же круга мотивов связан с еврейским вопросом во многих его значениях. В 1944-м и в начале 1945 г. Сталин хотел использовать этот вопрос в качестве карты на переговорах с целью привлечения мирового, в частности еврейского капитала для восстановления СССР, а также для воздействия на события на Ближнем Востоке. Берия уговаривал председателя еврейского антифашистского комитета (который Сталин создал в 1943 г.) Михоэlsa установить широкие контакты с американскими евреями с целью побудить их вкладывать капиталы в СССР. Сталин обсуждал также с посещавшими СССР американскими

¹ См. Белую книгу 1957 г., с. 87.

сенаторами возможность создания автономной еврейской республики в Крыму. Судоплатов сообщал, что получал задание высказать эту мысль в беседе с американским послом Гарриманом. В этой связи, естественно, могла представлять интерес та сеть связей, которую Рауль Валленберг имел в Венгрии.

От идеи создания еврейской республики в Крыму вскоре отказались (в действительности Сталин никогда не имел серьезного намерения осуществить эту идею). Вместо этого Сталин решил, в особенности со второй половины 1946 г., сосредоточить усилия на проникновении в сионистское движение и создававшееся еврейское государство в Палестине. С согласия Молотова Вышинский под псевдонимом написал статью, в которой он подчеркнул необходимость создания демократического еврейского государства на британской мандатной территории. Сталин позволил также большому числу евреев из Восточной Европы эмигрировать в Палестину. Вскоре после этого Сталин развязал антисемитскую кампанию, которая включала убийство в 1948 г. Михоэlsa и заместителя министра иностранных дел Лозовского, еврея по национальности, и постепенно достигла своей кульминации на показательных процессах в Восточной Европе в начале 50-х годов. Судя по всему, антисемитизм для Сталина был не только инструментом, но и убеждением, поэтому это вряд ли могло улучшить положение Рауля Валленберга, который во время этой начинавшейся кампании был главным символом спасения евреев из лап нацистов.

Известный бывший советский разведчик Питовранов, занимавший еще в 1946-1947 гг. высокую должность в МГБ, кладет в основу своей гипотезы как тайные экономические интересы руководства СССР в свете финансовых связей семейства Валленбергов, так и ближневосточную политику Сталина, которая на своей начальной стадии исходила из создания противовеса сильному объединенному блоку арабских стран. Питовранов считает, что в Москве с самого начала, вероятно, знали не слишком много о Рауле Валленберге, но его задержали для получения большей информации и в попытке разузнать, как его можно будет использовать с наибольшей выгодой.

7. Есть некоторые суждения о том, что Рауль Валленберг через польских беженцев в Венгрии якобы узнал об ответственности Советского Союза за бойню в Катыни и, в частности, получил на хранение в архиве дипломатического представительства соответствующие документы, которые были помещены в подвал центрального банка и впоследствии разграблены русскими. Представитель венгерского движения Сопротивления Вильмош Бондор рассказывал о том, что его самого и его руководителя Золтана Мико после пленения расспрашивали в НКВД об этих документах и о том, что они знали о Катыни. Каких-либо протоколов допросов, которые подтверждали бы эту версию, не найдено; существуют и другие причины ставить ее под сомнение.

Другое, не менее умозрительное, объяснение состоит в том, что Рауль Валленберг якобы знал о секретных контактах Берии с Гиммлером и поэтому был устранен по его приказу. Берия появляется и в других сценариях.

8. Нельзя полностью исключить мотив вербовки (слово «вербовка» в данном случае может пониматься в широком смысле): слишком много лиц, знакомых со способом действий органов госбезопасности в то время, выдвигают ее в качестве приемлемой гипотезы. Попытки вербовки военнопленных были достаточно обычным явлением. Вряд ли речь шла о попытке завербовать Рауля Валленберга в качестве обычного агента, хотя бывший начальник скандинавского отдела внешней разведки (ПГУ) в 1945-1946 гг. Сеницын в своих мемуарах сообщает, что он и его начальник Фитин безуспешно пытались уговорить Абакумова передать Рауля Валленберга в ПГУ для вербовки, что могло бы привести к освобождению Рауля Валленберга. По данным устной беседы Судоплатов сообщал, что Фитин писал также Молотову, который возглавлял Комитет информации, чтобы перевести Рауля Валленберга из контрразведки. Однако Абакумов ответил, что Смерш мог завербовать его сам, но только после его признания в шпионской деятельности. Даже если неочевидно, что Рауль Валленберг мог рассказывать своим сокамерникам о попытках вербовки, все же следует указать, что ни один из них ни словом не намекал о попытках его вербовки. Поэтому можно считать, что эта гипотеза не имеет серьезных оснований, несмотря на ее популярность среди российских экспертов, связанных с органами госбезопасности. Если попытки вербовки все же предпринимались, то

они могли быть преимущественно на заключительном этапе, то есть после последнего допроса в марте 1947 г.

9. Наконец, мотивом, или даже главным мотивом, советских властей могло быть использование Рауля Валленберга для обмена (ср. со швейцарцами). Приоритетной целью советской внешней политики в период окончания войны и в ближайшие последующие годы была репатриация тех многочисленных советских граждан, которые в результате военных действий оказались за границей. То, что и отдельным случаям такого рода придавалось огромное значение, видно, в частности, из большого по объему аналитического материала о советско-шведских отношениях, который советский посланник в Стокгольме Чернышев отправил 15 марта в МИД СССР. Под рубрикой «Негативные факты» перечисляются те обстоятельства, которые, по мнению Чернышева, оказывают отрицательное воздействие на взаимные отношения. Здесь выделяются дела Макаровой и Грановского, пяти дезертировавших моряков и больных немецких и прибалтийских военных, которые не были выданы по болезни.

Естественно, это могло сочетаться со многими другими мотивами. В беседе с одним шведским дипломатом в 1947 г. и в своем отчете швейцарец Феллер сообщил, что русские при его аресте сказали, что это произошло не потому, что он им неприятен, а с целью в дальнейшем иметь возможность использовать его в качестве объекта для обмена.

На самом деле тщательное изучение дела Феллера и Майера, а также имевших место в 1945-1946 гг. шведско-советских бесед на дипломатическом уровне о Рауле Валленберге дают весьма убедительные доказательства в пользу того, что важным мотивом захвата всех троих могло быть намерение использовать их для обмена на советских граждан в Швейцарии и Швеции. Ведь Булганин дал приказ задержать и доставить в Москву Феллера и Майера «таким же образом, как и Валленберга». Очевидное впечатление от приведенного выше отчета Феллера состоит в том, что целью советской стороны с самого начала мог быть арест швейцарских дипломатов для использования их в качестве заложников в предстоящих переговорах со швейцарским правительством. По словам Феллера, советский ведущий допрос исходил из того, что освобождению заключенных должны предшествовать переговоры, но Москва предоставляет швейцарцам возможность начать переговоры, к которым уже готова. На заявление швейцарской стороны об освобождении двух дипломатов ответ будет дан не напрямую, а через требование Москвы выдать двух (а затем и еще нескольких) советских граждан, находившихся в Швейцарии. Когда швейцарцы, хотя бы в одном случае с большой неохотой, пойдут на это, откроется путь для возвращения Феллера и Майера домой.

В практику советской стороны вряд ли входило делать что-либо бесплатно. На шведские демарши о Рауле Валленберге советская сторона чаще всего задавала ответный вопрос о репатриации Макаровой и Грановского, пяти сбежавших советских моряков, а также примерно 40 больных прибалтов, которые были вынуждены остаться в Швеции по состоянию здоровья при выдаче прибалтов в 1946 г. Макарова и пять моряков оказались в Швеции еще осенью 1944 г. Примерами случаев, когда подобные дела становились предметами разговоров, могут служить беседы между Деканозовым и Седерблумом 26 января 1945 г., между Абрамовым и Седерблумом 30 апреля 1946 г., а также между Сысоевым и Барк-Хольстом 12 декабря 1946 г. Барк-Хольст был единственным шведским дипломатом, который считал действия советской стороны возможным предложением об обмене. Напротив, в беседе с Ингемаром Хэггледом, состоявшейся 17 декабря 1945 г. в Стокгольме, Чернышев, поднимая вопрос о шведах, интернированных в Советском Союзе, узнает о том, что речь идет о двух лицах (однако Рауль Валленберг не был упомянут), а также о деле Макаровой. Даже в беседе Сталина с Седерблумом в июне 1946 г., когда советский лидер спрашивал, имеются ли у Седерблума какие-то просьбы, можно увидеть намек на готовность принять серьезные предложения со шведской стороны. Сталин безусловно знал, что г-жа Коллонтай передала известие о том, что Рауль Валленберг находится в Советском Союзе (отсюда его вопрос: «Вы ведь получили сообщение от нас?»).

Наиболее мощно и настойчиво советская сторона действовала в отношении моряка Грановского, который сбежал через несколько месяцев после беседы Седерблума со Сталиным. Согласно современным источникам, Грановский был агентом НКВД, и он сам издал книгу, в которой это подтверждается.

В связи с этим следует осознавать, что советская сторона не практиковала выдвижение напрямую предложений об обмене – это перекладывалось на противоположную сторону. Однако шведская сторона, где единственным исключением был Барк-Хольст, предпочла сделать вид, что она не поняла. Этот недостаток информации, а также убежденность Седерблума (или желание быть убежденным) в гибели Рауля Валленберга в Венгрии могли оказаться решающим фактором или, во всяком случае, важным объяснением того, что шведский дипломат, в отличие от швейцарцев, так никогда и не был выпущен на свободу (подробнее об этом см. ниже в отчете). Естественно, это никоим образом не оправдывает действия советских властей.

* * *

В данном случае может также представлять интерес резюме сказанного сокамерниками Рауля Валленберга о тех обвинениях, которые выдвигались против Рауля Валленберга и Лангфельдера (см. Белую книгу 1957 г.).

Густав Рихтер сообщает, что Рауль Валленберг сказал ему, что ведущий допрос обвинил его в проведении шпионской деятельности и констатировал, что он является членом семейства, входящего в круг крупнейших капиталистов Швеции.

Карл Зупприан отмечает также, на основе данных Вилли Рёдя, что Рауля Валленберга обвиняли в шпионской деятельности. То же самое говорит Эрнст Людвиг Валленштейн, а также Вилли Бергеман и В. Монке (с добавлением «в пользу Германии»).

Эрхард Хилле слышал от Лойды, который сидел в одной камере с Раулем Валленбергом, что те, кто вел допросы, не могли поверить, что Рауль Валленберг, который был богатым шведским капиталистом, мог работать для защиты советских интересов в Будапеште.

Эрнст Хубер сидел в одной камере с Лангфельдером, который тогда рассказывал, что его и Рауля Валленберга обвиняли в шпионской деятельности в пользу американской или, возможно, английской разведки.

Этот анализ различных возможных мотивов дает повод для попытки создать более связанную и относительно достоверную гипотезу о происшедшем. Какой-либо полной версии, очевидно, ранее не было, или она не была изложена на бумаге. Вероятнее всего, что различные донесения в сочетании с возможными планами, прежде всего у Сталина, привели к аресту и заключению Рауля Валленберга.

Следует, видимо, указать, что рассуждения о приведенных выше мотивах выглядят слишком обширными и поэтому могут ввести в заблуждение. На самом деле хватило бы и некоторых немногочисленных мотивов, которые не обязательно имеют слишком глубокую природу. На фоне крупных проблем в связи с завершением войны Рауль Валленберг, вероятно, мог лишь в небольшой степени привлечь внимание Сталина и других руководителей. Поэтому следует считать достойным определенного внимания то, что Сталин, как представляется, все же был замешан в этом деле в ряде моментов. Во всяком случае, к приведенным ниже рассуждениям следует относиться с оговорками.

В основе безусловно лежат отчеты Коллонтай и разведывательной резидентуры в Стокгольме о делах Якоба и Маркуса Валленбергов и о роли семейства Валленбергов в экономике и политике Швеции, а также их хорошие международные контакты. С большой долей уверенности можно считать, что Москва получила также некие сведения о задании Рауля Валленберга в Будапеште. Ведь 20 октября 1944 г. начальник политического департамента МИДа Швеции информировал советника советского посольства в Стокгольме об усилиях шведской миссии в Будапеште по спасению евреев. Несмотря на то что фамилия Валленберга не называлась, Москва, естественно, знала его; было также известно о том, кто дал ему задание, и о роли Ивера Ольсена. Москва, вероятно, уже осенью 1944 г. была убеждена в том, что Рауль Валленберг выполнял разведывательное задание американцев, но это не очевидно. Внимание СССР было также усилено благодаря, в частности, информации от союзников о различных переговорах в Будапеште с целью выкупа евреев и о контактах шведской миссии с венгерским некоммунистическим движением Сопротивления. 31 декабря Министерство иностранных дел СССР получило обращение от шведской миссии в Москве с просьбой о том, чтобы Красная

Армия взяла под свою защиту членов шведской миссии в Будапеште.

Решение об аресте Рауля Валленберга и, возможно, также швейцарских дипломатов принималось, видимо, на высшем уровне, возможно в Комитете обороны, самое позднее 13 или 14 января, поскольку именно в эти дни был отдан приказ об изоляции Рауля Валленберга от внешнего мира. Вероятно, были даны инструкции об этой изоляции в ожидании принятия решения на высшем уровне. Все же Деканозов успел сообщить 16 декабря шведам на основе информации от армейских частей в Будапеште, что Рауля Валленберга встретили и взяли под свою защиту. Это было похоже на чистый ляпсус; Деканозов, который был известен быстрой реакцией и решительностью, видимо, не был проинформирован о том, что подготавливалось на высшем уровне. Вместе с тем сообщение Деканозова, с учетом его прошлой деятельности в НКВД, могло быть также преднамеренным поступком, поскольку через десять дней в разговоре с Седерблумом он поднял вопрос о возвращении на родину пяти советских моряков, после того как шведский посланник упомянул Рауля Валленберга. Лишь 17 января Булганин посылает приказ об аресте в Будапешт. Как уже отмечалось, в этом случае Булганин, по существу, лишь сыграл роль исполнителя. После этого крышка в Москве захлопнулась. С другой стороны, Коллонтай в феврале продолжает давать успокаивающие заверения матери Рауля Валленберга и в марте – жене министра иностранных дел Гюнтера, что Рауль Валленберг находится в СССР, что с ним все в порядке, но г-же Гюнтер добавляет, что шведской стороне лучше вести себя спокойно. Некоторые представители российской стороны считают, что Коллонтай лишь воспроизвела ответ Деканозова шведскому посольству. В действительности в своем ответе она пошла дальше Деканозова, и это означает, что она вряд ли могла действовать без указаний высшего руководства. Следует добавить, что сообщение Коллонтай матери Рауля Валленберга нашло свое отражение также в шведских газетах.

Есть также основания подозревать, что, помимо Сталина, Молотов мог быть явным сторонником доставки Рауля Валленберга в Москву. Конечно, по документам Министерства иностранных дел может создаться впечатление, будто Молотов вообще не был информирован о Рауле Валленберге до 1947 г., но скорее можно предположить, что он с самого начала был в курсе дела, особенно с учетом того, что Булганин и Абакумов были замешаны в этом деле и речь шла об иностранном дипломате. Кроме того, Молотов получил копию сообщения Деканозова от 16 января. Молотов иногда приглашал Абакумова к себе, и именно к Молотову Абакумов обратился, когда речь шла о судьбе швейцарских дипломатов. Молотов был также замешан в принятии Сталиным поздней весной 1947 г., по предложению Абакумова, решения о ликвидации американского гражданина Оггинса, сидевшего в советском лагере.

Судя по всему, тогда, в 1945 г., существовало убеждение в том, что Рауль Валленберг имел разведывательное задание, во всяком случае, выполнял поручения немцев; было также сильное подозрение в сотрудничестве с американской разведкой. Советская сторона была также безусловно убеждена в том, что акция по спасению евреев являлась всего лишь прикрытием шпионской деятельности. Сотрудники Абакумова подчеркивали, что Сталин страдал шпиономанией. Ведь надо же было в чем-то обвинить Валленберга, и что могло быть удобнее шпионажа?

Вероятно, это было достаточной причиной для ареста и заключения в тюрьму дипломатов нейтральной страны, что, естественно, полностью противоречит международному праву. Одно время предпринимались также усилия по получению доказательств причастности Рауля Валленберга к шпионской деятельности. Однако, согласно приведенным выше аргументам, у советского руководства были политические или другие причины задерживать Рауля Валленберга в Москве. Важнейшая из них могла состоять в использовании его для обмена, как это произошло со швейцарцами (эта возможность более подробно рассматривается ниже). Речь могла также идти о целях, которые не были определены со всей ясностью с самого начала. Известны другие случаи, когда заключенные были вынуждены сидеть без принятия по отношению к ним каких-либо мер из-за отсутствия инструкций от Сталина, который, в свою очередь, не принял определенного решения.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПРЕБЫВАНИЯ РАУЛЯ ВАЛЛЕНБЕРГА В ТЮРЬМЕ В МОСКВЕ В 1945-1947 гг.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Данные немецких военнопленных о пребывании Рауля Валленберга в Лубянской и Лефортовской тюрьмах в 1945-1947 гг. подтверждены найденными архивными документами. Вместе с тем предпринимались большие усилия уничтожить следы пребывания Рауля Валленберга в тюрьме. Упоминания о нем в журналах допросов и перемещений были зачеркнуты густой тушью. Однако в ряде мест в журналах были пропущены упоминания о Рауле Валленберге и Лангфельдере, и в таких случаях их имена не зачеркнуты. Зачеркнутые тексты удалось восстановить с помощью современной техники¹, за исключением тех случаев, когда применялось также механическое уничтожение. Не было найдено ни личного, ни следственного дела: если Рауль Валленберг никогда не был осужден (что утверждалось), то подобное дело вообще не было заведено. Вместе с тем российская сторона также сообщила, что следственное дело могли заводить при наличии компрометирующих материалов и на этой основе начинать расследование преступления. Однако личное дело на его имя должно было существовать. Тот факт, что личные вещи Рауля Валленберга не были конфискованы, является, по мнению российских экспертов, четким указанием на то, что он не был осужден. То же самое относится к шоферу Лангфельдеру. Не было также найдено личного дела его последнего сокамерника Рёдля, но документы, которые должны были первоначально войти в личное дело, были обнаружены в делах, содержащих переписку между органами власти и т.п.

Зачеркивание фамилий в журналах вызовов на допрос и регистрации личных вещей было найдено лишь у двух других заключенных на Лубянке и в Лефортово – у венгра Шандора Катоны, шофера венгерской миссии в Софии в 1944 г., который одно время сидел в одной камере с Лангфельдером, и армянско-итальянского священника-иезуита Аладжана-Атаджани.

В регистрационных журналах Лубянки и Лефортово не найдено никаких зачеркнутых мест, которые относятся к периоду после июля 1947 г. Они были изучены в оригинале. На основе найденных документов и журналов не удалось найти подтверждения данных о том, что Рауля Валленберга видели также в Бутырской тюрьме, и после июля 1947 г. – на Лубянке и в Лефортово. Однако, согласно имеющимся данным, значительная часть картотеки Бутырки, относящейся к 40-м и 50-м годам, уничтожена.

На основе доступных теперь документов о пребывании Рауля Валленберга в тюрьме можно сказать следующее.

Согласно найденной регистрационной карточке, Рауль Валленберг поступил в Лубянскую тюрьму 6 февраля 1945 г. Как сообщается, карточка была найдена в подвале КГБ в 1989 г. среди принадлежавших Раулю Валленбергу вещей, т.е. не в картотеке архива. Его зарегистрировали в качестве военнопленного, а датой ареста обозначено 19 января. На карточке в строчке, обозначающей род занятий, есть запись «дипломатии, надсмотр» и затем номер его паспорта. Этот термин трудно толковать; слово «надсмотрщик» не может иметь своего обычного смысла в данной связи. По мнению тех, кто прежде работал в КГБ, приемлемое толкование могло бы быть таким: тот, кто написал это на карточке, стремился обозначить Рауля Валленберга как дипломатического наблюдателя из-за ограниченности по времени его дипломатического задания. По сообщению сокамерника Яна Лойды, ведущий допрос однажды сказал ему, что Рауль Валленберг не являлся дипломатом. У Рёдля, который был адъютантом посла Германии в Бухаресте, была сделана запись «дипломат, работник».

Лангфельдер поступил в тюрьму в тот же день, что и Рауль Валленберг, поскольку именно в этот день имеется запись о поступлении его чемодана. Его регистрационная карточка не была найдена.

Во время первого пребывания в Лубянской тюрьме (сначала в камере 121 вместе с Густавом Рихтером и Отто Шлиттером, он же Шойер, затем в камере 123 вместе с Яном Лойдой и Вилли Рёдлем) Рауля Валленберга допрашивали дважды. В первый раз это был типичный

¹ Анализ под микроскопом, люминесцентный анализ и спектральный анализ.

ночной допрос продолжительностью три с половиной часа, с 1 час. 05 мин. до 4 час. 35 мин. 8 февраля, т.е. через два дня после поступления. Фамилия ведущего допрос – Сверчук (умер). На следующую ночь Лангфельдера допрашивал в течение примерно двух часов, с 1 час. 30 мин. до 3 час. 40 мин., Кузьмишин, начальник подразделения отдела Карташова.

Он провел также следующий допрос Рауля Валленберга, однако лишь 28 апреля. Этот допрос был намного короче и продолжался с 15 час. 35 мин. до 17 час. 00 мин. 29 мая Рауль Валленберг был переведен с Лубянки в Лефортовскую тюрьму, в камеру 203, вместе с Рёдлем.

В эту же камеру Лангфельдер был переведен 18 марта на более короткий срок. 20 марта зарегистрирована расписка о большом количестве личных вещей, принадлежавших Лангфельдеру.

Второй его допрос был проведен в Лефортово 10 апреля 1945 г. с 14 час. до 15 час. (ведущий допрос Ендовицкий умер). Еще два коротких допроса были проведены в 1945 г., 16 августа с 15 час. 00 мин. до 15 час. 45 мин. и 15 декабря с 14 час. 30 мин. до 15 час. 00 мин. Ведущие допрос различны: соответственно Бубнов и Ливчак. Бубнов утверждает, что не помнит Лангфельдера, и это может быть правдой. Речь идет о коротком допросе, который мог быть проведен по просьбе Лангфельдера для выражения пожелания или подачи жалобы. Ведущие допрос обычно вели очень большое число дел.

Здесь можно добавить, что швейцарские дипломаты Феллер и Майер, которых привезли в Москву 4 марта, были вызваны на первый допрос в тот же самый день. Второй допрос Феллера происходит 23 марта, третий – 10 апреля. Четвертый и последний допрос проведен лишь в январе 1946 г., непосредственно перед освобождением их обоих.

В течение всего 1946 г. оба заключенных находились в Лефортово и были на допросах дважды, причем один раз частично вместе. Лангфельдера допрашивал Вейндорф 3 июля с 14 час. 50 мин. до 15 час. 35 мин., Валленберга, согласно записи в журнале допросов, допрашивал Копелянский 17 июля в течение двух с половиной часов, с 10 час. 30 мин. до 13 час. 00 мин. До этого Рауля Валленберга не допрашивали в течение 15 месяцев. В последние 40 минут этого допроса к ним присоединился Лангфельдер, и это было необычно. Копелянский провел новый допрос Рауля Валленберга 30 августа с 10 час. 40 мин. до 12 час. 20 мин.

Копелянский отрицает, что он допрашивал Рауля Валленберга. Он считает, что высокопоставленный сотрудник, вероятно Абакумов, записал его фамилию в журнал допросов, но, по существу, провел допрос сам. Однако в таком случае Абакумов должен был использовать переводчика, и в органах госбезопасности было единое мнение, что лучшим переводчиком с немецкого языка являлся Копелянский (подробнее об этом ниже).

Согласно записке Карташова, вероятно, от 24 февраля 1947 г. начальникам Лубянской и Лефортовской тюрем, Рауль Валленберг и Вилли Рёдль должны быть переведены из камеры 203 в Лефортово в камеру 7 на Лубянке. Судя по регистрационному журналу, Рёдлю перевели 26 февраля, а для Рауля Валленберга записан перевод в тот же день, но его фамилия зачеркнута. Произошло что-то, что отложило его перевод, и новая запись показывает, что это было сделано лишь 1 марта 1947 г. Неясно, был ли он переведен все же в камеру 7, но никакого контрприказа не нашли. Согласно другому регистрационному журналу, личные вещи Валленберга были получены на Лубянке 2 марта (эта запись была уничтожена механическим способом, поэтому удалось восстановить лишь инициалы имени Валленберга). Последний зарегистрированный допрос Рауля Валленберга был проведен Кузьмишиным 11 марта 1947 г. с 14 час. 15 мин. до 16 час. 00 мин.

Лангфельдер проделал тот же путь (вновь на Лубянку) лишь 23 июля.

При этом следует сделать оговорку, что допросы/беседы с участием Рауля Валленберга могли проводиться чаще, чем это записано в журналах допросов. С другой стороны, сокамерники подтвердили, что его допрашивали редко.

УСТНЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ

Заявления лиц, вернувшихся из советского заключения

Немецкие и другие военнопленные уже в 50-х годах дали интересную информацию о

пребывании в тюрьме. Для подробного отчета об этом можно обратиться к Белой книге 1957 г. Здесь приведены резюме.

Густав Рихтер: В начале февраля 1945 г. Рауль Валленберг написал заявление на немецком языке, которое было направлено начальнику тюрьмы и в котором он протестовал против обращения и своего ареста. Рауль Валленберг также потребовал, чтобы он как шведский гражданин и дипломат мог вступить в контакт со шведским посольством в Москве. Письменное заявление было передано дежурному надзирателю на первом этаже Лубянской тюрьмы.

Хайнц Гельмут фон Хинкельдей: Как шведский дипломат Рауль Валленберг неоднократно очень энергично протестовал против своего ареста. В качестве представителя нейтрального государства он, видимо, требовал, чтобы его связали с представителем шведской миссии в Москве. На допросе он якобы отказался отвечать, ссылаясь на то, что он дипломат.

Эрнст Людвиг Валленштейн: На рубеже 1945-го и 1946 гг. Рауль Валленберг принял решение написать заявление с протестом, но он не был полностью уверен в том, кому его следовало направлять. Путем перестукивания Валленштейн и Рауль Валленберг решили, что целесообразнее всего направить заявление лично Сталину на французском языке. Заявление было написано и отправлено через охранника (по собственному опыту Валленштейн знал, что подобные заявления обычно передаются по адресу).

Вилли Бергман: Рауль Валленберг неоднократно требовал (в Лефортово) у уполномоченного ответа о своей судьбе. При этом, в частности, его обнадежили в связи с конференцией ¹, которая должна была состояться в Москве в марте 1947 г. и на которой должна была решаться судьба пленных.

Бернхард Ренсингхофф: В заявлении, написанном на французском языке, Рауль Валленберг ссылаясь на свой дипломатический статус и просил, чтобы его допросили. Летом 1946 г. он направил это заявление Сталину с требованием, чтобы ему предоставили возможность войти в контакт со шведским посольством в Москве.

Незадолго до перемещения Рауля Валленберга и Редля из Лефортово (1 марта 1947 г.) Рауль Валленберг был вызван на допрос (какой-либо подобный допрос не зарегистрирован). Лишь 11 марта, когда Рауль Валленберг вновь оказался на Лубянке, был проведен новый допрос шведского дипломата. После того допроса, о котором упоминает Ренсингхофф, Рауль Валленберг сказал, что уполномоченный сообщил ему, что его дело совершенно ясно и является «политическим». Если он считал себя невиновным, то его дело доказывать это. Лучшим доказательством виновности Рауля Валленберга был тот факт, что шведское посольство в Москве и правительство Швеции ничего не сделали для него. Рауль Валленберг потребовал у уполномоченного, который вел допрос, позволить вступить в прямой контакт со шведским посольством в Москве или с Красным Крестом или хотя бы иметь письменный контакт с ними. Это требование уполномоченный отверг под тем предлогом, что «ни один человек не вспоминает о вас». «Если бы правительство или посольство Швеции проявили хоть какой-либо интерес к вам, то они бы уже давно установили связь с вами».

Это можно рассматривать как роковой комментарий по поводу недостаточного интереса шведской миссии, особенно со стороны Седерблума. С другой стороны, можно отметить, что всего лишь месяц спустя Вышинский констатировал, что Швеция сделала большое количество запросов о Рауле Валленберге. Однако Вышинский пишет это, вероятно, потому, что в МИ-Де все-таки раздражены многочисленными шведскими запросами, и поэтому он хочет добиться решения вопроса.

В другом случае Рауль Валленберг сообщил, что он спросил так называемого допрашивающего офицера, будут ли его судить или нет. В ответ ему было сказано: «По политическим причинам вас никогда не будут судить».

¹ Вероятно, ведущий допрос здесь имел в виду конференцию союзников по вопросам военнопленных и возмещения военного ущерба в Париже в 1946 г., которая привела в феврале 1947 г. к заключению мирных договоров с Финляндией, Венгрией, Румынией и Болгарией. После этого речь шла о решении практических вопросов в области репатриации людей и обращения с военнопленными, которые должны были рассматриваться на конференции в Москве в марте 1947 г. В связи с этим некоторые военнопленные были отпущены на свободу как в индивидуальном порядке, так и крупными группами. Вероятно, именно этот процесс Рауль Валленберг описал как «конференцию по военнопленным».

В последние годы рабочая группа имела возможность побеседовать с Густавом Рихтером. При этом Рихтер дополнительно смог кратко описать обстановку в течение первых недель пребывания Рауля Валленберга в Лубянской тюрьме. Иногда в камеру приходил белокурый офицер со скандинавской внешностью для выяснения обстоятельств. Он отлично говорил на немецком языке. Однажды около полуночи Рауль Валленберг был вызван на допрос, возвратился в камеру около 6 часов утра и выглядел бледным. Ведущим допрос был как раз белокурый офицер, и Рауль Валленберг сказал, что это «страшный человек». Человеком, на которого он указывал, был Сверчук.

Кроме того, после падения берлинской стены появилась возможность впервые заслушать Яна Лойду, который проживал в бывшей ГДР. До этого сведения от него поступали лишь из вторых рук.

Лойда рассказывает, как Рауль Валленберг в марте–апреле 1945 г. был доставлен в камеру, где сидели он сам и Вилли Рёдль (советник посольства Германии в Бухаресте). Рауль Валленберг рассказал, что он прибыл в Москву для переговоров с советскими властями, в частности, в связи с обстрелом советскими властями зданий шведской миссии, а также обеспечением защиты евреев (воспоминание Лойды о том, как Рауль Валленберг говорил об этом, несколько неясно). Рауль Валленберг рассматривал свой захват как необъяснимую ошибку. В течение шести – восьми недель все трое находились в одной камере, и Рауль Валленберг был тогда убежден, что ошибка выяснится и начнутся запланированные переговоры. За это время не было ни одного допроса. Рауль Валленберг был совершенно здоров, он регулярно занимался гимнастикой и часто пел. Он сделал набросок монумента победы в честь Красной Армии (!). Лойда обучал Рауля Валленберга русскому языку, а тот в свою очередь обучал Лойду английскому языку. После того как Рауль Валленберг был переведен, Лойда и Рёдль сидели вместе с Вильмошом Лангфельдером, который представился в качестве помощника Рауля Валленберга. Он также был уверен, что их взяли по ошибке. (Здесь в воспоминания Лойды вкралась ошибка. Рёдль был переведен в Лефортово одновременно с Раулем Валленбергом.)

На допросе в Лубянской тюрьме ведущий допрос спросил Лойду, с кем вместе он сидел в камере. Он ответил: с двумя дипломатами. В ответ ведущий допрос сказал: Рауль Валленберг не дипломатом, а швед, который помогал богатым евреям в Венгрии. Во время другой беседы Лойда несколько иначе вспомнил ответ ведущего допрос: немец дипломат, а швед не дипломат.

Лойда сообщает, что впоследствии МГБ заставило его подписать заявление, что он никому не расскажет, что он видел или слышал во время своего пребывания в тюрьме. В противном случае его очень сурово накажут.

Беседы с бывшими сотрудниками госбезопасности

Рабочая группа в результате ряда бесед с бывшими сотрудниками Смерша, МГБ, а также Лефортовской и Лубянской тюрем получила также некоторые сведения, которые представляют определенный косвенный интерес для получения представления о пребывании Рауля Валленберга в тюрьме в Москве в 1945-1947 гг.

По словам одного из сотрудников Карташова, получением первой информации от заключенного, только что прибывшего в тюрьму, занимался сотрудник, который в тот момент оказался на месте. Затем начальник отдела или подотдела определял, кто будет вести дело. Затем оно, возможно, было передано в следственный отдел по особо важным делам. Упомянутый выше Карташов мог работать только через переводчика, а им мог быть прежде всего Копелянский, но была еще пара высококвалифицированных переводчиков. Кроме того, сообщается, что Карташов мало смыслил в международных вопросах или в западном шпионаже.

Один из тех, кто вел допросы, считает, что такой человек, как Рауль Валленберг, мог контактировать только с ограниченным кругом людей, поскольку его роль, очевидно, «определялась кем-то наверху». То обстоятельство, что дипломат из страны, которая не воевала с СССР, содержится в тюрьме, привело к повышенной таинственности. Смущает то обстоятельство, что швейцарские дипломаты не контактировали с какими-либо другими заключенными, в то время как Валленберг и Лангфельдер получили статус военнопленных и

сидели главным образом вместе с немецкими и австрийскими военнопленными.

Обозначение «особо важный заключенный», которое имел Рауль Валленберг, определялось руководством МГБ и давалось разведчикам, дипломатам и т.п.

Охранник заключенных помнит Рауля Валленберга на Лубянке (в 1946-м или 1947 г.) и то, что он сидел в камере под номером 116 или 117. Охранник считал Рауля Валленберга немцем и помнил, что его редко вызывали на допрос.

Два следователя из следственного отдела по особо важным делам, работавшие специально над подготовкой к Нюрнбергскому процессу, сообщают, что они должны были знать о деле Рауля Валленберга в то время, но на самом деле о нем не знали. Однако они, как и многие другие опрошенные лица, указывают на двух переводчиков/оперативных уполномоченных, которые лучше других владели немецким языком и поэтому могли участвовать в важнейших делах. Другие указывают на прочих переводчиков. Один из упомянутых выше двух переводчиков говорит, что впервые услышал о Рауле Валленберге в 1947 г., и считает, что допросы переводил его коллега (это подтверждается записями в материалах допросов). Он также подчеркивает, что как Абакумов, так и Карташов предпочитали использовать его коллегу.

Указанный коллега Копелянский, с которым рабочая группа беседовала много раз, говорит, что он вел допросы нескольких офицеров германской разведки. Он также слышал в то время, что по приказу Ворошилова арестовали шведа, который сидел в тюрьме под номером. Однако он не может вспомнить, что он допрашивал Валленберга или участвовал как переводчик на его допросах, и делал непонимающий вид в связи с записями в журналах допросов. Зато он считает, что какой-нибудь начальник, допрашивавший Рауля Валленберга, вписывал туда его фамилию. Поскольку ни один из начальников не мог обойтись без переводчика, могли позвать кого-либо другого; могли также использовать кого-либо со знанием шведского языка из разведки. Во время беседы Копелянский допускал, что мог участвовать в качестве переводчика, но не мог об этом вспомнить. Однако он смутно помнил какого-то заключенного в гражданской одежде. Однажды Копелянский вспомнил, что дело могло происходить таким образом: начальник сказал ему, что он должен вызвать заключенного к нему, и Копелянский должен при этом немного посидеть, предложить чай и бутерброд, спросить о здоровье заключенного и немного поговорить с ним. Копелянский не должен был чем-либо еще интересоваться; затем он, этот начальник, займется заключенным... Группе опроса не удалось продвинуться дальше этого в беседе с Копелянским. Можно добавить, что тот также не мог вспомнить допрос Густава Рихтера, который он проводил согласно записям в журнале допросов. Интересно также, что Копелянский очень сильно отреагировал, увидев фотографию Рёдля; в частности, он побледнел и на какое-то время потерял дар речи (согласно записи в журнале, Копелянский должен был допрашивать Рёдля 18 июля 1946 г., через день после упомянутого допроса Рауля Валленберга).

Копелянский допрашивал сотрудника абвера по фамилии Гфрорнер, о котором говорилось выше. В качестве доказательства того, что он не занимался делом Рауля Валленберга, Копелянский заметил, что на допросе Гфрорнера он не задал ни одного вопроса о Рауле Валленберге. В другой беседе Копелянский сообщил, что Гфрорнер ни разу не упоминал Рауля Валленберга. В таком случае представляется, что у Копелянского очень хорошая память. Допрос Гфрорнера происходил не ранее 1949 г., т.е. в то время, когда Копелянский должен был знать, что произошло с Раулем Валленбергом.

Питовранов в свое время лишь слышал от заместителя начальника подотдела Утехина, что «есть очень важное и сложное дело Рауля Валленберга». Утехин, который также был одним из руководителей контрразведки фронта, безусловно знал больше. Он, видимо, был ответственным за операцию по доставке Рауля Валленберга в Москву. О таком важном деле должны были сообщать непосредственно Сталину. Причина такого небольшого числа допросов Рауля Валленберга безусловно исходила из приказа Сталина МГБ ничего не делать без особых указаний. Может быть, Сталин имел в отношении Рауля Валленберга особые намерения, о которых он не информировал других людей? Данные о том, что дело Рауля Валленберга носило политический характер и он не должен был быть судим, вполне соответствуют этой гипотезе. Питовранов считает также, что Рауль Валленберг содержался в особых условиях и с ним обращались хорошо. Позднее военный историк и журналист Л. Безыменский сообщил, что Питовранов говорил о том, что вскоре после возвращения на Лубянку 1 марта 1947 г. Рауль

Валленберг был переведен в здание комендатуры МГБ и получал очень хорошее продовольственное снабжение.

Кондрашова, который служил во втором главном управлении МГБ, иногда вызывали в другие отделы, а несколько раз даже к Абакумову, прежде всего для перевода документов. В допросах он участвовал очень редко. Однако как-то раз весной 1947 г. его вызвал на Лубянку неизвестный ему офицер для участия в качестве переводчика на допросе одетого в костюм заключенного, который, как он впоследствии понял, был, видимо, Раулем Валленбергом. Речь шла о своего рода контрольном допросе, с просмотром данных ранее сведений, касавшихся документов со списками, найденных при аресте. Ведущий допрос также интересовался контактами Рауля Валленберга с немцами и американцами. Допрос проходил спокойно и продолжался 1,5 – 2 часа в дневное время (это хорошо совпадает с записью в журнале о том, что допрос продолжался с 14 час. 15 мин. до 16 час. 00 мин. 11 марта). Ведущего допрос звали Кузьмишин. Кондрашов дал разные сведения о том, переводил ли он с немецкого или английского языка. По мнению его коллег, он плохо говорил на немецком языке. (Только один человек утверждает, что Кузьмишин хорошо владел немецким языком.) По словам Кондрашова, на допросе не вели протокола.

Не очень много новых достоверных данных о пребывании Рауля Валленберга в тюрьме в 1945-1947 гг. появилось за последние годы, хотя теперь это пребывание освещено также «с другой стороны», т.е. со стороны органов госбезопасности. Самое очевидное в создавшейся картине, что обращение с Раулем Валленбергом в первые два года почти не отличалось от обращения с сокамерниками. Лишь на рубеже февраля – марта 1947 г. происходит изменение, отчасти по-прежнему покрытое мраком.

Х

КАК В ДЕЛЕ РАУЛЯ ВАЛЛЕНБЕРГА ДЕЙСТВОВАЛИ СОВЕТСКИЕ ВЛАСТИ И МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ШВЕЦИИ?

После сентября 1991г. советская/российская сторона передала большое количество документов, которые прямо или косвенно относятся к судьбе Рауля Валленберга. Большинство из них освещает действия советских властей с января 1945 г., главным образом до 1957 г. В отношении последующих лет выбор носит более селективный характер, однако некоторые рассекреченные документы освещают также действия после 1957 г. Лишь в 2000 г. стал доступным новый комплект документов из президентского архива, который отражает ход рассмотрения дела на высшем уровне в конце 80-х и начале 90-х годов. Надо указать, что документы, конечно, показывают далеко не всю правду. Во-первых, судя по всему, отсутствуют многие документы, особенно в архиве бывшего КГБ, во-вторых, весьма значительная часть контактов осуществлялась властями по телефону. Кроме того, очевидно, что некоторые документы дают исправленную версию произошедшего. Красной нитью через многие документы просматривается стремление скрыть полную правду. Далее следует указать, что велась подготовка дела соответствующими властями, т.е. Министерством иностранных дел и КГБ. Центральный Комитет (включая секретариат) и его Политбюро не готовили никаких дел, а обсуждали поставленные вопросы и принимали решения на основе предложений со стороны властей.

Исключительно мало документов было рассекречено до сентября 1991 г., но из переданных позднее документов видно, что внутреннее изучение материалов проводилось во всяком случае в 1989-1990 гг.

ДОКУМЕНТАЦИЯ

Действия советских властей в 40-х и 50-х годах обстоятельно освещаются в некоторых внутренних докладных записках, составленных в Министерстве иностранных дел, которые

были переданы шведской стороне. Ниже неоднократно цитируется одна подобная внутренняя докладная записка 1952 г.

Первое непосредственное действие советских властей по этому делу происходит 31 декабря 1944 г., когда шведский посланник в Москве Стаффан Седерблум в ноте Министерству иностранных дел СССР сообщает фамилии членов шведской миссии в Будапеште и утверждает, что им угрожает принудительная эвакуация со стороны местных властей. Седерблум просит Советский Союз оказать помощь шведам, когда их встретят.

Уже в тот же день заместитель министра иностранных дел Деканозов информирует заместителя начальника Генерального штаба Антонова об этих данных и просит его дать надлежащие инструкции командованию фронтами. Подобные инструкции даются в зашифрованной телеграмме 2 января 1945 г. Генерального штаба командующим 2-м и 3-м Украинскими фронтами. Согласно инструкции, члены миссии, если их встретят, должны быть взяты под защиту Красной Армии, при этом необходимо информировать Генеральный штаб.

Об отданных в январе приказах информация дается в главе V.

Здесь можно еще раз напомнить о письме Деканозова Седерблumu от 16 января, в котором он сообщает, что Рауля Валленберга встретили. Интересно, что о нем были уведомлены Молотов, Вышинский и большинство отделов в Министерстве иностранных дел СССР. На копии в архиве имеется также надпись: «...дело Валленберга». На большинстве досье в Министерстве иностранных дел, в которых говорится о деле Валленберга, на обложке обозначено: «О шведском дипломате Рауле Валленберге».

Можно далее отметить, что в одной из упомянутых выше внутренних докладных записок МИДа говорится, что Александра Коллонтай, как указывалось ранее, в феврале 1945 г. проинформировала мать Рауля Валленберга Май фон Дардель, что ее сын находится в безопасности под защитой СССР. Из документа МИДа не видно, как она получила информацию или инструкцию об этом. Записано лишь, что впоследствии (в июле 1947 г.) был одобрен проект ответа г-жи Коллонтай на вопрос газеты «Гетеборгс хандельсок шефартстиднинг», в котором говорилось, что она не может ничего добавить к официальному ответу советских властей.

Здесь можно заметить, что Эмми Лорентсон, которая в течение многих лет была подругой Коллонтай в Стокгольме, во время беседы в доме престарелых под Москвой в 1988 г. с представителями шведской миссии в Москве сообщила, что после возвращения в марте 1945 г. в Москву Коллонтай стала предпринимать некоторые усилия в поисках Рауля Валленберга. Однако вскоре ей приказали прекратить их, и в 1948 г. она узнала, что шведский дипломат умер в 1947 г. в тюрьме от болезни. Какой-либо дополнительной информации Лорентсон не имела.

Заведующий подотделом МИДа Ветров в докладной записке Деканозову от 17 марта 1945 г. пишет, что шведская миссия в трех нотах потребовала передать Даниельссону и Валленбергу адресованные им из МИДа Швеции данные, а также переслать Даниельссону «посылку». Поскольку вопрос об эвакуации из Венгрии иностранных дипломатов, включая шведов, решен и они скоро покинут ее, Ветров предлагает: 1) оставить ноты без ответа и ничего не пересылать в Будапешт, 2) устно сообщить Седерблumu, когда шведская миссия прибудет в СССР, что ее решено эвакуировать.

Обращения шведской стороны в 1945-1946 гг.

В феврале 1945 г. Седерблум завуалировано предлагает Министерству иностранных дел Швеции при посредничестве СССР подтвердить дипломатический статус Рауля Валленберга и дать ему инструкции вступить в контакт с временным венгерским правительством в Дебрецене. Министерство иностранных дел отвечает тем, что просит Седерблума как можно быстрее сообщить Даниельссону, чтобы он вошел в контакт с новым венгерским правительством. Валленбергу следовало присоединиться к Даниельссону. Из надписи на архивной копии видно, что о предложении Седерблума было доложено министру иностранных дел, «который, скорее всего, был бы склонен дать указание, чтобы Валленберг возвращался на родину, если он не считает, что интересы Швеции требуют, чтобы он остался и вступил в контакт с дебреценским правительством. Однако в связи с неопределенностью судьбы Даниельссона в настоящее время не следует давать никаких указаний. Еще не время признавать дебреценское правительство».

Видимо, Седерблум осознавал, что его инициатива могла быть истолкована как нежелание заниматься этим делом, превратив его в шведско-венгерский вопрос, потому что в написанном от руки письме к фон Посту от 30 апреля он подчеркивает, что его предложение о демарше венгерскому правительству было нацелено вовсе не на «освобождение этой миссии от продолжения выполнения своих дел, а, скорее, на поиск путей, позволяющих достичь наилучших результатов, прилагая параллельные усилия по другим каналам. Я уже подчеркивал, что это дело, вероятно, может остаться, к сожалению, неразрешимой загадкой».

Как отмечено выше, в феврале и марте г-жа Коллонтай проинформировала мать Рауля Валленберга и г-жу Гюнтер о том, что Рауль Валленберг находится под охраной советских властей. 9 февраля шведская миссия в Москве получает указание попытаться раздобыть сведения о судьбе персонала миссии в Будапеште; такое указание будет вновь направлено 17 февраля. Запрос посылался также в миссию в Риме (нет ли информации в Ватикане), а также в Бухарест и Берлин. 2 марта получено сообщение из миссии в Бухаресте, что все сотрудники миссии, кроме Рауля Валленберга, целы и невредимы и находятся в дипломатическом представительстве Ватикана. Сообщалось, что Рауль Валленберг намеревался отправиться на автомобиле в неизвестном направлении. Сообщение было направлено в Берлин и Москву. 17 марта дипломатическое представительство в Москве получает указание «энергично потребовать ответ» в связи с противоречивыми слухами о местонахождении Даниельссона, Ангера и Рауля Валленберга. Через два дня поступает указание в Бухарест заняться поиском информации через венгерское правительство и по другим каналам. 27 марта миссия в Бухаресте сообщает, что сотрудники миссии в Будапеште прибыли туда. В тот же день посылается указание в Москву о том, что в связи с прибытием всех остальных лиц в Бухарест особенно важно получить информацию о Рауле Валленберге.

12 апреля посол США в Москве Гарриман предлагает Седерблumu американскую помощь, от которой тот отказывается (но не упоминает в отчете МИДа Швеции от 19 апреля, сообщая при этом неправильную информацию об американских действиях). В тот же день Седерблум докладывает в Стокгольм: «Я опасюсь, что русские при всем желании не смогут добиться ясности в том, что произошло... возможно, что Рауль Валленберг погиб в автомобильной катастрофе или был убит... его исчезновение было фактически бесследным». Через два дня Стокгольм весьма решительно призывает Седерблума: «Настоящим вы получаете однозначные инструкции посетить Деканозова». 24 апреля 1945 г., через некоторое время после возвращения всех членов миссии, за исключением Рауля Валленберга, из Будапешта в Швецию через Москву, Седерблум направляет письмо заместителю министра иностранных дел Деканозову, в котором он просит советскую сторону предпринять срочные меры по поиску Рауля Валленберга, не упоминая, однако, ответа Деканозова от 16 января. В советской внутренней докладной записке отмечается, что во время передачи письма Седерблум заметил, в частности, следующее: «Возможно, что он (Рауль Валленберг) стал жертвой какого-либо несчастного случая». Помимо того что контролируемое советскими властями Радио Кошута в Венгрии распространило дезинформацию подобного содержания, шведы получили сообщение об этом от евреев, которые Прибыли из Будапешта в Бухарест, но и Ланглет высказывался в том же духе: «На вопрос Деканозова Седерблум полагает, что Рауль Валленберг мог погибнуть в автомобильной катастрофе». Седерблум говорит это, несмотря на то что тот же Деканозов 16 января сообщил, что Рауль Валленберг взят под защиту СССР. Нельзя не отметить, что в своем ответе (нота Вышинского шведскому посольству) в августе 1947 г. советская сторона ухватилась за предположения Седерблума.

В результате этого и нескольких следующих обращений МИД (в то время НКВД) направляет письмо в НКГБ, в котором просит предоставить новые данные о Рауле Валленберге для ответа правительству Швеции. 8 августа 1945 г. НКГБ (Меркулов) отвечает, что не располагает никакой информацией о шведском дипломате (ведь он тогда находился в Смерше).

Затем до конца 1945-го и в 1946 г. последовал ряд обращений и визитов шведской стороны касательно судьбы Рауля Валленберга. В некоторых из них переданы дополнительные свидетельские показания как об упомянутых советских военных, которые якобы сопровождали Рауля Валленберга из Будапешта 17 января 1945 г., так и о том, что шведа видели в московских тюрьмах. Первое конкретное свидетельство такого рода поступило от Эдварда аф Сандеберга,

который после возвращения на родину весной 1946 г. сообщил, в частности, что в Бутырках он встретил немца, который в Других московских тюрьмах видел Рауля Валленберга. МИД направляет эти запросы как руководителю Смерша Абакумову, так и в МВД, который, однако, пересылает их начальнику архива МГБ с объяснением, что Рауль Валленберг не находится в системе лагерей МВД. От Смерша и МГБ не поступает никакого ответа, несмотря на неоднократные напоминания, в частности 3 февраля 1946 г., когда МИД просит Абакумова ускорить ответ, о котором можно будет доложить руководству. Из внутреннего документа МГБ от 12 августа 1946 г. видно, что его отдел архивов и регистрации переправил запрос МИДа в третье главное управление; в частности, упоминается Кузьмишин.

Одна из наиболее примечательных бесед происходит 26 декабря 1945 г. между Седерблумом и заведующим отделом Абрамовым. Согласно записи, сделанной в Министерстве иностранных дел СССР, Седерблум сообщает то, что он узнал о последнем периоде пребывания Рауля Валленберга в Будапеште, а затем добавляет: «Я хочу искренне высказать вам мое личное мнение по этому вопросу. Естественно, я знаю, что мое мнение не может иметь личного характера, но в таком случае я хотел бы просить вас считать его личным. Я предполагаю, что Валленберг умер. Вероятно, он погиб под немецкими бомбежками или при наступлении какой-нибудь венгерской или немецкой воинской части, оказавшейся в тылу советских войск. Вскоре после того, как Валленберга доставили в Дебрецен, Красная Армия начала широкое наступление. Вследствие этого штабы и архивы перемещались и в то время оказалось невозможным получить какую-либо информацию о судьбе Валленберга. Было бы замечательно, если бы в настоящее время миссия могла получить ответ, выдержанный именно в этом духе, то есть что Валленберг погиб. Это прежде всего необходимо для матери Валленберга, поскольку она по-прежнему надеется, что ее сын жив, и она тратит силы и здоровье на безрезультатный поиск. Я на днях советовался по этому вопросу с г-жой Коллонтай. Она согласна с моим пониманием и дала мне совет искренне рассказать вам об этом, что я сейчас и сделал. Я еще раз подчеркиваю, что моя просьба об ответе советского правительства и содержании этого ответа является личной просьбой и моим личным мнением». Абрамов сообщил, что он передаст информацию Седерблума соответствующим советским органам и что, вероятно, эта информация поможет поискам Валленберга, а также что в данный момент нет никаких сведений ни о его местонахождении, ни о его смерти.

В отчете Седерблума в Стокгольм о беседе с Абрамовым ничего не говорится о личном послании.

Здесь возникает вопрос о том, можно ли полагаться на записи беседы советской стороны со шведскими представителями. С тех пор как большое количество документов стало доступным в российском внешнеполитическом архиве, можно в целом констатировать, что отчеты о беседах советского посла в Стокгольме часто корректировались, чтобы они соответствовали ожиданиям того, что хочет услышать Москва, или тому, чего посылающий отчет стремится достичь. Ведь Министерству иностранных дел СССР было затруднительно точно контролировать, что именно говорилось во время таких бесед. Однако что касается записей бесед со шведскими представителями, сделанных в Москве, то их достоверность, вероятно, намного выше. Советский представитель редко вел беседу наедине, и было рискованнее исправлять текст; дисциплина была жесткой. В связи с этим следует также указать, что наиболее серьезные высказывания Седерблума в советских записях выделялись кавычками.

Визит к Сталину шведского посланника

15 июня 1946 г. Сталин принимает посланника Седерблума. На встрече 6 июня (когда дело Валленберга вообще специально не затрагивалось) Седерблум попытался добиться через министра иностранных дел Молотова, чтобы советский лидер принял его, и, согласно его заявлению, он намеревался тем самым подчеркнуть как для советской бюрократии, так и для Стокгольма то, насколько хороши шведско-советские отношения и (что подразумевалось) собственное положение Седерблума. Интересно, что 13 июня происходило заседание Политбюро, в котором приняли участие не только большинство членов Политбюро, но и три высокопоставленных чиновника из Министерства иностранных дел (Молотов, Вышинский и

Деканозов), что было весьма необычно. Присутствие Жданова указывало на обсуждение вопросов, связанных с Финляндией, но не будет преувеличением считать, что мог рассматриваться и вопрос о Рауле Валленберге. Не удалось найти ни записи беседы Сталина с Седерблумом с советской стороны, ни каких-либо следов возможных указаний Сталина по результатам беседы. Вполне обычно, что записи бесед Сталина не сохранились; после переписывания набело они направлялись в его собственную канцелярию. В упомянутой выше докладной записке МИДа от 1952 г. в сноске говорится, что «по шведским данным» 15 июня 1946 г. Сталин принял посланника Седерблума и при этом обещал дать указания о розыске Рауля Валленберга. На беседе присутствовал лишь заместитель министра иностранных дел Лозовский, который вскоре занял пост заместителя руководителя Информационного бюро, но позднее по приказу Сталина был убит.

Согласно отчету Седерблума, Сталин записал имя и фамилию Рауля Валленберга и указал ему – после того, как Седерблум заметил, что Рауль Валленберг бесследно исчез, – что советская сторона отдавала приказ о защите шведов. Это указывает на то, что Сталин был в курсе дела (запись фамилии Валленберга была сделана скорее ради видимости). Хотя Седерблум ссылался на сообщение Деканозова от 16 января 1945 г., он выразил свое личное убеждение, что Рауль Валленберг стал жертвой несчастного случая или разбойного нападения. Тогда Сталин спросил: «Вы не получали никакого сообщения от нас?» Вопрос состоит в том, не должно ли это указывать на сообщение Коллонтай примерно за год до этого (о котором, как представляется, Седерблум ничего не знал и поэтому ответил «нет»). Шведский посланник предположил, что советские власти не располагают какими-либо данными о судьбе Рауля Валленберга, но желал бы получить официальное сообщение о принятии всевозможных мер для его дополнительного поиска. Следовательно, Седерблум вновь уверился, что Валленберг погиб в Венгрии. Однако Сталин обещал, что он займется делом Валленберга и проследит за тем, чтобы оно было расследовано и разъяснено (если верить записи Седерблума). Беседа Седерблума со Сталиным продолжалась лишь пять минут, хотя Сталин, согласно записям в журнале посещений, зарезервировал целый час для визита.

Из журнала посещений видно, что присутствовавший на беседе вместе со Сталиным заместитель министра иностранных дел Лозовский оставался затем еще почти целый час наедине со Сталиным. Должно быть, советская сторона была смущена выступлением Седерблума. Далее в отчете затронут вопрос, как советская сторона могла воспринять шведские действия. Однако можно отметить, что частые высказывания Седерблума о его убежденности в смерти Рауля Валленберга не привели ни к каким комментариям в записях бесед с советской стороны; они не упомянуты и в резюмирующей докладной записке по этому делу. Это можно объяснить тем, что МИД отвечал лишь за официальные контакты со Швецией. Напротив, арестом, заключением в тюрьму и вероятным обменом Рауля Валленберга занимались органы госбезопасности, и это не касалось Министерства иностранных дел. Конечно, опытным чиновникам не составляло особого труда представить себе реальное положение дел, но их подход мог базироваться лишь на формальных ответах, которые они получали от Смерша.

13 декабря 1946 г. Лозовский принимает советника миссии Барка-Холста, который спрашивает о результатах обещанного Сталиным рассмотрения вопроса. Лозовский говорит, что он не занимался этим делом. Однако запись беседы посылается Абакумову с требованием Молотова и Деканозова об отчете и исполнении.

В ноябре 1946 г. министр иностранных дел Унден встречается с Молотовым в Нью-Йорке, но он не поднимает вопрос о судьбе Рауля Валленберга.

Советские предложения об обмене?

Интересный разговор произошел 12 декабря 1946 г., когда заведующий 5-м европейским отделом МИДа Сысоев принял поверенного в делах Барка-Холста. Ход Сысоева, когда он перешел в контратаку и поднял вопрос о многих советских перебежчиках в Швецию как о реальной проблеме в советско-шведских отношениях. Барк-Холст истолковал таким образом, что дело Валленберга в данном случае используется в качестве своего рода основы для переговоров. Конечно, нельзя найти какого-либо четкого подтверждения такому толкованию в

записи беседы с советской стороны, но более ясно намек советской стороны не мог выражаться.

Примерно за полгода до этого, 30 апреля, Седерблум послал отчет о беседе с сотрудником МИДа Абрамовым: «В этой связи Абрамов проговорился, что ведь г-н аф Сандеберг (первое свидетельство о Рауле Валленберге) был встречен и, вероятно, уже возвращен на родину. Это могло бы восприниматься как намек на то, что, несмотря ни на что, Рауль Валленберг жив...» Однако Абрамов мог упомянуть о возвращении аф Сандеберга на родину лишь для того, что возможно возвращение домой и Рауля Валленберга, если бы его повстречали. Абрамов просил также Седерблума добиться, чтобы девушку Макарову вернули на родину ее отцу. В записи беседы с советской стороны аф Сандеберг не упоминается. Напротив, прямая связь между Раулем Валленбергом и Макаровой прослеживается в следующих словах. Абрамов пишет: «Я отвечал, что поиски Валленберга продолжаются. В связи с этим делом я напомнил ему о судьбе Лидии Макаровой. Несмотря на заявления отца, несмотря на неоднократные обращения нашего посланника в Министерство иностранных дел Швеции, ее до сих пор не отослали назад в Советский Союз».

Несмотря на все намеки об обмене в этой и других беседах, член коллегии МИДа Новиков просит Смерш в нескольких письмах – от 28 ноября 1945 г., 3 февраля и 20 марта 1946 г. – ускорить ответ о Рауле Валленберге в связи с полученными от шведской стороны фотографиями и показаниями свидетелей в Будапеште.

Вопрос о советском гражданине, который сбежал в Швецию через некоторое время после беседы Седерблума со Сталиным – моряке и, согласно его собственным заявлениям, агенте НКВД Грановском, – становится предметом рассмотрения на государственном уровне осенью 1946 г. Эрландер пишет в своем дневнике, что в «действительно печальной беседе» с советским посланником о деле моряков тот был «чрезвычайно упрямым даже с учетом его недостаточно хорошего знания языка, что придавало его формулировкам такую прямоту и неприкрашенность, что я совсем опешил. Я был крайне зол и недоброжелателен». Чернышев дал понять, что Швеция, отказываясь выдать Грановского, Макарову и других, рисковала осложнениями в шведско-советских отношениях, в то время как Эрландер утверждал, что не следует позволять вопросам репатриации оказывать подобное влияние. Запись беседы со шведской стороны не найдена, и в последующие дни разгорелся диспут между Чернышевым и первым заместителем министра иностранных дел Вестманом по вопросу о том, что же было, в сущности, сказано. Но внутри Министерства иностранных дел Швеции министр Унден выступал за выдачу Грановского советской стороне (но не в качестве обмена на Валленберга – этот вопрос вообще не затрагивался), а первый заместитель министра Вестман и руководитель политического отдела Графстрем были против этого.

Достоин внимания пассивный способ ведения Седерблумом дела Валленберга. Его следует рассматривать на фоне того, что он занял пост посланника в Москве летом 1944 г. после объявления его предшественника персоной нон грата. Его задачей было улучшение отношений Швеции с Советским Союзом. Вместе с тем он наверняка осознавал, что с советской стороны – и среди шведских критиков политики коалиционного правительства – его считали одним из ответственных за те уступки нацистской Германии, которые были сделаны в 1940-1942 гг., когда он был начальником политического отдела МИДа Швеции. Это была не слишком хорошая основа для решительного отстаивания интересов Швеции. Его заявления Абрамову в декабре 1945 г. казались все же исключительно странными, в особенности с учетом его опыта в качестве профессионального дипломата. Если он не заручился какой-либо поддержкой со стороны ведущих политических кругов во время своих бесед в Стокгольме незадолго перед встречей с Абрамовым – о чем нет никаких свидетельств, – эти заявления должны поставить вопросы о его взглядах. Вероятно, речь может идти и о его психическом здоровье – шесть лет спустя оно ухудшилось настолько, что он был вынужден уйти в отставку в возрасте 51 года.

Так же странно, что сигналы о его недостаточной энергичности в деле Валленберга, о которых стало известно и руководству внешнеполитического ведомства в Стокгольме, похоже, не привели ни к каким указаниям. Ведущие чиновники в Министерстве иностранных дел Швеции, которые обычно были настроены критически по отношению к СССР и недоверчиво-к взглядам Седерблума, кажется, на них не реагировали. Однако не удалось установить, в какой степени о наиболее явном из этих признаков (его заявлениях во время прощальной аудиенции у

Сталина в июне 1946 г.) стало известно кому-либо, кроме министра иностранных дел, поскольку оригинал депеши с подписями тех, кто ее прочитал, не был найден в архиве Министерства иностранных дел Швеции.

Следует отметить также встречу нового посланника Гуннара Хэгглёфа (Седеблум покинул Москву летом 1946 г.) с членом коллегии МИДа Новиковым 30 января 1947 г. Новиков заметил тогда, что действия советских органов по дополнительному поиску не увенчались успехом, а также сказал, что нельзя не принимать во внимание того, что «Рауль Валленберг оказался в расположении Красной Армии в период жестоких боев в Венгрии, когда могло произойти все что угодно, например, бегство Рауля Валленберга, нападение авиации противника и т.п.». Согласно записям Новикова, Хэгглёф ответил, что он не исключает этого, но надеется на лучшее. Согласно Хэгглёфу, Новиков также сказал, что, безусловно, в СССР есть такие лагеря, которые не успели закончить выполнение приказа о мерах по дополнительному поиску, но затем просил Хэгглёфа не принимать это заявление во внимание.

МИД узнает, что Рауль Валленберг находится в Москве

В начале 1947 г. органы госбезопасности по-прежнему не давали никакого ответа на запросы Министерства иностранных дел. Однако в декабре 1946 г. Сысоев из пятого европейского отдела сообщает в докладной записке к записи беседы (с Барком-Холстом): «Некоторое время тому назад начальник

2-го отдела Смерша Бурашников сказал по телефону референту Чеботареву (МИД), что по этому вопросу было бы желательно, чтобы Вышинский позвонил Абакумову», что следует рассматривать, как первый четкий намек в документах МИДа о том, что Рауль Валленберг может быть в СССР (Абакумов ознакомился с записью беседы).

В феврале 1947 г. Федотов из МГБ устно сообщил Новикову, что Рауль Валленберг находится в распоряжении МГБ. Федотов обещал информировать Молотова о причинах задержки Рауля Валленберга, а также внести предложения о дальнейших мерах по этому вопросу.

Реферат беседы Новикова с Федотовым включен в докладную записку Ветрова Молотову, в которой Ветров сначала передал то, что Новиков сказал Хэгглёфу, а именно что Рауль Валленберг мог погибнуть еще в Венгрии. В проекте записки Новиков от руки заменил эту часть на данные, полученные от Федотова. Он просил также Ветрова перепечатать письмо в одном экземпляре и лично передать его руководителю секретариата Молотова Подцеробу. При перепечатке докладной записки Ветрову не разрешалось использовать своего секретаря, ее напечатали в секретариате заместителя министра иностранных дел Вышинского. Это показывает, что к сообщению Федотова отнеслись очень осторожно и, вероятно, сообщили о нем очень узкому кругу лиц.

Устное сообщение Федотова упоминается также в докладной записке заместителю министра иностранных дел Вышинскому, подготовленной Ветровым 2 апреля 1947 г. Из архивных материалов не видно, состоялся ли когда-либо обещанный доклад Молотову. Вероятно, его не было. В докладной записке Ветрова Вышинскому от 2 апреля 1947 г. есть замечание, что Федотов подготовил вопрос, но о нем еще не докладывали. Очевидно, в МГБ (Абакумов) не знали, как поступить с Раулем Валленбергом.

В мае 1947 г. руководитель Красного Креста СССР Колесников получил письмо от Фольке Бернадота о Рауле Валленберге. В связи с этим Колесников послал запрос как Вышинскому, так и в главное управление по делам военнопленных и интернированных МВД. Его представитель Кобулов (который, между прочим, был приближенным лицом Берии) запросил 11 июня МИД, что там знают по этому вопросу. Ответ был дан по телефону на следующий день. (Запрос Кобулова может представлять интерес, поскольку, возможно, указывает на то, что Берия и его ближайшее окружение не были подробно информированы о Рауле Валленберге. Вероятнее, однако, что хотели выяснить, как следует оформить ответ.)

Вышинский хочет решить дело Рауля Валленберга

После написания Ветровым упомянутой выше докладной записки Вышинскому от 2 апреля 1947 г. Вышинский пишет 13 мая 1947 г. докладную записку Молотову, в которой констатирует, что с 24 апреля 1945 г. Швеция восемь раз в письменной и пять раз в устной форме направляла обращения по поводу Рауля Валленберга. Заместитель министра иностранных дел придает также значение запросам о Рауле Валленберге в шведском риксдаге (парламенте) и тому, что он хочет охарактеризовать почти как кампанию в шведской прессе. Вышинский упоминает также, что МИД неоднократно требовал ответа из Смерша и МГБ и получил лишь тот результат, что Федотов в МГБ обещал лично доложить Молотову и предложить дальнейшие меры. В связи с этим Вышинский выражает пожелание, чтобы Молотов приказал Абакумову «представить справку по существу дела и предложения о его ликвидации». Слово «ликвидация» в этом контексте может иметь два значения: оно может указывать на дело, но также и на человека. Однако немногие считают, что это указывает на что-то иное, нежели дело. На докладной записке Молотов 18 мая 1947 г. написал: «Тов. Абакумову. Прошу доложить мне». (В то время Молотов был заместителем председателя Совета министров.)

Следующий важный документ относится к 7 июля 1947 г. – письмо заместителя министра иностранных дел Вышинского непосредственно Абакумову. В нем Вышинский ссылается на запрос министра торговли США Генри Уоллеса о судьбе Рауля Валленберга и особо отмечает также, что шведское посольство в Москве 16 января 1945 г. получило ответ, что Рауль Валленберг взят под защиту советскими военными властями в Будапеште. Затем Вышинский подчеркивает, что шведы интенсивно выдвигают этот вопрос, используя различные обращения в МИД для «получения хотя бы какого-нибудь ответа». Затем идет ключевая фраза: «Для решения вопроса об ответе (шведам) и его содержании было бы важно иметь сведения о месте взятия под охрану советскими военными властями Валленберга, где помещался в это время Валленберг, куда перемещался Валленберг и были ли в этих местах бои или бомбардировки, имел ли Валленберг возможность свободно передвигаться или он находился под непрерывной охраной, а также имел ли Валленберг в это время связи или свидания с членами шведской миссии в Вене (!) или с какими-либо другими иностранцами». Письмо завершается обращением к Абакумову написать и переслать отчет по этим вопросам.

При размышлениях о содержании этого письма следует помнить; что Вышинский к этому времени знал, что Рауль Валленберг сидит в тюрьме в СССР (вероятно, большинство занимавшихся этим делом сотрудников МИДа поняли это намного раньше). Он предлагает Абакумову предоставить основу для ответа, который должен попытаться убедить шведов, что Рауль Валленберг исчез в Будапеште – то, на что явно намекали в официальном ответе примерно через месяц. В связи с этим письмо приобретает роковое содержание: ведь на практике это означало, что вопрос о дальнейшей судьбе Рауля Валленберга должен быть решен (ранее Вышинский настаивал на предложении о ликвидации дела), причем так, чтобы не подрывать достоверность подготовленной версии. Таким образом, Вышинский исходит из того, что о каком-либо официальном признании факта, что Рауль Валленберг находится в тюрьме МГБ, не может быть и речи. Очевидно, что последовали контакты в рабочем порядке между МИДом и МГБ, которые не отражены в архивных материалах, – или Вышинский заранее знал, что планируют сделать с Раулем Валленбергом?

16 июля новый посланник Сульман (Гуннар Хэгглёф уже уехал) встречается с сотрудником МИДа Ветровым. Вновь с советской стороны предвосхищается то, что должно произойти: Ветров хотел в качестве своего личного комментария указать на то, что бои в районе Будапешта во второй половине января 1945 г. носили особенно ожесточенный характер. Многое говорило за то, что Рауль Валленберг погиб, но каких-либо доказательств не удалось найти.

22 июля 1947 г. Вышинский посылает Абакумову короткое письмо-напоминание и просит его ускорить ответ на упомянутое выше письмо в связи с «активизацией вопроса в Швеции». (В советскую миссию в Стокгольме 15 июля была передана петиция, подписанная представителями ряда шведских организаций.)

В нижнем левом углу этого письма имеется одна из важнейших записей среди всего того архивного материала, который передан российской стороной. Там заведующий скандинавским отделом МИДа 23 июля 1947 г. написал: «Ответ дан Аб. (Абакумовым) 17/7/1947 в личном

письме Молотову под входящим номером 3044/а».

В той докладной записке, на которую мы много раз ссылались, указывается также, что среди последующих записок имеется надпись о том, что письмо Абакумова Молотову было получено его секретариатом. Письмо было направлено Молотову как заместителю председателя СНК.

Из журнала исходящих бумаг КГБ была также получена копия, показывающая, что письмо отправлено 17 июля 1947 г. Видно также, что в письме говорится о Рауле Валленберге и письмо подготовлено в третьем главном управлении МГБ, которому раньше подчинялся отдел Карташова. Однако само оно не найдено, что с российской стороны объясняют тем, что письмо имело личный и особенно деликатный характер.

Безусловно, важнейшей задачей рабочей группы была попытка разыскать письмо Абакумова. Его искали во всевозможных фондах в архивах МИДа и КГБ. Кроме того, делались запросы в президентский архив, где хранятся особо секретные материалы. Контакты там поддерживались с бывшим руководителем Российского архивного управления Пихоя и с генералом Волкогоновым, которые лично в 1993-1994 гг. просмотрели примерно две тысячи закрытых конвертов, в которых долго надеялись найти письмо. В одном из этих конвертов был найден, в частности, решающий документ по Катюни. Однако это исследование не принесло большого успеха: как Волкогонов, так и Пихоя сообщили, что письма в архиве нет.

Поэтому точный текст письма может быть лишь предметом для размышлений. Однако письмо является ответом на подписанное Молотовым требование Вышинского дать отчет о судьбе Рауля Валленберга, а также на предложения о завершении дела отчетом, который служил бы основанием для ответа шведам. Согласно одной гипотезе, Абакумов сообщает Молотову, что произошло нечто серьезное, например смерть (независимо от обстоятельств). Другая возможность состоит в том, что Абакумов дает ответ на вопрос, что собираются делать с Раулем Валленбергом, а также предложения о подготовке ответа. Еще одна версия, которую поддерживают многие высокопоставленные представители КГБ, но которую следует считать менее правдоподобной, состоит в том, что Абакумов просит Молотова дать указания, что ему делать с Раулем Валленбергом.

То, что речь идет о важном и деликатном сообщении, можно определить хотя бы по тому, что Молотов даже через пять дней (22 июля) не проинформировал Вышинского о его содержании, а также по тому обстоятельству, что письма не удалось найти. Если оно содержало лишь ответы на вопросы Вышинского, трудно понять, почему с ним обошлись иначе, чем с другими документами. Можно добавить, что, по мнению бывшего сотрудника секретариата Молотова, Молотов не всегда держал Вышинского в курсе дела: их отношения были натянутыми.

Швеция получает ответ

Затем, по данным архива Министерства иностранных дел, в этом деле ничего не происходит до 9 августа, когда в связи с обращением Сульмана 12 июня к заместителю министра иностранных дел Малику Вышинский в коротком сообщении Молотову предлагает, что сейчас может быть удобно дать ответ по существу вопроса. Вышинский прилагает также набросок ответа и особо указывает, что в него включена «известная Вам выписка с добавлением абзаца о беседе Новикова и Хэгглёфа 30 января этого года». Вышинский имеет в виду абзац, где Новиков указывает, что Рауль Валленберг оказался в расположении Красной Армии в тот период, когда в Венгрии происходили наиболее ожесточенные бои и могли произойти всякие случайности: бегство, нападение авиации противника и прочее.

Молотов написал на предложении Вышинского о своем согласии с учетом небольших изменений в тексте.

18 августа 1947 г. Вышинский посылает Сульману личную ноту, которая содержит первый советский официальный ответ о судьбе Рауля Валленберга. Вышинский утверждает, что тщательные поиски показали, что «Валленберга в Советском Союзе нет и он нам неизвестен». Безусловно, Вышинский не может отрицать, что МИД получил 14 января 1945 г. короткое сообщение, «основанное на косвенных данных от одного из командиров воинской части,

которая вела бои в Будапеште», о том, что Рауль Валленберг обнаружен, но проверить эту информацию оказалось невозможно, так как в городе шли ожесточенные бои. Тот офицер, который послал сообщение, не был найден, и Рауль Валленберг не был обнаружен в «лагерях для военнопленных и интернированных», – говорится также в ноте (ведь Рауль Валленберг сидел в тюрьме). Затем дается ссылка на выдвигавшиеся ранее гипотезы о том, что Рауль Валленберг мог быть убит во время боев. «Остается лишь предполагать, что Валленберг во время боев в городе Будапеште погиб либо оказался захваченным салашистами».

Следует заметить, что Вышинский прямо не высказывается, будто Рауля Валленберга никогда не было в СССР, а говорит только, что его нет там и что о нем не знают (тоже погиб сейчас). Это типичные советские формулировки, которые, во всяком случае шведу, кажутся чистой ложью. Следует особо указать, что все советское руководство было ознакомлено с нотой Вышинского.

В последующие пять лет в деле Рауля Валленберга произошло немного событий, да и число обращений к Москве было заметно меньше, чем в 1945-1947 гг. Можно отметить лишь один своеобразный момент во всей этой истории. Речь идет о приговоре венгерского суда в 1948 г., когда бывших венгерских фашистов приговорили к смерти за убийство Валленберга в Буде, непосредственно перед его отъездом к маршалу Малиновскому в Дебрецен. Приговор суда приводится в цитированной выше докладной записке МИД с одним комментарием, что шведские газеты полностью его отвергли.

Новые свидетельства и новые обращения шведской стороны

1950-е гг. характеризуются более активными действиями шведской стороны под руководством нового первого заместителя министра иностранных дел Арне С. Лундберга. Вместе с тем с 1951 г. начинают появляться новые, более надежные свидетельства о пребывании Рауля Валленберга в тюрьме. Одно из первых поступило от итальянского дипломата Клаудио де Мора. Это привело к тому, что министр иностранных дел Унден в феврале 1952 г. передал послу Родионову ноту, в которой, в частности, требуется возвратить Рауля Валленберга в Швецию.

На просьбу дать ответ министр госбезопасности Игнатъев ответил 3 марта заместителю министра иностранных дел Громыко, что МГБ не считает уместным каким-либо образом менять характер того ответа, который был дан шведам в ноте Вышинского от 18 августа 1947 г. (Следует отметить, что в это время Абакумов был уже арестован.)

Три недели спустя Вышинский, который тогда стал министром иностранных дел, в докладной записке непосредственно Сталину сообщает историю дела, не раскрывая, однако, данных, не упомянутых в документе Министерства иностранных дел. Возникает вопрос, почему Вышинский даже в служебном совершенно секретном документе не мог сказать открытым текстом о том, что случилось с Раулем Валленбергом. Вероятно, он в то время знал правду (хотя, естественно, нельзя быть уверенным в этом на сто процентов). По мнению российских экспертов, было весьма обычно, что даже в служебных совершенно секретных документах такого типа содержался вымысел, т.е. воспроизводилась скорее официальная версия, нежели реальная, если она считалась совершенно секретной и тайной. Ведь исключительное право на правду принадлежало КГБ, и Вышинскому, может быть, не разрешалось ее упомянуть. Можно отметить, что Вышинский в докладной записке привлекает внимание Сталина к приговору венгерского суда над фашистами в 1948 г. Вышинский полностью согласен с рекомендацией МГБ ничего не менять в ответе 1947 г. Тот ответ, который после одобрения на заседании Политбюро был передан в апреле Министерству иностранных дел Швеции, также исходит из того, что советские власти не имеют каких-либо данных о судьбе Рауля Валленберга помимо тех, которые были предоставлены в 1947 г.

Что касается последующего обращения шведской стороны, посланного в мае того же года, то принимается решение не давать на него вообще никакого ответа и только в случае повторного запроса дать устную ссылку на ответ в апреле. Однако после майского обращения в скандинавском отделе МИД составляется обстоятельная докладная записка (на которую мы ссылались много раз в этом тексте). Оно же вызывает еще одну докладную записку Вышинского Сталину, в которой можно отметить такое выражение Вышинского: «Рауль Валленберг, как

утверждают, спасал евреев в Венгрии». Вновь можно удивляться тому, что Вышинский даже в служебной докладной записке не дает реальной версии.

Оба процитированных выше решения принимались на Политбюро, после чего о них сообщалось только Молотову и Вышинскому.

Упомянутые здесь два обращения шведской стороны базировались на новых надежных свидетельских данных и стали причиной двух отчетов Сталину. Следовательно, они воспринимались советской стороной достаточно серьезно.

На последующие обращения шведской стороны в 1953 и 1954 гг. СССР реагировал весьма жестко: несмотря на смерть Сталина, Молотов и Вышинский находились по-прежнему на своих постах, а председателем КГБ с 1954 г. стал Серов. Однако можно отметить запрос заместителя министра иностранных дел Громыко от 13 октября 1954 г., посланный председателю КГБ Серову. В нем Громыко просит информировать его о том, когда и при каких обстоятельствах умер Рауль Валленберг. Повод для запроса – подготовка новой докладной записки в Центральный Комитет. Через несколько недель Серов отвечает, что КГБ не может ничего добавить к тому ответу, который был дан 3 марта 1952 г. (Вопрос в том, узнает ли вообще Громыко больше о судьбе Рауля Валленберга.)

В 1955 г. последовали новые шведские визиты; в частности, Булганин принял посла Сульмана, а президент Ворошилов встречался с делегацией шведского риксдага. Позиция советской стороны теперь становится чуть менее жесткой: Ворошилов говорит о широком поиске по всей стране. Сульман сообщает Булганину, что он совершенно уверен в том, что если Рауль Валленберг будет найден, то его немедленно возвратят в Швецию. Булганин сожалеет, что не может сказать ничего нового, и констатирует, что как отдельные люди, так и массы народа исчезают во время войны. Согласно отчету Сульмана, Булганин также якобы сказал, что если Рауль Валленберг найдется, то он вернется домой. Булганин занимался этим делом в правительстве и ознакомился с записками Вышинского и других лиц (и он же, как указано выше, подписал приказ об аресте).

Очевидно, в то время шли определенные поиски или по меньшей мере дискуссии, которые позволили бы дать Швеции новый ответ. Интересный документ из КГБ, найденный в архиве МИДа, датирован декабрём 1955 г. Речь идет о письме из первого главного управления (внешняя разведка) КГБ начальнику скандинавского отдела МИДа относительно предложения в отчете о Рауле Валленберге, направляемом в Центральный Комитет. Говорится, что один абзац в предлагаемом отчете (он был приложен, но его пока не удалось найти) следует изменить так: «отсутствие данных о Валленберге объясняется тем, что он с первых дней после войны и до своей смерти находился в СССР под другой фамилией, что удалось установить путем тщательной проверки тех данных, которые представила шведская сторона». Никаких соответствующих ответов на запрос из других органов власти в архиве не найдено.

Эрландер и Хедлунд в Москве: представлены новые неоспоримые свидетельские показания

Итак, мы приближаемся к поворотному пункту в отношении советской стороны к делу Валленберга. Премьер-министр Эрландер и министр внутренних дел Хедлунд собираются нанести визит в Москву в конце марта – начале апреля 1956 г., и советская сторона полагает, что дело Валленберга будет фигурировать в числе важнейших вопросов повестки дня. В докладной записке от 29 февраля 1956 г. в Центральный Комитет Молотов констатирует, что Эрландер сказал послу СССР в Стокгольме, что этот вопрос будет поднят, «чтобы не дать шведской буржуазной оппозиции повод обвинить правительство в недостаточно энергичных действиях» (какой-либо записи беседы Эрландера с Родионовым у шведской стороны не сохранилось). Указав, что Рауль Валленберг – член семейства, возглавляющего крупнейшую шведскую монополистическую группу, и повторив официальную версию, Молотов считает удобным с тактической точки зрения дать задание советскому послу в Стокгольме еще до отъезда Эрландера разъяснить Ундену, что советская сторона ничего не может добавить к прежним «исчерпывающим и окончательным ответам». Министр иностранных дел СССР выразил уверенность в том, что подобный шаг продемонстрирует шведскому правительству, что новое

обращение шведской стороны ни к чему не приведет.

Итак, 10 марта на встрече с послом Родионовым Унден прокомментировал возможную роль, которую могли сыграть Берия и органы госбезопасности в судьбе Рауля Валленберга, и сказал, что они могли скрыть факты от руководства Министерства иностранных дел. Унден выдвинул это в качестве гипотезы, после того как Родионов заявил, что у СССР не может быть никаких причин задерживать человека, которым так интересуется правительство Швеции. Советской стороной эти слова были истолкованы таким образом, что шведы удовлетворятся ответом, в котором вина за исчезновение Рауля Валленберга будет возложена на Берию. Следовательно, запись беседы с советской стороны в этом месте отличается от шведской: видимо, Родионов сознательно или неосознанно искажил слова Ундена¹. Еще 19 марта шведское посольство получает новую ноту МИД с ответом, что Рауля Валленберга нет в СССР и что прежние ответы являются исчерпывающими и окончательными.

Во время визита премьер-министра Эрландера был передан ряд свидетельств немецких и других военнопленных, недвусмысленно указывающих на то, что Рауль Валленберг находился в Лубянской и Лефортовской тюрьмах, во всяком случае, в 1945-1947 гг. Встречаются также свидетельства, относящиеся к более позднему времени. Молотов пересылает материалы в Центральный Комитет и обещает в течение нескольких дней сообщить о предложениях Министерства иностранных дел (для принятия мер).

Новая версия о судьбе Рауля Валленберга подготавливается советской стороной

В новой докладной записке в Центральный Комитет от 2 апреля Молотов кратко описывает прежние советские официальные ответы Швеции. Сославшись на новые свидетельства, Молотов отмечает, что Эрландер и Хедлунд указали, что дело Валленберга является настолько раздражающим моментом в наших отношениях, что может отрицательно воздействовать на них.

«Эрландер настойчиво просил нас найти выход из создавшейся ситуации, с тем чтобы вопрос можно было закрыть». Какой-либо соответствующей формулировки в записи шведской стороны не найдено. Молотов указывает на это и предполагает типичным для него образом, что Эрландер имел в виду то обстоятельство, что семейство Валленбергов входит в число крупнейших шведских монополистов, имеет большое влияние в Швеции и таким образом дело Валленберга может быть использовано некоторыми кругами в Швеции в ущерб советско-шведским отношениям, особенно перед осенними выборами в риксдаг.

На этом фоне Центральному Комитету предлагается, чтобы Молотов до отъезда Эрландера передал Хедлунду, что СССР не может в настоящее время сообщить что-то новое помимо прежних ответов. Тем не менее соответствующим органам были даны указания тщательно изучить и проверить переданные свидетельства и сообщить о результатах шведскому правительству.

Это решение было принято и на Президиуме ЦК. Кроме того, дается поручение КГБ и Министерству внутренних дел в течение двух недель просмотреть материалы и предложить ответ. Формулировка о Рауле Валленберге появляется в совместном советско-шведском коммюнике по результатам визита. Коммюнике опубликовано, в частности, в «Правде», а это означает, что его могли прочитать и интернированные во всех лагерях и тюрьмах Советского Союза.

Пока идет эта работа, как можно здесь заметить попутно, в МИД приходит письмо от некоего Ширягина из Харьковской области. Вероятно, на написание письма этого человека

¹ Следует, однако, отметить, что министр Улла Линдстрем, который входил число ближайших Ундену людей, в своих мемуарах («В правительстве: из моего политического дневника 1954-1959 гг.». Стокгольм, 1969, с. 100), говоря о точке зрения Ундена на дело Валленберга, приводит следующую цитату из дневника: «Унден говорил об этом с Вышинским и Молотовым; затем он воспроизвел беседу, добавив личные впечатления. Сам он считает, что русские действительно не знают, куда направился Валленберг, что Валленберг, вероятно, погиб в том хаосе, который царил после войны, и что если он найдется, у русских будет больше причин вернуть его в Швецию, приобретя хорошую репутацию, чем прятать его и отрицать его существование». Из дневника, хранящегося в Государственном архиве Швеции, видно, что эта запись сделана 1 апреля 1956 г. и что эта цитата в мемуарах соответствует оригиналу.

подвигло опубликованное в «Правде» коммюнике по итогам визита премьер-министра Швеции.

Мы не знаем точно, что написано в письме Ширягина, поскольку оно не было найдено в архивах МИДа и КГБ. К сожалению, рабочая группа, несмотря на значительные усилия, не смогла отыскать следов Ширягина. Однако письмо, видимо, представляло определенный интерес, поскольку оно дало повод заведующему отделом МИДа ознакомить с ним КГБ. В письме в КГБ указывается, что письмо Ширягина содержит данные о шведском дипломате Рауле Валленберге, но предупреждается, что Ширягин в своем излишнем усердии помочь в поисках Рауля Валленберга может ознакомить с этими данными других людей, в том числе довести их до сведения шведской миссии. Поэтому предлагается, чтобы КГБ по своим каналам осторожно посоветовал Ширягину не рассказывать о том, что он знает, даже семье и знакомым.

16 апреля Молотов получает сообщение от заведующего отделом Грибанова, в котором тот ссылается на поручение выработать в течение двух недель предложения по ответу для передачи его в Швецию. Председатель КГБ Серов сообщает, что предложения разработаны в КГБ, и просит Молотова принять его в удобное для того время для личного доклада по этому вопросу.

Первый особый отдел Министерства внутренних дел также получает шведские свидетельские материалы для комментариев и в докладной записке придает важное значение свидетельствам Густава Рихтера, Карла Зупприана, Вилли Бергемана, Эрнста Валленштейна и Бернхарда Ренсингхоффа, поскольку представлялось, что они имели прямой контакт с Раулем Валленбергом на Лубянке или в Лефортово. Вместе с тем констатируется, что МВД не располагает никакими материалами относительно «исчезнувшего в Будапеште шведского дипломата Рауля Валленберга».

Каких-либо документальных следов этого доклада не найдено. Однако то, что это дело обсуждалось на таком высоком уровне двумя руководителями ведомств лично, указывает на деликатность истины и высокую степень секретности. Результаты переговоров выливаются в форму совместной докладной записки от 28 апреля с приложениями и концептуальными вариантами, которая была представлена в Центральный Комитет. В записке даются ссылки на многих из тех военнопленных, чьи свидетельства были приведены в переданном шведами материале, и констатируется, что эти данные «во многом» совпадают с фактическими обстоятельствами ареста Рауля Валленберга и его пребывания в тюрьме в СССР.

Учитывая важность урегулирования вопроса о Валленберге и в связи с тем, что шведы не перестанут его поднимать, Молотов и Серов считают удобным «информировать шведское правительство о судьбе Валленберга, но делать это не сразу», поскольку надо принять во внимание, что в сентябре проводятся выборы в риксдаг и с тактической точки зрения было бы удобнее затянуть дополнительные поиски по делу Валленберга, дав окончательный ответ через два или три месяца после выборов. План действий Серова и Молотова содержит следующие составные части.

В начале мая советскому послу в Стокгольме следует в устной форме обратиться к министру иностранных дел Ундену и попросить шведскую сторону предоставить материалы, а именно некоторые уточнения ряда свидетельств, дать фотографии Рауля Валленберга (!) и т.п. Расчет состоит в том, что шведы воспримут этот запрос как свидетельство того, что советские власти действительно занимаются тщательным изучением переданных материалов.

Затем, согласно докладной записке, через два месяца, т.е. в июле, можно было бы поручить послу в Стокгольме сказать шведам, что полученные материалы тщательно изучаются, проводится опрос лиц, которые могут быть как-то связаны с упомянутыми в этих материалах обстоятельствами, и о результатах новых поисков будет сообщено шведскому правительству. Предполагается, как указано выше, дать окончательный ответ по этим результатам через два-три месяца после выборов в риксдаг.

Предлагаемые устные ответы приводятся в приложениях к докладной записке; позднее они были одобрены Политбюро (точнее, Президиумом, как оно называлось в то время). Следует отметить, что этот документ имеет самую высокую степень секретности среди всех документов из бывшего архива ЦК; он находится в так называемой «особой папке», а это, в частности, означает, что те, кто знакомится с документом, должны вернуть его в канцелярию Президиума максимум через 24 часа.

В первом запросе советской стороны в Министерство иностранных дел Швеции, сделанном в мае, речь шла, в частности, об австрийском военнопленном Шойере/Шлиттере, который в течение некоторого времени сидел в одной камере с Раулем Валленбергом и которого подозревают с сотрудничестве с тюремным начальством.

Однако самым примечательным является третье приложение к докладной записке Молотова и Серова в Центральный Комитет. В ней (составленной в конце апреля) уже есть проект окончательного ответа для последующей передачи Швеции. В тексте говорится, что советская сторона провела основательное изучение переданных свидетельств и, кроме того, просмотрела архивные материалы Управления контрразведки и бывшего коменданта, а также провела опрос некоторых лиц, и при этом удалось установить, где находился Рауль Валленберг в 1945-1947 гг.

Далее говорится, что по указанию Абакумова Валленберг был доставлен из Будапешта в Москву, где он был арестован без информирования об этом правительственных органов и в нарушение законов СССР, а также что Абакумов обвинил его в шпионаже в пользу Германии против СССР и его союзников по антигитлеровской коалиции. В результате изучения архивов «бывшего коменданта контрразведки» было установлено, что, согласно личным указаниям Абакумова, Рауль Валленберг содержался в Лефортовской тюрьме в специальных условиях, при этом служебный персонал не знал его фамилии. «В июле 1947 г. Рауль Валленберг умер в тюремной больнице (в Лефортове?), а его тело было отправлено на кремирование».

Далее утверждается, что с целью избежать ответственности Абакумов уничтожил прямые документальные доказательства, что, в частности, якобы следует из того, что следственное дело Рауля Валленберга не было найдено (однако ничего не говорится о личном деле). Сообщение о следственном деле вообще нелогично, так как оно заводится лишь в связи с осуждением заключенного или в том случае, если расследование преступления проводится на основе «компрометирующих материалов».

В заключение говорится, что произошло с Абакумовым (т.е. что он был осужден и казнен), а также выражается сочувствие шведскому правительству и семье Рауля Валленберга.

Неясно, почему эта версия не была одобрена Президиумом: вероятно, поскольку была названа не Лубянская тюрьма (ведь данные о пребывании Рауля Валленберга на Лубянке имеются в большинстве свидетельств), а также в связи с данными о причине ареста. Вместо этого перед МИД и КГБ ставится задача представить окончательные предложения не позднее начала октября. Здесь следует еще раз напомнить о том, что Молотов и Серов уже знают, что произошло с Раулем Валленбергом, – теперь речь идет лишь о создании версии, которая может стать ответом шведам. Бывший сотрудник КГБ (Владимиров), имевший некоторое отношение к этому делу в 1956 г., говорит, что «искали какую-нибудь версию, которая могла бы сойти за полуправду».

Из документа однозначно не видно, действительно ли в течение апреля или позднее предпринимаются какие-либо существенные новые поиски, или же Молотов и Серов с самого начала знают все, что необходимо знать, но все указывает на то, что широкие дополнительные поиски вряд ли были нужны. Подробнее об этом см. в главе «Устные сведения».

Здесь можно отметить между прочим свидетельство финского гражданина Мэнтюнена, комментируемое в докладной записке МИДа от 5 апреля 1956 г.: «По данным Министерства внутренних дел СССР и КГБ, Мэнтюнен, когда он сидел в тюрьме в СССР (в 1949-1955 гг.), не встречался с Раулем Валленбергом, и поэтому он не мог дать представителям Швеции какие-либо материалы о Рауле Валленберге, которые вообще заслуживали бы внимания».

Конечно, встает вопрос, на который вряд ли удастся получить ответ, – как надо толковать слова «не встречался»? Означает ли это, что Мэнтюнен не сталкивался с Раулем Валленбергом, потому что тот был заключен в другом месте или потому что он умер?

В октябре 1956 г., приблизительно 22 октября, МИД (министр иностранных дел Шепилов) и КГБ представляют новый проект ответа. Теперь говорится, что никаких документов о пребывании Рауля Валленберга в Советском Союзе не было найдено, а также что заключенный не был известен служебному персоналу под своей настоящей фамилией. Однако из опросов можно установить, что Рауль Валленберг после ареста был доставлен в Москву по приказу Абакумова, где он сидел в заключении в «Лефортовской и Бутырской тюрьмах». Далее

утверждается, что 17 июля 1947 г. (эта дата называется впервые) Рауль Валленберг скоропостижно скончался, а его тело было кремировано. Сказано также, что по приказу Абакумова были даны неверные ответы на запросы МИД.

Спрашивается, почему внезапно появилось название Бутырской тюрьмы: ведь ни одно из более надежных свидетельств не сообщает, чтобы Рауль Валленберг находился там. Российский эксперт считает, что Бутырка является эвфемизмом Лубянской тюрьмы, которая в 1956 г. еще была скрыта особо большой секретностью.

Этот проект также не был одобрен. Заместитель министра иностранных дел Семенов от руки написал: «Это не годится (в качестве ответа)». Причина этого неясна.

Если следовать хронологии, то очередным документом является докладная записка от 30 декабря 1956 г. заместителя председателя информационного комитета при МИД Тугаринова заместителю министра иностранных дел Громыко. В ней Тугаринов размышляет о деле Валленберга и его связи с дальнейшим развитием советско-шведских отношений. Он особо останавливается на существующем политическом давлении в Швеции по вопросу о Рауле Валленберге и указывает, что несколько шведских представителей подчеркивали, что шведское правительство хочет иметь исчерпывающий и окончательный ответ, в том числе в том случае, если Валленберг умер. Также повторено, что в беседе с советским послом в Стокгольме Унден дал понять, что Швеция удовлетворится ответом об исчезновении Рауля Валленберга как о «деле рук Берии».

Как отмечалось выше, это явное преувеличение того, что сказал Унден.

Тугаринов также сообщает, что правительство Швеции думает издать Белую книгу. Его вывод таков: даже частично незакрытое дело Рауля Валленберга будет использоваться различными кругами в Швеции для раздувания антисоветских кампаний. Необходимо дать ответ во избежание серьезного ущерба двусторонним отношениям.

Далее констатируется:

– эти отношения также заметно ухудшились в результате событий в Венгрии, т.е. венгерского восстания (видимо, важная причина, чтобы не давать ответ в октябре);

– антисоветская кампания, вероятно, ослабеет в течение двух-трех месяцев, когда положение в Венгрии «нормализуется»;

– ведущие представители шведского правительства сказали, что добрососедские отношения могут безусловно быть восстановлены к концу 1957 г. (неясно, на чем основаны эти сведения).

Если ответ задержится еще на несколько месяцев, то, по мнению Тугаринова, существует риск его использования «реакционными кругами», для того чтобы помешать начинающемуся улучшению отношений. Если же ответ дать в ближайшее время, то возникнет некоторый краткосрочный шум, но он вряд ли приведет к каким-либо дополнительным последствиям, и, кроме того, будет устранено серьезное препятствие для улучшения отношений.

Последний аргумент состоит в том, что, если поспешить с ответом, может быть облегчена деятельность нового советского посла в Стокгольме.

Меморандум Громыко

К совету Тугаринова прислушались. 7 января 1957 г. заместитель министра иностранных дел Захаров посылает своему начальнику Шепилову (новому министру иностранных дел, назначенному на этот пост примерно за полгода до этого) переработанный проект, подготовленный с участием сотрудников аппарата КГБ. Однако он указывает, что председатель КГБ проект еще не видел.

Через неделю в Центральный Комитет посылается новый проект ответа, подписанный Шепиловым и Серовым. После небольшой корректировки он стал походить на окончательный ответ, так называемый «меморандум Громыко». Единственное отличие состоит в том, что сочли уместным исключить упоминание, какие архивы были просмотрены: «в частности, архивы Лефортовской и Лубянской тюрем, а также Владимирской тюрьмы».

Проект одобряется на заседании Президиума 2 февраля, после чего Булганин, Молотов, Шепилов и Серов получают задание окончательно отредактировать текст. Окончательный текст

одобряется на новом заседании Президиума ЦК 5 февраля. Это и есть так называемый «меморандум Громыко», который передается послу Сульману 6 февраля.

Итак, теперь, когда мы уже имеем доступ к российским архивным материалам, прежде всего привлекают к себе внимание следующие пункты в «меморандуме Громыко».

Констатируется, что, несмотря на тщательный просмотр разных архивов и опросы многих людей, которые могли знать об обстоятельствах, упоминаемых в переданных свидетельствах, не обнаружено никаких фактов о пребывании Рауля Валленберга в Советском Союзе. Выяснилось также, что никто из опрошенных не знал человека по фамилии Валленберг.

Только при просмотре документов во вспомогательных службах некоторых тюрем в больничном отделении Лубянской тюрьмы был найден документ, «который есть основание рассматривать как имеющий отношение к Раулю Валленбергу». Это так называемый «рапорт Смольцова». В архиве нигде не видно, когда этот документ был найден и был ли он действительно найден в больничном отделении Лубянской тюрьмы. Он не упоминается ни в одном проекте до января 1957 г.

Следует также помнить о предложении Молотова Центральному Комитету в апреле 1956 г.: ведь там говорилось о двухнедельном поиске, если он вообще предпринимался, результатом которого стал проект другого содержания. Кроме того, первый проект был составлен лично Молотовым и Серовым. Вопрос в том, привела ли отставка Молотова осенью 1956 г. к повторным поискам. Об этом нет однозначных данных.

В меморандуме сказано, что новых доказательств не найдено, а Смольцов умер 7 мая 1953 г. «На основании вышеизложенного следует сделать заключение, что Рауль Валленберг умер в июле 1947 года».

Заключение Валленберга в тюрьму и неверная информация, которая направлялась в МИД в течение ряда лет, явились результатом преступной деятельности Абакумова.

В окончательной версии ответа уже нет никаких обвинений в шпионаже. Несомненно, это связано как с тем, что советской стороне было трудно это доказать, так и с риском продолжительных дискуссий со Швецией, что препятствовало желанию урегулировать дело.

Поразительна осторожность, с какой советская сторона делает выводы о судьбе Рауля Валленберга. Подробнее об этом ниже.

19 февраля поступает реакция шведской стороны. Она выражается в сильном удивлении и недоверии по поводу того, что рапорт Смольцова является единственным вновь найденным документальным доказательством. Кроме того, шведская сторона требует, чтобы вновь найденный материал был передан в Министерство иностранных дел Швеции.

Реакция советской стороны на это, как и на последующие обращения, такова: все обнаруженные данные переданы, какого-либо дополнительного материала не существует. Ответ дан по решению Президиума ЦК.

Судьба Лангфельдера

1 мая 1957 г. из советского посольства в Венгрии поступил рапорт Министерства внутренних дел Венгрии относительно места пребывания Лангфельдера. В венгерском рапорте приводятся ссылки на данные шведской и международной прессы о Лангфельдере и говорится, что родственники Лангфельдера с понятным напряжением ожидают новостей о его судьбе. Десять дней спустя заместитель председателя КГБ Лунев предлагает МИД, как следует отвечать на обращение венгерской стороны. Лунев считает уместным, чтобы в ответе были учтены те данные относительно Рауля Валленберга, которые переданы шведам. В предложении, как и в инструкции, которую МИД затем отправляет в советское посольство в Будапеште, констатируется, что архивные материалы о Лангфельдере, как и о Рауле Валленберге, были, вероятно, уничтожены бывшим руководством КГБ и что Лангфельдер, как установлено, умер 2 марта 1948 г. Проект Лунева датирован 12 июня, но инструкция МИД послу Андропову в Будапешт посылается лишь 17 сентября. В отличие от проекта КГБ, в инструкции говорится, что запись о смерти Лангфельдера была найдена в одном из списков заключенных Лубянки (запись не сохранилась). Это единственный архивный документ, который что-то говорит о судьбе Лангфельдера. Российская сторона считает, что ответ о якобы найденной записи,

содержащей сведения о смерти Лангфельдера, является чистой ложью, подразумевая, что его судьба должна была определиться еще летом – осенью 1947 г.

Более поздние свидетельства

8 февраля 1959 г. шведская сторона передает новые свидетельства того, что Рауль Валленберг находился во Владимирской тюрьме после 1947 г., и просит провести новые поиски в СССР.

Министр иностранных дел Громыко и председатель КГБ Шелепин в докладной записке в Центральный Комитет отмечают, что все данные о Рауле Валленберге приведены в меморандуме от 6 февраля 1957 г. и повторные поиски не подтвердили новых свидетельств, которые упомянуты в шведской ноте. В ответе, который был дан после утверждения на президиуме ЦК, также указывается, что каких-либо новых фактов не обнаружено. Не удалось выявить ничего о том, как происходили эти поиски. В июне 1959 г. советская сторона отмечает, что на основе новых свидетельств в Швеции начинается очередная кампания, но считает, что она инспирируется определенными антисоветскими кругами с целью создания неблагоприятной атмосферы перед запланированным визитом Хрущева в скандинавские страны. В докладной записке заместителя министра иностранных дел Кузнецова в Центральный Комитет от 18 июня 1959 г. предлагается напомнить шведскому послу в Москве, что «факт смерти Рауля Валленберга в 1947 г. полностью подтвержден, что следует из меморандума от 6 февраля 1957 г.». Следовательно, Кузнецов предпочитает полностью проигнорировать ту расплывчатость, которая была характерна для текста «меморандума Громыко». Он также предлагает указать, что новые свидетельства являются полным «вымыслом», и считает, что подобное заявление в значительной степени лишит шведов повода направлять новые обращения.

Заслуживает также внимания беседа Хрущева с Сульманом 25 февраля 1961 г. Сульман был принят, чтобы передать письмо премьер-министра Эрландера о Рауле Валленберге советскому руководителю. Хрущев немедленно переходит в контратаку, задав ответный вопрос: «Можете ли вы, господин посол, объяснить мне, при каких обстоятельствах Карл XII напал на Петра Великого?» После этого он сразу заявляет, что правительству Швеции неоднократно были даны ответы по так называемому «делу Валленберга», и спрашивает, чем, в сущности, руководствуется это правительство, постоянно к нему возвращаясь. Хрущев отказывается читать письмо, ссылаясь на то, что этим будет заниматься Министерство иностранных дел. Он раздраженно указывает, что не возникло никаких новых обстоятельств и что шведское правительство проводит недружественную линию. Сульман все же требует зарезервировать за собой право вновь просить о поиске новых фактов. Однако Хрущев после длинного потока слов заявляет, что дал исчерпывающий и окончательный ответ.

Данные Нанны Сварц

Письмо Эрландера содержало данные профессора Нанны Сварц, сообщавшей, что в беседе с советским профессором Мясниковым она получила подтверждение, что Рауль Валленберг находится в больнице для душевнобольных в Москве. Эрландер просит Хрущева, чтобы Сварц могла немедленно приехать в советскую столицу и с местными коллегами решить вопрос о возвращении Рауля Валленберга (см. также сборник документов 1965 г.)

Как советские власти поступают с этим свидетельством? Согласно внутренней докладной записке МИД от 23 марта 1961 г., адресованной заместителю министра иностранных дел Кузнецову, КГБ проверил данные по запросу и пришел к выводу, что заявления Нанны Сварц «не соответствуют действительности». В докладной записке для полной уверенности приводится очень решительный, жесткий ответ Хрущева на обращение Эрландера. Поэтому в МИДе также считают вопрос исчерпанным. Не следует давать никакого дополнительного ответа и, если шведы обратятся вновь, предлагается отослать их к заявлению Хрущева. Письмо Сварц напрямую заместителю министра иностранных дел Семенову также остается без ответа.

Несмотря на несколько обращений в связи со свидетельством Нанны Сварц в последующие три года происходит лишь одно событие: Мясников в письме к Сварц утверждает,

что она неправильно его поняла. Перед визитом Хрущева в Швецию в июне 1964 г. посол Ярринг обсуждает этот вопрос с заведующим скандинавским отделом МИДа Ковалевым. Свидетельство Сварц еще не было широко оглашено, и Ярринг предлагает два альтернативных способа действий в связи с визитом:

Хрущев высказывается таким образом, чтобы создалось впечатление, что в этом деле остается надежда на будущее, он может посулить еще раз рассмотреть вопрос.

До визита, заранее, объявляется, что два министра иностранных дел обсудили вопрос и с советской стороны было обещано вновь его изучить.

Ярринг отмечает, что предложение следует воспринимать как продиктованное желанием способствовать успеху визита. Ковалев же отвечает, что дело Рауля Валленберга следует считать закрытым. С советской стороны предпочли бы, чтобы и Швеция перед визитом объявила вопрос закрытым. Ярринг заявил, что это исключено, особенно в связи со свидетельством Сварц. Ярринг сказал также, что предложение шведской стороны имело целью снять вопрос с повестки дня встречи, и добавил, что поиски в СССР могут привести к тому же результату, что и в 1957 г.

Визит Ярринга дает повод Громыко предложить Центральному Комитету, чтобы МИД дал послу Швеции устный ответ об отклонении шведской попытки вновь поднять вопрос о Рауле Валленберге.

В этом ответе дается ссылка на «меморандум Громыко» 1957 г. и указывается, что заявление о том, что Рауль Валленберг был жив после 1947 г., либо основано на недопонимании, либо отражает стремление определенных кругов осложнить отношения между Советским Союзом и Швецией. Подчеркивается также, что Рауль Валленберг после 1947 г. не был и не мог быть ни в медицинских учреждениях, ни в тюрьмах, и советская сторона не сомневается в том, что он умер в Лубянской тюрьме 17 июля 1947 г. Новое муссирование этого вопроса может лишь нанести ущерб отношениям, говорится в заключение.

Со шведской стороны все же не прекращаются попытки внести ясность в свидетельство Нанны Сварц. Делаются попытки организовать встречу как между Яррингом и Мясниковым, так и между Сварц и советским врачом, и в феврале 1965 г. Эрландер просит провести новое расследование.

Поэтому МИД и КГБ предлагают Центральному Комитету дать согласие на проведение первой из названных встреч. Она происходит 11 мая

1965 г., до передачи в Стокгольм подготовленного 29 апреля ответа на письмо Эрландера. В ответе говорится, что все документы по делу тщательно просмотрены, но это не меняет того факта, что Рауль Валленберг скончался в июле 1947 г. Данные о заявлении Мясникова основаны на недопонимании, и сам Мясников решительно отвергает утверждение о том, что он якобы сказал. Вновь выражается сожаление, что Швеция еще раз подняла этот вопрос.

Беседа Ярринга с Мясниковым приводит к тому, что последний неохотно соглашается встретиться с Наиной Сварц. Эта встреча состоялась 10 июля 1965 г. В результате обе стороны остались при своих версиях (подробнее об этом см. в разделе XII).

* * *

В зашифрованной телеграмме из посольства в Стокгольме от 7 июля 1964 г. приводится отчет о беседе с лидером коммунистической партии К. Х. Херманссоном, который, как сообщается, говорит, что советским властям необходимо предпринять дополнительные меры по делу Валленберга, с тем чтобы «выбить оружие из рук антисоветских кругов», и считает, что Советскому Союзу следует подробно рассказать о своих поисках, как в случае с исчезнувшим экипажем судна «Бенгт Стуре».

Свингель – предложение об обмене?

Одним из наиболее мистических моментов в длительной истории о судьбе Рауля Валленберга являются сведения, полученные от проживавшего в Западном Берлине шведского представителя «Лютеранской помощи» Карла Густава Свингеля, о советском предложении об

обмене, которое надо было понимать так, что советская сторона могла проявить готовность обменять Рауля Валленберга на шпиона Веннерстрема. По словам Свингеля, речь якобы шла о многократных беседах в течение двух лет с одним или двумя представителями в Восточном Берлине, которые на рубеже 1965-1966 гг. проявили интерес к обмену Веннерстрема. Свингель, охотно рассказывавший о том, что он был личным другом Рауля Валленберга в Стокгольме, упомянул о нем в разговоре. Представитель Востока (по некоторым данным, резидент КГБ в Восточном Берлине) ответил, что Валленберга нет, но уговорил Свингеля узнать, заинтересована ли шведская сторона произвести обмен. Во время посещения Швеции Свингелю представилась возможность доложить об этом деле министру иностранных дел Торстену Нильссону; то, что он рассказал, обсуждалось 15 марта 1966 г. в обстановке полной секретности на совещании у премьер-министра Эрландера с соответствующими министрами и представителями МИД и Государственного управления полиции. На совещании было решено полностью отказаться от дальнейших контактов при посредничестве Свингеля, о чем Свингель и передал своему собеседнику. Свингель сообщил, что в течение последующих двух-трех лет он еще несколько раз разговаривал со своим собеседником, который вновь разузнавал о возможностях добиться обмена Веннерстрема. Следует отметить, что и по собственным заявлениям Свингеля лишь он сам упоминал фамилию Рауля Валленберга и никто из его собеседников не давал открыто понять, что тот жив. Однако Свингель толковал некоторые их высказывания как косвенное подтверждение того, что дело обстоит именно так. Неясность вокруг содержания контактов Свингеля не рассеялась и в результате бесед, которые были проведены с ним 25 лет спустя представителями как МИД Швеции, так и рабочей группы. Он так и не раскрыл личностей своих собеседников. То, что еще могло иметь какие-то причины в 60-х годах, трудно понять в ситуации, когда ни СССР, ни ГДР уже не существуют. Кроме того, теперь Свингель открыто приводил неверные сведения о том, что советская сторона просила его содействия в вопросе об обмене Берглинга (см. ниже). С российской стороны не удалось найти ничего, что могло бы подтвердить сведения Свингеля. Возможно, диалог действительно имел место, речь могла идти об «игре» с советской стороны, но Свингель неверно истолковал сказанное, или у него могло создаться впечатление, что речь шла о зондировании шведской стороны.

Новые свидетельства от Калинского и Каплана дают повод к обращениям шведской стороны

В советско-шведских отношениях по этому делу не происходит практически ничего до 1979 г., когда со шведской стороны поступает новое обращение, теперь на основе свидетельства Калинского. Абрахам Калинский был польским евреем, который сидел несколько лет в советских тюрьмах и лагерях, в частности во Владимире, но потом ему удалось эмигрировать.

По данным Калинского, Рауль Валленберг находился в тюрьме в Советском Союзе по крайней мере до 1975 г. Заместитель министра иностранных дел Мальцев в докладной записке в Центральный Комитет от 22 января 1979 г. пишет, что было бы уместным подтвердить шведской стороне содержание ранее высказанной точки зрения. Кроме того, можно сообщить, что дополнительное расследование показало, что новые свидетельства не соответствуют действительности. Председатель КГБ Андропов согласился с этим предложением. В проекте ответа дается также ссылка на изучение документов, проведенное в 1965 г. В августе того же года премьер-министр Ульстен посылает новое обращение, основанное на свидетельстве советского гражданина Яна Каплана (посредником которого был Калинский). В докладной записке в Центральный Комитет от 7 сентября Громыко с раздражением замечает, что новое обращение поступило, несмотря на ответ советской стороны в январе. Отмечается, что Каштан отбывает наказание в тюрьме и что, хотя демарш Ульстена носит «личный» характер, его содержание уже опубликовано в шведской прессе и «используется с враждебными целями в предвыборной кампании». По мнению Громыко, в ответе следует сказать, что дело Рауля Валленберга исчерпано. Тем не менее в ответе, который передает советский посол в Стокгольме, говорится, что все свидетельства тщательно проверены. Одновременно выражается сожаление, что, вместо того чтобы отвергнуть выдумки и спекуляции, шведское правительство

предпочитает подвергать сомнению искренность советской стороны.

Обмен на Берглинга?

Более примечательным было зондирование, которое Швеция в предварительном порядке провела в Москве, об отношении советской стороны к возможному обмену Рауля Валленберга на Стига Берглинга (предложение, которое поступило от самого Берглинга). Однако советская сторона не проявила интереса к этому предложению. В связи с ним представитель КГБ заявил представителю шведской миссии в Москве, что смерть Рауля Валленберга остается фактом, но, к сожалению, дополнительных документов нет, вероятно, из-за уничтожения архивов.

Еще одно обращение в связи с визитом премьер-министра Карлссона в Москву в 1986 г. после надлежащего обсуждения на Политбюро привело лишь к ответу, что новое изучение вопроса показало, что, как уже сообщалось в 1957-м, 1965-м и 1979 гг., Рауль Валленберг умер в июле 1947 г., «судя по всему, от инфаркта миокарда».

Во время визита премьер-министра Рыжкова в Швецию в 1988 г. ему также был задан вопрос о Рауле Валленберге, и, согласно протоколу заседания Политбюро, на котором он докладывал о поездке, он ответил, что «не видел никаких документов, а лишь использует информацию, которую некоторые органы предоставили ему; поэтому он не может дать никакой информации, но готов изучить это пожелание».

К этому можно добавить, что, по данным российской стороны, полные стенограммы заседаний Политбюро ведутся лишь с 1965 г.

Последние годы

Отчет почти добрался до современного периода, т.е. до 1989-1990 гг., когда стало возможным получить новые материалы от советской стороны. Прежде всего это проявилось во время визита представителей Общества Рауля Валленберга в октябре 1989 г., когда были переданы личные вещи Рауля Валленберга.

Первоначально было лишь намерение показать оригинал рапорта Смольцова. За несколько недель до визита представителей Общества Рауля Валленберга, когда приглашение уже было отправлено, в подвале штабквартиры КГБ на Лубянке, согласно сообщению советской стороны от 22 сентября, были найдены дипломатический паспорт, табакерка, свидетельство о регистрации автомобиля, тюремная карточка, иностранная валюта и карманный календарь Рауля Валленберга.

По сведениям самого КГБ, личные вещи были найдены в ходе ремонта в архиве КГБ, который проводился с начала 1989 г. и заключался в замене деревянных архивных полок на металлические. Этим воспользовались для изучения дел в рамках начавшейся работы по реабилитации. После осмотра основной части архива перешли к архивным запасникам, где хранились конторские материалы и списанные вещи. Вещи в этих помещениях лежали в беспорядке, требовалась уборка. Когда в помещении, где хранились папки и рваные коробки, была очищена верхняя полка, при переносе нескольких папок упал пакет. Если бы из него не вывалилась табакерка, все это могло остаться незамеченным. В свое время пакет был заклеен, на нем были видны следы клея. Когда содержимое пакета было изучено тщательнее, обнаружился также паспорт, в котором архивный работник узнал фамилию Валленберга. Предметы были переложены в новый большой конверт и переданы начальству.

Безусловно, способ хранения¹ противоречит принятым в архиве порядкам. Сотрудники архива КГБ 50-х – 70-х гг. в устных сообщениях утверждают, что личные вещи вместе с некоторыми документами хранились тогда в особой папке, поэтому трудно доверять этой версии. Обычно в деле бывает запись о том, что личные вещи хранятся в другом месте. Если личные вещи действительно оказались в подвале, то это должно было произойти относительно недавно. Когда не хватало места, то обычно прилагались личные вещи и документы

¹ В отчете Сузан Е. Месиной «Строгая изоляция и нахождение заключенных под номерами» на с. 28-30 описаны предписания, которые определяли порядок хранения личных вещей заключенных.

следственного дела; при освобождении они возвращались заключенным, а в случае их смерти сохранялись в деле. Если дело не заводилось, то личные документы могли также храниться в папках служебной переписки.

В отчете Политбюро о встрече с представителями семейства и Общества Валленберга в октябре 1989 г. прямо говорится, что целью встречи была попытка убедить гостей в том, что Рауль Валленберг мертв.

С российской стороны была получена копия отчета председателя КГБ Крючкова в Политбюро о встрече с послом Бернером в Москве весной 1990 г. (имеется в собрании документов), а также письмо председателя КГБ Бакатина от 8 октября 1991 г. главе аппарата президента, в котором Бакатин просит предоставить все документы, где упоминается фамилия Рауля Валленберга, из архива общего отдела аппарата президента. Когда Бакатин получил их, он предложил в письме Горбачеву от 1 ноября лично передать документы в посольство Швеции. (Горбачев не ухватился за это предложение; документы были переданы на заседании рабочей группы в Стокгольме в декабре.)

Вопросы, связанные с пропавшими документами

Проведенное до этого расследование показало, что ведение дела Рауля Валленберга во многом имеет уникальный характер и противоречит существующим правилам. Это касается, в частности, обращения с документами и других вопросов, связанных с архивами.

Если документы действительно уничтожены, то когда это произошло и по чьему приказу? Об этом можно только выдвигать гипотезы. Никаких записей в архивах об уничтожении документов, за отдельными исключениями, не было обнаружено (см. раздел XI). Поэтому приведенные ниже рассуждения являются чисто умозрительными.

Первая гипотеза, согласно которой документы были уничтожены в 1947 г. по приказу Абакумова, в известной мере предполагает, что он интриговал против Сталина и пытался сохранить от него в тайне случившееся с Раулем Валленбергом в июле 1947 г. Рабочая группа считает маловероятным, чтобы Абакумов действовал самостоятельно и за спиной Сталина, хотя некоторые старые сотрудники органов госбезопасности не хотят полностью исключить эту возможность (они говорят также о зловещей роли, которую мог сыграть Берия). Если исходить из того, что Сталин был в курсе дела и давал по нему указания, то вряд ли были какие-либо причины избавляться от документов. Чтобы судьба Рауля Валленберга оставалась неизвестной для Швеции, вовсе не нужно было уничтожать советские служебные документы. Возможно, впрочем, что дело Рауля Валленберга даже для Сталина могло считаться настолько деликатным внутри страны, что были отданы указания об уничтожении по меньшей мере некоторых документальных свидетельств.

Помимо этого, нельзя исключать, что в 1951 г. Абакумов в связи со своим арестом или в его предчувствии мог приказать уничтожить эти и другие документы, которые могли использоваться против него. По мнению бывшего начальника Российского архивного управления, возможное объяснение заключается в том, что предварительное расследование против Абакумова велось довольно хаотически и прокуратура искала на него компрометирующие материалы. Такие дела, как дело Рауля Валленберга, нанесшее ущерб отношениям СССР с иностранными государствами, вероятно, могли быть использованы против Абакумова, а также против его ближайших сотрудников даже в том случае, если Сталин сам давал по ним указания. Поэтому некоторые документы могли тогда уничтожаться. Однако трудно считать эти рассуждения убедительными. Кроме того, вряд ли дело Рауля Валленберга имело такое значение, что Абакумову следовало беспокоиться по его поводу.

Однако в то время происходило изъятие документов из архивов. Один из бывших руководителей так называемого Особого архива (по делам военнопленных) сообщает, что старые сотрудники архива помнят, как во времена Берии и также сразу после его падения приходили «крепкие парни» и изымали документы. Определенные изъятия документов должны были также происходить по приказу каждого нового председателя КГБ при его вступлении в должность.

Другие знающие российские эксперты не видят больших причин для уничтожения

каких-либо важных архивных материалов до 1953 г. (года смерти Сталина) и говорят, что они не слышали, чтобы такое тогда происходило. Больше внимания следует скорее уделить 1954-1956 гг.

Хрущев приказал просмотреть центральные архивы и провести некоторую их чистку в связи с разоблачениями культа личности Сталина. Офицер органов госбезопасности говорит, что тогда он часто обнаруживал исчезновение документов. Вполне вероятно, что в КГБ воспользовались этим, чтобы уничтожить некоторые другие компрометирующие дела. Хорошо известно, что многие (но не все) документы по Катьни уничтожались по приказу Хрущева. Документы по делу Рауля Валленберга могли уничтожиться главным образом в апреле – мае 1956 г. председателем КГБ Серовым, вероятно, по приказу Хрущева и во всяком случае с согласия Молотова: ведь это были решающие недели, когда надо было выработать новую советскую позицию, а Молотов был лично заинтересован в том, чтобы не обнаружились документы, касавшиеся его собственной роли. Многие информированные российские эксперты подчеркивают роль Серова, а один российский журналист утверждает, что незадолго до своей смерти в 1990 г. Серов признался, что позволил уничтожить документы. Однако можно заметить, что отсутствуют почти исключительно документы КГБ, зато все документы Министерства иностранных дел остались, судя по всему, в целостности и сохранности, кроме важнейшего письма Абакумова Молотову от 17 июля 1947 г.

Валерий Болдин, заведующий общим отделом Центрального Комитета во времена Горбачева, отвечавший за сейф с самыми охраняемыми тайнами Советского Союза во время путча в августе 1991 г., сообщил во время беседы около года назад, что бывший секретарь ЦК Л. Ф. Ильичев говорил ему, что Сталин хранил протоколы допросов Рауля Валленберга в своем сейфе, который был вскрыт после его смерти. Куда они потом делись, неизвестно.

Несмотря на приведенные выше рассуждения, шведской стороне, конечно, нелегко смириться с мыслью, что никакого решающего документа не сохранилось.

УСТНЫЕ СВЕДЕНИЯ

Устные сведения о том, как советские власти вели дело Рауля Валленберга, появились в результате бесед, которые члены рабочей группы провели, главным образом, с некоторыми бывшими сотрудниками КГБ и других органов. Следовало бы прежде всего осветить дополнительно события важнейшего периода 1956-1957 гг., однако сначала рассмотрим происходившее после 17 июля 1947 г.

Один из двух переводчиков (оперативных уполномоченных), которые уже фигурировали в этом отчете, сообщает, что только в 1947 г. он услышал о Рауле Валленберге (до этого он много занимался подготовкой к Нюрнбергскому процессу). Связано это было с тем, что начальник подотдела Кулешов (которому Карташов был подчинен) составил список и схему, которые показывали, какие заключенные сидели вместе с Раулем Валленбергом. На схеме были указаны все данные о номерах камер, чтобы пути его сокамерников в дальнейшем без необходимости не пересекались с маршрутами других заключенных, которые не знали о Рауле Валленберге.

Именно в те дни возник большой переполох вокруг этого дела. Кулешов поручил упомянутому выше человеку, с которым мы говорили, лично заняться пакетом и передать его начальнику архива МГБ Герцовскому. На пакете было написано: «Пакет с материалами по делу арестованного под номером 7; открывать только с разрешения руководства МГБ». В пакете находились некоторые бумаги и личные документы (но не личное дело) по делу Рауля Валленберга. Человек, с которым мы говорили, утверждал, что обозначение «арестованный под номером 7» указывало на Рауля Валленберга. Но мы знаем, что он содержался в заключении не под номером, а под своей фамилией. Кроме того, заключенный под номером 7 был идентифицирован, и он был русским. Следовательно, «арестованный под номером 7» в этом случае было лишь обозначением, которое использовалось временно и просто намекало на номер камеры Рауля Валленберга. Что касается некоторых сокамерников Рауля Валленберга и Лангфельдера, то в их делах было написано, что они сидели вместе с особо важным

заключенным, и впоследствии, примерно до 1954 г., большинство из них должны были содержаться практически изолированно от других заключенных.

Финляндско-советские дипломатические неофициальные беседы о Валленберге .

Большой интерес представляет отчет, который финский дипломат Фрей осенью 1956 г. после беседы с советником советского посольства Владимировым (сотрудником КГБ) передал Министерству иностранных дел Швеции – непосредственно бывшему первому заместителю министра иностранных дел Швеции Арне С. Лундбергу, а также через шведское посольство в Хельсинки. Владимиров сообщил, в частности, что СССР желает отложить передачу четкого ответа о Рауле Валленберге до прибытия нового советского посла в Стокгольм, чтобы тот мог сказать нечто положительное при своем вступлении в должность. Владимиров также сказал, что он был бы благодарен, если бы мог получить от Швеции новые аргументы, т.е. аргументы в пользу большой важности решения вопроса. Владимиров был воодушевлен идеей Фрея о возможности заранее согласовать со шведскими властями формулировку ответа. Со шведской стороны через Фрея был дан ответ, что для Швеции вряд ли возможно вступать в какие-то предварительные дискуссии по ответу советской стороны. Швеция ожидала правдивого и исчерпывающего ответа.

Когда несколько лет назад Владимиров спросили об этой беседе, он объяснил, что причина предложения о неофициальной беседе до представления состояла в том, что Москве было трудно точно определить, как должен выглядеть ответ правительству Швеции.

Министерство иностранных дел и 1-е Главное управление (ПГУ, т.е. служба внешней разведки) КГБ, сотрудником которого был Владимиров, не имели доступа к полной информации о судьбе Рауля Валленберга. В Москве сомневались и в том, что знали шведы. Поэтому потребовалось много времени для создания какого-либо уместного ответа, который мог походить хотя бы на полуправду. По мнению Владимирова, создавалось впечатление, будто 2-е Главное управление (контрразведка) КГБ скрывало или уничтожило важные документы в связи с началом более энергичных новых поисков в апреле 1956 г. Во всяком случае, более вероятно, что документы уничтожались тогда, а не во времена Берии или Абакумова. Начальник 2-го Главного управления КГБ Грибанов был ключевой фигурой. Владимиров не знал, как и когда был найден рапорт Смольцова.

Можно добавить, что советская сторона не могла знать, что Фрей действовал самостоятельно, и должна была учитывать возможность того, что он являлся шведским эмиссаром. Следовательно, она была заинтересована разузнать о том, что желательно для шведской стороны.

Описанная выше дискуссия между Фреем и Владимировым о деле Валленберга имела свою предысторию; речь идет о контактах между Фреем и советником посольства СССР Ерзиным осенью 1955 – весной 1956 г. в Анкаре, где тогда находился Фрей. Однако это не привело к каким-либо значительным результатам, и три найденных советских документа дают об этом скудную информацию. Фрей инициирует дело, и Ерзин обещает во время своего отпуска в Москве навести справки, но после возвращения отвечает Фрею, согласно его собственным отчетам в МИД, что не получил никаких определенных сведений о Рауле Валленберге. В отчетах Фрея в Министерство иностранных дел Финляндии содержится более полная информация (хотя даже начальник Фрея в Хельсинки считает отчет неудовлетворительным), но самое большее, что якобы сказал Ерзин, заключалось в том, что советская сторона была бы готова передать Рауля Валленберга, если бы он был жив.

* * *

В последующем ответ 1957 г. комментировался несколько раз. В 1979 г. заведующий скандинавским отделом МИДа Фарафонов сказал сотруднику шведского посольства, что в 1956 г. дела были тщательно просмотрены и единственным найденным следом был рапорт Смольцова. Он указал, в частности, что Швеция никогда не выдвигала требования посмотреть

на него в оригинале (это было правдой; причина могла состоять в том, что ответ в целом считался неудовлетворительным и что советской стороне не составило бы особого труда состряпать фальшивку).

В том же месяце представитель КГБ намекнул сотруднику посольства, что ответ 1957 г. был, видимо, не столь категоричным, как это сообщалось официально; но он утверждал, что не было дополнительных документов, поскольку архивы были уничтожены.

Характерной чертой данных, предоставленных бывшими сотрудниками КГБ, из которых лишь один непосредственно занимался делом Рауля Валленберга, является убежденность сотрудников в том, что Рауль Валленберг умер и что мало доверия вызывает объяснение, что он умер естественной смертью.

Сотрудник скандинавского отдела КГБ в 50-х, 60-х и 70-х гг. сообщает, что в отделе считали неправдоподобной простую смерть Рауля Валленберга в тюрьме, поскольку он был таким молодым. В отличие от обычной практики, при наступлении смерти не было изучения и закрытия дела. Представлялось также, что на выдачу дела есть запрет. В докладных записках, составлявшихся по этому делу, никогда не отображалась полная правда, и никогда не проводился какой-либо устный его анализ. Отдел, в котором работал этот сотрудник, принимал участие в подготовке докладных записок, а также собирал данные из других отделов, которые, вероятно, больше занимались делом Рауля Валленберга. Проекты ответа, которые готовились один за другим, сохраняли прежние стереотипные утверждения. К каким-либо материалам о причинах ареста и о том, как умер Рауль Валленберг, никогда не было доступа. Наверное, руководство имело подобные документы. Лишь в 1956 г. стали серьезно собирать дополнительные материалы и интересоваться подробностями, однако важнейшие документы оставались недоступными для обычных сотрудников.

Другой сотрудник КГБ получил однажды в 1956 г. задание от своего начальника изучить журналы больничного отделения в Лефортово (и в Бутырке или Лубянке; он не совсем полагается в этом вопросе на свою память), чтобы посмотреть, можно ли там найти указания на какую-либо болезнь, которой страдал Рауль Валленберг. Тюремное начальство получило задание собрать журналы за годы до и после 1947 г. По записям в этих журналах Рауль Валленберг два или три раза обращался за медицинской помощью, но речь шла о пустяках, в частности о зубной боли и простуде. После 1947 г. фамилия Рауля Валленберга в журналах нигде не встречалась. На основе этих данных был составлен рапорт начальнику. После обсуждения на уровне руководства он получил задание совместно с архивным отделом составить проект ответа, что и было сделано. В нем причиной смерти Рауля Валленберга было названо воспаление легких (реальной причины смерти обычно не давали, особенно если человека расстреляли). Этот сотрудник вспоминает также ответ, который готовился несколько позднее по Лангфельдеру. Какого-либо дела Рауля Валленберга он так и не увидел. Коллега по архивному отделу, с которым он сотрудничал, никогда не говорил, что было трудно получить архивные документы. Он вспоминает о большом объеме документов со свидетельствами немецких военнопленных, но задания по их изучению он не получал. Рапорт Смольцова ему был неизвестен: «Он, должно быть, появился позднее». Однако руководство КГБ знало точно, что произошло, а задание по изучению больничных журналов давалось лишь для того, чтобы выбрать наиболее приемлемую форму для сокрытия происшедшего.

Представители ФСБ побеседовали с упомянутым выше коллегой по архивному отделу. Правда, он не помнил всего хорошо, но все же вспомнил, что дела Рауля Валленберга не оставалось, однако была папка с различными документами и личными вещами, включая портсигар и паспорт. Не было никакого документа, который давал бы непосредственную информацию о судьбе Рауля Валленберга. Какого-либо отдельного акта о Лангфельдере не нашли, лишь какой-то документ о нем находился в папке Рауля Валленберга. В 1963 г. сотрудник архива передал эту папку своему преемнику.

Был заслушан еще один сотрудник, работавший в архиве КГБ с 1965 г. Однажды он получил задание просмотреть все документы о Рауле Валленберге с 1945 г. Он нашел журналы допросов с вымаранными тушью фамилиями, немного служебной переписки, не представляющей большого интереса, а также рапорт Смольцова.

Показательный процесс в Венгрии готовился в 1953 г.

Своеобразной чертой дела Валленберга, которую можно подтвердить не найденными советскими документами, а лишь многими свидетельствами и некоторыми документами из архива венгерских органов госбезопасности (АВО), является подготовка осенью 1952 г. и весной 1953 г. нового показательного процесса в Восточной Европе, на этот раз в Венгрии. Его цель состояла, с одной стороны, в том, чтобы доказать, будто ДЖОИНТ была организацией прикрытия для широкой американской террористическо-шпионской деятельности против СССР и стран народной демократии, а с другой – привести дополнительные доказательства того, что Рауль Валленберг был убит в январе 1945 г. в Будапеште по наущению ДЖОИНТ. Процесс должен был показать, что американская разведка была настолько предусмотрительной, что она заранее, еще до окончания Второй мировой войны, подробно разработала будущую шпионскую деятельность против СССР (сравните приведенные выше данные Томсена). Следовательно, этот процесс должен был стать продолжением аналогичных процессов в Чехословакии и двух других странах народной демократии, и его следует рассматривать также в свете обвинений Сталина, выдвинутых против врачей-евреев в Москве, так называемого «заговора врачей» (их обвиняли, в частности, в том, что они входили в шпионско-террористическую группу, которая поддерживала тесные отношения с ДЖОИНТ).

Главным свидетелем, который связался со шведским посольством в Вене в 1957 г., был д-р Ласло Бенедек, известный будапештский врач еврейского происхождения, а до этого – советник ДЖОИНТ в области медицины и заведующий еврейской больницей в Будапеште. Его свидетельства о допросах, которые сопровождались побоями и проводились под прямым постоянным надзором офицеров советской госбезопасности, очень характерны. Поэтому стоит достаточно подробно привести его рассказ.

Исходный сценарий на допросах был таков: когда руководство американской разведки убедилось в скором поражении Германии, оно еще до окончания боевых действий стало создавать широкую шпионскую сеть, направленную против СССР. Когда американская сторона поняла, что Будапешт вскоре будет взят советскими войсками, она заранее подготовилась к созданию в венгерской столице сети агентов, направленной против СССР. Все же для осуществления этой цели не удалось обойтись без помощи нейтрального государства, поэтому она заручилась сотрудничеством со шведской стороной. Первых агентов в Будапеште вербовал преподаватель шведского языка и делегат Красного Креста Вальдемар Ланглет. Его считали удобной фигурой в качестве временного руководителя разведывательной деятельности, до того как ее возглавят американские офицеры.

Во время допросов от Бенедека требовали рассказать о его связях со Швецией (он получил шведский охранный паспорт в 1944 г.); его обвиняли в том, что по приказу ДЖОИНТ из Нью-Йорка он регулярно получал инструкции и передавал шпионские отчеты Ланглету, а также вербовал новых агентов. Собранные материалы через Швецию посылались в США. После того как Ланглет покинул Будапешт, Бенедек якобы направлял отчеты американскому полковнику Макклею. По существу, не было никакого связанного описания обвинений, в основном задавались наводящие вопросы.

Начиная с 10 марта (через несколько дней после смерти Сталина) допросы стал вести новый майор из венгерских органов госбезопасности, а советские советники исчезли. Бенедек должен был теперь признаваться в том, что участвовал по наущению в убийстве Рауля Валленберга в связи с тем, что Рауль Валленберг напал на след грязных дел. Палу Шалаи (фашисту, который в действительности помогал Раулю Валленбергу) якобы было дано задание убить Рауля Валленберга 15-17 января. Ведущий допрос никогда не утверждал, будто бы Рауль Валленберг занимался шпионской деятельностью в пользу США, но его называли империалистическим агентом и подлым человеком, который получил большие деньги от Госдепартамента. Итак, хотя Рауля Валленберга подозревали в шпионаже, его не обвиняли в этом открыто, поскольку было трудно выдвигать тезис о том, что Рауль Валленберг был убит ДЖОИНТ, если он одновременно был одним из руководителей ее разведывательной деятельности. Следовательно, для советской стороны было важнее доказать, что Рауль Валленберг был убит в Венгрии в январе 1945 г., чем то, что он был шпионом.

Лишь в августе 1953 г. появился советский полковник и сообщил, что процесс отменяется. Из доклада Хрущева на XX съезде партии в 1956 г. следовало, что Сталин, пока он был жив, лично наблюдал за подготовкой к этому процессу.

Свидетельство Бенедека было подтверждено в 1984 г., когда сбежавший сотрудник АВО еврейского происхождения Карой Ремени рассказал, что в январе 1953 г. он получил специальное задание в АВО, а именно анализ некоего следственного материала перед запланированным сионистским процессом. Было неясно, как Валленберга должны были использовать во время процесса. Ремени допрашивал также свыше десятка лиц, которые знали Валленберга по Будапешту в 1944-1945 гг. Сотрудник АВО лично допрашивал среди прочих Бенедека. Он мог назвать советников из советской госбезопасности, но, вероятно, их фамилии не настоящие, а конспиративные. Один из советников показывал копии протоколов допросов в Венгрии о деятельности там Рауля Валленберга. Не удалось идентифицировать каких-либо советников из советской госбезопасности.

XI ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С РАУЛЕМ ВАЛЛЕНБЕРГОМ В ИЮЛЕ 1947 г.?

ДОКУМЕНТЫ

Единственный документ из советских/российских архивов, который содержит какие-то определенные данные о судьбе Рауля Валленберга, – так называемый рапорт Смольцова. Согласно этому рапорту, подписанному главным врачом Лубянской тюрьмы Смольцовым и адресованному министру госбезопасности Абакумову, заключенный под фамилией «Валенберг» умер в ночь на 17 июля 1947 г. «предположительно вследствие наступившего инфаркта миокарда». В рапорте говорится, что Рауль Валленберг известен «Вам» (т.е. Абакумову) и что Смольцов, в связи с данными Абакумовым «распоряжением о личном наблюдении за Валенбергом», просит дать указание о том, кому поручить вскрытие для установления причины смерти. На рапорте по диагонали в нижнем левом углу имеется следующая надпись: «Доложил лично министру. Приказано труп кремировать без вскрытия. 17/VII Смольцов». Следовательно, рапорт никогда не отсылался и стал документом самого Смольцова; не известно в точности, где он хранился (дополнительно об этом смотри ниже). Имеется нумерация в виде цифр 159 (вероятно, с еле заметными точками после цифр) в верхнем правом углу; не удалось установить, в какую последовательность входил этот номер.

В так называемом «меморандуме Громыко» указывалось, что «некоторые прежние руководители органов госбезопасности в течение ряда лет давали неправильные сведения Министерству иностранных дел СССР».

Как видно из документов, последнее утверждение неверно. До февраля 1947 г. Министерство иностранных дел вообще не получало никаких данных из МГБ; затем был дан ответ, что Рауль Валленберг находится в МГБ. Нелепо то, что в 1956 г., когда многие сотрудники органов госбезопасности, которые встречались с Раулем Валленбергом и даже отвечали за него, были еще живы, никто будто его не знал. Единственное приемлемое объяснение этому, что здесь еще раз утверждается, должно состоять в том, что никакого серьезного расследования, по существу, не проводилось просто потому, что ничего подобного и не требовалось: по крайней мере, узкий круг руководителей точно знал, что произошло.

Со шведской стороны немедленно заметили, что так называемый «меморандум Громыко» был не столь категоричным и, следовательно, выводы в нем страдали некоторой неуверенностью. Возможны два альтернативных объяснения: либо формулировки диктовались отсутствием документов вследствие уничтожения всей документации, либо советская сторона не была уверена в наличии у шведской стороны дополнительных свидетельских показаний про запас. Ведь Молотов четко спрашивал Хедлунда во время их беседы в марте 1956 г., какой период охватывали свидетельства немецких военнопленных, и мог затем учитывать это в

переданных материалах. Сам Хедлунд отвечал, что они простирались до 1947-го или 1948 г.

* * *

В предыдущем разделе отмечались проекты различных вариантов той версии, которая была изложена в «меморандуме Громько». При этом во всех версиях вина за заключение в тюрьму и смерть Рауля Валленберга возлагалась на Абакумова.

В направленной в Центральный Комитет внутренней докладной записке министра иностранных дел Молотова и председателя КГБ Серова от 28 апреля 1956 г. констатируется, что свидетельские показания, переданные шведской стороной, совпадают с реальными обстоятельствами ареста и пребывания Рауля Валленберга в советских тюрьмах. Поэтому Молотов и Серов считают, что шведам «следует рассказать о судьбе Рауля Валленберга». В апреле 1956 г. в виде концепции возникает другая версия, отличающаяся от изложенной в «меморандуме Громько». В ней говорится, что Рауль Валленберг умер в больничной камере в Лефортовской тюрьме (хотя Лефортово в этой фразе четко не названо).

В докладной записке министра иностранных дел Шепилова в Центральный Комитет с проектом ответа Швеции (октябрь 1956 г.) утверждается, что Рауль Валленберг содержался в Лефортово и Бутырке (!) и он скоропостижно (внезапно) умер «в тюрьме» 17 июля 1947 г., а тело затем было кремировано. Кроме того, сообщается, что информация в докладной записке поступила от опрошенных лиц, которые могли иметь какое-то отношение к обстоятельствам, указанным в материалах шведской стороны.

Здесь можно также вновь напомнить о письменном запросе заместителя министра иностранных дел Громько председателю КГБ в 1954 г. о том, когда и при каких обстоятельствах умер Рауль Валленберг. Он получил ответ, что неуместно отклоняться от того ответа, который давался с 1947 г. В шведской Белой книге 1957 г. сообщается о том, что сказали многие сокамерники Рауля Валленберга о допросах, проводившихся вечером 22 июля 1947 г., после чего они были изолированы (см. ниже). То, что эти допросы имели место, подтверждается также записями о вызовах на допросы, которые были найдены в личных делах соответствующих заключенных. Допросы продолжались в среднем 20-30 минут, иногда дольше, их проводили в первую очередь Карташов и Кузьмишин. Кроме того, Карташов допрашивал Лангфельдера 23 июля в течение 14 часов. Не удалось установить, кто был переводчиком. Записи допросов в протоколах нет.

Представляет большой интерес книга регистрации личных вещей и ценностей заключенных. Относительно Рауля Валленберга в ней сообщается (запись зачеркнута, но восстановлена), какие личные вещи были привезены при перемещении из Лефортова на Лубянку в феврале-марте 1947 г. Однако не указывается, что произошло с ними затем. Клетка для этих сведений пуста, что уникально. По всем другим заключенным в книге записей есть сведения о том, куда затем были направлены их личные вещи. Дополнительных документальных указаний о том, что могло произойти с Раулем Валленбергом в июле 1947 г., не найдено. Список умерших в Бутырской тюрьме заключенных сохранился с 1947 г., но фамилии Рауля Валленберга там нет. В единственном в то время в Москве Донском крематории жертвы репрессий отдельно не регистрировались (установлено, что бывший премьер-министр Венгрии Бетлен, который умер в Бутырке осенью 1946 г., был кремирован там). Заключенные, которые умерли на Лубянке, обычно отвозились на кладбище Сухановской тюрьмы. При изучении журналов фамилия Рауля Валленберга в них не обнаружена.

УСТНЫЕ СВЕДЕНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Независимо от того, как можно толковать всю доступную информацию о Рауле Валленберге, относящуюся к июлю 1947 г. и ближайшим месяцам до и после этого времени, не вызывает сомнений, что важные решения относительно его судьбы принимались в то время, если не произошло чего-то иного, очень серьезного. Это ясно вытекает из доступных документов, приведенных здесь устных рассказов и описания действий советских властей по

этому делу (см. раздел X).

Представляется, что опрошенные российские эксперты исходят из того, что Рауль Валленберг умер в июле 1947 г. Большинство считает, что смерть не была естественной, а вызвана каким-либо образом, хотя некоторые не исключают, что Рауль Валленберг мог умереть своей смертью. Если же Рауль Валленберг не умер, то есть, по существу, лишь одна относительно приемлемая гипотеза: его «спрятали» в советской системе тюрем и лагерей (дополнительно об этом в следующем разделе).

В последние десять лет ряд советских дипломатов, зачастую предположительно связанных с разведывательной службой, в конфиденциальных беседах со шведскими коллегами давали понять или говорили, что Рауль Валленберг в действительности был казнен. В ходе бесед, проведенных в последнее время, эта версия, как и другие, также выдвигалась, но ни одну из них не удалось доказать.

РАПОРТ СМОЛЬЦОВА: АНАЛИЗ И КОММЕНТАРИИ

Поскольку рапорт Смольцова является единственным документом, который говорит что-то определенное о судьбе Рауля Валленберга, необходимо еще раз его проанализировать и прокомментировать.

Сначала, однако, надо заметить, что представитель российского Министерства безопасности в рабочей группе беседовал летом 1992 г. с сыном тюремного врача Виктором Александровичем Смольцовым (он отказался встречаться с группой опроса, ссылаясь на то, что не может ничего добавить к нижесказанному). Сын, которому в 1947 г. было 23 года и который уже работал в органах госбезопасности, сообщает, что однажды вечером в июле 1947 г. отца неожиданно вызвали на работу, что было необычно, в частности, с потому, что он тогда страдал от болезни сердца, трудился неполный рабочий день и собирался уходить в отставку. Отец вернулся только на следующее утро и сказал, что один швед умер во внутренней тюрьме МГБ (Лубянка). Эти слова следует рассматривать таким же образом, как и все другие устные сообщения: как версию, которая сама по себе не содержит достаточной доказательной силы.

Чтобы попытаться установить подлинность рапорта Смольцова, уже на ранней стадии расследования было принято решение провести экспертизу, включающую как анализ почерка, так и химико-технический анализ. С российской стороны она проводилась Институтом правовой экспертизы Министерства юстиции СССР. Что касается технического анализа, то выяснилось, что рапорт мог быть написан в обозначенный день, т.е. 17 июля 1947 г. Однако установить конкретный момент времени появления рапорта с помощью химического анализа (чернил и бумаги) не представляется возможным в связи с отсутствием методики определения абсолютного возраста документа исходя из возрастных изменений в материале документа.

Относительно анализа почерка, который проводился сравнением с двумя другими документами, которые, как сообщалось, были написаны Смольцовым, российские эксперты пришли к выводу, что тексты написаны одним и тем же лицом. Замеченные различия в скорости написания и строении почерка, как сказано, зависят от того, что рапорт написан более тщательно и более медленно, чем сравниваемые документы, написанные более небрежно и с большей скоростью.

Со шведской стороны анализ проводился Государственной криминально-технической лабораторией (ГКТЛ). Из сравнения стиля написания был сделан вывод, что анализ не дает прямого повода сомневаться в том, что почерк и в документе, и в сравнительных материалах принадлежит одному и тому же человеку. Однако отмечено, что нет абсолютной гарантии того, что сравнительный материал (биография и формуляр 1940 г.) действительно написан Смольцовым. При новом анализе, который также включал справку о болезни, ГКТЛ констатировала, что она подтверждает проведенные ранее наблюдения и несколько усиливает сделанную ранее оценку сходства как признака идентичности. В итоге делается вывод, что исследование говорит в пользу того, что почерк в рапорте Смольцова и в сравнительном материале принадлежит одному и тому же человеку. ГКТЛ комментирует также анализ почерка, проведенный российской стороной, и замечает, что методика несколько отличается от западноевропейской. Главное различие состоит в том, что российский анализ проводится

способом, который допускает более категоричные выводы, чем шведский.

В окончательном отчете ГКТЛ есть оговорка со ссылкой на газетную информацию об обнаружении мастерской по фальсификации документов в помещениях бывшего Центрального Комитета. Там были найдены, в частности, чернила и бумага, точно датированные для разных лет. ГКТЛ исходит также из того, что использовались лица, которые умело имитировали почерк других людей.

Технический анализ ГКТЛ не может быть слишком обширным, он исходит в основном из анализа советской стороны. Конечно, ГКТЛ взяла пробы чернил, но так как методика определения возраста не считается достаточно разработанной, то их оставляют для попыток в будущем. Однако наблюдения советского института признаются приемлемыми. Относительно бумаги ГКТЛ пришла к несколько иному результату по вопросу структуры волокна. Однако в итоге ГКТЛ считает выводы советской стороны правильными и констатирует, что ее собственные исследования их не опровергают. Поэтому многое указывает на то, что рапорт написан Смольцовым, но научно доказать это со стопроцентной уверенностью нельзя и, по мнению шведской стороны, нельзя полностью исключить возможность фальсификации. Следует напомнить, что Смольцов умер в 1953 г.

Необходимо затронуть ряд других вопросов, касающихся рапорта Смольцова. Прежде всего следует все же указать, что рапорт никоим образом не соответствует формальным требованиям к документации в связи со смертью заключенного в советской тюрьме. Сузан Е. Месинай подробно проанализировала формальные недостатки рапорта в своем отчете «Нет времени для скорби» (с. 16-17).

Первый вопрос касается правомерности того, что тюремный врач написал такой рапорт напрямую министру госбезопасности. Сотрудники органов госбезопасности того времени утверждают, что обычный порядок состоял в том, что начальник Лубянской тюрьмы Миронов рапортовал Абакумову о происшедшем. Смольцов был настолько незначительным служащим, что он не мог делать ничего подобного. Большинство из тех, с кем беседовала группа опроса, все же не исключает, что Смольцов мог получить напрямую от Абакумова задание наблюдать за Раулем Валленбергом и немедленно сообщать, если что-то произойдет. Но о чем говорит такое задание?

Скорее всего, оно указывает на какую-то необычность ситуации. Если Рауль Валленберг здоров и с ним хорошо обращаются, что и отмечало большинство его сокамерников (по крайней мере в 1945-м и 1946 гг., а по мнению Кондрашова, и в марте 1947 г.), то не требуется никаких особых мер. Вероятность того, что здоровый человек в возрасте 35 лет, не отягощенный семейной наследственностью, внезапно умирает от сердечного приступа (инфаркта миокарда, как указано в рапорте), составляет, по мнению опрошенного кардиолога, примерно один к миллиону. Диагноз инфаркта миокарда можно с уверенностью ставить лишь на основе вскрытия, проведенного в течение 24 часов после наступления смерти (смотри с. 22-23 в упомянутом выше отчете Месинай). Если подобная смерть все же наступила, то тюремному врачу не надо было запрашивать указания, он сам мог принять решение о проведении вскрытия, что было обычным способом действий.

По одной из гипотез, у Смольцова сразу же появились подозрения в естественности смерти Рауля Валленберга – если он действительно умер в то время, – и поэтому он запросил об указаниях от Абакумова, как ему поступить с телом. Эта гипотеза предполагает либо отравление Рауля Валленберга, либо такое грубое обращение с ним в течение некоторого времени, что он скончался. В этом случае текст в рапорте может некоторым образом быть подлинным, т.е. написанным Смольцовым, и отражать то, что он мог констатировать при поверхностном осмотре, даже если у него появились подозрения, что дело нечисто. Если же Рауля Валленберга расстреляли, то рапорт должен был появиться иным способом. Вероятно, в таком случае Смольцову приказали написать рапорт в качестве «прикрытия», чтобы использовать его в случае необходимости, т.е. иметь под рукой, если бы выдвинутая затем официальная версия оказалась неудачной. Между прочим, инфаркт миокарда был одной из причин, которые часто использовались для того, чтобы скрыть неестественную смерть, т.е. казнь или избиение до смерти. Наконец, рапорт мог быть сфабрикован позднее. Вероятно, что неправильное написание фамилии Валленберга говорит не в пользу этой гипотезы, но нельзя

исключить намеренное неправильное написание с целью усилить достоверность документа. Конечно, в этом случае рапорт может скрывать все что угодно, например изоляцию Рауля Валленберга где-нибудь.

Вернемся вновь к «меморандуму Громыко» 1957 г. Как подчеркивалось выше, в этом меморандуме советская сторона дает поразительно осторожные формулировки о рапорте Смольцова. Связано ли это действительно с неуверенностью в доказательности рапорта или с опасением, что шведская сторона имеет «за пазухой» дополнительные данные, которые могут опровергнуть эту версию? Можно ли утверждать, что рапорт был сфабрикован в 1956 г.? Не следовало ли тогда позаботиться о выдвигании намного более убедительного доказательства смерти Рауля Валленберга, оформленного в соответствии со всеми правилами? Ведь это могло бы способствовать тому, чтобы поставить точку в этом деле. Однако и тогда оставался бы риск опровержения Швецией этих доказательств с помощью каких-то еще не переданных сведений, например от одного из сокамерников Рауля Валленберга.

Поэтому лучше было представить несколько более неопределенную версию, которая оставляла бы возможность для отступления. Ведь было убедительно показано, что ответ, который хотели передать Швеции в феврале 1957 г., не был полной правдой, а лишь «полуправдой, которая могла сойти». Неуверенность в надежности ответа вытекает также из неофициально проведенного зондирования о возможности заранее обсудить содержание ответа с представителями шведской стороны.

Маловероятно толкование, что создатели меморандума не знали о том, соответствует ли рапорт Смольцова действительности, или его продиктовал Абакумов, и хотели обеспечить себе тылы в случае, если выяснялось, что Рауль Валленберг был казнен или спрятан. Молотов, Булганин, Серов и другие наверняка знали, что произошло. Признать казнь Рауля Валленберга, если это было правдой, могло оказаться более простым, но рискованным вариантом для такого человека, как Молотов, который был, безусловно, замешан в событиях 1945-1947 гг.

Первый заместитель министра иностранных дел Швеции того времени Арне С. Лундберг написал во внутренней докладной записке от 8 февраля 1957 г., что невероятно, чтобы Смольцов, на которого возложили персональную ответственность за Рауля Валленберга, не получил приказа уничтожить и это доказательство (т.е. свой рапорт), если другие доказательства были уничтожены. Свидетельство о смерти было написано, чтобы положить конец делу. Странно, указывает Лундберг, что не сослались ни на одного свидетеля или не нашли их. Можно сказать, что документ Смольцова содержал все то, чего желала советская сторона: он сообщал, как, когда и где умер Рауль Валленберг, и возлагал вину на Абакумова. Результат был слишком идеальным и поучительным. Можно подозревать, что документ был сфабрикован, и мотив этого действия был необходим для объяснения длительной задержки. Лундберг также считает, что советская сторона, если бы она действительно хотела дать окончательный ответ, могла легко это сделать. Будь Рауль Валленберг мертв или в плохом состоянии, советская сторона могла бы рассуждать следующим образом: если шведская сторона вновь представит доказательства того, что Рауль Валленберг был жив после июля 1947 г., то можно выйти сухими из воды, ссылаясь на неопределенность ответа.

Если рапорт Смольцова не был сфабрикован в 1956-1957 гг., то совершенно неясно, где, как и когда точно он был найден. В «меморандуме Громыко» говорится о больничном архиве на Лубянке. Какого-либо архива такого рода не существует и не существовало, по словам заместителя заведующего архивом ФСБ, участвующего в деятельности рабочей группы; зато были особые регистрационные журналы для заключенных, посещавших врачей. Материалы больничного отделения входили как составная часть в тюремный архив, а большая часть материалов о заключенных хранилась в соответствующих личных делах. Бывший сотрудник Министерства иностранных дел, который упоминается ниже, однажды сообщил, что именно он в связи с поисками в 1956 г. предложил просмотреть также материалы больничного отделения, где и нашли затем рапорт в материалах, оставленных тюремным врачом Смольцовым. Однако точно не объяснялось, где и как его нашли. Сотрудник КГБ, который в 1956 г. получил задание исследовать тюремные архивы с учетом сведений о возможных болезнях Рауля Валленберга, говорит, что он не встречал никакого рапорта Смольцова. «Должно быть, он появился позже», – считает он.

Заведующий архивом Министерства иностранных дел считает, что рапорт Смольцова теоретически мог быть взят из так называемого досье чрезвычайных происшествий, имеющего ограниченный срок хранения в архиве. Журнал чрезвычайных происшествий на Лубянке за 1947 г. фактически сохранился и был проверен, но за июль ничего примечательного в нем не обнаружилось, за исключением попытки самоубийства заключенной женщины.

ФСБ сообщает также, что с 1956 г. рапорт Смольцова хранился в качестве отдельного документа в досье или папке, где содержалась переписка по делу Рауля Валленберга.

Начальник Центрального архива российского Министерства безопасности Жубченко заверил в официальном документе, который был передан рабочей группе в 1992 г., что 1) в номенклатурных делах за 1945-1953 гг., где находятся рапорты, записи и справки о чрезвычайных происшествиях (включая случаи смерти), не найдено никаких отметок о том, что рапорт Смольцова был вынут из какого-либо дела (это относится к Лубянке и Лефортово); 2) другие дела с Лубянки за 1947 г., в которых мог находиться рапорт Смольцова, были уничтожены согласно документу от 12 августа 1955 г., а именно:

- переписка с филиалами и тюрьмами о заключенных;
- копии сопроводительных писем к докладным запискам и актам о состоянии здоровья заключенных;
- совершенно секретная переписка со следственными и судебными органами о заключенных;
- обычная переписка.

РАЗЛИЧНЫЕ ВЕРСИИ О СУДЬБЕ РАУЛЯ ВАЛЛЕНБЕРГА В ИЮЛЕ 1947 г .

Следует еще раз подчеркнуть, что приводимые ниже устные версии о судьбе Рауля Валленберга не имеют достаточной доказательной силы и некоторые из них исключают друг друга. Тем не менее их следует изучить, поскольку они появились в ходе рассмотрения дела.

Покойный ныне сотрудник Министерства иностранных дел СССР, который внимательно следил за делом Рауля Валленберга с 1946 г., высказал предположение, что Рауль Валленберг не выдержал лишения и нечеловеческого обращения – психического и физического давления, которым он безусловно подвергался. Он также считал, что Молотов и Вышинский пытались выяснить, что произошло, и, скорее, склонен был возложить вину на Берию и Абакумова, которые якобы ввели в заблуждение Сталина. Подобная тенденция защитить Сталина была отмечена у большинства пожилых сотрудников, с которыми встречалась рабочая группа.

Один из пожилых сотрудников госбезопасности, который уже в 1946– 1947 гг. занимал высокое положение, утверждает, что Рауль Валленберг умер 17 июля 1947 г., но склонен считать его смерть несчастным случаем, что должно было сильно обеспокоить Абакумова при мысли о реакции Сталина, особенно если Сталин связывал с Раулем Валленбергом особые намерения. Он считает, что именно ради того, чтобы смягчить удар, Абакумов мог послать рапорт через Молотова. По его мнению, решение о казни могло быть принято не Абакумовым, а только по приказу Сталина. Однако он считает, что версия казни противоречит тому, что происходило ранее: например, мало было допросов, а казни должны были предшествовать более интенсивные допросы. Если Абакумов получил приказ от Сталина, то исключено, чтобы он отрапортовал о его выполнении через Молотова. Какой-либо логической причины казни Рауля Валленберга этот офицер разведки не мог найти.

Самая расхожая версия судьбы Рауля Валленберга сводится к тому, что он был расстрелян.

Александр Яковлев рассказал о заседании Политбюро осенью 1989 г., на котором председатель КГБ Крючков докладывал о деле Рауля Валленберга в связи с находкой его личных вещей. Обсуждался вопрос, передавать их семье или нет. Доклад Крюčkкова совпадал с официальной советской версией 1957 г. и опирался на рапорт Смольцова. У Яковлева создалось впечатление, что большинство членов Политбюро сомневались в этой версии, и после заседания, когда он оказался на мгновение с Крючковым, он его прямо спросил, что, в сущности, произошло. Крючков ответил, что Рауль Валленберг был расстрелян в 1947 г., но никаких документов не сохранилось, а все непосредственные свидетели умерли.

Эта версия совпадает, в частности, с рассказом упомянутого выше бывшего сотрудника КГБ Кондрашова. Через несколько месяцев после допроса, проведенного Кузьмишиным в марте 1947 г., он связался с коллегой из следственного отдела и, спросив, что произошло с тем допрашиваемым, получил ответ, что его расстреляли. На вопрос почему коллега сказал, что имелось достаточно причин, подразумевая контакты с несколькими разведками. То, что речь шла о Рауле Валленберге, Кондрашов понял лишь позднее в том же самом году. Подобная открытость сама по себе противоречит высокому уровню секретности и жесткой дисциплине, которые поддерживались в органах госбезопасности; с другой стороны, Кондрашов занимал уже тогда хорошую должность и был известен как блестящий аналитик.

Человек, служивший в КГБ в 50-х и 60-х гг., рассказал следующее. В 1960-1961 гг. он беседовал с двумя коллегами из 2-го Главного управления. Одного из них звали Недосекиным, и он отвечал за вопросы, связанные со Швецией. Недосекин выглядел несколько недовольным и на вопрос о причине ответил, что шведы опять прислали запрос о Рауле Валленберге. Он считал, что они получают тот же самый ответ, что и раньше; каких-либо новых фактов не имелось. Рассказчик тогда спросил Недосекина о том, что же, собственно, произошло с Раулем Валленбергом, на что Недосекин тихо ответил: на самом деле его расстреляли как агента германского абвера, но более подробной информации нет; все документы уничтожены. На вопрос, почему нельзя дать шведам этот ответ, Недосекин сказал, что нельзя дать никакого ответа, потому что не существует никаких документов.

Елисей Сеницын, который служил в скандинавском отделе внешней разведки в течение нескольких лет после Второй мировой войны, в изданных несколько лет назад мемуарах написал, что его начальник Фитин осенью 1947 г. узнал, что Рауля Валленберга расстреляли.

Сбежавший на Запад бывший офицер разведки, который, по его словам, в конце 40-х гг. служил в архиве разведки, сообщает, что видел архивный документ о Рауле Валленберге, который был составлен в связи с его смертью. Он вспомнил, что Рауль Валленберг умер в 1946-м или 1947 г., возможно, в результате сердечного приступа, но это была неестественная смерть. На самом деле сердечный приступ вызывался путем различных психических пыток (включая пытки звуком и светом), а также медицинских экспериментов. Согласно собранному в этом оперативном досье рапортам агентов и сведениям, полученным с помощью установленных в камерах микрофонов, не было получено никакой компрометирующей интересной информации о деятельности Рауля Валленберга. Источник далее считает, что этим могло заниматься особое подразделение Судоплатова, включая так называемую «лабораторию Майрановского». Это подразделение проводило токсикологические исследования по заданию министра госбезопасности, но нередко получало также задания организовать казни особо важных жертв, в частности используя специально изготовленные яды. Эта версия в некоторой степени укрепляет убеждение в том, что рапорт Смольцова мог быть подлинным, хотя Смольцов безусловно подозревал, что дело нечисто (либо он также был «ответственным» сотрудником и в таких щекотливых делах, о чем заявил собеседник). Майрановский выполнял свои задания в условиях очень большой секретности.

Сбежавший офицер КГБ Гордиевский исключает, что Рауль Валленберг был жив после 1947 г., и сообщает также, что он слышал о расстреле. Сообщение ведущего допрос Раулю Валленбергу в марте 1947 г., что его дело политическое, и замечание в другом случае, что по политическим причинам его никогда не будут судить, было очень зловещим предупреждением – оно указывало, что ему угрожает казнь. При этом Гордиевский не хочет исключать, что Абакумов и Молотов интриговали, не известив Сталина.

Сам Судоплатов также утверждает, что Рауль Валленберг мог быть убит в лаборатории Майрановского, который работал в тесной связи с Лубянской тюрьмой. Рауля Валленберга должны были ликвидировать, поскольку он отказался сотрудничать. Судоплатов знал, что документы о деятельности лаборатории в 1953 г. забрали в закрытом пакете сотрудники Центрального Комитета и помощник Маленкова Суханов. У Судоплатова был знакомый, который работал секретарем у Суханова.

Группа опроса беседовала с Сухановым, который считает, что Судоплатов перепутал материалы о лаборатории Майрановского, о которых, он, по его словам, ничего не знает, с другими документами. Хотя он принимал документы из канцелярии арестованного Берии и

материалы разведки, но у него не было возможности просмотреть их все. Однако другие люди говорят, что они также слышали о роли Суханова, когда речь шла о материалах из лаборатории Майрановского, и отмечают очень сильную роль Маленкова и после падения Берии. Впрочем, Суханов считал, что Рауль Валленберг был уничтожен в 1947 г. и что никто никогда не узнает правды.

Еще одна версия, полученная от высокопоставленного в начале 90-х гг. сотрудника КГБ, интересна тем, что по ней основную роль играет Берия. Однако следует указать, что впоследствии источник подчеркнул, что речь идет лишь о его собственной гипотезе. Он утверждал, что Рауль Валленберг был убит в 1947 г. по приказу Берии. Причиной его ареста и заключения в тюрьму был подготавливаемый Берией план создать миф о «еврейском заговоре» того типа, который привел к преследованиям в начале 50-х гг. Берии был необходим Валленберг для фабрикации подобных заговоров, которые он хотел представить Сталину как настоящие и основанные, в частности, на признаниях шведского дипломата. На самом деле протоколы допросов, показанные Сталину, были чистыми фальсификациями. Однако диктатор был недоверчив, и это могло привести к убийству Рауля Валленберга. Затем Берия предпринял чрезвычайные меры, которые были задокументированы, например изоляцию сокамерников Валленберга, уничтожение документов и т.п.

Каково мнение двух пользовавшихся большим доверием переводчиков (оперативных уполномоченных) Смерша/МГБ? Один считает весьма вероятным, что Рауль Валленберг был казнен в июле 1947 г., но также допускает, что он заболел и скончался в тяжелых условиях. «Вероятно, вокруг него возник очень большой переполох». Группа опроса считает вероятным, что он знает больше, но предпочитает не распространяться об информации и, собственно говоря, считает, что дело очевидно и без дополнительных подробностей. Другой говорит, что он верит тому, что Рауль Валленберг мог быть казнен, но считает также возможным, что тот умер естественной смертью. Однажды он проговорился, что не мог принимать участие в подобном «злодеянии». На вопрос, что он имел в виду, он ответил, что злодеянием было то, что Рауль Валленберг умер в тюрьме после того, как он спас так много людей.

Один из сотрудников Карташова сообщает, что как-то раз в 70-х гг. он столкнулся с ним на улице и спросил о судьбе Рауля Валленберга. Карташов ответил достаточно агрессивно: «Тебе действительно надо знать об этом?»

Интересную информацию сообщил один из сотрудников, работавший в 50-х гг. в скандинавском отделе 2-го Главного управления (контрразведка) сперва МГБ, а затем КГБ. Он сказал, что сотрудники были убеждены в том, что Рауль Валленберг умер. Сначала был подготовлен отчет о различных лагерях и тюрьмах, где говорилось, что Рауля Валленберга там нет. Однако было известно, что ранее он сидел в тюрьме, о чем были найдены документы, а также что он умер. Однако документы о том, что произошло в действительности, были недоступны сотрудникам этого уровня, а лишь узкому кругу начальников. Ходила версия, что Рауля Валленберга в чем-то обвинили и затем убили. Было очень сильное сомнение в том, что он просто умер; ведь он был молодым человеком, и обычную смерть не требовалось окружать такой большой секретностью.

Этот человек сказал, что для руководства МГБ того времени не было причин прятать Рауля Валленберга и делать из него «железную маску». Абакумов и другие были настолько уверены в своей безнаказанности, что такая гипотеза представляется неправдоподобной. Если Рауль Валленберг больше не требовался, то оставалось лишь ликвидировать его. До войны часто давали ответ «приговорен к десяти годам без права переписки» относительно тех, кого казнили. Однако после войны не возникало никакого сомнения, что тот, о ком сообщали, что он умер, был действительно мертв.

Тот же человек, как и многие другие, утверждает также, что в 1947 г. после двух с половиной лет пребывания Рауля Валленберга в тюрьме не в интересах руководства было раскрывать, что он находился там так долго в то время, когда власти упорно отказывались признавать, что он находится в Москве. Кроме того, Рауль Валленберг отказался сотрудничать, что также вытекает из рассказов сокамерников. Следовательно, было очень неловко, да и к тому же опасно внезапно информировать Швецию о том, что Рауль Валленберг все это время находился в советской тюрьме и притом в самой столице. Как вообще можно было бы это

объяснить? Кроме того, то, что Рауль Валленберг мог рассказать, привело бы к скандалу. Следовательно, возникла необходимость устранить проблему (сравните с внутренней перепиской). Перевод Рауля Валленберга в другую тюрьму или в лагерь был бы, по сути, аналогичным раскрытию раньше или позже его существования. Правда, было еще предварительное заключение и, например, Владимирская тюрьма, где можно было надежно изолировать заключенных, но и там возникали контакты (комментарий: в том числе риск разоблачения заключенных, содержащихся под номерами).

Итак, аргументация в приведенном выше абзаце принадлежит бывшему сотруднику скандинавского отдела контрразведки. Рассуждения, которые выдвигаются далее в этом отчете, показывают, что можно найти изъяны в его кажущихся логичными рассуждениях.

СУДЬБЫ ЛАНГФЕЛЬДЕРА И РЁДЛЯ

Когда пытаешься понять, что могло происходить вокруг Рауля Валленберга в июле 1947 г., большой интерес представляет судьба, постигшая его шофера Вильмоша Лангфельдера и его сокамерника в течение самого длительного времени Вилли Рёдля. Все, что мы знаем о Лангфельдере, это то, что говорится в письме КГБ в Министерство иностранных дел от 12 июня 1957 г. с предложениями по ответу на запрос из Венгрии о судьбе Лангфельдера. В предлагаемом ответе сообщается, что вопрос о Лангфельдере изучен в связи с попыткой установить судьбу Рауля Валленберга и было установлено, что Лангфельдер умер в заключении 2 марта 1948 г. С российской стороны, как указано выше, считают, что это была чистая ложь. Никаких документов не найдено, поэтому КГБ исходит из того, что они были уничтожены в связи с тем, что руководство МГБ отдало приказ об уничтожении документов о Рауле Валленберге. Лангфельдер был несколько моложе Рауля Валленберга и здоров...

О Рёdle у нас имеются более точные данные. Он был намного старше Рауля Валленберга, но, по данным сокамерника Лойды, был вполне здоров весной 1945 г. Однако из врачебного заключения от 12 сентября 1947 г. вытекает, что у Рёдля возникли некоторые проблемы со здоровьем (с сердцем), поэтому врач предписал ему усиленное питание, а также прогулки на свежем воздухе. 14 октября 1947 г. Карташов приказал отправить Рёдля в лагерь в Красногорске вблизи Москвы. В этот лагерь часто отправлялись неосужденные военнопленные на время перерыва в расследовании. Из записи от 15 октября видно, что машина выехала с Лубянки. 16 октября начальник тюрьмы Миронов сообщает Карташову, что Рёдль умер во время переезда. В этом случае действительно сохранился отчет о вскрытии. Согласно ему, смерть наступила внезапно: паралич сердца в результате склероза. Личное дело Рёдля не было найдено. Документы о нем были найдены в досье секретной переписки между органами власти относительно иностранных дипломатов и офицеров разведки, а также других особо важных заключенных (в частности, о бывшем венгерском премьер-министре Бетлене, который умер в Бутырке в 1946 г.). Переписка относительно Рёдля велась с отделом Карташова, там был даже найден конверт с личными вещами Рёдля. Если бы личное дело на Рауля Валленберга было заведено (что, видимо, не так), то материалы о нем можно было бы найти в подобном деле.

Хотя смерть Рёдля кажется естественной и описана надлежащим образом в документах, она все же вызывает подозрения, так как он умер вскоре после июля 1947 г., особенно если сопоставить эту дату с указанной датой смерти Лангфельдера пять месяцев спустя. Вероятность того, что три ключевые фигуры драмы умерли естественным путем в течение такого короткого периода времени, ничтожно мала (естественно, не доказано, что Валленберг и Лангфельдер умерли в указанное время). Следует также подчеркнуть, что перевозка из Лубянки в Красногорск не была особенно сложной; речь идет о поездке на автомашине в течение 20-30 минут. Кроме того, следует помнить, что, насколько удалось установить, всех других сокамерников Рауля Валленберга держали в изоляции от других категорий заключенных в течение ряда лет после июля 1947 г. Вероятно, в намерения Карташова (или министра госбезопасности) вряд ли могло входить прибытие Рёдля в Красногорск, где у него появлялась возможность контактов с другими военнопленными и он мог бы рассказать им о многих месяцах своего пребывания в одной камере с Раулем Валленбергом.

Интересно, что в случаях с Лангфельдером и Рёдлем – в отличие от дела Рауля

Валленберга – нет никаких свидетельств о том, что их видели живыми после указанных дат смерти, за исключением одного свидетельства относительно Лангфельдера (во Владимире).

НЕКОТОРЫЕ АНАЛОГИЧНЫЕ ДЕЛА

Ряд примечательных дел, из которых одно было завершено почти в то же время, что и решающая фаза дела Валленберга, привлекших внимание членов рабочей группы, кратко рассматриваются здесь, поскольку они дают интересную информацию о замыслах и способах действий (лицемерном и скрытном поведении) советской стороны в щекотливых делах. Это вовсе не означает, что можно провести прямую аналогию с судьбой Рауля Валленберга. Надо отметить, что скрытность в полной мере отражается в сохранившейся служебной документации.

В одном деле речь идет о польских евреях, лидерах социалистов Хенрике Эрлихе и Викторе Алтере. Они оба попали в советский плен во время разгрома Польши и были приговорены к смертной казни в июле – августе 1941 г. Через несколько дней приговор был заменен на заключение в лагере на срок десять лет, после чего их выпустили на свободу уже в сентябре 1941 г. (после заключения соглашения между правительством Польши в Лондоне и СССР).

Они были вновь арестованы в декабре того же года и обвинены в сотрудничестве с немцами, но ряд иностранных деятелей заступился за них.

Молотов впервые дал ответ по их делу в феврале 1943 г. Он заявил тогда, что военная коллегия Верховного суда приговорила обоих к смертной казни в декабре 1941 г. Однако из дела видно, что приговор суда является фальшивкой. Вместо этого Молотов с одобрения Сталина написал фиктивный текст, который замаскировал реальный ход событий.

В декабре 1941 г. Берия распорядился, чтобы Эрлиха и Алтера заключили в одиночные камеры тюрьмы НКВД в Куйбышеве под номерами (41 и 42). Никаких документов об арестованных нет, и на допросы они не вызывались. Эрлих покончил жизнь самоубийством в мае 1942 г. Поскольку Алтер сделал ряд нужных заявлений, Берия распорядился осуществлять личный надзор за ним и улучшить условия его пребывания в тюрьме. В действительности Алтер был казнен в феврале 1943 г. Начальник НКВД в Куйбышеве послал министру госбезопасности Меркулову свидетельство об этом, а также личное дело Алтера. Его личные вещи были сожжены.

Другое дело касается американского заключенного Оггинса, которого в 1939 г. приговорили к восьми годам заключения в лагере. Американцы знали об этом, но советская сторона в 1947 г. не считала целесообразной передачу Оггинса, поскольку он сотрудничал с советской разведкой. Вместо этого Абакумов в письме Сталину и Молотову в мае 1947 г. предложил решение проблемы Оггинса – попросту казнить его, а американцам сказать, что заключенный умер в лагере от туберкулеза еще в 1946 г. Для большей достоверности ответа необходимо сфальсифицировать медицинский документ, показывающий, что Оггинса лечили от туберкулеза, а также свидетельство о смерти.

ЧТО ГОВОРЯТ НЕМЕЦКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В БЕЛОЙ КНИГЕ 1957 г.

Допросы сокамерников Рауля Валленберга 22 и 23 июля (в Белой книге приводится 27 июля) 1947 г., как уже сказано, представляют собой знаменательное и уникальное событие. В Белой книге 1957 г. об этом говорится следующее.

Рихтер: «27 июля 1947 г. в 10 часов вечера меня вызвали на допрос в Лефортовской тюрьме. Этот допрос вел полковник из Министерства внутренних дел (НКВД). Рядом с ним стоял переводчик в звании подполковника, который хорошо говорил по-немецки. Меня спросили, с кем я сидел в одной камере во время моего заключения. Я перечислил фамилии и при этом назвал также фамилию Валленберга. Тогда меня спросили, кому я рассказывал что-либо о Валленберге и что Валленберг рассказывал мне». Затем Рихтер был изолирован на восемь месяцев. Согласно записям в регистрационном журнале Рихтера допрашивал Кузьмишин 22 июля с 22 час. 10 мин. до 22 час. 30 мин.

Хорст Кичман: «Около 11 часов вечера 27 или 28 июля 1947 г. меня вызвали на допрос. Допрос вел полковник. Кроме него в допросе участвовал начальник подотдела в звании майора. Они оба были из Министерства внутренних дел. Меня спросили, с какими заключенными я сидел в одной камере во время моего пребывания в тюрьме. Когда я назвал фамилию Лангфельдера, ведущий допрос спросил меня, что тот мне рассказывал. Тогда я в основном передал, что Лангфельдер рассказывал мне о Рауле Валленберге и их совместной деятельности. Затем ведущий допрос потребовал рассказать, кому я, в свою очередь, говорил о Лангфельдере и Валленберге...». Кичман был также изолирован на восемь месяцев. Согласно записям в журнале Кичмана допрашивал Кузьмишин 22 июля с 23 час. 00 мин. до 23 час. 20 мин.

Эрхард Хилле: «27 июля на допрос вызвали сначала Краффта и через четверть часа и Пелконена. Пелконена допрашивали два высокопоставленных функционера НКВД. Они его спросили, что Лангфельдер рассказывал ему о секретаре шведской миссии и о том, знал ли Пелконен его фамилию. Пелконен ответил, что он не знает фамилию. После допроса Пелконен вернулся в одиночную камеру на нижнем этаже Лефортовской тюрьмы, и он кинулся с оконного уступа на каменный пол, что вызвало перелом черепа.

Хубера допрашивали высокопоставленные функционеры НКВД в Министерстве внутренних дел 27 июля 1947 г., в тот же день, что и Пелконена. При этом полковник, одетый в форму, выступал в качестве переводчика, а собственно ведущий допрос был в гражданской одежде. Согласно тем сведениям, которые сообщил мне Хубер, по моим предположениям, в гражданской одежде мог быть генерал Карбулов (правильная фамилия: Кобулов)... который, вероятно, был представителем НКВД при начальнике, занимавшемся военнопленными, генерале Петрове... Ведущий допрос спросил Хубера, с кем он сидел вместе в Лубянке в 1945 г.». (Ведущего допрос интересовали Лангфельдер и Рауль Валленберг.)

Эрнст Хубер: «В Лубянской тюрьме меня опять допрашивали. В 6 часов вечера в конце июля 1947 г. меня вызвали вновь на допрос. Однако меня привели не в обычное помещение для допросов, а в комнату на третьем этаже. Ведущим допрос был молодой белокурый великан, который был в гражданской одежде. Переводчик был в звании майора. Сначала ведущий допрос спросил меня, с кем я сидел в одной камере в Лубянской и Лефортовской тюрьмах». (Затем на допросе речь шла о том, что он узнал от Лангфельдера о Рауле Валленберге, после чего последовала изоляция до апреля 1948 г.) Согласно записям в регистрационном журнале и личном деле, Карташов допрашивал Хубера 22 июля целых шесть часов, с 20 час. 10 мин. до 02 час. 00 мин. Частично совпадает по времени допрос Карташовым Шлиттера, он же Шойер, в тот же самый вечер с 20 час. 05 мин. до 21 час. 15 мин. Шлиттер сидел вместе с Густавом Рихтером, первым сокамерником Рауля Валленберга, и его упорно подозревали в том, что он был информатором МГБ и тюремного начальства в камерах.

Другими заключенными, которых допрашивали 22-23 июля, были:

- Отто Хатц, оба дня;
- Шандор Катона (одно время находился в одной камере с Лангфельдером), оба дня;
- Вилли Рёдль, 22 июля, а также
 - сам Вильмош Лангфельдер, 22 и 23 июля (в течение 14 часов в этот день его допрашивал Карташов).

Несколько смущающее обстоятельство состоит в том, что все эти заключенные называют 27 июля (в одном случае другое число – 28-е) в качестве даты допросов. Вспомнить точную дату (согласно документам – 22-е) безусловно трудно, но память изменила всем одинаково!

По рассказам заключенных, а также согласно их личным делам, власти затем позаботились об изоляции узкого круга лиц, состоявшего из бывших сокамерников Рауля Валленберга и Лангфельдера, а также тех, кто косвенным путем знал об этих двоих. Впоследствии их большей частью сводили вместе в группы по двое или по трое в московских тюрьмах. Можно также отметить, что Хилле и Лойда, находившиеся во время этих допросов в Красногорске, осенью были возвращены в Москву и затем помещены вместе со своими прежними сокамерниками. Даже после того, как многие из них в 1951 – 1953 гг. были перевезены во Владимир, они содержались в строгой изоляции, поодиночке или вместе. В качестве примера можно привести Хубера (свидетеля о Лангфельдере), который оказался в строгой изоляции во Владимире с мая 1951 г. по октябрь 1952 г., после чего его сокамерником

стал заключенный, содержащийся под номером. Шлиттер, который сначала содержался вместе с Раулем Валленбергом, а затем с Хубером, был изолирован в Александровском центре. Других изолировали попарно, например Гроссхейм-Криско и Шакача, Хилле и Пелконена, а также Лойду и Хофштеттера. В частности, Рихтера изолировали во Владимире по приказу ведущего допрос и переводчика Соловова, коллеги Копелянского, с указанием на то, что он был связан с особо важным заключенным, но вскоре его поместили вместе с Кичманом. С другой стороны, следует помнить, что большинство заключенных с 1953 г. стали один за другим выходить на свободу.

* * *

Эти обстоятельства, взятые в совокупности, т.е. отрицание пребывания Рауля Валленберга в Советском Союзе, утверждение о вероятности его убийства в Венгрии, допросы сокамерников и их последующая изоляция, замарывание данных в регистрационных журналах, отсутствие записей, куда были направлены личные вещи Валленберга, устные сведения о том, что пакет с материалами, относящимися к Раулю Валленбергу, был передан начальнику архива МГБ в 1947 г., смерть Рёдля и Лангфельдера несколько месяцев спустя, как представляется, могут дать достаточно определенные указания. Но отмеченные обстоятельства – это не то же самое, что веские доказательства (документы) смерти Рауля Валленберга в июле 1947 г.

То, что мы знаем, можно также в принципе объединить с гипотезой о том, что, например, было принято решение где-то изолировать Рауля Валленберга. Если власти приняли такие меры предосторожности в отношении сокамерников и, кроме того, налицо были попытки стереть по возможности большую часть документальных следов пребывания Рауля Валленберга в тюрьме, то было бы в высшей степени нелогично и рискованно помещать Рауля Валленберга в лагерь или тюрьму, где существовал риск, особенно в лагере, его контактов с другими заключенными (хотя и есть ряд подобных свидетельств). Более логичным было бы заключение Рауля Валленберга в эффективную изоляцию или, возможно, в одно из закрытых психиатрических учреждений, про которые, однако, также нельзя сказать, что они герметично закрыты. Это рассуждение несколько меняется, если предположить, что у руководства МГБ в 1947 г. не было причин опасаться, что иностранные военнопленные будут выпущены на свободу в течение обозримого времени. Однако вряд ли дело обстоит именно так, поскольку некоторых таких заключенных стали выпускать уже в 1947-м, а отдельных – еще в 1946 г. Во всяком случае, меры по изоляции самого Рауля Валленберга следовало бы предпринимать более жесткие, чем его сокамерников (эта гипотеза рассматривается в следующем разделе). Владимирская тюрьма, наряду с Лубянской, Ивановом или Александровским центром, была наиболее подходящим местом для изоляции особо важных или опасных заключенных.

XII

СВИДЕТЕЛЬСТВА, ОТНОСЯЩИЕСЯ КО ВРЕМЕНИ ПОСЛЕ ИЮЛЯ 1947 г.

МЕТОДИКА ПОИСКА

Значительная часть работы совместной российско-шведской рабочей группы заключалась в проверке свидетельств, которые касались времени после официально указанной СССР даты смерти Рауля Валленберга. В Министерстве иностранных дел Швеции за последние 50 лет были собраны свыше 25 000 страниц архивных материалов и картотека на более чем 3000 фамилий людей и мест, представляющих интерес в связи с этим делом. Большая часть документов – это записи свидетельств тех, кто возвратился из заключения в СССР. Опросы возвращавшихся домой заключенных проводились сотрудниками Министерства иностранных дел Швеции, зачастую в тесном сотрудничестве со шведской полицией безопасности. Все свидетельства за период 1945-1969 гг. были опубликованы в 1980-м и 1982 гг. в Синих книгах, однако в ходе

работы были использованы и многие более поздние свидетельства.

Понятно, что нет достаточных ресурсов для подробного изучения на месте, в России, всех свидетельств, которые появились позже, с течением времени. Ведь эти свидетельства в большей или меньшей степени подробны и достоверны. Многие свидетели – и это относится не только ко времени после 1947 г. – еще раньше оказались обычными лжецами или людьми с большим воображением, чьи свидетельства не представляли никакой ценности. Поэтому отбирались те свидетельства, которые оценивались как несколько более реальные и достоверные, чем в среднем. Они были собраны и переданы российской стороне в рабочей группе. Центральные российские власти в Москве, прежде всего МВД, послали документы во все местные и региональные архивы и тюрьмы с просьбой об их проверке. Эта процедура была повторена дважды, и заключалась она прежде всего в проверке картотек регистрационных карточек и личных и тюремных дел тех заключенных, которые дали свидетельские показания. До сих пор по этим материалам не удалось найти никаких следов Рауля Валленберга после июля 1947 г.

Вероятно, доверие к отчету могло бы увеличиться, если бы шведская и российская стороны совместно могли просмотреть все картотеки и архивы в тех лагерях и тюрьмах, откуда поступили свидетельства. При этом надо заметить, что трудность достижения желаемого результата связана не только с нехваткой ресурсов; если питаешь недоверие к искренности российской стороны, то можно опасаться, что интересные материалы были изъяты из архива до начала совместных поисков. Во всяком случае, по нашей оценке, правда о Рауле Валленберге, если она сохранилась, должна находиться в центральных архивах, поскольку он был очень важным заключенным. (Однако можно допустить, что есть и другие оценки.)

ЗАКЛЮЧЕННЫЕ ПОД ДРУГОЙ ФАМИЛИЕЙ И ПОД

НОМЕРОМ ¹

Хотя констатировалось, что Рауль Валленберг в 1945-1947 гг. (по меньшей мере до марта включительно) был зарегистрирован в Москве под своей собственной фамилией, не следует считать полностью исключенным вариант, что позднее его могли содержать в заключении под другой фамилией или под номером. В первом случае очевидно, что поиск с целью установить, где мог оказаться Рауль Валленберг, представляет собой исключительно сложную и кропотливую работу. В общем и целом неясно, насколько широко применялось нахождение заключенного под другой фамилией.

Однако заключенные под номерами в ограниченном количестве существовали, особенно в московских тюрьмах и во Владимире, а также в некоторых других тюрьмах и психиатрических клиниках. В то же время надо ясно себе представлять, что недостаточно дать некоему заключенному другую фамилию или номер для сохранения в тайне его существования. Изоляция должна быть полностью эффективной.

Есть признаки того, что система заключения под номерами была централизована весной 1947 г. 19 апреля центральные органы НКВД/МВД в Москве послали инструкцию управлению МГБ по Ивановской области относительно недавно поступившего из Прибалтики контингента заключенных под номером. Инструкция устанавливает, что начальник тюрьмы, а также его заместители и охранники несут ответственность за 1) сохранение в тайне самого факта, что номерные заключенные находятся в тюрьме, 2) сохранение в тайне их фамилий, происхождения и т.п., 3) предотвращение попыток побегов и контактов с внешним миром и друг с другом и 4) надзором за тем, чтобы номерные заключенные соблюдали тюремный режим. Никто из персонала не должен знать о номерных заключенных, кроме начальника тюрьмы. Охранникам запрещается разговаривать с ними, запрещены также всякие разговоры о них в присутствии охранников, персонала и др. Регистрационные карточки, карточки заключенных в одиночную камеру и т.п. для номерных заключенных не должны были включаться в тюремную картотеку и подлежали пересылке начальнику управления тюрем в Москве (все же по ряду дел от этого

¹ Эта глава о заключенных под номерами основана главным образом на отчете Сузан Е. Месинаи.

правила во Владимирской тюрьме отходили, об этом см. ниже).

Также сложным делом оказалось полностью сохранять в тайне личности заключенных – тюремному персоналу часто удавалось узнавать их.

Номерная система могла применяться как по делам, находившимся в стадии следствия, так и для осужденных. Проще всего проследить за последней категорией. В серии номеров от 1 до 32, которая применялась во Владимирской тюрьме в течение 1947-1953 гг. (с некоторыми переменами номеров в течение этого периода), все заключенные были идентифицированы, за исключением номеров 14, 19 и 20. Были установлены личности ряда прибалтийских руководителей, нескольких венгров, работавших на разведки союзников, двух родственников Сталина и др. Номером 15 был армянский иезуитский священник Аладжан-Аладжани, один из тех четырех людей, фамилии которых оказались зачеркнутыми в регистрационных журналах на Лубянке и в Лефортове в 1945-1947 гг. (зачеркивались и записи регистрации личных вещей: помимо Аладжана-Аладжани это касалось Валленберга, Лангфельдэра и Шандора Катаны). 28 июня 1947 г. его осудили на десять лет тюрьмы за контрреволюционную деятельность. Номер 21 был осужден в мае 1948 г., и поскольку номера присваивались последовательно в соответствии с датой вынесения приговора, то номер 14 должен был быть осужден до 28 июня, а номера с 16 по 20 – между этой датой и маем 1948 г. Отметим, однако, возникающее в результате того, что, например, два прибалта после вынесения им приговора в 1952 г. получили номера 9 и 10, в то время как их дела во время следствия имели номера 16 и 17. Во всяком случае, очевидна исключительная заинтересованность в установлении личностей всех номерных заключенных в данной серии.

ТЮРЬМА ВО ВЛАДИМИРЕ – ОСОБЫЙ ИНТЕРЕС

Особое внимание было уделено Владимиру. Причины в том, что многие-сокамерники Рауля Валленберга после осуждения поочередно пересылались в эту тюрьму, где были достаточно хорошие возможности для изоляции заключенных, и что большинство свидетельств о Рауле Валленберге поступило именно оттуда.

Свидетельства из Владимира заставили Швецию в 1959 г. послать в СССР просьбу о срочном поиске с целью установить, не был ли там Рауль Валленберг. Два шведских советника юстиции, которых просили изучить сведения из Владимира, выразили свое мнение в 1960 г. с определенной осторожностью: «По нашему мнению, согласно шведскому праву данное расследование – хотя оно не представляет собой полного доказательства – свидетельствует о вероятности того, что Валленберг был жив по крайней мере в начале 50-х годов и находился тогда в тюрьме во Владимире». Дальше вероятности они не хотели идти. Однако, когда речь шла о свидетельствах военнопленных в Москве в 1945-1947 гг., утверждалось, что они имеют полную доказательную силу в суде.

Международная комиссия под руководством профессора Ги фон Дарделя, которая уже упоминалось во введении, провела первую работу во Владимире еще в 1990 г. Тогда были просмотрены и сняты на видеокамеру многие регистрационные карточки, прежде всего иностранцев и известных советских свидетелей. Был сделан вывод, что большинство свидетельств в общем и целом были правильными, когда речь шла о времени и номерах камер их собственного пребывания в тюрьме и пребывания там большей части сокамерников. Можно было сделать еще один интересный вывод о том, что никакого настоящего поиска во Владимирской тюрьме относительно нахождения там Рауля Валленберга советская сторона вообще никогда не проводила.

На заключенных, содержащихся под номерами, вопреки действовавшим правилам, были найдены регистрационные карточки с номерами до 33. Среди обнаруженных регистрационных карточек с номерами полная идентификация оказалась возможной во всех случаях, кроме трех. Однако двое из заключенных были арестованы в 1941 г. (эстонец и грузин), а третий был венгром 1910 г. рождения. Небольшая часть карточек в серии с номерами отсутствовала, и мы не знаем с уверенностью, были ли найдены и удалены карточки с номерами свыше 33.

Были проведены беседы с тюремным персоналом во Владимире, в частности с бывшим тюремным врачом Бутовой, которая приобрела известность в связи со свидетельством Абрахама

Калинского. Она отрицала, что лечила заключенного по фамилии Валленберг. Один человек – медсестра – опознала по фотографии Рауля Валленберга как заключенного, который в 50-х гг. сидел в одиночной камере.

Медсестра Владимирской тюрьмы №2 Варвара Ларина была опрошена при посещении Владимира в декабре 1993 г. и позднее Марвином В. Макиным, в присутствии также представителя тюремной администрации. Ларина сообщила, что во время своей работы она не знала фамилий заключенных и не имела доступа к каким-либо справкам о них. Ее собственный непосредственный контакт с заключенными происходил тогда, когда она случайно следовала с какой-либо группой врачей в камеры. Она рассказала о заключенном, который содержался изолированно в камере 49 на третьем этаже в так называемом «корпусе 2». Рост заключенного составлял примерно 170 см, у него были темные волосы и вытянутое лицо. Ларина предположила, что он пребывал в тюрьме с середины 50-х гг. и был там часть 60-х гг. Она была уверена, что этот заключенный находился там в то время, когда умер заключенный Осмак в камере напротив. Она особо запомнила заключенного, поскольку он говорил по-русски с типичным акцентом, и она предположила, что он иностранец (но не немец). Заключенный был щепетильным и жаловался, в частности, на то, что суп был холодным. Когда Ларина увидела ряд фотографий, она выбрала фотографию Рауля Валленберга (которая никогда ранее не публиковалась) и тут же сообщила, что на них изображен упомянутый заключенный. При последнем контакте с Лариной она твердо придерживалась своего рассказа.

Бывший тюремный охранник во Владимире сообщил в 1992 г., что заключенный-иностранец (не немец), похожий на изображенного на фотографии Рауля Валленберга, длительное время содержался изолированно в тюрьме.

Другие свидетельства из тюрьмы во Владимире, которые представляют некоторый интерес, таковы.

Первое свидетельство поступило от советского заключенного Шульгина, который, по словам передавшего его швейцарского гражданина Хоэшли-Вильмана, сообщил, что в июле 1947 г. его вместе с Раулем Валленбергом везли во Владимир и там поместили в корпусе 2.

Хорст Теодор Мулле, родившийся в 1911 г. в Эссене, журналист, находился во Владимирской тюрьме с 24 февраля по 22 сентября 1956 г. Он сидел в одной камере с грузином Гогиберидзе, который после публикации коммюнике по итогам визита премьер-министра Эрландера в СССР рассказал Мулле, что он был в тюремной больнице и слышал от других заключенных, что Рауль Валленберг в то время находился в одиночной камере. Дела как Мулле, так и Гогиберидзе были изучены, но их сведения подтвердить не удалось. На Гогиберидзе ссылаются также другие косвенные свидетели. Тот якобы жаловался в 1956 г. охранникам, поскольку знал, что Рауль Валленберг был жив и находился в камере. В личном деле Гогиберидзе отсутствуют 27 страниц, относящиеся к тому периоду.

Отто Шеггл, родившийся в Вене в 1921 г., сообщил в консульстве Швеции в Цюрихе в 1956 г., что он находился в больнице тюрьмы во Владимире с 16 апреля по 28 мая 1955 г., где и встретил Рауля Валленберга. В последующих беседах Шеггл рассказал, что поступил из Воркуты во Владимир в 1952-м или 1953 г. и что встретил Валленберга в январе или феврале 1955 г. Швед сообщил ему, что сидит в тюрьме с 1945 г., сначала в Москве, вероятно на Лубянке. Пересылка во Владимир должна была произойти примерно в 1949-1950 гг. Однако Шеггл не был уверен в сроках и сказал, что это также могло быть в 1948-м или 1951 г. Дела Шеггла не содержат ничего о Рауле Валленберге.

Юсиф Тереля сообщил во время беседы в Канаде в 1987 г., что примерно 10 апреля 1970 г. в коридоре корпуса 2 он столкнулся с заключенным, который, как он понял позднее, мог быть Валленбергом. Сокамерником Тереля был Огурцев. Однажды эти двое попросили охранника дать им тумбочку из камеры, где якобы находился Рауль Валленберг. На тумбочке имелись две надписи: во-первых, «Sverige» (Швеция), «Raoul Wallenberg» (Рауль Валленберг), а также адрес, во-вторых, «Miranda Martina» (Миранда Мартина) и адрес. По словам Тереля, Валленберг был переведен из камеры 43 на втором этаже корпуса 2 в камеру 53 на третьем этаже в конце января 1985 г.

Однако в 1987 г. Огурцев сообщил в беседе, что не стоит полагаться на Тереля и что он сам в течение 15 лет пребывания в советских тюрьмах никогда не слышал о Рауле Валленберге.

Но уже в следующей беседе он охарактеризовал данные Тереля как достоверные, несмотря на его слабую память на подробности. Сведения Тереля повторил латыш Розкальнс, который сказал, что получил их от Тереля в советском лагере. Розкальнс указал на камеру под номером 32 и утверждал, что Рауль Валленберг находился там под другой фамилией, принадлежавшей лесничему из Катыни. Влада Шакаласс сообщил шведской полиции в 1980 г., что в 1964 г. он находился в одной камере во Владимире с вышеупомянутым лесничим, которого звали Меншагин. Тот сообщил, что в тюрьме лично встретил Валленберга, но швед умер в 1954-1955 гг.

Макинен в 1962 г. получил во Владимире сведения от З. Круминьша, что тот встретил в тюрьме шведа, который был арестован за разведывательную деятельность; позднее в лагере Макинен слышал от Воробьева-Воробья, что Круминьш во Владимире сидел вместе со шведским заключенным «ван дер Бергом» (Круминьш, вне всякого сомнения, был «стукачом»; он был помилован после отбывания лишь половины срока наказания).

Лазарь Бергер также получил сведения от упомянутого Воробьева-Воробья о том, что шведский дипломат Рауль Валленберг содержался в корпусе 2 в камере 2-53 вместе со «сталинским генералом» Гогиберешвили.

Упомянутый Калинин сообщил, что Рауль Валленберг находился в одной камере (2-23) с сотрудником Берии Мамуловым и затем в той же камере с Шария. Источником информации якобы был Гогиберидзе.

Дополнительное, очень широкое и кропотливое изучение картотеки Владимирской тюрьмы и важных личных и следственных дел провели рабочей группе американские эксперты Марвин Макинен (который сам был заключенным во Владимире в течение нескольких лет в 60-х гг.), Ари Каплан и Сузан Месинаи.

Данные из более чем 10 тысяч регистрационных карточек заключенных (за период 1947-1972 гг.) были обработаны на компьютерах и проанализированы с учетом размещения по камерам, в частности, с целью установления камер, которые казались пустыми, руководствуясь тем, что информация на регистрационных карточках может придать достоверность некоторым свидетельствам о Рауле Валленберге, исходя из предположения, что он находился во Владимире не под своей фамилией, а его регистрационная карточка была изъята впоследствии. Были также изучены перемещения из одной камеры в другую с целью определения тех, казавшихся пустыми, камер, в которых не было заключенных из-за ремонта и т.п. или в связи с амнистией. Были также проведены неполные исследования, касающиеся данных о поступавших заключенных и номерах их дел, однако регистрационные журналы за 1954-й и 1955 гг., как сообщается, были уничтожены, хотя сохранились обрывочные данные за 1947 г.

В общем и целом данные о номерах камер и сроках перемещения (за некоторыми очень незначительными отклонениями, естественными с учетом прошедшего времени) подтвердили свидетельства Шульгина/Хозшли-Вильмана, Лазаря Бергера/Воробьева-Воробья, Круминьш, Калинского, Лариной и Терели. Кроме того, во всех случаях удалось установить, что для прочих периодов наличие казавшихся пустыми камер нехарактерно, что, видимо, подтверждает, что изолированный заключенный мог находиться там.

Итак, Шульгин, который сообщил, что его привезли во Владимир вместе с Раулем Валленбергом, но поместили в разные камеры, находился в корпусе 2 с 1947-го до 1956 г. В ходе исследования было установлено, что согласно картотеке камера 2-2 была пустой с 24 июля 1947 г. до 1 июня 1948 г. Другая камера, 2-3, пустовала в течение 281 дня начиная с 28 июля 1947 г. Далее отсутствуют записи о поступающих заключенных в течение нескольких дней до и после даты поступления Шульгина – 25 июля. В начале лета 1947 г. имеется также разрыв примерно в 1000 заключенных в текущей нумерации новых дел, поступивших во Владимир.

Относительно полученных от Воробьева-Воробья данных Бергера о том, что Рауль Валленберг сидел в камере 2-53 со «сталинским генералом» Гогиберешвили, удалось установить следующее. Заключенного с такой фамилией найти не удалось; однако существовал генерал Берешвили, который сидел «один» в камерах 2-50 и 2-52 осенью 1954 г. (его не подвергали изоляции в некоторых других случаях). Камера 2-52 была особенно удобной для того, чтобы изолировать заключенного и воспрепятствовать контактам с другими камерами, например путем перестукивания. Воробьев-Воробей находился также в одной камере с

Мамуловым, как и с заключенным по фамилии Муха, который говорил Макинелу, что слышал разговоры о шведском заключенном во Владимире.

Согласно регистрационной карточке, Круминьш якобы был изолирован в течение более одного года в 1956-1957 гг. Очень маловероятно, чтобы он, сидевший так часто вместе с другими важными заключенными, действительно был изолирован столь долго; Макинелу он сообщил, что был изолирован лишь в течение первых месяцев после своего прибытия. Еще одно наблюдение: два заключенных, которые раньше знали Рауля Валленберга, были переведены 16 октября 1956 г. в камеру 2-36, но уже на следующий день – в камеру 2-23, хотя она была пуста еще днем ранее. Не могло ли первое размещение быть ошибочным с учетом того, что в соседней камере 2-37 сидел Круминьш, вероятно, вместе с Раулем Валленбергом? Странно также, что Круминьш сидел, видимо, один в большой камере с 28 января до 17 апреля 1957 г. в корпусе 1 (в это время «меморандум Громыко» был передан Швеции).

По поводу сведений Калинского о том, что Мамулов был сокамерником Рауля Валленберга по камере 2-23, было установлено, что Мамулов в разное время сидел «один» в трех камерах в корпусе 2.

Ларина сообщила, что Рауль Валленберг, вероятно, сидел в камере 2-49, когда заключенный Осмак скончался в камере напротив. Установлено, что Осмак умер 16 мая 1960 г. в камере 2-49, в которой он тогда находился с Берешвили и еще одним заключенным. В этом случае наиболее вероятно, что Рауль Валленберг мог сидеть в камере 2-44 или 2-41, пустовавших тогда согласно картотеке.

Наконец, относительно свидетельства Тереля (он сидел в камерах 2-21 и 2-30) можно отметить, что хорошо изолированная камера 2-33 была «пустой» со 2 сентября 1969 г. по 27 мая 1970 г.

Таким образом, мы не можем исключить, что Рауль Валленберг находился во Владимире. Можно сказать, что свидетельство Лариной позволяет предположить реальную возможность его нахождения там. Если все же его там не было, то как можно объяснить свидетельства оттуда? Над этим можно только размышлять. Во-первых, к тому времени Рауль Валленберг был в тюрьме известным лицом; большинство сидевших там заключенных сталкивались с Раулем Валленбергом в 1945-1947 гг. в Москве и говорили о нем (однако никто из сокамерников Рауля Валленберга по московским тюрьмам не сообщал, что Рауль Валленберг был во Владимире). Другие заключенные слышали о Рауле Валленберге из других источников. Уже упомянутый Томсен/Гроссхейм-Криско, который работал в шведской миссии в Будапеште, при перестукивании во Владимире выдавал себя за секретаря шведской миссии, а это еще один возможный ошибочный источник свидетельств. Гроссхейм-Криско был доставлен во Владимир в феврале 1952 г. и выпущен на свободу уже в июне 1953 г. Конечно, он не слышал ничего о том, что Рауль Валленберг якобы находился во Владимире, но утверждает, что тот мог оказаться в большой группе заключенных, включая его самого, которая в марте 1950 г. была переведена из Лефортова в Бутырку. Гроссхейм-Криско якобы относился к особой категории, поскольку он был связан с «особо важным заключенным».

Важное замечание было сделано в 1991 г. двумя членами «Мемориала», которые принимали участие в поисках во Владимире. Оно состояло в том, что все заключенные поступали туда после вынесения им приговора, за исключением некоторых заключенных под номером.

СВИДЕТЕЛЬСТВА КАЛИНСКОГО – КАПЛАНА – МЕЛЬНИЧУКА – КУПРИЯНОВА

В конце 70-х и начале 80-х гг. большое внимание привлекли сведения, полученные от освобожденного польского заключенного Абрахама Калинского. Калинский, который, как было доказано, сидел во Владимирской тюрьме, сказал, что видел там Рауля Валленберга в последний раз в 1959 г., и передал свидетельства советского еврея Яна Каплана, тюремного врача Бутовой из Владимира и советского генерала Геннадия Куприянова. Согласно сообщению Калинского, Каплан видел шведа в больнице в Бутырке, что якобы вытекало из письма родственника Каплана, жившего в СССР, родственнику в США. Сам Каштан якобы пытался контрабандой

вывезти письмо о Рауле Валленберге, но при этом был вновь заключен в тюрьму. Об этом жена Каплана сообщает в письме дочери Анне Бильдер, проживавшей в Израиле.

Относительно письма родственнику в США, которое в разрезанном виде (!) было передано Калининским в Министерство иностранных дел Швеции, можно утверждать, что сохранившиеся остатки почтового штемпеля содержат буквы латинского алфавита; таким образом, оно не могло быть послано из СССР (теоретически его могли сначала вывезти контрабандно на Запад и послать по почте оттуда; однако штемпель стоял на советской почтовой марке). Письмо от Бутовой, скорее всего, было написано самим Калининским. Письмо к Анне Бильдер, вероятно, сфабриковано Калининским заодно с дочерью Каплана.

Российские представители в рабочей группе рассказали, что они беседовали с Капланом об этом во время его пребывания в тюрьме и он отрицал, что информация о встрече с Раулем Валленбергом поступила от него. Каплан вовсе не был заключен в Бутырку. Жена категорически заявила, что она об этом не знала и муж ничего не говорил ей о такой встрече. Никакой информации по этому поводу дочери она не посылала. Что касается мнения КГБ о мнимой встрече Каплана, то оно состояло в том, что информация распространялась с целью добиться досрочного освобождения. Во время беседы в тюрьме Каплан сам связал вопрос об официальном опровержении с досрочным освобождением.

Василий Н. Мельничук посетил в 1989 г. шведское посольство в Белграде. Он сообщил, что посетил Каплана в тот день (в 1976-м или 1977 г.), когда дочь Каплана (Анна Бильдер) разговаривала с отцом по телефону из Израиля, и тогда он сообщил, что Рауль Валленберг был жив в середине 70-х гг. Мельничук и Каплан знали друг друга со времен ГУЛАГа. В 1976-м и 1977 гг. Мельничук дал Каплану обещание, что при первой представившейся возможности он подтвердит шведским властям, что сказанное по телефону дочери о Валленберге было правдой. Через пару недель, после того как он побывал на Украине, Мельничук еще раз посетил посольство. На этот раз он сказал, что хотел получить убежище в Канаде. Впоследствии предпринимались поиски Мельничука, в том числе в Канаде, но они не дали результата.

Сведения Калининского, полученные от генерала Куприянова, были воспроизведены в русской эмигрантской газете в конце января 1979 г. и позднее, весной, также в шведской прессе. Согласно им, Куприянов столкнулся с Раулем Валленбергом во время перевозки заключенных в СССР в 50-х гг. Калининский также передал, что Куприянов после оглашения этих сведений скончался от пыток в КГБ. Он ссылаясь также на дневник Куприянова о годах, проведенных в тюрьме, который был контрабандно вывезен в Западную Германию.

В 1995 г. были опрошены сын и две дочери Куприянова, а также его вторая жена. Выяснилось, что у генерала никогда не было никаких проблем с КГБ после его освобождения в 1956 г. Он скончался 28 февраля 1979 г. от сердечного приступа. Дневник, который все время хранился у жены, был просмотрен; он не содержит никаких сведений о Рауле Валленберге (однако мы не знаем, получили ли мы доступ к полному варианту). Зато Куприянов упоминает Калининского, с которым он одно время находился вместе в камере. Куприянов был твердо уверен в том, что Калининский был в камере подсадной уткой.

В документе ЦРУ от 1979 г. выражаются очень большие сомнения в достоверности информации Калининского. Однако следует заметить, что Калининский чаще всего давал правильные сообщения о местах и сроках. Это означает, что не следует категорически отвергать всего того, что он сказал.

СВАРЦ – МЯСНИКОВ

В отчете профессора Нанны Сварц в 1961 г. (см. Белую книгу 1965 г.) говорится, что в беседе с профессором Мясниковым она, во-первых, узнала, что тот знал Рауля Валленберга, и, во-вторых, что он находился в психиатрической больнице; однако эти данные по-прежнему противоречивы. Невозможно было однозначно установить, что правильно: версия профессора Сварц или опровержение профессора Мясникова. После посещения Москвы Сварц казалась убежденной в правоте своей версии и говорила уверенно, хотя ее рассказы о беседе несколько отличались один от другого в точности выражений; после встречи в Мясниковым в 1965 г. она сама подтверждает, что каждый остался при своем мнении.

Если сведения Сварц все же основывались на недоразумении, то как это можно объяснить? Недавно выяснилось, что Мясников имел привычку неоднократно кивать головой, как бы соглашаясь с мнением собеседника. Кроме того, нельзя исключить проблем языкового общения и связанных с этим недоразумений (например, Мясников мог иметь в виду, что Рауль Валленберг, возможно, находился в психиатрической клинике). Они вполне могли понимать друг друга, когда речь шла о медицинских вопросах, но в остальном познания Мясникова в немецком языке, по мнению посла Ярринга, были невелики. Нанна Сварц знала немецкий язык несколько лучше. Однако ясности в этом эпизоде достичь не удалось – одни данные противостоят другим, и дополнительные поиски в архивах до сих пор не позволили выяснить этот вопрос.

Можно добавить, что было проведено исследование с целью установить, не находился ли Рауль Валленберг в Институте имени Сербского. Оно основывалось на профиле личности Рауля Валленберга и исходило из возможности присвоения ему псевдонима. Результат исследования был отрицательным, но следует указать, что до настоящего времени оно охватывало лишь период 1945-1947 гг.

НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Были также в той или иной мере проверены многие иные свидетельства. Здесь приводятся некоторые примеры.

– Альберт Холлоши (венгр) сообщил в 1981 г., что в течение некоторого времени перед своим освобождением в том же году он находился в контролируемой КГБ психиатрической клинике в Москве и видел там Рауля Валленберга в каталке (на него указала санитарка).

– Антонас Богданас из Латвии говорит, что он как-то встретил Рауля Валленберга в Норильске между 1945-м и 1951 г. В 1951 г. их вместе должны были доставить в специальную тюрьму (психиатрическую клинику) в Казани, где Валленберга лечили от «мании величия», после того как он сообщил, что был шведским дипломатом. До сих пор доступ в клинику и ее архив закрыт, но это следует сделать возможным на следующем этапе.

– Теодор фон Дуфвинг, немецкий офицер, 1907 г. рождения, в 1982 г. рассказал в посольстве в Бонне, а затем представителям рабочей группы, что в 1949 г. по дороге в Воркуту, в пересылочном лагере (в Котласе или Кирове) он слышал о том, что в лагере якобы находится шведский дипломат под особой охраной. Фон Дуфвингу удалось повстречать шведа в один из следующих дней. Тот сообщил, что «он стал заключенным в результате большой ошибки».

– Аурел фон Юхен, протестантский священник (1902-1991), был заключенным в Воркуте с 1948 г. до начала 50-х гг. По мнению Гельмута Шнейдера, фон Юхен знал о том, что Валленберг был в Воркуте. Жена фон Юхена сообщила, что у ее мужа не было непосредственного контакта с Раулем Валленбергом, но он часто говорил о других заключенных, которые встречали его.

– Д-р Менахем Мельцер, 1907 г. рождения, был врачом. Во время беседы в 1974 г. со шведским полицейским он сообщил, что, вероятно, встречал Рауля Валленберга в мае – июне 1948 (или 1949) г. в Халмер-Ю, к северу от Воркуты, когда обследовал заключенных в трудовых колониях. Человек по имени Рауль сообщил, что он швед. Был и еще один швед в лагере.

– Ефим Мошинский, как сообщается, родился в Одессе и эмигрировал после освобождения из советского лагеря в Израиль. Он сообщил, что был вместе с Абрамом Шифриным и Раулем Валленбергом в исправительной колонии на острове Врангелямгимерно в 1950 г. Согласно двум письмам, отправленным из Иркутска в 1975-м и 1976 гг., которые Мошинский показывал в шведском посольстве в Тель-Авиве в 1978 г., Валленберг находился в психиатрической больнице. Шифрин эмигрировал в Израиль в 1970 г. и информировал посольство, что уверен в том, что эти два письма были поддельными. Однако в 1973 г. он сообщил сенатскому комитету в Вашингтоне, что еще в 1962 г. на острове Врангеля находилась большая исправительная колония.

– Рудольф Александер Хедрих-Винтер фон Шваб, 1919 г. рождения, рассказал в 1964 г. в шведском посольстве в Вене, что встречал Рауля Валленберга в лазарете особой тюрьмы в Верхнеуральске 5 декабря 1952 г. (между прочим, в день рождения фон Шваба). В тюрьме также

находились финский офицер артиллерии Харальд Йельд и Арвид Андерсон, который, как сообщается, был шведом. Затем фон Шваб встретил д-ра Якобсона (из Таллина) в Магнитогорске в 1953 г. Тогда Якобсон рассказал о своей встрече с Валленбергом в связи с операцией. Фон Шваб вновь встретил шведского дипломата в Верхнеуральске в сентябре 1953 г. Тогда Валленберг подтвердил, что остался на два месяца в Магнитогорске после операции и что он встречал д-ра Якобсона. Валленберг также сказал, что он был прооперирован и получал послеоперационный уход лишь после смерти Сталина.

– Поляк Богуслав Бай посетил посольство в Варшаве в 1988-м и 1992 гг. и оставил тогда свидетельства. Позднее сведения были получены также от его польских сокамерников Ежи Цихоцкого, Юзефа Ковальского и Юзефа Маркуевского.

Богуслав Бай с июля 1944 г. воевал в польской подпольной Армии Крайовой и был арестован советской военной контрразведкой в январе 1945 г. Его помещали в разные лагеря и тюрьмы, в частности на Лубянку, и наконец он оказался в Ташкенте, после чего в 1949 г. его привезли в Братск, где заключенные строили мост через Ангару. Однажды (в 1950 г.) в лагерь пришел транспорт со 160 заключенными. Бай разговаривал с человеком, который был на Лубянке и смог дать сведения о польском генерале Окулицком, который предстал перед судом во второй раз и был приговорен к смерти (эта информация, кстати, была неизвестна). По словам Бая, Рауль Валленберг был приглашен в Будапеште на беседу с генералом Серовым (Серова якобы не было в Будапеште). Между тем он так и не встретил его, а был арестован по подозрению в шпионаже. Затем его доставили в Киев, потом в Ленинград (в тюрьму Кресты) и т.д. В 1947 г. его привезли на Лубянку, где приговорили к 25 годам каторжных работ в лагере особого режима. Его послали в Ташкент в 1949 г., но уже через пару недель он оказался в Братске. В июне или июле 1950 г. (согласно Цихоцкому – в 1951 г.) были собраны 300 заключенных для транспортировки в Магадан. Среди них были, в частности, Рауль Валленберг и Ковальский. Они ехали в одном вагоне до бухты Ванино, где Валленберг заболел и оказался в тюремной больнице. Ковальский доехал до Магадана и возвратился в Польшу в 1956 г. Бай и Ковальский встретились вновь в 1989 г. на собрании солдат польской Армии Крайовой.

Некоторые рассмотренные свидетельства требуют дополнительных поисков. Это относится и к возможности того, что Рауль Валленберг мог оказаться в закрытом психиатрическом учреждении. Совершенно естественно, что при отсутствии веских доказательств о судьбе Рауля Валленберга очень трудно поставить точку в подобных поисках.

XIII ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ

На этой стадии разумно попытаться дать более связанные заключительные рассуждения на основе доступной информации. Речь идет о двух возможных основных гипотезах с многочисленными вариантами, но следует еще раз подчеркнуть значительное число сомнительных факторов. Первая гипотеза исходит из того, что Рауль Валленберг умер в июле 1947 г. и что в таком случае с наибольшей вероятностью можно говорить о неестественной смерти. Вторая гипотеза состоит в том, что он был «упрятан» или где-то изолирован, так что не мог вступать в непосредственный контакт с другими заключенными; возможно, его скрывали (под другой фамилией или номером). Можно сказать, что приведенные ниже рассуждения поддерживают как первую, так и вторую гипотезы.

Наша исходная точка состоит в том, что Сталин приказал или, во всяком случае, дал согласие арестовать Рауля Валленберга. Это означает, что его подчиненные вряд ли могли осмелиться самостоятельно принять решения или меры, определявшие судьбу Рауля Валленберга. Первоначальные возможные причины ареста были указаны в предыдущих разделах. Решение об аресте вовсе не должно было основываться на таком многогранном или глубоком анализе, какой был дан в гипотезах, приведенных в этом отчете. Отнюдь не обязательно, чтобы причины оставались неизменными в течение всего периода; напротив, они могли меняться. Согласно допросам весной 1945 г., в начале пребывания Рауля Валленберга в тюрьме, судя по всему, преобладали обвинения в шпионаже; вероятно, проверялись также

сведения о его деятельности в Будапеште, хотя вряд ли Рауль Валленберг по этому пункту оказался заподозренным в большей степени, чем большинство других членов шведской миссии, притом что лишь он один (кроме Томсена) был доставлен в Москву. Затем становится все очевиднее, что Сталин (или, во всяком случае, советское руководство) имел особые причины задерживать шведского дипломата. Ведь его допрашивали очень редко и слишком недолго. Как сообщается, ведущий допрос весной 1947 г. сказал, что его дело является политическим и поэтому он никогда не предстанет перед судом. Судя по всему, первоначальный тайный умысел мог заключаться и в том, что Рауля Валленберга могли использовать для обмена или, иначе, выдать в обмен на компенсацию. Трудно оценить значение различных мотивов большой политики. Вместе с тем дело вполне могло обстоять и так, что Сталин не хотел спешить с принятием решения, что он не давал никаких указаний или в МГБ не были уверены в правильности толкования сталинских намерений, а поэтому «Абакумов и компания» должны были выжидать. Не было такого, чтобы Сталина «натолкнули» на этот вопрос или напомнили об этом. Что-либо подобное было немыслимо. В противном случае этот вопрос достаточно подробно обсуждался бы до и после беседы Седерблума со Сталиным.

Одновременно Министерство иностранных дел оказалось под усилившимся давлением в результате обращений шведской стороны. От Абакумова и МГБ требовали ускорить ответ. На рубеже 1946-го и 1947 гг. занимавшимся этим делом сотрудникам МИД – а это был очень узкий круг – стало очевидно, что Рауль Валленберг действительно задержан МГБ, хотя они наверняка узнали об этом раньше. Тогда у них и появляется мысль о том, что можно сообщить Швеции, что, судя по всему, Рауль Валленберг погиб во время последних боев за Будапешт. Им очень помогли настойчиво повторяемые высказывания Седерблума аналогичного содержания, которые, между прочим, должны были смущать советские власти, как и отказ шведской стороны серьезно отнестись к требованиям советской стороны о выдаче советских граждан, находившихся в Швеции (в некоторых случаях они выдвигались в связи со шведскими предложениями о Рауле Валленберге), а также заявление Эрландера Чернышеву в 1946 г. о том, что подобные вопросы (выдача Грановского) не должны влиять на взаимные отношения.

Из внутренних документов МИД создается впечатление, что даже Молотов ранее не знал о пребывании Рауля Валленберга в СССР, за исключением того, что он был ознакомлен с сообщением Деканозова от 16 января 1945 г. Однако, как уже сказано, слишком невероятно, чтобы дело обстояло так. Во-первых, речь шла об арестованном иностранном дипломате, во-вторых, Молотов по-прежнему занимал очень сильные позиции, и мы знаем, что Абакумов обратился к нему по вопросу о швейцарских дипломатах. Кроме того, настолько важное дело должно было обсуждаться в ближайшем окружении Сталина. Очевидно, однако, что свои знания Молотов сохранял при себе и не делился ими с сотрудниками. Однако следует указать, что рассуждения в этом разделе изменились бы мало, если бы Молотов был не в курсе дела до 1947 г.

Согласно документам в архиве Министерства иностранных дел СССР, весной 1947 г. интенсифицировалась подготовка к решению дела. МГБ обещало предоставить Молотову доклад о причинах задержания и выдвинуть предложения для принятия мер. Однако представление этого доклада откладывается на несколько месяцев, и мы ничего не знаем о причинах задержки. Вероятно, ожидали решения Сталина или хотя бы какого-либо сигнала от него. В мае Вышинский потерял терпение из-за того, что нет никакого решения и соответственно ответа шведам, и поэтому попросил Молотова обязать Абакумова представить отчет и предложения по ликвидации дела. Молотов также дает указание Абакумову представить ему отчет. В начале июля Вышинский в письме Абакумову предлагает, как может выглядеть отчет и соответственно ответ Швеции: все склоняются скорее к ответу, согласно которому Рауль Валленберг погиб в Будапеште. На практике это означает, что Рауля Валленберга надо устранить тем или иным способом (включая возможную изоляцию). Мы не знаем, содержит ли письмо Абакумова Молотову от 17 июля ответ о том, что это произошло. Однако то, что решение принято, видно прежде всего из допросов сокамерников, их изоляции и смерти Редля и Лангфельдера в течение нескольких месяцев. Так же, как и фактическая казнь (если Валленберг умер в июле 1947 г.); вероятно, что он скончался вследствие грубого обращения или что-то пошло не так, как было предусмотрено (такой поворот событий был бы лучшим объяснением

рапорта Смольцова).

Почему же не смогли сделать признания, что Рауль Валленберг находился в СССР, и затем передать его Швеции? Почему были вынуждены принять иное решение о его дальнейшей судьбе (если только не произошел незапланированный несчастный случай)? Во-первых, Сталину не очень импонировал Рауль Валленберг и его гуманитарный вклад: наступило время усиления антисемитской кампании Сталина. Во-вторых, Швеция, если советская сторона намеревалась использовать Рауля Валленберга в качестве заложника для обмена, никак не отреагировала, – наоборот, ее посланник в Москве раз за разом повторял, что Валленберг наверняка погиб в Венгрии. Если теперь сказать резче, Швеция действовала в определенной мере так, будто у нее не было желания освободить Рауля Валленберга, или посылала двусмысленные сигналы; во всяком случае, у Москвы могло создаться такое впечатление. В советской внешней политике двусмысленные сигналы были весьма распространенными: по официальным каналам передавались декларативные заявления, а по неофициальным выражалась более взвешенная позиция.

В-третьих, в создавшемся положении было бы очень неловко сообщать шведам, что да, Рауль Валленберг действительно находился у нас в заключении все это время. То, что сам Рауль Валленберг мог бы рассказать после освобождения, было бы от начала до конца разоблачительным и четко показало бы, что не могло быть и речи об ошибке или недосмотре. Например, нельзя было бы утверждать, будто его нашли в каком-либо отдаленном лагере после продолжительных новых поисков. Далее, представляется, по сведениям сокамерников, что Рауль Валленберг не хотел сотрудничать; он отказывался говорить во время допросов и ссылаясь на то, что он дипломат. Следовательно, с ним, вероятно, так и не смогли ничего сделать. Исключением выглядит допрос в марте 1947 г., если поверить свидетельству переводчика. Это единственный допрос, о котором у нас есть сведения с российской стороны, и, кажется, он проходил в спокойной и деловой обстановке.

Однако последний этап пребывания Рауля Валленберга на Лубянке окутан полным мраком.

Таинственность с советской стороны тогда и позднее могла быть результатом неудачной попытки шантажа, а шведское правительство неосознанно «ослабило хватку», утверждая, что Рауль Валленберг погиб. Не была ли эта ситуация слишком неудобной (возможно, для обеих сторон), чтобы вообще требовался намек?

Таким образом, если не произошло какого-либо непредусмотренного несчастного случая, судьба Рауля Валленберга с наибольшей вероятностью была каким-то образом решена. Молотов и Абакумов безусловно замешаны в этом, и мы также предполагаем, что Сталин был полностью в курсе дела. Альтернативная гипотеза о том, что Сталина не проинформировали и, следовательно, интриговали против него, почти невысказана, хотя теоретически ее нельзя исключить. Ведь мы знаем, что Сталин по меньшей мере знал об аресте Рауля Валленберга, о том, что шведы все время запрашивали о нем, и что он разговаривал об этом с Седерблумом.

Однако точные сведения о судьбе шведского дипломата остаются известными лишь очень узкому кругу лиц. Это видно из запроса заместителя министра иностранных дел Громько председателю КГБ Серову в 1954 г.: он хотел знать, когда и при каких обстоятельствах умер Рауль Валленберг. Однако Серов не хочет информировать его об этом.

Весной 1956 г. Молотов совместно с Серовым готовит новый ответ на обращение Швеции, подкрепленное очень убедительными свидетельствами ряда военнопленных. Молотов сам пишет в Центральный Комитет (на практике в Политбюро/Президиум), что их невозможно отвергнуть, что они в значительной степени соответствуют реальным обстоятельствам нахождения Рауля Валленберга в тюрьме (это означает, что Молотов должен был иметь достаточно подробные данные об этом) и что поэтому «можно рассказать шведам о судьбе Рауля Валленберга». Однако эта последняя формулировка не означает, что надо рассказать всю правду о его судьбе. Так как речь идет о внутреннем документе высшей степени секретности, адресованном политическому руководству страны, трудно утверждать, что судьба Рауля Валленберга могла быть совершенно иной по сравнению с той, что фактически приведена с некоторыми изменениями в различных проектах 1956-1957 гг. Политические предпосылки изменились с тех времен, когда Вышинский писал свои мало правдивые стереотипные

докладные записки Сталину в 1952 г. Теперь речь идет о выдвижении версии, более или менее приемлемой, которая не бросает слишком большую тень прежде всего на самого Молотова или, пожалуй, на руководство КГБ того времени. То предложение, которое выдвигают Молотов и Серов на рубеже апреля – мая 1956 г., в значительной части весьма сходно с ответом, который был окончательно дан в феврале 1957 г.

Та затянутая процедура, которую они предлагают, предназначена, естественно, в первую очередь для создания впечатления основательных и серьезных поисков. При этом надо помнить также о том, что после XX съезда партии в феврале Молотов должен был почувствовать неустойчивость своего положения. Например, если бы он был виновен в устранении Рауля Валленберга, то Хрущев мог использовать это против него. По этой причине он мог быть заинтересован потянуть время с ответом в надежде на то, что его собственное положение со временем вновь улучшится. Он был также очень заинтересован в том, чтобы обвинить других, а Абакумов был для этого идеальным козлом отпущения. Если бы Молотов обвинил Сталина, ему самому было бы труднее полностью обелить себя, а кроме того, это ослабило бы его собственные позиции в борьбе за власть, поскольку на практике означало, что он поддержал разоблачение культа личности Сталина. Земля уже зашаталась под его ногами. Следует исключить, что Молотов был заинтересован признаться шведам в своей лжи. Видимо, Хрущев понимал, как все происходило на самом деле, но мог считать, что тот ответ, который был дан потом, лучше соответствовал интересам СССР. Обвинение Абакумова отвечало интересам всех руководителей; если же указать и на Берия, как казалось Ундену, то был слишком большой риск оказаться замешанными и самим. Хрущев еще не был готов посадить как Молотова, так и Булганина на скамью подсудимых по такому вопросу, как дело Рауля Валленберга. Хрущев был также заинтересован в том, чтобы процесс десталинизации не шел слишком быстро и чтобы он мог контролировать его. Впрочем, помимо Молотова, в оформлении окончательного ответа приняли участие Булганин, Шепилов и Серов.

Похоже также на то, что важнейшие документы в КГБ и письмо Абакумова Молотову были устранены в 1956 г. (возможная ключевая роль Серова уже указывалась выше) – если они вообще были уничтожены. Однако документы в архиве МИД в целом по какой-то причине избежали уничтожения. Вероятно, документы в нем не считались достаточно компрометирующими или Молотов не имел возможности вовремя, т.е. до своей отставки летом, заняться этим вопросом.

Хотя предшествующие рассуждения могут казаться убедительными, нельзя приравнивать их к полным доказательствам. При наличии каких-либо сомнений всякий окончательный вывод требует доказательств, т.е. на все имеющиеся вопросы должны находиться убедительные ответы. Возможность того, что Рауль Валленберг вместо казни (или смерти в результате иных причин) был эффективно спрятан (вероятнее всего, под другой фамилией), нельзя исключить. Хотя мы знаем, что Сталин мало считался с этическими соображениями, если они у него вообще возникали, решение о казни дипломата нейтральной страны все же должно было стать исключительным. Поэтому его изоляция могла показаться более простым способом.

Тогда возникает вопрос: была ли у советского руководства возможность в 1956-1957 гг. признать это и, если Рауль Валленберг был все еще жив, освободить его? Об этом можно только размышлять, особенно после того, как Молотов в апреле пишет в Президиум Центрального Комитета, что он «считает целесообразным информировать шведов о судьбе Валленберга».

Итак, остается посмотреть, можно ли документально или иным способом подтвердить какие-либо свидетельства, относящиеся к периоду после 1947 г., а если это окажется невозможным, то от чего это может зависеть (исключая чисто ложные свидетельства)? Во-первых, Рауль Валленберг был известен некоторым иностранным заключенным в 50-х гг., и они говорили о нем, что могло дать толчок к появлению сведений, часть которых была искажена, из вторых рук. Рауль Валленберг стал хорошо известен, когда в «Правде» и «Известиях» было опубликовано коммюнике по итогам визита Эрландера в 1956 г., о котором узнали во всех лагерях и тюрьмах. Во-вторых, Рауля Валленберга могли спутать с другими шведами (или лицами шведской национальности из Финляндии или Эстонии), а также с другим сотрудником шведской миссии в Будапеште, как это было во Владимире с Гроссхейм-Криско. В-третьих, можно констатировать, что в системе ГУЛАГа были другие заключенные по

фамилии Валленберг, например Рудольф Валленберг, умерший в Воркуте. В-четвертых, были случаи, что об известных советских заключенных также сообщали, что их видели то здесь, то там, несмотря на то что они были казнены; это относится, например, к поэту Осипу Мандельштаму. Сведения могли основываться на слухах или легендах, но могли также являться звеном в дезинформационной деятельности КГБ.

Вот вопрос, на который трудно дать достоверный ответ на фоне официального разъяснения 1947 г., гласящего, что Валленберга нет в Советском Союзе: почему большинство важнейших заключенных, с которыми Рауль Валленберг находился в одной камере в московских тюрьмах, были последовательно освобождены в течение 1951 – 1956 гг. и таким образом могли предоставить свои свидетельства о Рауле Валленберге? Наиболее вероятное объяснение состоит в том, что главные действующие лица, Абакумов и Сталин, покинули сцену в 1951-м и 1953 гг., а большинство ответственных лиц на более низких уровнях в органах госбезопасности также были убраны. Все же сведения о Рауле Валленберге сохранились, хотя и в очень узком кругу, но эти люди, очевидно, не имели никакой оперативной связи с теми, кто отвечал за заключенных, освобождение которых, в частности, в большой степени определялось международными соглашениями. И некоторые свидетели, которые сообщали, что они видели или слышали о Рауле Валленберге позднее, в особенности во Владимире, постепенно выходили на свободу.

В начале отчета было установлено, что ответ российской стороны о смерти Рауля Валленберга приемлем лишь в том случае, если он может быть подтвержден вне всяких сомнений. Этого не произошло – как из-за отсутствия достоверного свидетельства о смерти, так и по той причине, что не удалось опровергнуть свидетельства о том, что Рауль Валленберг был жив после 1947 г. Бремя доказательства факта смерти Рауля Валленберга лежит на российском правительстве.

XIV ЧТО МОЖЕТ ПОСЛЕДОВАТЬ ЗА ЭТИМ ОТЧЕТОМ?

Таким образом, многие важные вопросы остаются без ответа и дело Валленберга не может быть закрыто.

В свою очередь, это означает, что надо сохранять открытой дверь для новых находок в архивах или новых данных, которые могут быть получены иным способом. Значит, надо будет проверить сведения, которые еще полностью не изучены (см. список ниже), а также достаточно весомые новые данные. При этом необязательно продолжение деятельности российско-шведской рабочей группы как таковой. Однако как шведская, так и российская стороны взяли на себя обязательство и впредь изучать важные следы, а также в разумном объеме помогать тем, кто хочет ближе и дополнительно с ними ознакомиться.

Недавно соответствующие шведские государственные архивы рассекретили очень много документов, касающихся Рауля Валленберга. Не должно быть больше засекреченных документов, проливающих дополнительный свет на его судьбу.

С российской стороны следовало сделать доступными все документы, касающиеся Рауля Валленберга, в архиве Министерства иностранных дел России, включая шифрованные телеграммы, т.е. не только те, которые были преданы гласности в связи с публикацией данного отчета. Следует сделать доступными для исследователей дела, касающиеся сокамерников Рауля Валленберга (всех, кто упомянут в Белой книге 1957 г., а также Гроссхейм-Криско).

Вероятно, можно сделать больше для выявления возможных дополнительных документов из различных архивов (включая архивы Службы внешней разведки). Шведская сторона не удовлетворена отказом СВР в изучении дела Толстого-Кутузова за ограниченный период времени. Следует попросить правительства других стран рассекретить все архивные материалы, относящиеся к Раулю Валленбергу (по крайней мере документы 40-х и 50-х гг.), в той степени, в которой это еще не сделано. Следует отметить заявления некоторых правительств, в частности Израиля и Канады, о готовности оказать нам разнообразную помощь.

Есть также большая надежда, что публикация этого отчета будет способствовать появлению новых идей и приведет к новым находкам, в особенности в российских архивах. К появлению новых данных могут также привести поиски в архивах других стран, которые

необходимо продолжить в России.

Шведская часть рабочей группы выдвигает предложение о том, чтобы шведское правительство создало фонд или выделило особые ассигнования, чтобы можно было предоставить средства тем исследователям, которые стремятся продолжить работы, связанные с Раулем Валленбергом, его делами и судьбой. Безусловно, и в будущем кто-то из сотрудников Министерства иностранных дел Швеции должен заниматься вопросами, связанными с Валленбергом. Министерство иностранных дел Швеции должно принять на себя обязанность выступать в качестве официального посредника при направлении российским властям запросов о дополнительных поисках в российских архивах в тех случаях, когда необходимо официальное заявление.

ВОПРОСЫ, ОСТАЮЩИЕСЯ БЕЗ ОТВЕТА

Как видно из проведенного анализа, есть много вопросов, на которые рабочей группе не удалось получить ответов, поскольку для этого не найдено достаточных оснований. Ведь рассуждения в значительной степени основаны на гипотезах. Для облегчения дальнейших поисков ниже приводятся те вопросы, на которые было бы желательно получить полноценные ответы.

1. Кто принял решение об аресте Рауля Валленберга и его доставке в Москву и когда точно было принято это решение?

2. Какие мотивы вызвали это решение и заключение Рауля Валленберга в тюрьму? Изменялись ли эти мотивы с течением времени?

3. Пыталась ли советская сторона намекать о своей заинтересованности в обмене?

4. Каковы причины незаинтересованной позиции руководства внешнеполитического ведомства Швеции в деле Валленберга, в первую очередь в 1945-1947 гг.?

5. Что произошло 17 июля 1947 г.? Если Рауль Валленберг тогда умер, то как это произошло? Если Рауль Валленберг был казнен, то кто принял решение? Где он в этом случае был похоронен? Если он был изолирован, где находятся документы об этом?

6. Где, когда и кем был найден рапорт Смольцова?

7. Как возник этот рапорт?

8. О чем говорилось в письме Абакумова Молотову от 17 июля 1947 г.? Где находится это письмо?

9. Умер ли Рёдль осенью 1947 г. естественной смертью и каковы были обстоятельства зарегистрированной смерти Лангфельдера в марте 1948 г.?

10. Был ли Рауль Валленберг в Стокгольме осенью 1944 г.? Говорил ли он тогда с Коллонтай?

11. Если личные вещи Рауля Валленберга в течение 50-х, 60-х и начале 70-х гг. хранились в папке у сотрудника архивного отдела КГБ, что видно из наших бесед, не маловероятно ли, что их могли найти в 1989 г. на полке в подвале? Что произошло, кстати, с другими личными вещами Рауля Валленберга?

12. Где находятся документы о беседах советского дипломата и сотрудника КГБ Владимировича с финляндским дипломатом Фреем в 1956 г.?

13. Почему сохранилось так мало внутренних документов КГБ даже от 1956-1957 гг.? Когда и по чьему приказу были уничтожены документы?

14. Что сообщал Ширягин из Харькова в своем письме весной 1956 г., поскольку МИД СССР был обеспокоен возможным распространением этой информации? Как можно в настоящее время получить эту информацию?

15. В какое точно время были закрашены записи о Рауле Валленберге и Лангфельдере в журналах КГБ?

16. Почему в 1957 г. советская сторона не дала полностью правдивого ответа?

17. До тех пор, пока нет совершенно надежных доказательств о судьбе Рауля Валленберга, вопросы в связи с рядом свидетельств должны сохранять свою актуальность и получить удовлетворительное объяснение. Это особенно касается Владимирской тюрьмы и

вопросов, связанных с пустыми камерами.

XV РЕЗЮМЕ

В разделе I. ВВЕДЕНИЕ рассматриваются задачи рабочей группы и характер исследования, а также его результат. Далее речь идет об условиях проведения работы. Выражается благодарность всем, кто помог ее осуществить.

В разделе II. ПЛАНИРОВАНИЕ И ПРОВЕДЕНИЕ РАБОТЫ дается обзор предыстории создания рабочей группы. Даны сведения о членах и экспертах рабочей группы. С самого начала члены рабочей группы договорились вести работу по трем основным направлениям: изучение важнейших российских архивов, беседы с бывшими сотрудниками советских органов госбезопасности и другими лицами, представлявшими интерес, а также дискуссии и анализ на заседаниях рабочей группы результатов и гипотез и определение направлений дальнейшей работы. Указаны важнейшие российские архивы. Далее констатируется, что поиски велись также в шведских архивах и архивах ряда других стран.

Кратко представлены категории опрошенных лиц.

В разделе III. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СССР В 1944-1957 гг. обозначена общеполитическая ситуация, при этом особое внимание уделяется тем ключевым персонам в области политики, которые прямо или косвенно сыграли свою роль в судьбе Рауля Валленберга.

Соответствующим образом в разделе IV. СОВЕТСКИЕ ОРГАНЫ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В 1945-1947 гг. дается описание структуры и методов работы советских органов госбезопасности.

Несмотря на то что в число первоочередных задач рабочей группы не входило подробное рассмотрение деятельности Рауля Валленберга в Будапеште, в разделе V. РАУЛЬ ВАЛЛЕНБЕРГ В БУДАПЕШТЕ дается резюме предпосылок задания Рауля Валленберга и важнейших событий в Будапеште. Здесь комментируется также поручение по защите интересов СССР шведской миссии в Будапеште и вопрос, на который до сих пор нет ответа, о том, посещал ли Рауль Валленберг Стокгольм осенью 1944 г.

Большое число документов Государственного департамента США и предшественника ЦРУ УСС стали доступными в последние годы; их содержание анализируется в разделе VI. АМЕРИКАНСКИЕ ДОКУМЕНТЫ О РАУЛЕ ВАЛЛЕНБЕРГЕ, исходя из вопроса о том, имел ли Рауль Валленберг разведывательное задание от УСС. Вывод таков: имеющиеся документы не подтверждают версию о том, что шведский дипломат имел подобное задание, хотя оно, вероятно, было задумано и существуют некоторые документы, которые могут считаться двусмысленными.

В разделе VII. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЗАДЕРЖАНИЯ И АРЕСТА РАУЛЯ ВАЛЛЕНБЕРГА В БУДАПЕШТЕ при помощи российских архивных документов, свидетельств бывших советских офицеров и некоторых сотрудников Рауля Валленберга почти день за днем рассматриваются как передача советским частям в Будапеште указаний о взятии на свое попечение персонала шведской миссии, так и ход событий, когда Рауль Валленберг вошел в контакт с представителями советских частей, был арестован и отправлен в Москву. Кроме того, уделено внимание аресту швейцарских дипломатов Майера и Феллера, а также словацкого посланника Спишака, равно как и приказа о том, что они должны быть направлены в Москву «таким же образом, как и Валленберг». Некоторые сотрудники шведской миссии после возвращения на родину описали то, что произошло в Будапеште, но представляется, что какой-либо систематический, полноценный отчет так никогда и не был затребован. Далее в данном разделе рассматривается, мягко говоря, двусмысленная роль, которую сыграл агент советской разведки Михаил Толстой-Кутузов.

Причины ареста и заключения в тюрьму Рауля Валленберга не удалось установить с полной уверенностью. Однако в разделе VIII рассматриваются как причины, которые вытекают из российских документов и заявлений, так и те гипотезы, которые возникли в ходе деятельности рабочей группы. Три фактора, которым при сопоставлении, вероятно, придавалось

наибольшее значение, таковы. Судя по всему, Рауля Валленберга подозревали в шпионаже, прежде всего в пользу Германии, но также и США и, вероятно, Великобритании (по крайней мере, об этом сообщается). Важной целью могло быть использование Валленберга для обмена на советских граждан, находившихся в Швеции, – эта гипотеза подкрепляется при изучении судьбы швейцарских дипломатов. Наконец, Сталин мог иметь свои собственные скрытые цели при задержании Рауля Валленберга.

Раздел IX рассматривает обстоятельства пребывания Рауля Валленберга в тюрьме в Москве с февраля 1945 г. по июль 1947 г. – в той степени, в которой это удалось установить на основе российских документов, бесед с бывшими сотрудниками органов госбезопасности и свидетельств сокамерников Рауля Валленберга. Уделяется внимание и шоферу шведского дипломата Вильмошу Лангфельдеру и его судьбе. Особый интерес представляет то, что Рауля Валленберга допрашивали крайне редко. Удалось идентифицировать тех, кто вел допрос, но один из них, кто еще жив и, согласно записям в журналах допросов, должен был дважды допрашивать Валленберга, отрицает, что встречался со шведом. Один из переводчиков рассказал, что его позвали на последний известный допрос в марте 1947 г.

В самом большом разделе, X, в хронологическом порядке, на основе письменных и устных источников описаны и проанализированы действия советских властей в деле Валленберга. Несколько более избирательно изучены действия Министерства иностранных дел Швеции и миссии в Москве. Через всю советскую документацию красной нитью проходит стремление скрыть истину.

16 января 1945 г. заместитель министра иностранных дел Деканозов сообщил, что Рауля Валленберга встретили и взяли на свое попечение советские войска в Будапеште. В феврале того же года советский посланник в Стокгольме г-жа Коллонтай неофициально информирует мать Рауля Валленберга и жену министра иностранных дел Гюнтера о том, что Рауль находится в безопасности в Советском Союзе. Весьма примечательно то, что в ряде сделанных шведской стороной заявлений встречаются лишь редкие ссылки на ноту Деканозова, но никогда – на ответ Коллонтай. Безусловно, в этих обращениях выдвигается требование предоставить ответ о том, что произошло с Раулем Валленбергом, но шведский посланник в Москве Седерблум вплоть до июля 1946 г. ослабляет в целом силу шведских требований тем, что раз за разом выражает свое личное убеждение в том, что Валленберг погиб в Венгрии, и однажды даже прямо призывает Министерство иностранных дел СССР дать подобный ответ. В свою очередь, советская сторона в связи со шведскими заявлениями часто напоминает о требовании выдать советских граждан, находившихся в Швеции, таким способом, который указывает на то, что вопрос о судьбе Рауля Валленберга мог быть решен путем обмена. Однако представляется, что очень немногие со шведской стороны понимали советские намеки. Особенно примечательна встреча Седерблума со Сталиным в июне 1946 г. (видимо, Седерблум – единственный шведский дипломат, встречавшийся со Сталиным), встреча, на которой не было сделано достаточных усилий и которая не была достаточно откровенной, чтобы добиться решения дела.

В августе был дан первый официальный советский ответ, в котором утверждалось, что Рауля Валленберга нет в Советском Союзе и он, вероятно, стал жертвой боев в районе Будапешта. Предысторию этого ответа можно проследить прежде всего в документах архива Министерства иностранных дел СССР, но, видимо, решающий документ – письмо министра госбезопасности Абакумова Молотову от 17 июля 1947 г. – не был найден.

Следующим серьезным этапом стал 1956 г., когда премьер-министр Эрландер во время визита в СССР в марте – апреле передал свидетельства немецких и других военнопленных, которые со всей очевидностью показали, что Рауль Валленберг находился в заключении в Москве по крайней мере в 1945-1947 гг. Теперь советские власти были вынуждены пересмотреть свой прежний ответ, но новый ответ был дан лишь в феврале 1957 г. в виде так называемого «меморандума Громыко», в котором с помощью так называемого «рапорта Смольцова» утверждается, хотя и не слишком категорически, что Рауль Валленберг скончался в Лубянской тюрьме от «инфаркта миокарда». На основе доступных документов и проведенных бесед мы можем проследить, как власти пытались создать версию, которая «могла бы сойти за полуправду».

Далее рассматриваются так называемый эпизод «Сварц – Мясников», сообщенные

Карлом Густавом Свингелем предложения об обмене Веннерстрема на Валленберга (полной ясности ни в одном из этих двух случаев достичь не удалось), а также события последнего времени.

В разделе XI обсуждены различные гипотезы о том, что же могло случиться с Раулем Валленбергом в июле 1947 г., исходя из того, что тогда произошло некое решающее для его дальнейшей судьбы событие. Особое внимание уделено рапорту Смольцова. Хотя все версии, поступившие с российской стороны, исходят в основном из того, что Рауль Валленберг якобы умер в это время, рабочая группа не получила каких-либо доказательств, которые позволяли бы прийти к определенным выводам по этому вопросу и в еще меньшей степени о том, каким образом он в таком случае умер или был лишен жизни.

Поэтому последние годы работы были посвящены прежде всего попыткам проверить свидетельства о том, что Рауль Валленберг якобы находился в лагерях или тюрьмах и после 1947 г., которые и рассматриваются в разделе XII. Основная гипотеза состоит в том, что он был изолирован во Владимирской тюрьме, по крайней мере в течение каких-либо периодов времени. В этом также не удалось добиться какой-либо определенности, а это означает, что по-прежнему остаются вопросы, на которые нет ответов. Поэтому рабочая группа выдвигает предложения о механизме продолжения работы (раздел XIV).

Тем не менее, в разделе XIII выдвинуты более взаимосвязанные рассуждения о процессах принятия решений советскими властями перед составлением ответов 1947-го и 1957 гг., рассуждения, которые действительны для обоих случаев – что Рауль Валленберг умер/казнен или был изолирован. В этой связи еще раз освещены недостатки в действиях шведской стороны в 1945-1947 гг.

ДОКУМЕНТЫ

Нота шведского посланника С.Седерблума

Нота шведского посланника С.Седерблума заместителю наркома иностранных дел СССР В.Деканозову с просьбой о помощи сотрудникам шведской миссии в Будапеште, 31 декабря 1944 г.

Москва, 31 декабря 1944 года.

г-ну В. Деканозову,
директору Народного Комиссариата
Иностранных Дел, Москва.

Конфиденциально.

Уважаемый господин Деканозов,

Согласно полученной инструкции имею честь - обращаться к Вам этим образом, чтобы выиграть время - уведомить о том, что Шведская Миссия в Будапеште осталась в окруженном городе. Состав Миссии следующий:

К. И. Даниэльсон, посланник
Пер Аягер, секретарь
Ингве Эмарк, консул
Вальдемар Ланглет, лектор, с женой
Рауль Валленберг, секретарь
Ларс Берг, атташе
Д. фон Мецей, канцелярский сотрудник
Гете Карлссон, канцелярский сотрудник
Маргарита Бауер, стенографистка
А. М. К. Нильсон, "

Ввиду того, что местные власти угрожали Миссии насильственной эвакуацией, она укрылась в "подполье".

Был бы благодарен, если оказалось бы возможным сообщить о вышеуказанном советским военным властям с просьбой, по освобождению города, оказать членам Миссии помощь.

Нко.
Зем. Народного Комиссара Зверени
генералу армии - БУЛГАНИНУ. Отбо Ваче

На н 5533/ш.

Докладываю!
Арестованный Рауль Валленберг.
Отправлен 25.1.45 года, старший
конвой капитан Зенков Николай
Майвеевич.

25.1.45 Зенков ~~Николай Майвеевич~~
ЗМЗ

С. № 1619
Получен 26.01.1945 г.
Отправлен 26.01.1945 г.
Получено комиссариатом <u>Рай</u>

Тюремная регистрационная карточка, заведенная на Рауля Валленберга в Лубянской тюрьме

1. Фам. Валленберге
 2. Имя Рауль
 3. Отч. Густав
 4. Год рожд. 1912 5. Место рожд. Стокгольм
 6. Адрес Будапешт ул. Денеш 5
 7. Проф. (спец.) Генеральный консул
 8. Место работ. (долж.) Шведское посольство в Будапеште
 9. Парт. чл. 10. Нац. Швед 11. Гражд. Швед
 12. Арестован 1947 г. 13. Характер преступления _____
 14. Ст. ст. УК _____ 15. Карточка заполнена _____

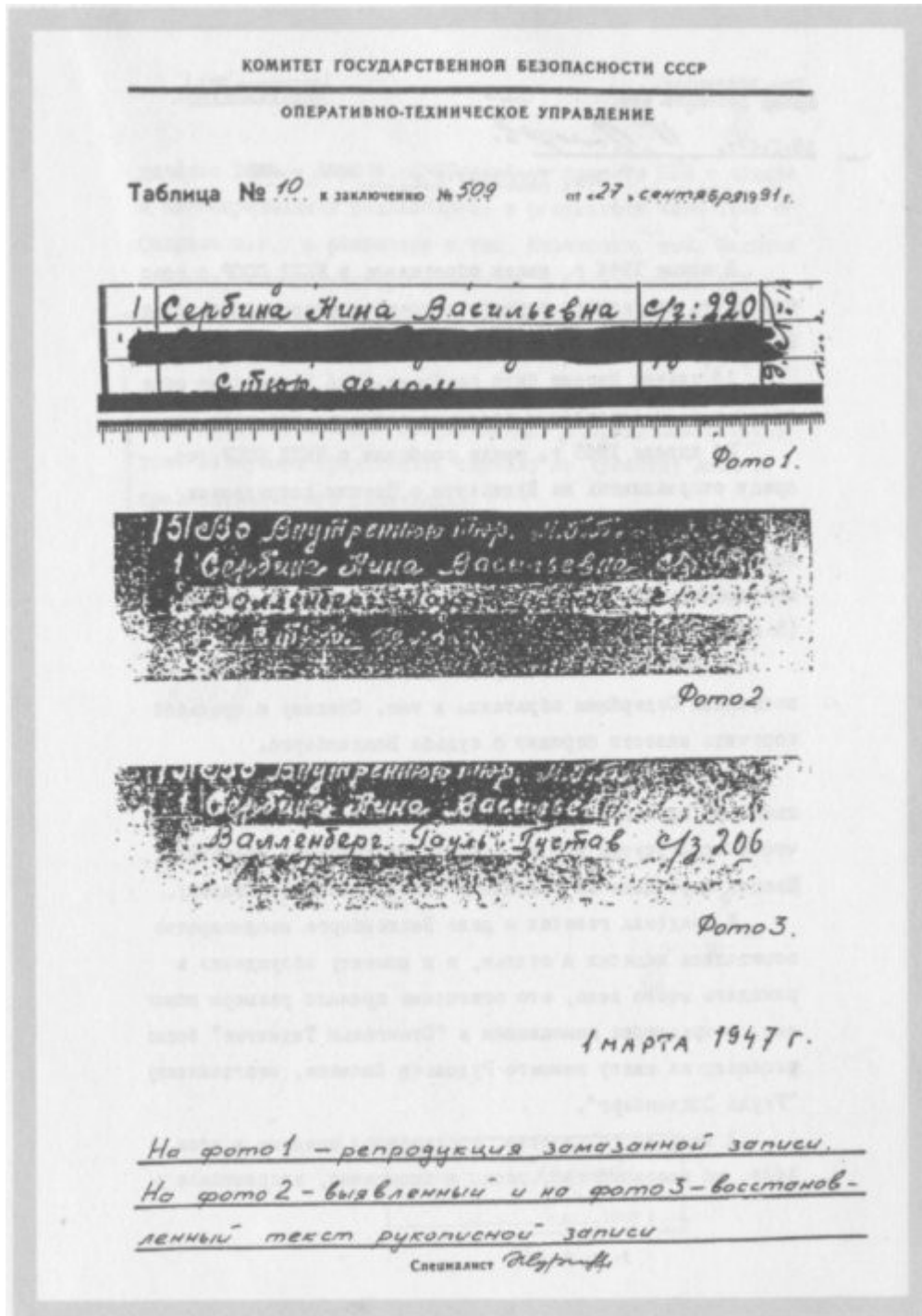
ВНУТРЕННЯЯ ТЮРЬМА НКВД СССР Гор. Москва
 6-11 1947 г. Валленберг 4
УКАЗАТЬ НАЗВАНИЕ (НОМЕРА) КПП, ГОРОДА, ВОЛНОСТЬ
ФАМИЛИЯ ПОСЛАТКА, КАРТОЧКА УКАЗАТЬ ИМЯ
КАЗНА КРАСОЙ 3724

Кем осужден _____
 Когда _____ ст. ст. УК _____ срок _____ лет _____
 Начало срока _____ конец срока _____

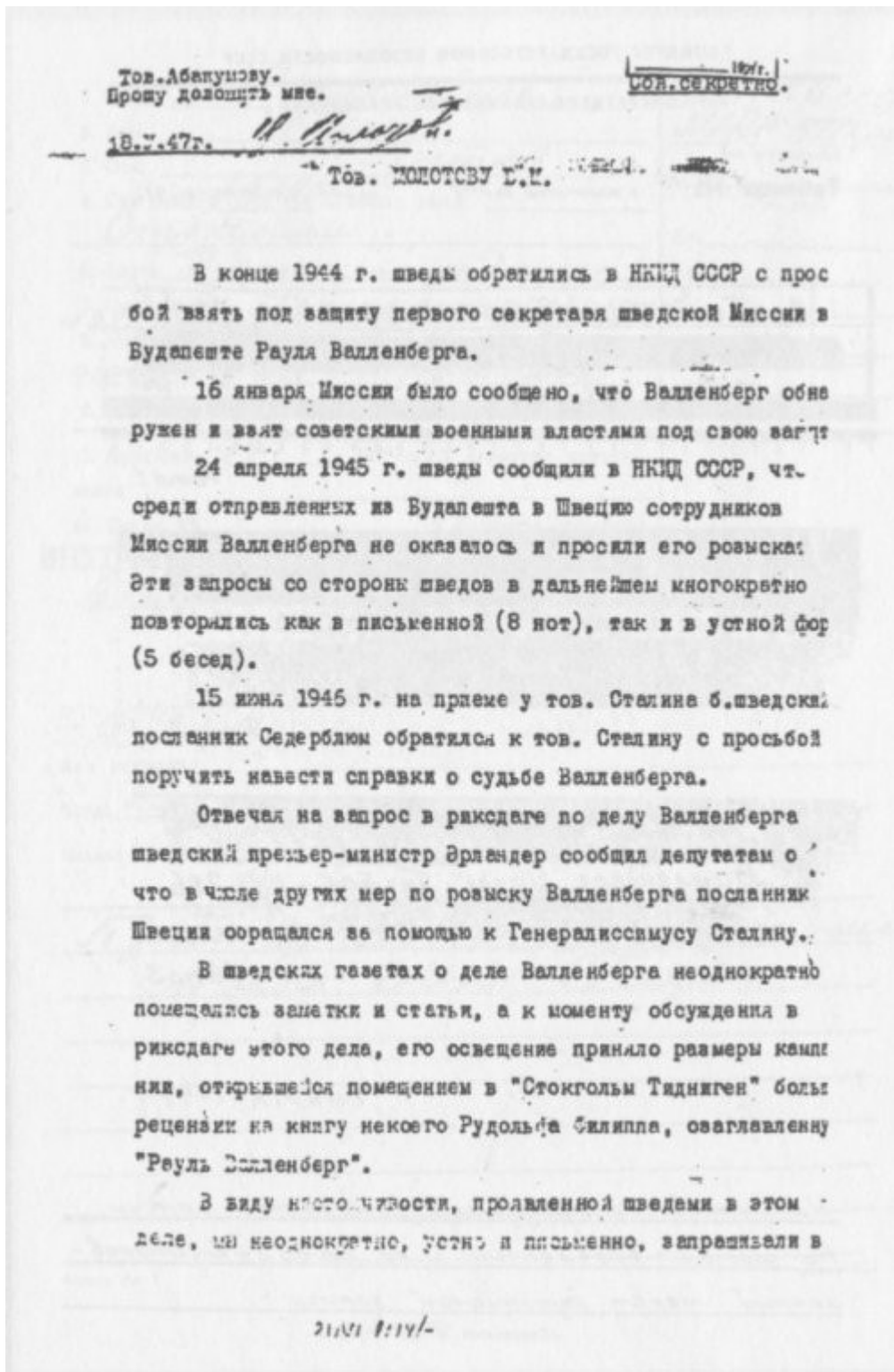
Военноотличной
Прид. 6/11/47 из г. Будапешта
в д.д. НКВД Смерти

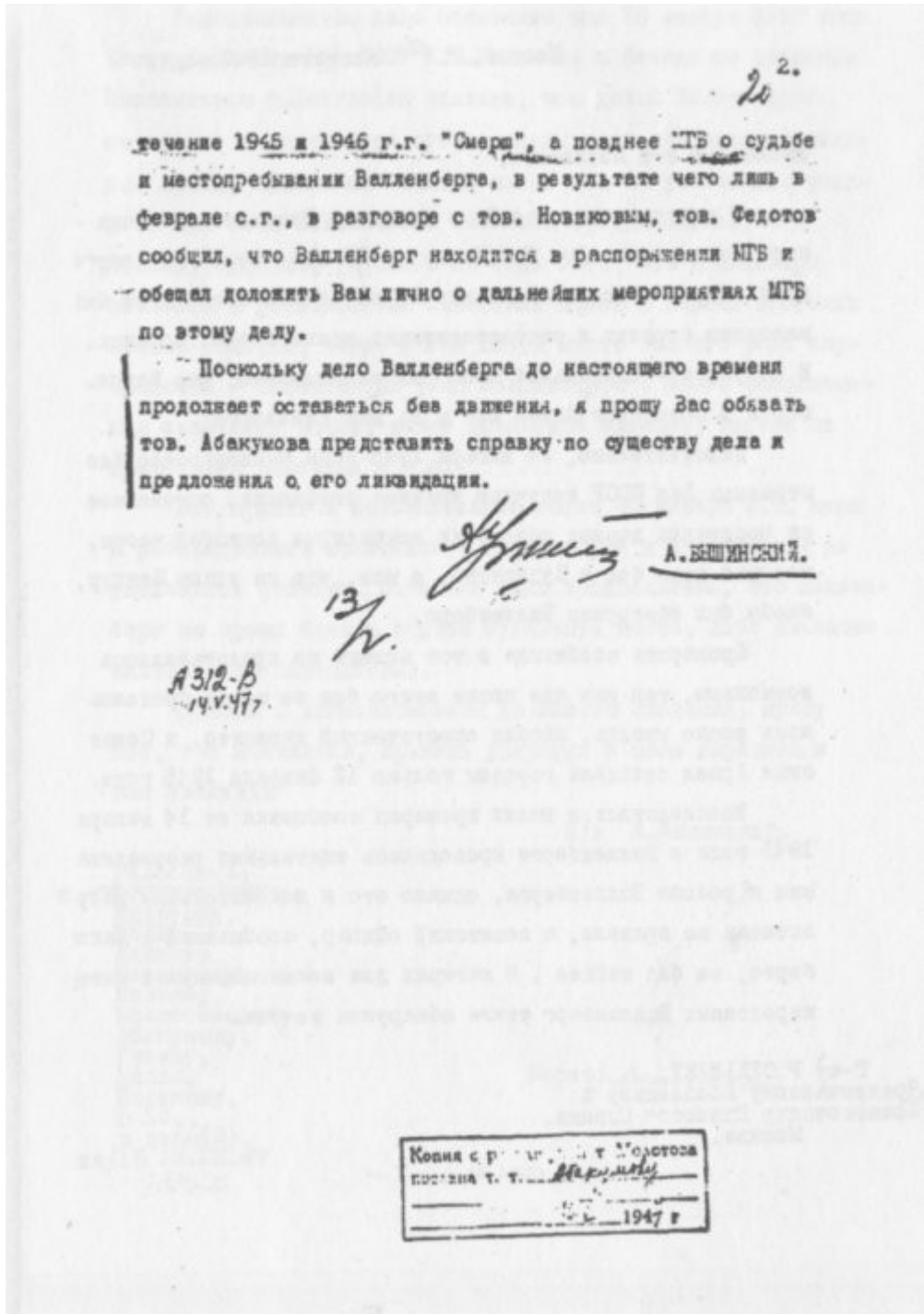
Формы № 1 № 1554

Выписка из регистрационного журнала от 1 марта 1947 г.

Записка А.Вышинского В.Молотову по делу Валленберга от 13 мая 1947 г., с поручением В.Абакумову

Личная нота А.Вышинского Р.Сулману, содержащая первый советский официальный ответ о судьбе Рауля Валленберга

Москва, * 18 * августа 1947 года.

Уважаемый г-н Посланник,

В связи с тем, что Вы в беседе с Заместителем Министра Иностранных Дел Я.А.Малик от 12 июня сего года затронули вопрос о местонахождении Раули Валленберга, мною были наведены справки в соответствующих компетентных органах. В результате тщательной проверки установлено, что Валленберга в Советском Союзе нет и он нам неизвестен.

Действительно, 14 января 1945 года Министерство Иностранных Дел СССР получило краткое сообщение, основанное на косвенных данных одного из командиров военной части, которая вела бои в Будапеште, о том, что на улице Беншур, якобы был обнаружен Валленберг.

Проверить сообщение в тот момент не представлялось возможным, так как еще после этого бои за город продолжались около месяца, носили ожесточенный характер, и Советская Армия овладела городом только 12 февраля 1945 года.

Впоследствии в целях проверки сообщения от 14 января 1945 года о Валленберге проводились тщательные расследования и розыск Валленберга, однако это к положительным результатам не привело, а советский офицер, сообщавший о Валленберге, не был найден. В лагерях для военнопленных и интернированных Валленберг также обнаружен не был.

Г-ну Р.СУЛЬМАНУ,
Чрезвычайному Посланнику и
Полномочному Министру Швеции.
Москва.

СССР-Ш

Вышеизложенное дало основание еще 30 января 1947 года Члену Коллегии МИД СССР К.В.Новикову в беседе со шведским Посланником г.Хегглефом заявить, что делом Валленберга советские компетентные органы занимались довольно длительное время, однако их попытки найти его не увенчались успехом. При этом К.В.Новиков высказал предположение, что нельзя, конечно, упускать из вида того, что Валленберг оказался в расположении советских войск в период жестоких боев в Венгрии, когда могли иметь место всякого рода случайности - самовольный уход Валленберга с места расположения советских войск, налет вражеской авиации, гибель от вражеского обстрела и т.п.

Все принятые дополнительно после 30 января с.г. меры к расследованию сообщения о Валленберге и его розыску не увенчались успехом. Остается лишь предполагать, что Валленберг во время боев в городе Будапеште погиб, либо оказался захваченным сапаястами.

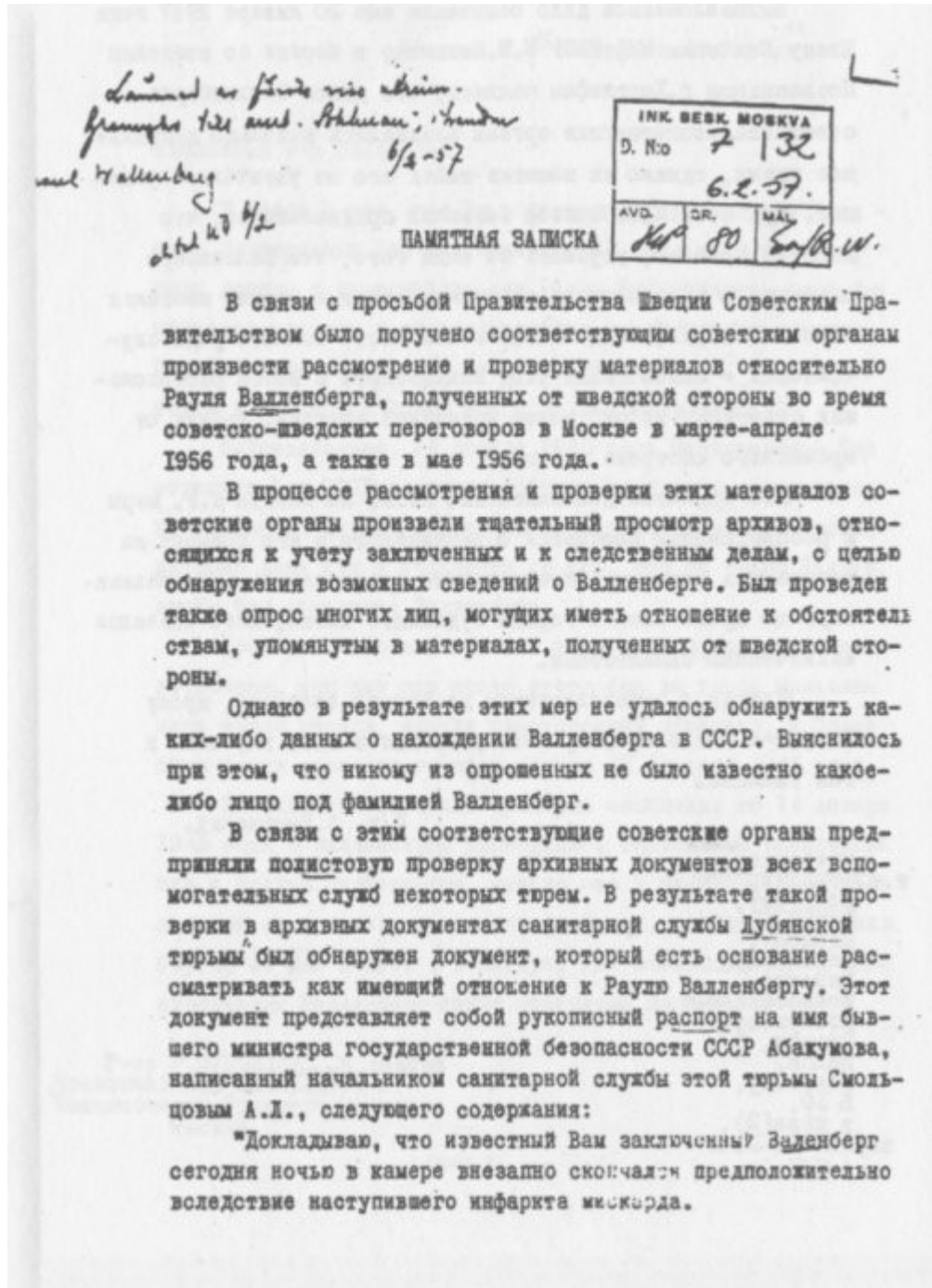
Доводя о вышеизложенном до Вашего сведения, прошу Вас, г-н Посланник, принять уверения в моем глубоком к Вам уважении

П/п А.Визинский.

Равослано:
 т.г. Сталину,
 Молотову,
 Берия,
 Едланову,
 Маленкову,
 Микояну,
 Вознесенскому,
 Абакумову,
 Гусеву,
 Малюк,
 Новикову.
 5 20.
 в дело (2).
 вв/15 18. ш. 47

Верно: *Иванова*.

Так называемый "меморандум Громыко" – памятная записка советского правительства по делу Валленберга, переданная послу Швеции Р.Сульману 6 февраля 1957 г.

- 2 -

В связи с имеющимся от Вас распоряжением о личном наблюдении за Валленбергом прошу указания, кому поручить вскрытие трупа на предмет установления причины смерти.

17.УП.47 г. Начальник санчасти тюрьмы
полковник медицинской службы -Смольцов.

На этом рапорте имеется сделанная рукой Смольцова следующая надпись:

"Доложил лично Министру. Приказано труп кремировать без вскрытия.

17.УП. Смольцов".

Каких-либо других сведений документального или свидетельского характера обнаружить не удалось, тем более, что упомянутый выше Смольцов А.Д. умер 7 мая 1953 года.

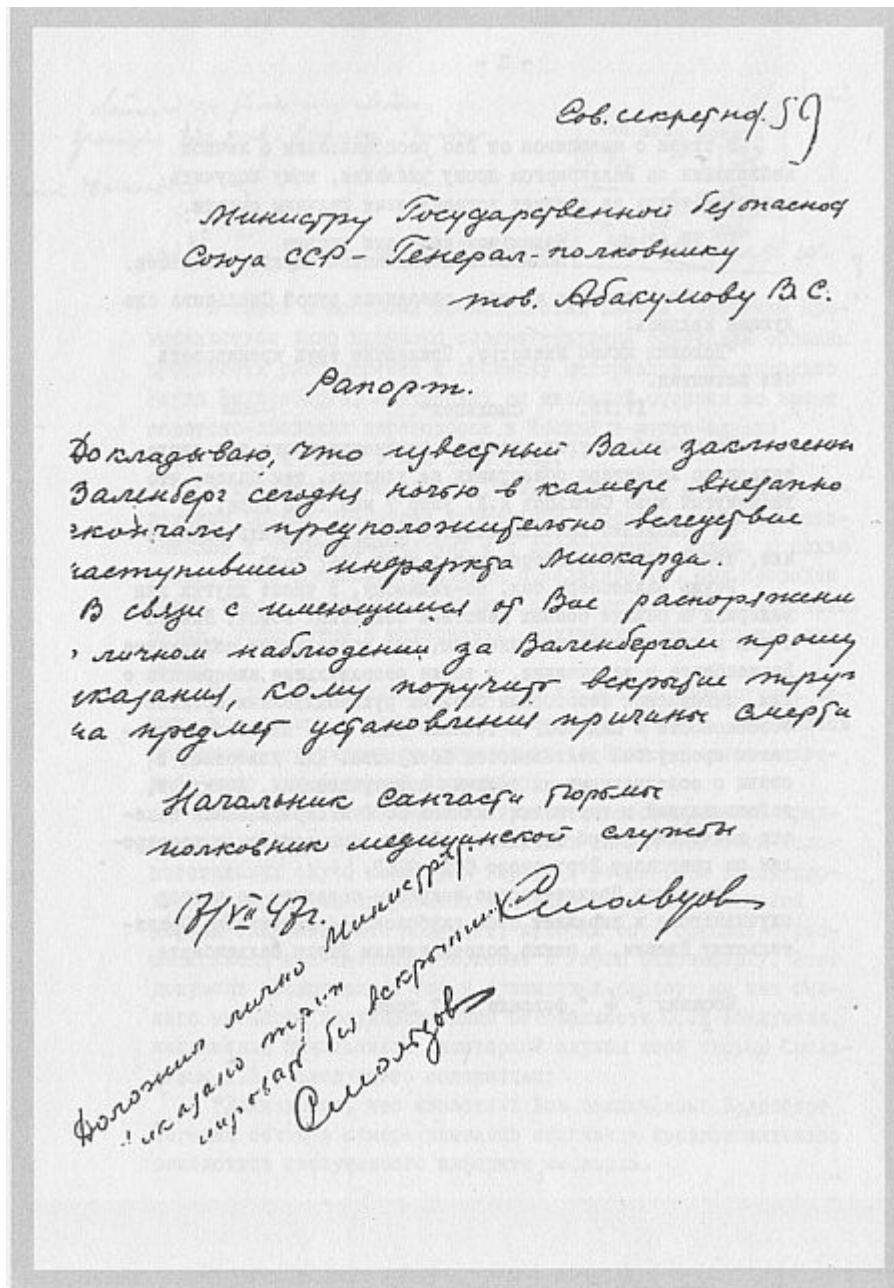
На основании вышесказанного следует сделать заключение, что Рауль Валленберг умер в июле 1947 года.

Рауль Валленберг был, по-видимому, в числе других лиц задержан в районе боевых действий советских войск. Вместе с тем можно считать несомненным, что последующее содержание Валленберга в заключении, а также неправильная информация о нем, дававшаяся некоторыми бывшими руководителями органов безопасности в МВД СССР в течение ряда лет, явились результатом преступной деятельности Абакумова. Как известно, в связи с совершенными им тяжкими преступлениями, Абакумов, действовавший в нарушение законов СССР и стремившийся нанести всяческий ущерб Советскому Союзу, был осужден и расстрелян по приговору Верховного Суда СССР.

Советское Правительство искренне сожалеет по поводу случившегося и выражает свое глубокое соболезнование Правительству Швеции, а также родственникам Рауля Валленберга.

Москва, " 6 " февраля 1957 года.

Рапорт Смольцова, начальника санчасти Лубянской тюрьмы, о смерти Валленберга с припиской о кремации без вскрытия

ФОТОГРАФИИ

Рауль Валленберг в возрасте четырнадцати лет

Раулю Валленбергу 24 года

Валленберг в форме резервиста шведской армии

Последняя фотография: Рауль Валленберг в Будапеште за рабочим столом, 26 ноября 1944 года.

Этот снимок Рауль послал матери.

Фотография с дипломатического паспорта Валленберга, июнь 1944 г.

Валленберг с сотрудниками. Будапешт, 1944 г.

Шведский охранный паспорт, выданный в июле 1944 г.

Ноябрь 1944 г., вокзал Йожефварош. Рауль Валленберг (помечен крестом) раздает шведские документы еврейским рабочим, спасая их от депортации и почти верной смерти. Слева от Валленберга немецкий солдат; справа еврей, держащий в руке шведский паспорт

У входа в шведскую миссию в Будапеште. Евреи в очереди за шведскими паспортами

Памятник Раулю Валленбергу в Будапеште: герой борется со змеей, несущей на голове свастику. Памятник был демонтирован в ночь перед открытием

Памятная табличка на улице в Будапеште, названной в честь Рауля Валленберга

